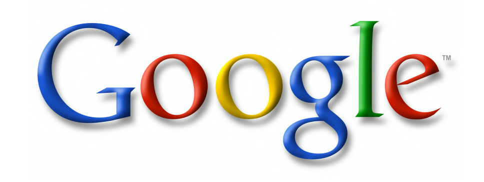
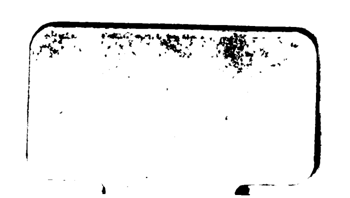
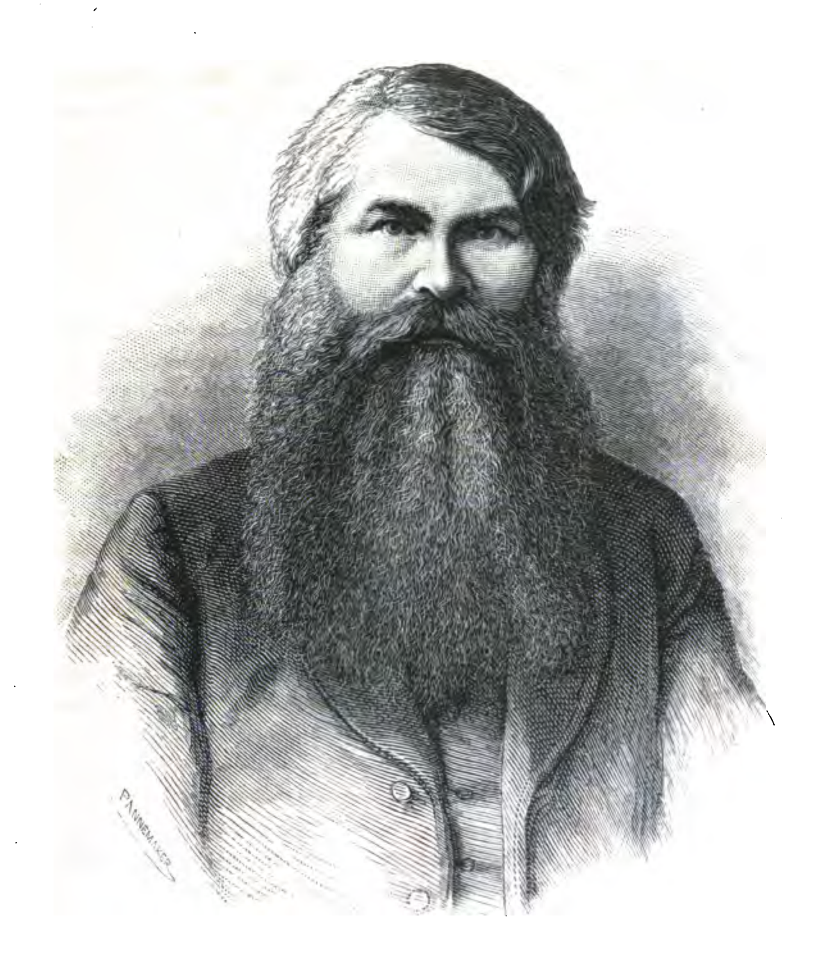






ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ ЗАБѢЛИНЪ.

Съ современной фотографіи рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 сентября 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.




ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ФЕВРАЛЬ, 1881.

# СОДЕРЖАНІЕ.

## ФЕВРАЛЬ, 1881 г.

Стр.

I. ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ. **И. Е. Забѣлина** . . . . . . . . 233

II. ЧЕРНИГОВКА. Быль второй половины XVII вѣка. Главы VI—XII. **Н. И. Костомарова**. . . . . . . . 269

III. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ СОРОКОВЫХЪ И ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. **М. И. Сухомлинова** . . . . . . . . 330

IV. ДВОРЯНСКІЙ БУНТЪ ВЪ ДОБРЫНСКОМЪ ПРИХОДѢ. **Н. С. Лѣскова** . . . . . . . . 357

V. ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ БУТКОВЪ. Отрывокъ изъ воспоминаній. **А. П. Милюкова**. . . . . . . . 391

VI. МОЙ АРЕСТЪ И ОСВОБОЖДЕНІЕ ВЪ 1839 г. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта **В. Д. Кренке**. . . . . . . . 401

VII. НАБАТНЫЙ КОЛОКОЛЪ. **Г. В. Есипова**. . . . . . . . 418

VIII. НѢМЕЦКАЯ ПАРТІЯ ВЪ РУССКОЙ АКАДЕМІИ. **Ѳ. И. Булгакова** . . . . . . . . 421

IX. КЛЕРИКАЛЬНАЯ НѢМЕЦКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ. (Janssen. Geschichte des deutschen Volks seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. I—II. 1880). **Н. П. Смирнова** . . . . . . . . 432

X. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Сборникъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ I. М. 1880. **Н. И. Костомарова**. — 2) Жизнь Державина, соч. Я. Грота. (Т. VIII. Академическаго изданія сочиненій Державина) Спб. 1880. **Ор. Миллера**.—3) Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Петра Морозова. Спб. 1880. **А. С—каго**.—4) Сборникъ матерьяловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Томъ III. Рига. 1880. **Р. И—ва**.—5) Ежегодникъ Владимірскаго статистическаго комитета. Т. III. Владиміръ. 1881. **Ѳ. Б.**— 6) Kniazowie i szlachta między Janem, Wieprzem, Bugiem, Prypetią, Dnieprem, Siniuchą, Dniestrem i pólnocnemi stokami Karpat osiedleni. Opowiadania historyczne, heraldiczno-genealogiczne i obyczajowe. W. Rulikowskiego i Z. L. Radziminskiego. Krakow. 1880. **И. Л.** . . . . . . . . 451

XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Привидѣніе въ Преображенскомъ дворцѣ. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова**. — Собственноручныя записочки императрицы Екатерины II къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру Н. И. Рылѣеву. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ**.—Анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ**.— Рескриптъ императора Александра I рязанскому губернатору Шишкову. Сообщ. **Н. И. Костылевымъ**. . . . . . . . 463

XII. СМѢСЬ: Экспедиція Н. М. Пржевальскаго.—Л. А. Сѣряковъ . . 468

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Графиня Шатобріанъ, историческій романъ **Г. Лаубе**. Часть I, глава V; часть II, главы I—II;—2) Портретъ **И. Е. Забѣлина**.

При этой книжкѣ прилагается объявленіе отъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.



# ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ.

Москва изстари почитается знаменіемъ и средоточіемъ русской народности. „Москва всѣмъ городамъ мать", говоритъ народная пословица, кратко и точно выражающая весь смыслъ московскаго періода русской исторіи, какъ за тысячу лѣтъ такое же присловье выражало весь смыслъ южной или кіевской исторіи, именуя Кіевъ матерью русскихъ, т. е. южныхъ городовъ. Народное сознаніе иначе и не можетъ представлять себѣ существенныя, коренныя черты своей исторіи, ибо корень, изъ котораго развилась южная исторія, дѣйствительно находился въ Кіевѣ, такъ какъ корень развитія сѣверной исторіи народился въ Москвѣ. Здѣсь любопытна эта неизмѣнная тысячелѣтняя народная мысль о городѣ-матери, какъ о начальномъ источникѣ историческаго развитія.

Новую Петербургскую столицу народъ повидимому еще не совсѣмъ замѣтилъ, быть можетъ потому, что она помѣстилась на самомъ краю русской земли, а главное потому, что Петербургъ все-таки прямой сынъ Москвы. На новомъ мѣстѣ и по новой, болѣе просвѣщенной и уже европейской системѣ онъ развивалъ все тѣже старозавѣтные московскіе идеалы,—самодержавіе и государственность, такъ что простой народъ, примѣчая въ историческомъ ходѣ дѣлъ только основныя, самыя существенныя черты, не въ силахъ былъ различить, продолжается ли въ его жизни старое московское время, или идетъ уже время новое петербургское. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что народъ въ своей громадѣ и доселѣ во многомъ живетъ еще идеями и идеалами XVII ст. И вотъ видимыя причины, по чему онъ любитъ старую Москву какъ родную мать. Онъ не помнитъ, какія грозы и несправедливости перенесъ отъ нея во время своего младенчества, не помнитъ ея безпощаднаго, а иногда и безтолковаго материнскаго ученья. Онъ запомнилъ крѣпко только одно, что она ему родная мать.

Въ иныхъ случаяхъ онъ возставалъ противъ нея и, какъ оскорбленный, непокорный сынъ, требовалъ справедливости; но укрощенный и наказанный, снова бросался въ ея объятія и со всѣхъ сторонъ шелъ защищать и спасать ее, когда приходила опасность. Родственное сыновнее чувство къ Москвѣ остается у народа неизмѣннымъ и въ наше время. Какъ же возродилось и воспиталось это чувство, чѣмъ возбуждалось и поддерживалось оно въ теченіи многихъ столѣтій? Къ сожалѣнію, исторія Москвы въ существующей обработкѣ не отвѣчаетъ на эти любопытные вопросы; и не только не отвѣчаетъ, но въ своемъ характерѣ прямо противорѣчитъ тому доброму идеалу, какой сложилъ себѣ объ этой исторіи самъ народъ.

Въ исторической и не исторической литературѣ, гдѣ только авторы касаются московской исторіи, читатель сплошь и рядомъ встрѣчаетъ отзывы какъ бы нѣкотораго озлобленія или презрѣнія ко всему московскому періоду нашей исторіи, который вообще представляется въ видѣ непріятной и чуть не позорной необходимости и даже какой то напасти. Мы говоримъ о ходячихъ литературныхъ мнѣніяхъ, направляющихъ въ извѣстномъ смыслѣ общественное сознаніе. Обыкновенно историческій подвигъ Москвы обозначается такими рѣченіями: „коварная Москва, алчная Москва, пронырливая Москва, татарщина Москва, ибо всѣ элементы ея жизни полно и всецѣло были охвачены татарщиною; всѣ старые города презирали ее за татарскую политику и за татарскіе нравы, за стремленіе проводить антинаціональныя начала... Это былъ дикій воинскій станъ, проименованный Москвою“... Иной съ радостію открывалъ, что Москва была безграмотна; другой доказывалъ, что она съ намѣреніемъ искажала Новгородскія лѣтописи, т. д. Даже представители науки цѣлыя диссертаціи пишутъ, разсказывая и доказывая, что „между старымъ русскимъ міромъ, землею и позднѣйшимъ московскимъ государствомъ лежитъ какая то ненаполнимая пропасть“, что эта пропасть есть монгольское вліяніе, распространенное и укрѣпленное въ русской жизни Москвою, подобно тому какъ напр. Петръ и Петербургъ распространили и укрѣпили европейское вліяніе.

Оказывается, не шутя, что Московское государство въ своемъ существѣ и въ своемъ характерѣ есть государство татарское, ибо Москва заимствовала у татаръ не только систему управленія, напр., приказы, кормленья и проч., но и различные бытовые порядки, напр. мѣстничество и т. д.

Подобные ученые выводы, поступая въ оборотъ общественной мысли, мало по малу создали весьма своеобразный идеалъ исторической Москвы, исполненный грубаго варварства, хитрости, коварства, обмана, хищничества, всякой жестокости и всякаго насилія; тотъ самый идеалъ, который при случаѣ и теперь разрисовывается нашими недругами про всю Русскую землю.

Все это и многое другое въ дѣйствительности можно говорить,

ставши на точку зрѣнія потерявшихъ и потерпѣвшихъ въ борьбѣ съ московскими началами развитія. Это мнѣнія и слова погибавшей независимости или погибавшаго своеволія, слова княжеской и боярской гордыни, невыносившей ни чьихъ повелѣній, а тѣмъ паче насилій. Это мнѣнія и слова по преимуществу верхняго владѣющаго и властвующаго слоя русскихъ людей, для котораго московскія начала развитія во многихъ обстоятельствахъ уже сами по себѣ были оскорбленіемъ и насиліемъ.

Но все-таки эта точка зрѣнія, хотя бы она была основательна и справедлива, для исторіи недостаточна. Она можетъ доставить богатѣйшій матеріалъ только для романа или для статей, воспитывающихъ либеральную чувствительность или проводящихъ какую либо одностороннюю мысль. Настоящей исторической правды здѣсь не будетъ. Для возстановленія этой правды необходима историческая точка зрѣнія, которая вообще ставитъ зрителя нѣсколько выше всѣхъ одностороннихъ или, какъ говорятъ, субъективныхъ сужденій и заключеній. Историческая точка зрѣнія должна освѣщать предметъ по возможности со всѣхъ сторонъ и по крайней мѣрѣ съ обыкновенныхъ двухъ, съ правой и съ лѣвой, съ доброй и худой. Говоря о добрѣ, она не скрываетъ и худого, какъ равно, выставляя на видъ худое, не можетъ скрывать и доброй стороны.

Но кромѣ того, и доброе и злое съ ея высоты представляется не совсѣмъ такъ, какъ понимаютъ ихъ люди, преданные только своимъ личнымъ интересамъ, своимъ личнымъ цѣлямъ и стремленіямъ.

Для исторіи существуетъ лишь одна добродѣтель—общее благо, и одно злодѣяніе—нарушеніе или и разрушеніе общаго блага. Вотъ руководящая идея исторической точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что, смотря отсюда, очень многаго изъ людскихъ дѣлъ и событій мы и совсѣмъ не увидимъ. Очень многое, личное и частное, въ этомъ случаѣ отойдетъ на задній планъ, утратитъ смыслъ и значеніе для исторіи и останется только краскою для изображенія типическихъ характеровъ времени или типическихъ стремленій вѣка. Относительно нравственной оцѣнки людскихъ, не простыхъ, но историческихъ дѣяній, должно замѣтить, что съ нею необходимо поступать очень осторожно. Историческія дѣянія на половину дѣянія кровавыхъ битвъ, и чтобы открыть въ нихъ праваго и виноватаго, въ какой степени кто правъ и въ какой степени кто виноватъ, надо произвести самое подробное изслѣдованіе, чего по большей части мы не дѣлаемъ, а за отсутствіемъ прямыхъ свидѣтелей и выполнить совсѣмъ не можемъ. Историку остается слѣдовать мудрому и въ высокой степени гуманному совѣту Екатерины, что лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ засудить одного неповиннаго.

Ничего нѣтъ легче наводить на историческихъ дѣятелей историческія клеветы: бумага все терпитъ.

Такъ какъ Москва въ трехъ-вѣковой битвѣ съ своими соперниками

осталась побѣдительницею и притомъ развила государственность и самодержавіе, которые, чѣмъ отчаяннѣе шла битва, тѣмъ становились круче и самовластнѣе,—то на нее, на Москву, и повалена вся вина этого крутого самовластія, такъ что побѣжденные остались какъ бы совсѣмъ невинными жертвами московской жестокости и ненасытности.

Въ такомъ видѣ исторія Москвы впервые была представлена еще Карамзинымъ. Его мысль осталась неизмѣнною и до настоящаго времени. Она только развивалась дальше, и подробнѣе, и послѣдовательнѣе. Его „Исторію Государства Россійскаго" много критиковали, доказывали, что во многомъ она устарѣла и неправильно изображаетъ наше прошедшее; но что касалось ея мыслей о способахъ водворенія московскаго единодержавія, то эти мысли почитались вполнѣ достовѣрными; что касалось указанной характеристики Москвы, то всѣ пользовались Карамзинымъ, какъ главнымъ источникомъ.

Какъ извѣстно, однимъ изъ руководящихъ философическихъ началъ въ „Исторіи Государства Россійскаго" была сентиментальная гуманность, идея сентиментальной нравственности и сентиментальной добродѣтели, которая, какъ литературная проповѣдь, подъ перомъ Карамзина, имѣла великое благотворное вліяніе на воспитаніе русскаго общества. Въ повѣствованіи о прошлыхъ судьбахъ Россіи онъ пользовался всякимъ случаемъ, гдѣ лица или событія могли выразить его идеалы гуманныхъ, благородныхъ чувствованій и поступковъ. Какъ художникъ, онъ рисовалъ ихъ сильными чертами, всегда употребляя при этомъ извѣстный художническій пріемъ—налагать не менѣе сильныя тѣни на событія и лица, не вызывавшія никакой добродѣтельной чувствительности.

И такъ какъ въ московской исторіи борьба съ Тверью даетъ большое основаніе и очень богатый матеріалъ для возсозданія подобныхъ художническихъ картинъ, то это обстоятельство и послужило первою причиною, почему первоначальная исторія Москвы была расписана самыми мрачными красками. Вся она служитъ какъ-бы только необходимымъ темнымъ фономъ для яркаго изображенія благородства и гуманности тверскихъ князей, почему художникъ излагаетъ ихъ исторію и характеристику съ естественнымъ и немалымъ пристрастіемъ.

Юрій Даниловичъ московскій, который нѣсколько разъ не зналъ, какъ спастись отъ тверскихъ преслѣдованій, является черною душою, злодѣемъ. Михаилъ тверской, который собственно и началъ борьбу, отнявъ у Москвы Переяславскую волость Вьюлку и намѣреваясь отнять и все Переяславское княжество—чистая совѣсть, великодушный, готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи и проч. Тверскіе князья и въ самыхъ опасныхъ случаяхъ ведутъ себя въ Ордѣ передъ свирѣпымъ, грознымъ ханомъ съ покорностію, но безъ робости и малодушія; московскіе князья кланяются, унижаются, искуснымъ образомъ льстятъ. Такимъ образомъ, даже и на-

чальное развитіе Московскаго княжества проходитъ путемъ самыхъ недостойныхъ дѣйствій и поступковъ.

Сначала московскіе князья являются завоевателями: Даніилъ Александровичъ побѣждаетъ рязанскаго князя и отнимаетъ у него многія земли (чего не говоритъ ни одинъ лѣтописецъ). Его сынъ Юрій тоже захватываетъ Коломну и завоевываетъ Можайскъ. Другой сынъ, Иванъ Даниловичъ, погубивъ тверского Александра, достигаетъ великаго княженія „не силою оружія, но единственно милостью хана Узбека, которую снискиваетъ умною лестью и богатымъ дарами".

Но откуда же богатство у Москвы, которая, по словамъ историка, была однимъ изъ бѣднѣйшихъ удѣловъ владимірскихъ? „Предположимъ замѣчаніе любопытное, говоритъ историкъ далѣе:—иго татаръ обогатило казну великокняжескую, исчисленіемъ людей, установленіемъ поголовной дани и разными налогами, дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для хана, но хитростію князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ. Народъ жаловался, однакожъ платилъ; страхъ всего лишиться изыскивалъ новые способы пріобрѣтенія, чтобы удовлетворять корыстолюбію варваровъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даніиловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области, гдѣ малосильные князья, подверженные наглости моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые окупные князьки оставались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами. Угличь, Бѣлоозеро, Галичь, Ростовъ, Ярославль, сдѣлались снова городами великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III... Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита... Рюрикъ, Святославъ, Владиміръ брали земли мечемъ: князья московскіе поклонами въ Ордѣ—дѣйствіе оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытія и могущества Россіи!.. Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ!.."

Таковъ основный взглядъ Карамзина на развитіе московскаго единовластія и спасительнаго самодержавія.

Когда русская исторія освѣтилась новою идеею или теоріею борьбы родового начала съ государственнымъ, то заключенія Карамзина не только не утратили своего вѣса, но получили еще большую устойчивость и вполнѣ научную обработку.

Родовое начало держалось на общемъ владѣніи Землею. Государственное начало, стало развиваться изъ особнаго, частнаго владѣнья, собственно изъ вотчины, а еще вѣрнѣе—изъ начала семейственнаго.

Сдѣлавшись вотчинниками, сѣверные князья стали заниматься примыслами, усиленіемъ себя во что бы то ни стало на счетъ другихъ, съ явною (будто бы) цѣлью покорить и подчинить всѣхъ остальныхъ своей единой волѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при общемъ стремленіи къ этой цѣли всѣхъ князей, побѣжденному приходилось сдѣлаться слугою побѣдителя. Быть можетъ такой цѣли въ дѣйствительности не существовало до временъ Іоанна III, но она, какъ ученый пріемъ, была необходима для научнаго раскрытія новой исторической идеи. Поэтому всѣ сѣверные князья, начиная съ Андрея Боголюбскаго, какъ бы сознаютъ эту идею, какъ бы уже видятъ намѣченную ею цѣль. Они особенно стараются привести въ свою волю, совсѣмъ примыслить къ своей отчинѣ Великій Новгородъ и конечно не успѣваютъ въ этомъ, потому что средства ихъ еще слабы, а силы Новгорода обширны.—„Притомъ же (они будто въ самомъ дѣлѣ сознаютъ, что) предпріятіе слишкомъ важно, слишкомъ громко, возбуждаетъ вниманіе, опасеніе другихъ князей, которые стараются ему воспрепятствовать". „Московскіе князья при началѣ своего усиленія поступаютѣ благоразумнѣе (конечно уже заранѣе понимая, въ чемъ дѣло и къ чему приведетъ ихъ благоразуміе): вооружаются противъ ближайшихъ сосѣдей, слабыхъ, съ которыми легко сладить, при томъ же примыслы на счетъ этихъ сосѣдей слишкомъ далеки отъ главной сцены дѣйствія, не могутъ возбудить подозрѣнія и сильнаго противодѣйствія. Даніилъ Александровичъ вооружается противъ Рязани, беретъ въ плѣнъ ея князя, упрочиваетъ за своимъ княжествомъ Коломну, важный пункъ при устьѣ Москвы рѣки въ Оку; сынъ Даніиловъ Юрій обращается на другую сторону, беретъ Можайскъ у Смоленскаго княжества, какже важный пунктъ при верховьяхъ Москвы рѣки".

Но важнѣе, гораздо замѣтнѣе и крупнѣе былъ примыслъ Переяславскаго княжества (однако полученнаго Москвою не захватомъ и насиліемъ, но по духовному завѣщанію). Изъ-за этого княжества и начинается борьба съ Тверью, которая сначала рѣшилась было въ пользу Твери, но тверской князь, не думая о маломъ, прямо сталъ примышлять къ своей отчинѣ Великій Новгородъ. Новгородцы отдались Москвѣ. Тогда Юрій московскій, при помощи новгородскихъ денегъ и породнившись съ ханомъ, погубилъ тверского князя. Тверь однако ничего не потеряла. „Московскій Юрій, хлопотавшій такъ много для примысловъ, не разбиравшій средствъ для нихъ, проведшій всю жизнь въ безпокойствахъ, странствованіяхъ, не воспользовался плодами своихъ тяжкихъ и непривлекательныхъ трудовъ: онъ самъ погибъ отъ руки сына, убитаго въ Ордѣ тверского князя. Но ему наслѣдовалъ знаменитый братъ его Иванъ Калита. Тверь получила отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, а Калита, „перезвалъ къ себѣ въ Москву митрополита, что было важнѣе всѣхъ ярлыковъ ханскихъ. Борьба слѣдовательно не окончилась: Калита ждалъ удоб-

наго случая, который не замедлилъ явиться: въ Твери вспыхнуло возстаніе, вырѣзали татаръ. Калита съ татарскимъ войскомъ опустошилъ, обезсилилъ въ конецъ Тверское княжество и погубилъ потомъ тверского князя въ Ордѣ. Москва восторжествовала и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую землю".

Такимъ образомъ, въ обработкѣ русской исторіи по новой идеѣ московскіе князья являются на историческую сцену уже съ заранѣе обдуманнымъ планомъ дѣйствій и какъ настоящіе хитрецы и люди лукавые начинаютъ свою игру маленькимъ, едва для другихъ замѣтнымъ ходомъ на ближайшіе мелкіе города въ противоположность тверскимъ князьямъ, которые открыто и прямо ходятъ крупнымъ ходомъ на Новгородъ. Представляется такъ, что борьба, какъ будто въ самомъ дѣлѣ, происходитъ только между игроками-князьями, что ни общество, ни народъ въ борьбѣ не принимаютъ участія, что она возникаетъ и ведется именно по плану ученаго изслѣдованія, съ глубокою и дальновидною цѣлью, а не простою силою личныхъ характеровъ и жизненныхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ люди думаютъ больше всего о самозащитѣ или о простомъ своекорыстіи, защищаютъ только свое и себя отъ сосѣдскихъ обидъ, захватовъ, притѣсненій и нападеній, и наказываютъ за это своихъ противниковъ такими же обидами, захватами и нападеніями. Обыкновенно великія дѣла въ исторіи всегда начинались изъ простыхъ и мелкихъ дѣйствій и обстоятельствъ. Только на театральной сценѣ люди выходятъ съ замысломъ съиграть свою роль, впередъ очерченную авторомъ и впередъ выученную актеромъ. Къ сожалѣнію, московскимъ князьямъ именно даютъ готовую, какъ бы заученную историческую роль злохитрыхъ и злоковарныхъ героевъ политическаго и всякаго другого насилія, съ цѣлью выработать спасительное единодержавіе. То самое, до чего изслѣдователь послѣ многихъ изысканій и соображеній додумался и что добылъ, какъ выводъ и руководящее начало исторической жизни, это самое онъ и влагаетъ всѣмъ дѣятелямъ исторіи какъ ихъ собственную и вполнѣ сознательную завѣтную думу, заставляя ихъ жить и дѣйствовать по системѣ сдѣланнаго ученаго вывода.

„Погубивъ тверскихъ князей, Москва восторжествовала и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую землю". Именно губитель, Иванъ Даниловичъ Калита, первый же и называется собирателемъ Русской земли, но къ сожалѣнію, не въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову изслѣдователи, неизвѣстно почему разумѣющіе здѣсь только собираніе и соединеніе въ одно цѣлое княжествъ и земель. Лѣтописецъ, назвавши такъ Ивана Даниловича Калиту, разумѣлъ совсѣмъ не то. Онъ называетъ собирателемъ и тверскаго князя Константина Михайловича, когда тотъ послѣ тверского разгрома явился устроителемъ раззоренной земли и собирателемъ разбѣжавшагося народа. Только этотъ смыслъ имѣетъ собирательство и московскаго

князя, послѣ безчисленныхъ смутъ и нашествій установившаго миръ и тишину въ землѣ. „Собирателемъ Руской области" именуется и Дмитрій Донской, но опять въ томъ же смыслѣ устроителя, сохранителя земли отъ внѣшнихъ враговъ и земскаго безпорядка. Древній собиратель значитъ собственно установитель мира и тишины, собратель разбѣжавшагося народа. Что касается алчнаго земельнаго собирательства московскихъ князей, то оно совсѣмъ не такъ велико какъ можно было бы ожидать по случаю навязаннаго имъ постояннаго стремленія усиливать себя на счетъ другихъ во что бы то ни стало. Осмотрѣвши подробно всѣ пріобрѣтенія Москвы, въ теченіи первыхъ ста лѣтъ, историки утверждаютъ, что „въ распространеніи Московскаго княжества завоеванія играли весьма малую роль". Эти завоеванія въ сущности ограничились пріобрѣтеніемъ Можайска, такъ какъ завоеваніе Коломны пока остается подъ сомнѣніемъ, ибо лѣтописцы объ этомъ не говорятъ ни слова.

Затѣмъ, со временъ Калиты, говорятъ изслѣдователи, распространеніе московскихъ владѣній происходило преимущественно прикупами и примыслами особаго рода, въ которыхъ оружіе не участвовало т. е., какъ объясняютъ, путемъ хотя и насильственнымъ, но безъ походовъ и завоеваній.

Продолжительныя войны съ сосѣдними княжествами, хотя и оканчивались торжествомъ Москвы, но не имѣли слѣдствіемъ земельныхъ пріобрѣтеній; такъ ничего не было пріобрѣтено отъ Твери, ничего не было пріобрѣтено отъ Рязани, ничего изъ новгородскихъ волостей, т. е. отъ самыхъ главныхъ и сильныхъ соперниковъ Москвы.

Вообще, земельное усиленіе Москвы на счетъ всѣхъ остальныхъ княжествъ ограничилось только тѣмъ, что Москва въ теченіи цѣлаго столѣтія не выпускала изъ рукъ великаго княжества Владимірскаго, за которое собственно и боролась очень устойчиво. Въ этой только области и главнымъ образомъ внутри ея, около Юрьева, происходили всѣ ея примыслы-купли, которыя съ своей стороны показываютъ, что великокняжеская область все-таки не почиталась собственностью Москвы и до смерти Василія Темнаго оставалась, такъ сказать, въ общемъ родовомъ владѣніи заодно со всѣми мѣстными князьями и со всѣми княжескими боярами.

Какъ же послѣ того понимать увѣреніе изслѣдователей, что Москва съ перваго же шага стремилась пріобрѣтать и усиливаться на счетъ другихъ „во что бы то ни стало, не разбирая средствъ"?

Въ политическихъ отношеніяхъ это прямо обозначало бы постоянный грабежъ и разбой, постоянные захваты и завоеванія насиліемъ оружія, или насиліемъ обмана и коварства, какъ напримѣръ, распространялось владычество литовскихъ князей. Между тѣмъ, Москва распространяется главнымъ образомъ по духовному завѣщанію, а потомъ куплями. Захваты появляются лишь тамъ, гдѣ само земство, такъ сказать, вынуждаетъ захватъ, отдаваясь само въ волю Москвы, само

выдавая своихъ князей въ московскія руки. Это и есть примыслы особаго рода, которые, не раскрывая всѣхъ обстоятельствъ и подробностей дѣла, прямо приписываютъ московскому злохитрому коварству. Но такъ вѣдь можно объяснять всякій успѣхъ даже въ личныхъ дѣлахъ каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе въ исторіи каждаго княжества и каждой самобытной области. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ на Москву взведено много напраслинъ; намъ кажется, что успѣхъ ея политики держался совсѣмъ на иныхъ началахъ, болѣе русскихъ, чѣмъ эта нѣмецкая средневѣковая идея усиливать себя на счетъ другихъ во что бы то ни стало, не разбирая средствъ.

Между русскими князьями такая мысль если и приходила кому въ голову, то встрѣчала всегда неодолимыя преграды въ родовой связи князей, которую кромѣ того крѣпко поддерживали безчисленныя договорныя клятвы. Эти клятвы нарушались, но люди все-таки были христіанами и отчаянные себялюбцы встрѣчали въ самомъ обществѣ полное осужденіе своимъ предпріятіямъ и оставались одинокими. Усилить себя на счетъ другихъ, не разбирая средствъ, никому не удавалось. Такое дѣло еще со времени Святополка Владиміровича погибало само собою при самомъ его началѣ. Усилить себя на счетъ другихъ возможно было только службою на общую пользу. Такое усиленіе было собственно привлеченіемъ на свою сторону всѣхъ крѣпкихъ, здоровыхъ силъ земли, прежде всего нравственныхъ, за которыми сами собою приходили и пріобрѣтались и матеріальныя силы.

Подвигъ Москвы въ русской исторіи имѣетъ великое значеніе не потому, что Москва собрала разрозненныя земли. Такой подвигъ успѣла совершить и Литва, но литовское государство разсыпалось и подчинилось Польшѣ. Величіе московской заслуги передъ Землею заключается въ томъ, что отъ Москвы начался прогрессивный ходъ самой русской исторіи, представлявшей до тѣхъ поръ только однѣ и тѣже повторительныя формы политической жизни, слѣдовательно, не содержавшей въ себѣ никакого прогрессивнаго зародыша. Самый Новгородъ, во многихъ отношеніяхъ наилучшая форма древне-русской жизни, тоже не имѣлъ въ своемъ существѣ прогрессивнаго зерна и окончилъ свою исторію тѣмъ же, чѣмъ началъ ее.

Только Москвѣ выпало на долю найдти это прогрессивное зерно и она выростила его, но не путемъ разбоя и грабежа, коварства и насилія, а тѣми средствами, какія доставляла сама жизнь всего русскаго общества, само развитіе его здоровыхъ стремленій и потребностей.

Въ исторіи еще не замѣчено, чтобы больныя и развращающія начала въ родѣ коварства, обмана, насилія, были когда либо способны послужить къ зарожденію крѣпкаго и здороваго организма, какимъ въ послѣдствіи явилось московское государство. Московское прогрессивное зерно, которое при самомъ началѣ обозначалось только вы-

раженіемъ жить за одинъ, жить всѣмъ въ единствѣ, какъ одинъ человѣкъ, выростало очень медленно, и тѣмъ самымъ показывало, что оно не есть созданіе какихъ либо князей и какихъ либо личныхъ интересовъ, но есть непосредственное творчество самой русской земли въ границахъ ея Суздальской области.

Развитіе московскаго единенія или единодержавія въ своемъ возростѣ само собою распадается на два отдѣла или періода, такъ сказать, на два растительныхъ колѣна.

Оба колѣна, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ органическаго послѣдовательнаго развитія, носятъ въ себѣ много сходнаго и почти одинаковы даже по пространству времени.

Въ первомъ періодѣ начало политическаго единенія развиваетъ изъ старозавѣтнаго „великаго князя" новый образъ „великаго государя", причемъ ушло времени почти полтораста лѣтъ (ставимъ примѣрно круглыя числа: 1330—1460). Второй періодъ, продолжающійся тоже около полутораста лѣтъ, (1460—1610) развиваетъ изъ „великаго государя" новый образъ „царя". И тотъ и другой періодъ оканчиваются внутреннею смутою, органическимъ кризисомъ, гдѣ идея государя какъ и идея царя распространяются по всей землѣ, борятся съ противными началами и выходятъ изъ смуты торжествующими побѣдителями въ умахъ всего народа.

Есть соотвѣтствіе даже въ частностяхъ каждаго періода. Характеръ политики Ивана Калиты соотвѣтствуетъ характеру политики Ивана III; великій князь Симеонъ Гордый, получившій это прозваніе за первые признаки власти государевой, соотвѣтствуетъ государю Василью Ивановичу, начавшему государствовать уже по царски. Время Донского съ его малолѣтствомъ и побѣдою надъ татарами, соотвѣтствуетъ времени Грознаго и его завоеваніямъ татарскихъ царствъ. Смирный и слабохарактерный Василій Темный и богобоязненный царь Ѳедоръ Ивановичъ заключаютъ каждый свой особый періодъ развитія единодержавной идеи, когда эта идея подвергается, такъ сказать, уже всенародному разсмотрѣнію и разсужденію во время Шемякиной смуты и во время смуты самозванцевъ.

Развиваясь послѣдовательно цѣлые триста лѣтъ, единодержавная государственная идея, какъ мы замѣтили, не могла быть созданіемъ однихъ великокняжескихъ лицъ: она создавалась при сильномъ участіи самого народа, а потому необходимо имѣла почву и въ условіяхъ народной жизни Суздальскаго края и въ народныхъ преданіяхъ, и наконецъ въ историческихъ обстоятельствахъ. Поэтому, говоря о московской исторіи, намъ необходимо вспомнить и первоначальную исторію суздальскую, которая вся потомъ сосредоточилась и выразилась полнотою именно въ Москвѣ.

Исторія Москвы начинается не раздѣльно съ исторіею Суздальскаго княжества, въ которомъ московская мѣстность занимала западную его окраину и съ давнихъ вѣковъ составляла бойкій перекрес-

токъ для промышленныхъ славянскихъ путей съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ. Хотя въ лѣтописяхъ о Москвѣ впервые упоминается подъ 1147 г., но отдаленная древность здѣшняго поселенія несомнительно утверждается открытыми памятниками въ самомъ Кремлѣ, гдѣ найдены курганные серебряные обручи и серьги-рясы, и на мѣстѣ храма Спасителя, гдѣ были найдены арабскія монеты, одна 862 г.

Суздальская или Ростовская страна въ древнее время принадлежала Кіевскому Переяславскому княжеству и по смерти Ярослава Правосуда осталась во владѣніи его сына Всеволода, а послѣ Всеволода перешла къ его сыну Владиміру Мономаху, который посадилъ тамъ на княженіе меньшаго своего сына Юрья (Долгорукаго) еще ребенкомъ, отдавъ его на руки со всѣмъ княженіемъ Георгію Шимоновичу, сыну извѣстнаго варяга Шимона. Эти два Георгія, маленькій князь и мужъ-дружинникъ являются, если не первыми, то главными строителями Суздальской области. Надо замѣтить, что Юрій былъ посаженъ на княженіе не въ Ростовѣ, но въ Суздалѣ, отчего съ той поры и вся страна стала прозываться Суздальскою.

Начавши княжить съ пятилѣтняго возраста, Юрій прокняжилъ почти 60 лѣтъ и при этомъ не выпустилъ изъ рукъ и кіевскаго старѣйшинства, за которое боролся долго и не всегда удачно, но всетаки померъ великимъ княземъ кіевскимъ. Эта борьба за кіевскій великокняжескій столъ, на видъ пустая и какъ бы безцѣльная, имѣла однако великое значеніе для Суздальской земли. Добытое великокняжеское старшинство, какъ доброе наслѣдство, перешло скоро къ сыновьямъ Юрья, съ ними распространилось и на Суздальскую землю, по той причинѣ, что они уже не послѣдовали примѣру отца, не перебрались въ Кіевъ, а оставались жить на Клязьмѣ во Владимірѣ.

Долговременное княженье Юрья въ Суздальской землѣ имѣло очень важныя послѣдствія. Болѣе 50 лѣтъ страна жила единовластіемъ, не зная княжескихъ усобицъ, не испытывая сопряженныхъ съ ними ратныхъ походовъ, опустошеній и раззорѣній.

Въ началѣ, за малолѣтствомъ Юрья, княженіе держалъ тысяцкій Георгій Шимоновичъ, который Юрью былъ „вмѣсто отца“. Потомъ, когда Юрій сталъ добиваться кіевскаго стола и долженъ былъ часто отлучаться, земля всетаки оставалась въ управленіи тысяцкаго и дружины, т. е. конечно у дѣтей и родственниковъ Георгія Шимоновича. Замѣтимъ, что и спустя 150 лѣтъ въ Москвѣ первымъ тысяцкимъ былъ потомокъ этого же Георгія. Тысяцкій Георгій жилъ въ старѣйшемъ городѣ—Ростовѣ, и тамъ больше всего и сосредоточивалась суздальская дружина. Если князю Юрью тысяцкій Юрій былъ вмѣсто родного отца, то этимъ обстоятельствомъ опредѣлились и отношенія князя къ дружинѣ. Несомнѣнно, онъ не выходилъ изъ ея думы, изъ ея воли, почему суздальская дружина и заняла передовое мѣсто въ

управленія землею, а отлучки князя Юрья еще больше утверждали это положеніе дружины.

И надо сказать, что дружина вполнѣ заслуживала своего мѣста. То, что исторія приписываетъ князю Юрью, половину если не больше должно отдать суздальской дружинѣ. Хозяйскія заботы, постройка городовъ и храмовъ, всякое устройство земли, какъ и ея защита, исполнялись еще больше по замысламъ дружинниковъ, чѣмъ по замыслу князя, который въ свои цвѣтущія лѣта работалъ по преимуществу на югѣ, между тѣмъ какъ старшіе дружинники по необходимости оставались дома и конечно больше князя нуждались напр. въ крѣпкихъ городахъ.

Въ теченіи 70 слишкомъ лѣтъ (1096—1174) на Суздальскую землю всего два раза нападали только новгородцы. Въ первый разъ (1135 г.) за отсутствіемъ Юрья они хотѣли было посадить здѣсь князя изъ своей руки, но подъ Переяславлемъ на Ждановой горѣ потерпѣли такое крушеніе отъ суздальцевъ, что до вѣку помнили свою неудачу. А между тѣмъ этотъ отказъ новгородскимъ притязаніямъ былъ данъ безъ князя, одною дружиною. Съ той поры Суздальская земля стала славиться непобѣдимою; стали говорить, что ктобы ни вошелъ войною въ эту сильную землю, цѣлъ оттуда не выйдетъ. Но важнѣйшая основная сила земли заключалась не въ дружинѣ, которая и сама была сильна только потому, что подъ нею находилась сильная почва.

Населеніе Суздальской земли было по преимуществу промышленное и рабочее, въ собственномъ смыслѣ посадское, что зависѣло отъ самой природы здѣшнихъ мѣстъ, лѣсныхъ, глухихъ, не совсѣмъ плодородныхъ, но изрытыхъ рѣчными потоками, которые, какъ пути сообщенія, всѣ сходились и сливались или въ Волгу, или въ Оку, т. е. въ самыя проторенныя большія дороги тогдашняго промысла. Особенное развитіе посада и посадскаго быта и отличаетъ Суздальскую землю отъ всѣхъ остальныхъ и главнымъ образомъ отъ южной кіевской Руси. Посадскій характеръ и посадскія стремленія Суздальской земли достаточно обозначились уже въ княженье Юрья Долгорукаго. Безпокойный, неугомонный, задорный и сварливый кочевникъ на югѣ, тотъ же князь въ Суздальской землѣ, какъ Егорій Храбрый, славится добрымъ хозяиномъ, цивилизаторомъ, строителемъ городовъ. Очевидное дѣло, что въ историческомъ обликѣ Юрья въ сущности очень рѣзко обозначаются характеры двухъ земель, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ, и вовсе не рисуется его личный характеръ.

Въ Суздальской землѣ не существовало сварливой, междоусобной и крамольной почвы. Осѣдлость, заботы о своемъ хозяйствѣ, о своей работѣ и промыслѣ, о своей собственности, наживаемой великимъ трудомъ; миръ и тишина, какъ первое благо для устройства всякихъ трудовъ и работъ и всякаго промысла,—вотъ къ чему клонились всѣ стремленія этой земли, которая въ этомъ направленіи воспитывала и

самаго князя какъ и его дружину. Во все княженіе Юрья суздальская дружина отличалась рѣдкимъ единодушіемъ и яснѣе всего обнаружила это единодушіе на знаменитой Ждановой горѣ въ борьбѣ съ новгородцами.

И такъ, на первыхъ же порахъ задатки развитія Суздальской земли заключались: а) въ княжескомъ единовластіи, которое продолжалось 50 лѣтъ; б) въ передовомъ руководящемъ положеніи дружины относительно князя, и в) въ посадскомъ, промышленномъ характерѣ населенія.

Отпуская Юрья совсѣмъ въ Кіевъ на великое княженіе, въ 1155 г., дружина утвердилась съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ, присягою, что посадитъ у себя въ Суздалѣ на княженье его младшихъ сыновей, Михалка и Всеволода (род. 1154 г.), которые въ то время были еще младенцами. Такимъ образомъ суздальское княженье, какъ отчій домъ по Руской Правдѣ, поступало въ наслѣдство младшему сыну. Но здѣсь можно примѣчать и политику дружины, которая вообще очень любила сидѣть и управлять съ малолѣтними князьями, очень любила сама воспитывать себѣ князя, какъ былъ воспитанъ и самъ Юрій.

Старшихъ сыновей Юрій держалъ около себя въ кіевской Руси. Самымъ старшимъ изъ нихъ, вторый по рожденію, теперь былъ Андрей Боголюбскій. Отецъ посадилъ его подлѣ себя въ кіевскомъ Вышгородѣ.

Это былъ истинный сынъ Суздальской земли, полный выразитель ея земскаго характера. Богатырь физическою силою, беззавѣтно храбрый, и удалый и въ то же время способный съ холодной разсудительностью выдерживать всякую опасность, онъ больше всего любилъ миръ и тишину, любилъ свою Суздальскую землю, которую почиталъ своимъ домомъ, тихимъ пристанищемъ отъ кіевскихъ уличныхъ мятежей и усобицъ. „Иди въ Суздаль, намъ нечего здѣсь дѣлать“, говаривалъ онъ отцу, желая покончить безпрестанную рать. Отецъ не соглашался, а сынъ вопреки отцовской волѣ удалялся въ свою Суздальскую волость, Володиміръ. Но отецъ, какъ мы сказали, все-таки посадилъ сына подлѣ себя въ Вышгородѣ.

Въ тотъ же годъ, въ Вышгородѣ къ Андрею явились изъ Суздальской земли нѣкіе Кучковичи. Такъ назывались бояре-владѣльцы Москвы. Это имя могло обозначать и прямо москвичей, ибо Москва въ то время именовалось тоже и Кучковымъ. Въ одномъ случаѣ Кучковичъ названъ Кучковитинымъ, что несомнѣнно обозначаетъ имя мѣстное, а не личное. Кучковичи обольстили Андрея хорошимъ житьемъ въ Суздальскомъ краю, а вѣроятнѣе тѣмъ, что вся земля, не смотря на свою присягу за младшихъ его братьевъ, желаетъ имѣть на княженіи его, старшаго. Въ одну темную ночь, тайкомъ отъ отца, Андрей ушелъ изъ Вышгорода, боясь, что отецъ остановитъ. Это опасеніе особенно выразилось въ томъ обстоятельствѣ, что бѣглецъ взялъ съ собою въ благословеніе и въ путеводительницы Богородичную

икону (Одигитріе), принесенную изъ Царьграда и по преданію написанную евангелистомъ Лукою, которая въ послѣдствіи стала именоваться Владимірскою, потому что Андрей основалъ свое поселеніе во Владимірѣ. Въ своемъ родѣ это былъ ковчегъ завѣта для Суздальской земли, основаніе ея спасенія, защиты и руководительства во всѣхъ общеземельныхъ дѣлахъ и событіяхъ.

Отецъ не преслѣдовалъ сына. Черезъ два года онъ скончался въ Кіевѣ, оставляя сыну въ наслѣдство свое великокняжеское старшинство.

Тогда, дѣйствительно, ростовцы, суздальцы и „вся земля“ посадили у себя на княженіе бѣглеца Андрея, потому что былъ „премного любимъ всѣми“.

На другой же годъ послѣ прихода Андрея во Владиміръ, въ 1156 г. былъ заложенъ городъ Москва. Лѣтопись именуетъ строителемъ великаго князя Юрія, но конечно только потому, что постройка совершилась при великомъ князѣ Юрьѣ, который сидѣлъ въ Кіевѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Московскій городъ, какъ пограничный Владимірской волости, понадобился самому Андрею, а еще больше Кучковичамъ, или самимъ москвичамъ.

Какъ князь по преимуществу посадскій, Андрей и съ избраніемъ въ князья всей Ростовской и Суздальской земли не перешелъ въ Ростовъ или въ Суздаль, а остался на всегда жить на своемъ собственномъ посадѣ, въ маломъ ростовскомъ пригородѣ Владимірѣ. Въ этомъ поступкѣ великаго князя обнаруживались посадскіе домовитые нравы Суздальской земли, которая вовсе не знала кіевскаго кочеванья изъ волости въ волость, изъ города въ городъ, а любила сидѣть на своемъ мѣстѣ, въ своемъ дому. И лѣтопись, и притомъ южная, называетъ Владиміръ домомъ Андрея.

А въ своемъ дому каждый владѣлецъ есть хозяинъ, т. е. полный властелинъ, домодержецъ, самодержецъ и господарь. Въ то время собсвенники землевладѣльцы и домовладѣльцы такъ и назывались „господарями“, „государями“.

Не будемъ говорить о томъ, какъ Андрей устроилъ свой домъ, этотъ малый городъ Владиміръ, соорудивъ въ немъ и каменныя стѣны, и золотыя ворота, и серебрянныя ворота и чудную церковь Богородицы, которую украсилъ дивнымъ богатствомъ и великолѣпіемъ, начиная съ Богородичной иконы; какъ устроилъ и украсилъ свое любимое мѣсто Боголюбово и пр. Великій князь Андрей тѣмъ и отличался отъ всѣхъ князей, что по своимъ понятіямъ былъ полный домодержецъ, совсѣмъ забывшій какъ должно жить великому князю по идеалу кіевской Руси. Первое — онъ совсѣмъ оставилъ дружину, ибо въ домашнемъ хозяйствѣ это было излишнее бремя. Онъ удалялся отъ нея даже изъ Владиміра и больше всего пребывалъ въ своемъ Боголюбовѣ, или у Спаса на Купалицѣ (на устьѣ р. Судогды) гдѣ любилъ охотиться, но также безъ дружины, только съ малымъ

числомъ слугъ, предоставивъ боярамъ творить утѣху особно, гдѣ имъ будетъ угодно. Это поведеніе и объясняетъ, почему онъ не переселился въ Ростовъ или въ Суздаль, а остался въ своемъ особномъ дому, почему не пошелъ и въ Кіевъ, когда получилъ старѣйшинство въ средѣ всѣхъ князей. Естественно, что, привыкнувъ господствовать дома, онъ и въ отношеніи къ князьямъ повелъ себя такимъ же домодержцемъ. Когда въ Суздальской землѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, поднялась было крамола и ссора, онъ изгналъ всѣхъ своихъ родныхъ князей, и младшихъ братьевъ, и племянниковъ, и переднихъ мужей своего отца, т. е. старшую дружину, которая несомнѣнно и начала крамолу. Лѣтописцы однако замѣчаютъ, что это изгнаніе было совершено старыми же городами, то есть самою дружиною.

Поступая такъ, Андрей желалъ быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ, говоритъ лѣтописецъ. Этимъ словомъ древность обозначала именно единовластіе и вообще самостоятельность и независимость человѣка. Само собою разумѣется, что онъ не даромъ носилъ и титулъ великаго князя.

По древнимъ понятіямъ, великій князь былъ вмѣсто отца для другихъ князей, былъ названнымъ отцомъ, а отецъ пользовался непререкаемымъ правомъ повелѣвать и приказывать дѣтямъ, обязаннымъ ходить въ его волѣ. Кіевскія междоусобія очень ослабили это право, но Андрей его возстановилъ, хотя и встрѣчалъ сильныхъ сопротивниковъ, каковъ напр. былъ Мстиславъ Ростиславичъ, выразившій свой взглядъ на поведеніе Андрея слѣдующими словами: „Мы тебя до сихъ поръ какъ отца имѣли по любви, а ты присылаешь къ намъ рѣчи (повелѣніе выйдти изъ Русской Кіевской земли на всѣ четыре стороны, куда хочетъ) не какъ къ князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, а что умыслилъ то и дѣлай, а Богъ со всѣми“, т. е. Богъ заступится и за насъ.

Однако большинство князей, какъ названные дѣти, безпрекословно слушались Андрея и исполняли его волю, иные конечно опасаясь его плотной силы, какъ выражается лѣтописецъ.

Гдѣ же находилась эта плотная сила? Андрей самъ уже не ходилъ воевать, и однако однимъ своимъ словомъ могъ поднимать всю Русскую Землю, какъ напр. случилось въ походѣ на Ростиславичей, на которыхъ онъ послалъ: князей ростовскихъ, суздальскихъ, владимірскихъ, переяславскихъ, бѣлоозерскихъ, муромскихъ, новгородскихъ, рязанскихъ. И смоленскимъ князьямъ повелѣлъ идти, и полоцкимъ, и туровскимъ, и пинскимъ, и городеньскимъ (Гродно). Вмѣстѣ же пошли и Ольговичи (Черниговъ) и сами кіевляне, и берендеи, и черные клобуки, вся Русская Земля. Однихъ князей было 72. Какъ это могло случиться, еслибъ суздальскій князь былъ только властолюбивый хитрый деспотъ, какъ его рисуютъ? При тогдашнемъ порядкѣ вещей, при этой разрозненности и самостоятельности всѣхъ раздѣльныхъ княжескихъ волостей, что могъ выполнить какой бы то

ни было деспотъ? Ему прежде всего было необходимо собрать всю Землю въ свои руки, а объ этомъ не помышлялъ и самъ Андрей. Онъ повелѣвалъ только по отеческому праву великаго князя. Слушались его потому, что онъ обладалъ плотною силою, которую мы должны отыскивать не въ его деспотизмѣ, а прежде всего въ великомъ авторитетѣ его ума и его доблестнаго характера, что было хорошо извѣстно всей Русской Землѣ, и сѣверной и южной; а затѣмъ въ его суздальской силѣ, не дружинной, чѣмъ ограничивались всѣ другіе князья, а народной и именно посадской, каковой въ кіевской Руси совсѣмъ не существовало. Эти большіе сборные походы по повелѣнію Андрея не удавались, потому что чѣмъ больше бывало князей, тѣмъ больше было между ними розни, которая погубила ихъ и въ первомъ бою съ татарами. Но ратное сборище со всей Земли все-таки обнаруживало великокняжескую мысль Андрея, что въ важныхъ случаяхъ вся Земля должна служить одной общей цѣли, мысль старозавѣтную, еще Олеговскую, но теперь давно уже погибавшую отъ княжеской розни.

Андрей прокняжилъ 20 лѣтъ. Онъ былъ убитъ въ Боголюбовѣ тайно, по заговору бояръ Кучковичей съ его женою, родомъ болгаркою, которая питала противъ него злобу за раззореніе болгарской земли, а Кучковичи возненавидѣли его за то, что одного изъ нихъ онъ повелѣлъ казнить, несомнѣнно, за большую вину. По видимому это убійство было дѣломъ оскорбленной и озлобленной дружины, (ближнихъ бояръ), которая опасаясь владимірцевъ, собрала особый полкъ и разграбила весь домъ великаго князя, ограбила и перебила всѣхъ его „милостниковъ", его посадниковъ, тіуновъ, дѣтскихъ, мечниковъ, по всей волости. Приходили грабить въ Боголюбово и изъ селъ. Поднимался грабежъ и во Владимірѣ, но скоро былъ унятъ крестнымъ ходомъ съ иконою Богородицы. Въ смутное время, конечно, грабители поднимались отовсюду, но это не даетъ основаній для заключенія, что смута поднята мятежнымъ народомъ. Владимірцы и всѣ люди, напротивъ, встрѣтили тѣло великаго князя съ плачемъ великимъ, не могли удержать слезъ, не могли прозрѣть отъ слезъ, вопили, какъ дѣти, и вопль ихъ былъ слышанъ далече.

Судя по послѣдующимъ событіямъ и обстоятельствамъ, должно заподозрить въ этомъ заговорѣ противъ Андрея и рязанскаго князя Глѣба, послы котораго орудовали въ это время въ пользу его шурьевъ.

Въ политическихъ междокняжескихъ отношеніяхъ Андрей ничего не создалъ новаго и не бывалаго, потому что, какъ мы замѣтили, и не помышлялъ о томъ. Все осталось по прежнему, какъ было до него, и не только въ остальной Руси, но и въ Суздальской землѣ. Поэтому начинать исторію единодержавія его именемъ нѣтъ основаній. Между князьями онъ былъ явленіемъ случайнымъ, потому что онъ былъ собственно князь посадскій. Но въ земскихъ отношеніяхъ, именно въ Суздальской землѣ, онъ оставилъ послѣ себя замѣчательное наслѣд-

ство; онъ создалъ новыхъ людей, т. е. въ сущности поднялъ посадъ до значенія особой силы, которая тотчасъ же вступила въ борьбу со старою или дружинною боярскою силою.

Средоточіемъ этой новой силы конечно былъ мизинный городъ Владиміръ—столица Андрея, его домъ. А въ этомъ дому не храбрые древнихъ князей, не мужи думающіе съ княземъ какъ добыть высокаго княжескаго стола, занимали преобладающее мѣсто. Здѣсь собрались по преимуществу люди рабочіе, промышленные и ремесленные, искусные художники, дѣлатели всякаго рода издѣлій, каменщики и всякіе мастера отъ всѣхъ земель, съ которыми князь неутомимо обстраивалъ и украшалъ этотъ домъ. Передъ всѣмъ этимъ людомъ купцы конечно заняли передовое положеніе. Самая дружина, изъ которой князь высылалъ въ волость посадниковъ, тіуновъ и другихъ чиновниковъ, видимо составилась тоже изъ людей новыхъ и молодыхъ въ смыслѣ своего происхожденія. Вотъ почему эти люди и погибли вмѣстѣ съ своимъ домодержцемъ.

Словомъ сказать, во Владимірѣ, соотвѣтственно характеру и потребностямъ князя, образовалось общество болѣе смѣшанное, разнородное, чѣмъ бывало у старыхъ князей въ старыхъ княжескихъ городахъ, гдѣ преобладала только военная дружина и гдѣ посадъ ничего не значилъ.

Услыхавши о смерти князя, ростовцы, суздальцы, переяславцы и вся дружина отъ мала до велика съѣхались во Владиміръ на думу на вѣче и стали говорить: „Такъ тому и быть, князь нашъ убитъ, а дѣтей у него нѣтъ, сынокъ его малый въ Новгородѣ, а братья его въ Руси. Кого выберемъ въ своихъ князьяхъ? Намъ близкіе сосѣди князья муромскіе и рязанскіе, отъ нихъ опасно; пожалуй внезапно нападутъ на насъ, а князя у насъ нѣтъ. Пошлемъ къ Глѣбу рязанскому, скажемъ, что хотимъ Ростиславичей, его шурьевъ“.

Это были дѣти старшаго Андреева брата Ростислава, когда то еще при отцѣ княжившаго въ Ростовѣ. Рязанскій Глѣбъ очень радъ былъ такой чести. Его же послы тутъ же на вѣчѣ и работали въ его пользу. Слушалъ это вѣче владимірскій посадъ, но думалъ свое. Онъ думалъ, что старшіе передъ нимъ люди еще великому князю Юрью всѣ цѣловали крестъ, что возьмутъ себѣ въ князья его меньшихъ сыновей, двухъ младшихъ братьевъ Андрея, Михалка и Всеволода; что и самаго Андрея тѣже люди посадили, нарушивъ эту присягу и даже выгнали меньшихъ; а теперь, забывши все, зовутъ иныхъ князей, не по правдѣ, а дѣлаютъ какъ имъ любо.

Ростиславичей было тоже двое, Мстиславъ и Ярополкъ. И Юрьевичи и Ростиславичи жили тогда въ Черниговѣ у князя Святослава. Когда пришли къ нимъ ростовскіе послы, они рѣшили такъ: „Пойдемъ всѣ четверо, либо лихо, либо добро будетъ намъ всѣмъ“,—и утвердились между собою присягою, отдали старѣйшинство Михалку и его же съ Ярополкомъ отправили впередъ. Вознегодовали ростовцы, узнавши, что дѣло ихъ принимаетъ другой ходъ. Они встрѣтили кня-

зей въ Москвѣ и Ярополку сказали: „поѣзжай къ намъ", а Михалку сказали: „пожди немного на Москвѣ".

Ярополкъ тайно отъ брата уѣхалъ къ дружинѣ въ Переяславль, а Михалка, узнавъ объ отъѣздѣ брата, отправился во Владиміръ, гдѣ засталъ только горожанъ, ибо и владимірская дружина по повелѣнію ростовцевъ отправилась встрѣчать призываемыхъ князей. Вся дружина, въ томъ числѣ и владимірская, присягнула Ярополку и за тѣмъ вся она пошла къ Владиміру выгонять Михалка. Ей на помощь пришли и муромцы и рязанцы и много зла сотворили, все пожгли около города. Владимірцы, т. е. собственно посадскіе, отбивались семь недѣль, помогала св. Богородица. Она же и избавила городъ отъ конечной бѣды. Горожане, не стерпѣвши голода, сказали Михалку: „Мирись или промышляй о себѣ". — „Вы правы! Дѣлать нечего; не погибнуть же вамъ изъ за меня",—отвѣтилъ князь и убрался въ Русь. Владимірцы проводили его съ плачемъ и по неволѣ приняли Ростиславичей, утвердившись съ ними присягою, весь порядъ положивши, т. е. договоръ. Въ Ростовѣ сѣлъ старшій, Мстиславъ, а во Владимірѣ младшій, Ярополкъ.

Не противъ Ростиславичей бились владимірцы, говоритъ лѣтописецъ, но не хотѣли покориться ростовцамъ и суздальцамъ и муромцамъ, потому что ростовцы сказали: „Или пожжемъ городъ, или посадника въ немъ посадимъ: это наши холопы каменьщики"!—Таковъ былъ взглядъ боярскаго Ростова на посадскій Владиміръ. Владимірцы жили однимъ сердцемъ только съ переяславцами, которые скрывали свое сочувствіе владимірцамъ, опасаясь ростовской дружины.

Ростиславичи княжили и раздавали по городамъ посадничество русскимъ дѣтскимъ, (дѣтямъ боярскимъ) южанамъ, а они многую тяготу стали дѣлать людямъ поборами и неправдами. Сами князья были молоды, слушали бояръ, а бояре учили ихъ „на многое иманье". Въ первый же день они обобрали церковь Богородицы, взяли золото и серебро, отняли у ней города и дани, что опредѣлилъ ей блаженный князь Андрей. Владимірцы возмутились.

„Мы по своей волѣ приняли къ себѣ князя, и крестъ цѣловали на всемъ уговорѣ. А они, какъ въ чужую волость пришли, грабятъ не только волость всю, но и церкви. А промышляйте, братья!" Это значило: думайте, какъ поступить. Подумавши, они послали къ ростовцамъ и суздальцамъ, заявляя имъ свою обиду. Эти старшіе словомъ были за владимірцевъ, а дѣломъ далече отъ нихъ. Только переяславцы, какъ упомянуто, были на сторонѣ Владиміра, но явно говорить о томъ боялись ростовскихъ бояръ. А бояре крѣпко держались избранныхъ ими князей, ибо при нихъ своя воля имъ была. Вездѣ волю свою творили. Противъ этой боярской воли и возставали владимірцы. Они въ союзѣ съ переяславцами снова призвали къ себѣ Михалку изъ Чернигова. Снова пришелъ Михалко и съ братомъ Всеволодомъ въ Москву, а Ростиславичи вышли съ полкомъ прогнать ихъ.

Но случилось новое чудо Богородицы. Михалко съ Москвы пошелъ къ Владиміру, а Ярополкъ инымъ путемъ направлялся въ Москву и Божіимъ промысломъ разошлись въ лѣсахъ, не видавши другъ друга.

Въ пяти верстахъ не доходя Владиміра, все таки произошла битва съ Мстиславомъ, пришедшимъ изъ Суздаля. Мстиславъ побѣжалъ, а Михалко со Всеволодомъ вошли побѣдителями въ свой Владиміръ, „достигли стола дѣдняго и отчаго заступленіемъ креста Господняго и родителей своихъ молитвою, своимъ золотымъ копіемъ и острымъ мечемъ", прибавляемъ новгородскій лѣтописецъ.

Вскорѣ пришли къ нимъ и суздальцы, говоря такъ: „Мы въ томъ полку со Мстиславомъ не были, но были съ нимъ бояре; а на насъ лихова сердца не держи, но пріѣзжай къ намъ"! Михалко поѣхалъ въ Суздаль, а оттуда и въ Ростовъ, сотворилъ людямъ весь нарядъ, утвердившись съ ними крестнымъ цѣлованьемъ. Всеволода онъ посадилъ княжить въ Переяславлѣ, стало быть вводилъ свое старшинство городовъ; вмѣсто Ростова и Суздаля теперь являлись старшими Владиміръ и Переяславль. Ростиславичи ушли, Мстиславъ въ Новгородъ, Ярополкъ въ Рязань.

Въ тоже лѣто Михалко ходилъ къ Рязани на князя Глѣба. Оказалось, что главнымъ грабителемъ Владимірской церкви былъ этотъ Глѣбъ, который однако поспѣшилъ выслать пословъ, во всемъ повинился и воротилъ все награбленное до золотника, что и до книгъ, и то все воротилъ.

По случаю этой побѣды маленькихъ людей володимірцевъ и переяславцевъ надъ большими или старѣйшими, надъ Ростовомъ и Суздалемъ, лѣтописецъ и приводитъ достопамятное замѣчаніе, что Божья правда была на сторонѣ маленькихъ. „Изначала, говоритъ онъ, новгородцы, смолняне, кіяне, полочане и всѣ волости, когда на думу на вѣча сходятся, то какъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ. А здѣсь городъ старый Ростовъ и Суздаль и всѣ бояре хотѣли свою правду поставить и сказали: какъ намъ любо такъ и сотворимъ—Володиміръ вѣдь пригородъ нашъ!.. Не уразумѣли правды, величаясь, что давніе, старѣйшіе. Утаилъ Господь отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ. За правду Богъ помогаетъ владимірцамъ и переяславцамъ и всей землѣ ихъ".

Ростовцы, хоть и уладились съ Михалкомъ, хотя и принимали его у себя съ почестями и поднесли многіе дары, но думали свое и на слѣдующее лѣто послали звать на княженье своего избраннаго Мстислава. Между тѣмъ въ тоже лѣто Михалко скончался въ Городцѣ на Волгѣ, почему Мстиславъ тотчасъ же явился въ Ростовѣ, опять собралъ всю дружину и направился къ Владиміру.

А владимірцы призвали къ себѣ Всеволода, вышли всѣ встрѣтить его передъ золотыя ворота и тутъ же цѣловали ему крестъ; тутъ же присягнули и дѣтямъ его, значитъ всячески желали утвердить у себя хорошаго князя, ибо Михалко и Всеволодъ успѣли заработать

себѣ доброе имя еще въ южной Руси походами на половцевъ, а главное тѣмъ, что были на всякое дѣло старательны и послушливы. Объ этомъ знала вся Русская земля.

Всеволодъ съ владимірцами и что осталось у него бояръ поспѣшилъ встрѣтить ростовскихъ непріятелей въ ихъ же волости.

Пройдя Суздаль и желая кончить миромъ, онъ послалъ къ Мстиславу такую рѣчь:—„Брате! Тебя призвала старѣйшая дружина, ты и поѣзжай въ Ростовъ, оттуда и возьмемъ миръ. Тебя ростовцы привели и бояре, а меня было съ братомъ Богъ привелъ, и владимірцы, и переяславцы, а Суздаль да будетъ намъ общій, кого захотятъ, тотъ и будетъ имъ князь".

Отвѣтъ дали ростовцы, они сказали своему князю:—„Если ты пойдешь на миръ, такъ мы того не хотимъ". А ко Всеволоду тѣмъ временемъ (уже въ Юрьевѣ) подошли переяславцы. Онъ сказалъ имъ отвѣтъ Мстислава.

— Ты ему добра хочешь, а онъ головы твоей ловитъ. Михалка померъ, еще девятаго дня нѣтуть, а онъ хочетъ кровь пролить. Коли хочешь мириться съ нимъ, такъ насъ переступи мертвыхъ. Не дай намъ Богъ ни единому возвратиться. Не поможетъ намъ Богъ, такъ врагу и жены наши и дѣти наши". Такъ говорили переяславцы.

Всеволодъ снарядилъ полки и встрѣтилъ Мстислава на Юрьевскомъ полѣ. Богъ помогъ Всеволоду. Враги были разбиты и побѣжали; ростовцы и бояре попали въ плѣнъ, села ихъ боярскія были опустошены, кони и скотъ погнаны вмѣстѣ съ плѣнными во Владиміръ. Мстиславъ побѣжалъ въ Новгородъ, но не былъ тамъ принятъ, и поворотилъ въ Рязань. Здѣсь онъ подмолвилъ князя Глѣба, который въ туже осень напалъ на Москву и пожегъ всю, городъ и села. Вотъ первое зло Москвѣ отъ Рязани (1177 г.). Всеволодъ было вышелъ на защиту Москвы, но на пути явились къ нему новгородцы и просили подождать, не ходить безъ новгородскихъ сыновъ. Всеволодъ воротился. Зимою большая рать и съ новгородскою силою отправилась на Рязань и стала въ Коломнѣ, гдѣ великій князь узналъ, что Глѣбъ другою дорогою пробрался уже къ самому Владиміру и съ половцами и пустошитъ безъ пощады Владимірскую волость. Во Владимірской церкви онъ вышибъ двери и пограбилъ ее до чиста. „Разгнѣвилъ Бога и св. Богородицу", замѣчаетъ лѣтописецъ. Вскорѣ приспѣлъ съ полками и Всеволодъ и встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Калакшѣ. Оба войска цѣлый мѣсяцъ стояли по берегамъ рѣки, нельзя было ее перейти, не крѣпокъ былъ ледъ. Наконецъ, уже на масляницѣ, началось движеніе съ обѣихъ сторонъ, но, не выждавъ прямой битвы, Мстиславъ побѣжалъ первый, а за нимъ и Глѣбъ, и всѣ ихъ полки. Всеволодъ жестоко ихъ преслѣдовалъ. Всѣ лучшіе люди попали въ плѣнъ: самъ Глѣбъ съ сыномъ, Мстиславъ, всѣ его думцы и вся дружина, въ томъ числѣ и знаменитый бояринъ Андрея Бого-

любскаго, Борисъ Жидиславичъ. Поганые половцы были порублены до послѣдняго.

Всеволодъ возвратился во Владиміръ съ полнымъ торжествомъ. Была радость великая во всемъ народѣ. Но на третій день поднялся въ городѣ великій мятежъ. Возстали бояре и купцы, пришли къ князю и объявили:—„Князь господинъ! Мы тебѣ добра хочемъ и за тебя головы свои складываемъ, а ты враговъ своихъ держишь въ простѣ. А вотъ лиходѣи твои и наши, суздальцы и ростовцы, живутъ здѣсь на свободѣ, какъ дома. Пожалуй сотворятъ крамолу за своихъ князей, что тогда будетъ? Кончай съ князьями, либо ихъ казни, либо ослѣпи, али дай намъ!“ Благовѣренъ и богобоязненъ былъ великій князь Всеволодъ, не хотѣлъ того исполнить, но посадилъ ихъ въ тюрьму, чтобы успокоить людской мятежъ. Туда же былъ посаженъ и привезенный изъ Рязани Ярополкъ. Черезъ нѣсколько дней опять возстали всѣ люди, пришли на княжескій дворъ съ оружіемъ, многое множество.—„Чего ихъ держать. Хочемъ ослѣпить ихъ“!—крикнула толпа. Великій князь и самъ въ новѣ, не въ силахъ былъ остановить мятежниковъ; они бросились къ тюрьмѣ, разметали ее и, выхвативъ Ростиславичей, ослѣпили ихъ; а рязанскій Глѣбъ еще прежде въ тюрьмѣ померъ. Остальныхъ отпустили въ Русь. Таковъ былъ володимірскій народъ. Онъ успѣлъ не только избрать достойнаго князя, но и постоять за себя противъ своихъ враговъ. Пуще всего онъ ненавидѣлъ крамолу и потому съ особою настойчивостью боролся съ боярствомъ, откуда всегда выходили сплетни и смуты между князьями. Ослѣпленіе неугомонныхъ искателей великокняжескаго стола вскрываетъ истинныя цѣли владимірскаго народа—прекратить усобицу хотя бы и очень жестокимъ средствомъ [1]).

Бояре въ своихъ крамолахъ съ князьями иногда многое пріобрѣтали, иногда теряли, но народъ въ этихъ смутахъ всегда только терялъ и вотъ причина, почему онъ съ такимъ озлобленіемъ преслѣдовалъ враговъ общеземской тишины.

Какъ извѣстно, въ кіевской Руси отъ безпрестанныхъ войнъ и разновластія въ особой силѣ развилось дружинное (военное) сословіе, сословіе старшаго и младшаго боярства, безъ котораго ни одинъ князь не могъ добыть себѣ княжескаго стола. Тамъ боярство явилось земскою силою и стало господствовать надъ самими князьями, какъ было напр. въ южномъ Галичѣ. Оно и въ суздальской Руси пріобрѣло осѣдлость и намѣревалось тоже господствовать надъ землею. Но здѣсь оно встрѣтило сопротивника, который былъ еще сильнѣе и на сторону котораго по необходимости становился каждый князь, желавшій своей волости истиннаго добра. Здѣсь, какъ мы говорили, существо-

[1]) Ослѣпленные князья въ Смоленскѣ, на Смядыни, гдѣ былъ убитъ св. князь Глѣбъ, совершившимся чудомъ прозрѣли, а новгородцы призвали ихъ къ себѣ на княженіе.

валъ посадъ, занятый мирнымъ дѣломъ всякаго промысла и торга и составлявшій коренную земскую силу всей страны. На югѣ такого посада вовсе не существовало. Тамъ посадское дѣло находилось въ чужихъ рукахъ, по преимуществу у жидовъ или у другихъ проходящихъ и пришлыхъ людей. Суздальская же народность и произошла изъ посадскаго быта, ибо началась изъ промышленной колонизаціи отъ всѣхъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ. Чужими для него людьми явились именно княжескіе дружинники и естественно, что когда они осѣлись, стремясь образовать изъ себя земскую силу, то и возстала борьба промышленнаго и рабочаго посада съ владѣющимъ боярствомъ, борьба маленькихъ мизинныхъ людей съ большими и великими. Интересы земства раздѣлились на двѣ стороны.

Бояре готовы были держать у себя и многихъ князей, особенно малоспособныхъ, посадскіе желали одного князя, ибо въ томъ была прямая ихъ выгода, такая же, какъ выгодно было боярамъ у каждаго князя занимать передовое мѣсто и управлять и княземъ и его волостью, ибо очень прославлялись князья, не собиравшіе имѣнія и отдававшіе все дружинѣ.

Первымъ посадскимъ княземъ на Руси явился Андрей, быть можетъ по той причинѣ, что склоненъ былъ къ тому по своему характеру, или же какъ „умникъ во всѣхъ дѣлахъ", по выраженію лѣтописи, понялъ истинныя свойства и силы суздальской народности и сталъ во главѣ этихъ силъ, сдѣлался ихъ вождемъ, устроилъ для нихъ даже и особое средоточіе въ новомъ городѣ Владимірѣ. Это было въ дѣйствительности великое и новое дѣло для всей Руси, тогда совсѣмъ незамѣтное, но великое своими послѣдствіями. Естественно поэтому, что не посадскіе, а бояре должны были погубить Андрея. Естественно также, почему Андрей отъ всѣхъ князей отличался посадскимъ характеромъ домодержца, самодержца и самовластца, что все означало въ то время только единовластіе, нераздѣльную власть господаря въ своемъ домѣ. Такія понятія онъ могъ воспитать въ себѣ только отъ постояннаго сожительства въ средѣ людей посадскихъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ домѣ, какъ и въ своемъ дѣлѣ, былъ господаремъ единственнымъ и конечно для своихъ же работъ и промысловъ желалъ единой или спокойной власти и единаго спокойнаго порядка и во всей землѣ.

Вотъ почему Суздальская земля постоянно прибѣгаетъ къ присягѣ даже и дѣтямъ избраннаго князя, боясь чтобы власть не пошатнулась, не пошла на вѣтеръ, а оставалась бы прочною надолго, даже и въ потомство. Не князья просятъ о такой присягѣ, а самъ народъ спѣшитъ какъ бы обязать ею излюбленнаго князя.

Все это въ XII вѣкѣ были зародыши того порядка вещей, который потомъ, какъ бы самъ собою, водворился въ московской Руси.

Яснѣе всего такіе зародыши земскихъ отношеній раскрываются въ княженіе Всеволода, прозваннаго за свою семью Великимъ Гнѣз-

домъ т. е. старшимъ родоначальнымъ гнѣздомъ для всѣхъ князей татарскаго времени.

Если въ характерѣ Андрея замѣчается еще южная княжеская пылкость и удаль, впрочемъ значительно охладѣвшая отъ двадцатилѣтняго пребыванія въ странѣ рабочихъ промышленниковъ, миролюбцевъ по самымъ задачамъ своей дѣятельности, то характеръ его брата Всеволода уже въ полной мѣрѣ носитъ въ себѣ типъ суздальскаго хозяина. Нѣкоторыя лѣтописи прямо называютъ его миродержцемъ, т. е. оберегателемъ и охранителемъ земской тишины и мира. Изъ этой основной черты его характера развиваются и всѣ другія качества его великокняжескаго поведенія. Онъ не любилъ войны и особенно удалыхъ и рѣшительныхъ битвъ. Онъ какъ бы трусилъ передъ всякимъ побоищемъ и потому, предпринимая походъ, всячески старался рѣшить дѣло безъ битвы, для чего, встрѣчаясь съ непріятелемъ, съ намѣреніемъ избиралъ для своего стана такія мѣста, гдѣ не было возможности бойцамъ тотчасъ же схватиться. Крутыя берега рѣкъ, глубокіе овраги или неудобное время года всегда служили ему надежною опорою для достиженія своихъ цѣлей, которыя всѣ клонились къ тому, чтобы утомить, обездолить врага недостаткомъ продовольствія. Такъ обыкновенно онъ бралъ города, а въ полѣ тѣмъ же способомъ послѣ долгаго стоянья заставлялъ противника спасаться бѣгствомъ отъ перваго движенія застоявшихся полковъ. Бѣгущихъ, конечно, смотря по винѣ, онъ не всегда миловалъ и пользовался всѣми правами торжествующаго побѣдителя.

Но его миролюбіе и добросердечіе происходили не отъ слабости характера. Для своей земли да и для всѣхъ сторонъ тогдашней Руси онъ былъ заступникъ твердый и надежный, никогда не оставлявшій безъ должнаго возмездія никакой общественной или политической обиды и вины. При всемъ миролюбіи и именно въ интересахъ земской тишины, онъ не вѣрилъ въ ту истину, что „худой миръ лучше доброй брани", ибо хорошо зналъ, что, живя въ лживомъ миру, люди, какъ выражается лѣтописецъ, „великую пакость землямъ творятъ", и потому международныя ссоры стремился оканчивать лучше доброй бранью, чѣмъ худымъ миромъ, злыхъ казнилъ, а добромысленныхъ миловалъ. „Кто вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните", говорилъ онъ и новгородцамъ, подтверждая имъ этотъ уставъ старой русской жизни въ то время, какъ возстановлялъ у нихъ старую ихъ волю и уставы первыхъ князей. Злыхъ рязанскихъ князей онъ смирилъ безъ пощады, и по всему вѣроятію въ то уже время отнялъ у нихъ Коломну.

Лѣтописецъ восхваляетъ его княжескій судъ, какъ судъ истинный, не лицепріятный, и отмѣчаетъ при этомъ особую и рѣдкую черту его суда, что судилъ онъ не опасаясь лица сильныхъ своихъ бояръ, защищалъ отъ ихъ обидъ, насилій и порабощенія меншихъ людей, сиротъ, какъ именовали тогда крестьянское сословіе.

И вотъ послѣ Андрея и Всеволодъ является господиномъ русской земли, обладателемъ той плотной силы, которая распространяла его волю на всѣ русскія украйны отъ ильменскаго Новгорода до прикарпатскаго Галича.

По всей землѣ прошелъ слухъ объ немъ, говоритъ лѣтописецъ, и только его имени трепетали всѣ враждебныя украйны, особенно половцы на Дону и болгары на Волгѣ. Слово о Полку Игоревомъ, обращаясь къ нему, восклицаетъ: „Ты можешь Волгу веслами раскропить, а Донъ шлемами вылить. Еслибъ ты былъ въ томъ полку, то плѣнныхъ продавали бы по ногатѣ и по рѣзани", т. е. очень дешево, по 30 и по 15 копѣекъ. И не возносился онъ и не величался своею силою, но на Бога возлагалъ надежду, говоритъ лѣтописецъ, и Богъ покорялъ ему всѣхъ враговъ его.

Какъ и при Андреѣ, такъ и у Всеволода, плотная его сила находилась въ самой Суздальской землѣ, въ характерѣ ея населенія, подъ вліяніемъ котораго развивались и достославныя личныя качества великаго князя. Онъ потому былъ силенъ, что являлся во всѣхъ своихъ дѣлахъ полнымъ и истиннымъ выразителемъ политическихъ стремленій своей страны, выразителемъ ея жизненныхъ идеаловъ. Сила каждаго историческаго дѣятеля всегда скрывается въ его духовномъ родствѣ съ идеалами и стремленіями самаго народа или того общества, которое выдвигаетъ его своимъ руководителемъ.

Въ земскихъ отношеніяхъ при Всеволодѣ совершилось весьма замѣчательное событіе: былъ созванъ земскій соборъ, первый по времени (1211 г.). На этомъ соборѣ по новому порядку рѣшался старый суздальскій вопросъ, какому городу быть главою и владѣтелемъ всего княженія, Ростову великому, или Владиміру мизинному. Въ 1206 г. старшій сынъ Всеволода Константинъ былъ съ особымъ торжествомъ посаженъ княжить въ Новгородѣ, но на другой годъ, по случаю похода на Черниговъ и Рязань, отозванъ помогать отцу, а затѣмъ посаженъ княжить въ Ростовѣ. Это былъ первый сыновній надѣлъ изъ великаго княженія, случившійся вѣроятно по той причинѣ, что бывшему новгородскому князю нельзя уже было оставаться безъ княженія. Великій князь Всеволодъ такимъ образомъ указывалъ Ростову второе мѣсто послѣ Владиміра, которое при его братѣ Михаилѣ принадлежало Переяславлю. Но Ростовъ и спустя 30 лѣтъ послѣ борьбы съ мизиннымъ Владиміромъ не забылъ своей старины и думалъ иначе. Великій князь, чувствуя, что приходитъ время отойдти къ отцамъ и дѣдамъ, рѣшился при жизни устроить всегда спорное дѣло наслѣдства.

Послѣ себя онъ назначилъ владимірскій старшій столъ Константину, а Ростовъ второму сыну Юрью. Константинъ, т. е. величавый Ростовъ не захотѣлъ подчиниться такому обидному распоряженію и потребовалъ, чтобы Владиміръ отданъ былъ къ Ростову, какъ его пригородъ. Непослушный сынъ совсѣмъ даже не поѣхалъ къ отцу

во Владиміръ послѣ напрасныхъ вызововъ. Тогда, чтобы сломить ростовскія притязанія, Всеволодъ созвалъ во Владиміръ всѣхъ своихъ бояръ съ городовъ и съ волостей, все духовенство—епископа Іоанна, игуменовъ и поповъ, и купцовъ, и дворянъ, и всѣхъ людей, и на этомъ соборѣ отдалъ старѣйшинство въ великомъ княженіи и великокняжескій столъ во Владимірѣ второму сыну Юрью, что и было утверждено присягою всѣхъ людей. Такое соборное рѣшеніе можно было бы приписывать только намѣренію самого великаго князя, желавшаго въ этомъ случаѣ поступить самодержавно и навязать всему земству присягу своему властному распоряженію. Но мы видѣли, что слишкомъ 30 лѣтъ назадъ, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, владимірцы, дѣйствуя вполнѣ независимо и самостоятельно, присягнули не только самому Всеволоду, но и его дѣтямъ съ единственнымъ желаніемъ укрѣпить у себя власть избраннаго князя на долгое время, даже и въ его потомствѣ. Они боролись съ Ростовомъ за старшинство. И теперь всѣ люди сошлись на призывъ великаго князя съ тою же думою, какъ избавиться отъ ростовскаго старшинства, какъ лучше укрѣпить себя противъ ростовскихъ притязаній. Мизинные новые люди дѣйствуютъ не по старому вѣчевому порядку, „на чемъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ, какъ старшимъ любо, такъ младшіе и должны поступать" — новые люди требуютъ, чтобы столько же уважались и голоса младшихъ, требуютъ земскаго равенства голосовъ и потому собираютъ ихъ отъ всей земли въ образѣ земскаго собора. На вѣчевомъ рѣшеніи достаточно было соглашенія старшихъ, достаточно было того, какъ поставятъ въ Кіевѣ, въ Новгородѣ, или въ Ростовѣ, такъ все и должно быть исполнено. Младшіе не смѣли слова вымолвить и отъ того тотчасъ начинались усобицы и въ Кіевѣ между князьями, и въ вольномъ Новгородѣ между концами. Теперь въ Суздальской землѣ на историческое поприще выходилъ пригородъ, т. е. посадъ стараго города и выносилъ новое начало земскихъ отношеній, земскій соборъ, гдѣ надобныя дѣла должны утверждаться общимъ обоюднымъ рѣшеніемъ старшихъ и младшихъ.

Услышавъ это, ростовцы, говоритъ лѣтописецъ, воздвигли свои брови со гнѣвомъ на свою младшую братью. За вину князя, Ростовъ, какъ въ древности Полоцкъ, отдѣлился отъ великаго княженія и сталъ жить особою жизнью.

Вмѣсто него вторымъ по старшинству столомъ остался Переяславль, который былъ отданъ третьему сыну Всеволода, Ярославу.

По смерти отца, Константинъ все-таки пошелъ добывать себѣ старшинство; но Юрій съ Ярославомъ усмирили его: противъ двоихъ ему трудно было бороться. Однако, Ростовъ не покидалъ своей мысли и, дождавшись благопріятныхъ обстоятельствъ, призвалъ себѣ на помощь Мстислава Удалого, который, на Липецкой битвѣ, разгромивъ Ярослава и Юрья, помогъ Константину взять свое старшинство. Старшинство было добыто, но сила новыхъ вещей была непобѣдима.

Побѣдившій на военномъ полѣ Константинъ сѣлъ на великое княженіе все-таки не въ Ростовѣ, а въ томъ же ростовскомъ пригородѣ Владимірѣ, который прежде просилъ въ придачу къ Ростову. Это показывало, что средоточіе суздальской жизни уже невозможно было перенести въ другой, хотя бы и очень старый городъ.

Несомнѣнно, что здѣсь стояли за себя причины экономическія, торговыя и промышленныя, которыя по всему вѣроятію и вызывали борьбу между этими городами. Повидимому, съ древнѣйшаго времени Ростовъ вполнѣ зависѣлъ отъ кіевскаго торга, направлявшагося дальше къ сѣверу, къ Бѣлозерской веси и который въ это время отъ замѣшательства въ цареградскихъ торгахъ, по случаю взятія Царьграда крестоносцами, сталъ упадать. Торговыя дороги измѣнили свое направленіе, въ слѣдствіе чего Владиміръ, стоявшій на перепутьи изъ Кіева въ Ростовъ черезъ Москву и на перепутьи отъ Новгорода и отъ западныхъ областей къ Волгѣ, сталъ пріобрѣтать значеніе новаго торговаго и промышленнаго стана, между тѣмъ какъ Ростовъ оставался въ сторонѣ.

Константинъ прокняжилъ только два года. Послѣ него опять сталъ княжить Юрій, которому присягала вся земля. Онъ отличался необыкновеннымъ миролюбіемъ. Однажды, когда братъ его Ярославъ поднялъ было противъ него крамолу, онъ тотчасъ окончилъ ссору, пригласивъ всѣхъ князей на снемъ, на княжеское вѣче, гдѣ привелъ ихъ въ такую любовь, что всѣ они поклонились ему, какъ отцу родному. Впрочемъ, дѣти и внуки Всеволода вообще были миролюбивы и тѣмъ въ значительной степени отличались отъ южныхъ князей, что конечно больше всего зависѣло не отъ ихъ личныхъ характеровъ, а отъ той среды и отъ той почвы, гдѣ они жили, отъ характера самой суздальской народности, для которой миръ и тишина въ странѣ были дороже денегъ, ибо во время смуты развѣ можно было добывать и самыя деньги, не грабежемъ, какъ дѣлывала обыкновенно дружина, а собственнымъ трудомъ, промысломъ и работою? Вотъ почему и Юрій прокняжилъ около 25 лѣтъ и прокняжилъ бы еще болѣе, еслибъ не былъ убитъ въ нашествіе Батыевыхъ татаръ.

Суздальская страна стало быть достигла своей цѣли, всячески установляя у себя единовластіе князей. Мы видѣли, что дѣдъ Юрья Юрій же (Долгорукій) держалъ суздальское княженіе болѣе 50 лѣтъ, Андрей 20, Всеволодъ 35, самъ Юрій 25 лѣтъ. При этомъ на междоусобія отчисляется всего пять—шесть лѣтъ.

Можно полагать, что продолжительному единовластію князей много способствовало единство интересовъ во всѣхъ углахъ суздальской страны, крѣпкая ихъ связь, крѣпкая экономическая зависимость этихъ угловъ другъ отъ друга. Повидимому, ни одна княжеская волость не могла существовать сама по себѣ безъ помощи другой, сосѣдней, или даже и удаленной. Главные торги съ Новгородомъ и съ болгарами на Волгѣ, какъ и съ западомъ и югомъ были такъ рас-

предѣлены, что необходимо было всегда проѣзжать по чужой волости, подвергаться чужому мытарству, еслибъ волости были раздѣльны, а не находились въ одной рукѣ. Такія условія быта и жизни по необходимости устремляли народную мысль къ идеалу единства и въ политическомъ устройствѣ земли. Поэтому естественно, что каждый великій князь въ Суздальской землѣ необходимо являлся могущественнымъ и сильнымъ: онъ всегда чувствовалъ подъ собою твердое и устойчивое основаніе въ общемъ мнѣніи всего своего земства. По той же самой причинѣ Суздальская земля пользовалась на Руси авторитетомъ земли сильной, непобѣдимой, о чемъ передъ Липецкою битвою говорилъ даже Мстиславъ Удалый. Именно по поводу Липецкой битвы, гдѣ земское единство Суздальской страны было нарушено, лѣтописецъ, до толѣ не видавшій такой междоусобной битвы, съ изумленіемъ восклицаетъ: „О страшное и дивное чудо! отцы шли противъ дѣтей, дѣти противъ отцовъ, братъ противъ брата, рабы противъ господъ, господа противъ рабовъ!“—Какъ тяготились даже и ростовскіе земцы княжескими междоусобіями и какъ они отыскивали единаго князя, объ этомъ говорятъ ихъ преданія, записанныя въ лѣтопись по всему вѣроятію изъ современныхъ пѣсенъ-былинъ.

Послѣ междоусобій ростовскаго Константина съ Юрьемъ владимірскимъ, кончившихся хотя и печально для Юрья, но не менѣе печально и для Ростова, который съ тѣхъ поръ окончательно потерялъ свое старѣйшинство, ибо Константинъ перешелъ княжить во Владиміръ,—послѣ этой побѣды мизиннаго города надъ великимъ, ростовскіе богатыри по призыву Александра Поповича собрались думать думу, какъ быть и жить, земля треснула и дѣлится на части. „Если станемъ служить князьямъ по разнымъ княженьямъ, говорили они, то хочешь не хочешь, всѣ будемъ перебиты, потому что въ князьяхъ великое неустройство и частыя усобицы“,—и рѣшили такъ: „Пойдемъ всѣ служить единому великому князю въ матери всѣмъ русскимъ городамъ, въ Кіевѣ“,—гдѣ тогда княжилъ Мстиславъ Романовичъ, державшій земскую тишину 10 лѣтъ. Съ нимъ богатыри и погибли на рѣкѣ Калкѣ, на первомъ бою съ татарами.

Пѣсни-былины, воспѣвая преданія первыхъ временъ, воспѣвали собственно богатырскую службу единому князю. Народъ слушалъ эти пѣсни и воспитывался идеею единаго князя въ образѣ славнаго Владиміра Краснаго Солнышка, равно на всѣхъ свѣтившаго и равно всѣхъ согрѣвавшаго. Такова была первичная почва, на которой созрѣвала идея единодержавія. Народное созерцаніе ни въ какомъ случаѣ не могло сочувствовать боярскому порядку вещей, этому безконечному раздробленію и размельченію земли на особыя княжества и особыя волости, которое разрушало народное единство и происходило только отъ размноженія князей силою нарожденія. Каждая самобытная и самостоятельная область съ теченіемъ времени необходимо дѣлилась на части, помышлявшія тоже о самостоятельности и само-

бытности, или по крайней мѣрѣ о независимости отъ цѣлаго, и вся Русская земля въ сущности представляла тотъ первичный организмъ естества въ родѣ животно-растенія, который могъ безконечно дѣлиться, какъ бы ничего не нарушая и ничего не теряя изъ состава своей жизни. Иные очень утѣшаются тѣмъ, что это была добрая федерація, къ несчастію погибшая прежде времени!

Нашествіе татаръ въ полной ясности раскрыло всѣ добродѣтели этой федераціи, которая оказалась совсѣмъ неспособною не только отразить, но сколько нибудь воспротивиться наносимому удару. Всѣ лѣтописцы единогласно говорятъ, что Господь Богъ, желая наказать русскую землю за людскіе грѣхи, отнялъ у нея умъ: навелъ Господь на всѣхъ недоумѣніе и грозу и страхъ и трепетъ. Князья не обнаруживали ни малѣйшаго политическаго смысла и дѣйствовали каждый особо, да и тутъ безъ ума и соображенія: разразилась страшная трагедія надъ Русскою землею, приходилось только съ честью погибать.

Дикіе кочевники татары повидимому знали тогдашнюю Русь лучше самихъ князей и вели свое дѣло искуснѣйшимъ образомъ. Они несли свой безпощадный ударъ прежде всего на разбогатѣвшую Суздальскую землю и притомъ зимою, въ такое время, когда въ лѣсной землѣ меньше всего можно было ожидать именно нашествія кочевой Орды. По всѣмъ видимостямъ, Батый очень хорошо зналъ не только всѣ обстоятельства ему благопріятныя, но и всѣ торные пути вдоль и поперегъ, и въ одинъ мѣсяцъ опустошилъ и поплѣнилъ всю страну изъ конца въ конецъ. Онъ какъ бы зналъ, что, сокрушивъ прежде сѣверную Русь, болѣе другихъ богатую и сильную, онъ безъ помѣхи потомъ сокрушитъ и весь югъ. Такъ и случилось. Много князей погибло въ это время. Въ Суздальской странѣ спаслось однако 15 человѣкъ, все молодежь или малыя дѣти, за исключеніемъ троихъ братьевъ Юрья.

Татары ушли, какъ разбойники, оставивъ вмѣсто жилья пустыню и не давъ землѣ никакого уложенья, о чемъ, впрочемъ, они никогда и не думали. Братъ убитаго Юрья, Ярославъ, изъ Кіева, гдѣ онъ княжилъ въ то время, поспѣшилъ на великое княженіе во Владиміръ и былъ встрѣченъ съ великою радостію какъ бы избавитель отъ татарскаго погрома. Лѣтописецъ восхваляетъ его именно за то, что онъ крѣпкою рукою возстановилъ спокойствіе, собралъ разбѣжавшихся людей, утѣшилъ ихъ всякою помощію, похоронилъ трупы, очистилъ церкви. Извѣстно, что когда татары ушли, то по землѣ прошелъ такой полохъ, что и сами не знали, гдѣ и куда кто бѣжитъ. Посреди всеобщаго ужаса, въ умахъ народа Ярославъ явился крѣпкимъ избавителемъ и собирателемъ Суздальской земли, за что и восхваляетъ его лѣтописецъ, опять выражая своими похвалами основную и коренную земскую мысль, то есть всенародную потребность тишины и порядка.

Татарское порабощеніе во многомъ измѣнило первоначальный ходъ и характеръ суздальской исторіи. Его суровая тягость прежде всего была почувствована самими князьями. Изъ прежнихъ вольныхъ людей, которые оскорблялись даже и отеческою властью великаго князя, если она становилась, хотя бы и по ихъ винѣ, слишкомъ суровою, которые меньше всего выносили и малѣйшее господственное отношеніе къ себѣ, изъ такихъ то независимыхъ людей они теперь сдѣлались холопами татарскаго хана и какъ бы сравнялись съ послѣдними смердами своей земли.

Только спустя четыре года послѣ всеобщаго разгрома, когда Земля нѣсколько отдохнула, во Владиміръ явился отъ Батыя посолъ съ повелѣніемъ великому князю идти немедленно въ Орду. Ярославъ пошелъ безъ прекословія, взявъ съ собою одного изъ сыновей, Константина, и близкихъ бояръ. Батый принялъ его съ честью, но „злѣе зла честь татарская“, восклицаетъ южный лѣтописецъ, разсказывая какъ съ такою же и быть можетъ еще съ бо̀льшею честью былъ принятъ Батыемъ Даніилъ Галицкій. Нѣчто объ этой чести, оказанной Ярославу, сказываетъ очевидецъ Плано Карпини. Онъ говоритъ, что приставленные къ великому князю татары, какъ ни были ничтожны по своему положенію во дворѣ Батыя, ходили однако впереди великаго князя и всегда занимали первое и верхнее мѣсто передъ нимъ. Впрочемъ, на церемоніи избранія новаго хана ему почти всегда давали первое мѣсто предъ всѣми другими покоренными владѣтелями, что конечно обозначало особый политическій вѣсъ русскаго князя.

Батый утвердилъ Ярослава великимъ княземъ всей Русской земли, нетолько суздальской, но и кіевской. „Будь ты старѣйшиною всѣмъ князьямъ въ Русской землѣ“, сказалъ онъ, вѣроятно очень довольный уже тѣмъ, что великій князь суздальскій явился къ нему первый, не помедливши. О подчиненіи Кіева суздальскому князю стало быть просилъ самъ Ярославъ, ибо ханы не вмѣшивались въ порядокъ русскаго старшинства.

И остальные князья Суздальской земли, братья Ярослава, и ростовскіе князья, точно также должны были идти въ Орду, дабы утвердиться въ своихъ княженіяхъ. Батый разсудилъ имъ сидѣть каждому въ своей отчинѣ, т. е. утвердилъ порядокъ уже существовавшій въ княжескомъ наслѣдствѣ Суздальской земли. И южные князья въ прежнее время старались о томъ, чтобы каждый держалъ свою отчину. Теперь на сѣверѣ это стало закономъ и отчинная крѣпость княженья пріобрѣла смыслъ собственности или вотчины въ обычномъ значеніи.

На другой же годъ, 1245, всѣ князья, и съ великимъ во главѣ, опять отправились въ Орду къ Батыю, теперь какъ видно по случаю устава о даняхъ. Всѣ были отпущены, кромѣ великаго князя, который долженъ былъ идти къ самому хану, вновь избранному, присутствовать при его воцареніи. Тамъ, послѣ торжества, онъ позванъ былъ къ матери великаго повелителя на угощенье. Царица изъ собствен-

ныхъ рукъ поднесла ему питье, отъ котораго великій князь, возвратившись въ свой шатеръ, тотчасъ же занемогъ и померъ въ седьмой день. Все тѣло его удивительнымъ образомъ позеленѣло, говоритъ очевидецъ Плано Карпини. Всѣ говорили, что онъ опоенъ ядомъ съ цѣлью завладѣть его землею. Татарамъ это было вовсе не нужно, но кому либо изъ русскихъ князей и ихъ бояръ такая цѣль могла быть очень желательна. И послѣ, всякія крамольныя дѣла устраивались при помощи царицъ же. Наши южныя лѣтописи тоже говорятъ, что великій князь былъ уморенъ зельемъ. Сѣверныя разсказываютъ глухо, что померъ нужною (насильственною) смертію, бывши оклеветанъ нѣкіемъ Ѳедоромъ Яруновичемъ, что принялъ многое истомленіе, положилъ душу за други своя и за Русскую землю. Повидимому, эта напасть шла изъ кіевской Руси, ибо можно полагать, что Ѳедоръ Яруновичъ былъ сынъ извѣстнаго воеводы Мстислава Торопецкаго, Яруна, разгромившаго Ярослава на Липецкой битвѣ, и потомъ участвовавшаго въ битвѣ на Калкѣ. Ѳедоръ Яруновичъ, конечно, дѣйствовалъ и орудовалъ не для себя же, но въ чью либо пользу. Есть извѣстіе, что царица особымъ посломъ вызывала къ хану Ярославова сына Александра Невскаго, дабы передать ему великое княженіе, но быть можетъ тоже съ цѣлью и его извести.

Какъ бы ни было, но съ того же года Русь стала платить дань въ Золотую Орду, Батыеву. Если, по слову лѣтописца, Ярославъ пострадалъ за друзей и за Русскую землю, то можемъ полагать, что при установленіи даней онъ старался уменьшить ихъ количество, за что не полюбился татарамъ, а къ тому вѣроятно былъ изобличенъ своими же, какъ укрыватель.

По смерти Ярослава, съѣхались во Владиміръ его дѣти и братъ, Святославъ, которому по родовому праву принадлежало старшинство. Оно и было отдано ему, но какъ видно только по необходимости, не искренно, ибо новое отчинное или собственно семейное право, утвержденное и Батыемъ, оставило вопросъ о наслѣдствѣ спорнымъ. По суздальскому обычаю на великокняжескій столъ имѣли право и сыновья умершаго князя. Этотъ порядокъ еще при Всеволодѣ былъ утвержденъ, при его избраніи думою владимірцевъ, а предъ его смертью земскимъ соборомъ.

Святославъ роздалъ племянникамъ города, какъ распредѣлилъ имъ отецъ. Старшій сынъ Александръ Невскій сѣлъ въ старшемъ городѣ послѣ Владиміра, въ Переяславлѣ; второй—Андрей въ Суздалѣ, къ которому принадлежали волжскіе города: Городецъ и Нижній Новгородъ; Константинъ въ Галичѣ; Михаилъ Хоробритъ въ Москвѣ; Ярославъ въ Твери, Василій Мизинный, самый меньшій, въ Костромѣ. Ростовская волость не входила уже въ составъ великаго княженія.

Если князья могли быть довольны такимъ раздѣломъ, то ихъ бояре никогда не бывали довольны, и потому всегда выводили князей на добычу лучшихъ волостей.

Изъ сыновей Ярослава наиболѣе притязательнымъ въ этомъ отношеніи оказался вовсе не старшій, но второй, Андрей, который тогда же поспѣшилъ въ Орду къ Батыю, конечно объявлять свои права на великое княженіе. Но Батый, соблюдая и въ русской землѣ порядокъ старшинства, позвалъ къ себѣ и старшаго сына, Александра. Оба они были отправлены отъ Батыя къ самому хану. Путешествіе ихъ продолжалось два года. Между тѣмъ на Руси московскій князь Михаилъ Хоробритъ согналъ съ великаго княженія дядю Святослава, но самъ въ тотъ же годъ былъ убитъ на бою съ Литвою. Неизвѣстно въ чью пользу дѣйствовалъ московскій князь; нѣкоторыя извѣствія говорятъ, что онъ самъ сѣлъ на великомъ княженіи. Но почти современныя извѣстія XIII вѣка свидѣтельствуютъ, что не Михаилъ, а Андрей прогналъ дядю Святослава. Судя по послѣдующимъ событіямъ, это очень вѣроятно, и Михаилъ, какъ ближайшій сосѣдъ къ Владиміру, могъ дѣйствовать вообще въ пользу своихъ братьевъ, уѣхавшихъ добывать себѣ старшинство. Выставлять Михаила простымъ грабителемъ, дѣйствовавшимъ только на свой страхъ, нѣтъ основаній, потому что нѣтъ въ эту сторону никакихъ свидѣтельствъ и даже намековъ. Москва была настоящій пригородъ Владиміра и потому сами владимірцы, быть можетъ, недовольные Святославомъ, могли позвать на помощь Михаила изъ Москвы.

Возвратившіеся братья Михаила дѣйствительно получили надъ дядею старшинство. Старшему Александру отданъ былъ Новгородъ и Кіевъ со всею Русскою (южною) землею, а младшему передъ нимъ Андрею владимірское великое княженіе, т. е. старшему достался титулъ, ибо Кіевъ уже со всѣмъ выпадалъ изъ власти великаго князя суздальскаго, а младшему досталось настоящее старшинство. Несомнѣнно, что эта хитрая сдѣлка съ Ордою была устроена Андреемъ прежде, чѣмъ прибылъ къ Батыю Александръ.

Невскій герой, крѣпкій защитникъ новгородской Руси отъ шведовъ, нѣмцевъ и литвы, поселился, конечно, не въ Кіевѣ, а въ своемъ любезномъ Новгородѣ, гдѣ его встрѣтили, выѣхавшаго изъ Орды, какъ воскресшаго изъ мертвыхъ, съ величайшею радостію. Съ южною Русью напротивъ больше всего находился въ связяхъ Андрей. Онъ въ это время (1250 г.) женился на дочери Даніила Галицкаго, и несомнѣнно окружалъ себя боярами и думцами, приходившими оттуда же. Послѣ раззоренія кіевской Руси, такихъ думцевъ много перешло именно къ суздальскимъ князьямъ. Они-то, какъ увидимъ, и разводили старозавѣтныя крамолы и усобицы между князьями. Добывать князю высокіе столы, а себѣ богатыя волости, было задачею жизни такихъ думцевъ.

Прошло года три, когда Александръ отправился наконецъ въ Орду (1252 г.), прямо жаловаться на брата Андрея, какъ написано у Татищева, что, обольстивъ хана, онъ не по правдѣ присвоилъ себѣ великое княженіе владимірское, что отнялъ у него, Александра, отчинные города, (Переяславль), что и дани платитъ хану не сполна.

Ханъ вознегодовалъ и повелѣлъ поставить Андрея передъ собою. Татарская рать подъ предводительствомъ царевича Неврюя, пройдя скрытно мимо Владиміра, направилась прямо на Переяславль, гдѣ находился Андрей и семья Ярослава Тверского, то есть весь узелъ настоящаго дѣла, которое, по всему вѣроятію, заключалось въ томъ, что вотчина Александра, Переяславль, какъ ближайшая къ Твери, переходила въ руки тверскаго князя. Андрей было вышелъ противъ татаръ, но былъ побитъ и убѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ не былъ принятъ; тогда онъ побѣжалъ дальше къ шведамъ, то есть къ врагамъ Александра. Переяславль былъ взятъ и разграбленъ; воевода Жидиславъ и Ярославова княгиня были убиты, а ея дѣти и многіе люди забраны въ плѣнъ. Татары быстро ушли. Такимъ образомъ потерпѣлъ одинъ Переяславль, ибо лѣтопись не говоритъ объ опустошеніи другихъ городовъ, только поздняя прибавляетъ, что татары заходили въ окрестности Суздаля и Ростова.

Вслѣдъ за тѣмъ возвратился изъ Орды и Александръ, пожалованный великимъ княженіемъ. Была радость великая въ городѣ Владимірѣ и во всей Суздальской землѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ, говоря о прибытіи Александра и замѣчая въ тоже время объ Андреѣ, что онъ съ своими боярами задумалъ лучше бѣгать, чѣмъ царямъ служить, побѣжалъ на невѣдомую землю.

За одно съ Андреемъ, какъ видѣли, работалъ и тверской Ярославъ. Когда Александръ, сдѣлавшись великимъ княземъ, оставилъ Новгородъ, и посадилъ тамъ своего старшаго сына Василья, то тверской князь поддерживаемый вячшими (лучшими, старѣйшими) людьми вольнаго города, задумалъ самъ сѣсть тамъ на княженье. Онъ, по выраженію лѣтописи, выбѣжалъ изъ своей отчины вмѣстѣ съ боярами и перебрался въ Ладогу, потомъ во Псковъ, а затѣмъ и въ Новгородъ. Сынъ Невскаго былъ изгнанъ. Отецъ ополчился, явился съ сильною ратью у самаго города, но войны не поднялъ, ибо Ярославъ убѣжалъ и крамола укротилась смѣною посадника. Оказалось, что большіе люди были противъ Александра, а меньшіе—черные, противъ большихъ, слѣд. за него. Большіе хотѣли покорить меньшихъ, хотѣли „уразить нашу сторону", какъ выражается лѣтописецъ, и посадить князя на всей своей (боярской) волѣ, почему вѣроятно и призванъ былъ Ярославъ тверской. Меньшіе укрѣпились, но по темнымъ навѣтамъ крамолы и самъ князь Александръ дѣйствовалъ въ пользу крамольниковъ, требуя выдачи, а потомъ смѣны посадника Ананьи. Чернь поняла въ чемъ дѣло и смѣнила посадника, снявъ вину и съ великаго князя. „Князь безъ грѣха, говорили люди, виноваты наши крестопреступники, что ссорятъ съ нами князя."

Послѣ переговоровъ, городъ отдался ему по прежнему на всей волѣ новгородской, которую должно отличать отъ воли боярской.

Общая неудача заставила и Андрея и Ярослава возвратиться изъ бѣговъ по домамъ. Они по прежнему оставались княжить въ своихъ

отчинахъ. Еслибъ Александръ помышлялъ о томъ, чтобы усилиться на счетъ другихъ, то онъ могъ бы двухъ своихъ братьевъ бѣглецовъ лишить ихъ отчинъ, которыя они сами покинули, отыскивая большаго; но онъ объ этомъ и не помышлялъ. Онъ не помышлялъ даже и о полномъ единовластіи въ смыслѣ самодержавія. Тогда это и въ голову никому не могло придти; всѣ князья—борцы и въ послѣдующее время помышляли лишь о томъ, какъ бы добыть великое княженіе. Въ этомъ одномъ и обнаруживались ихъ стремленія усиливаться на счетъ другихъ. Еще крѣпки были и въ суздальской Руси старые кіевскіе обычаи. Захваты, добыча лучшихъ волостей, какъ происходили тамъ, такъ случались и здѣсь. Но по большой части и здѣсь право возстановлялось и все оставалось въ прежнемъ порядкѣ, каждый оставался владѣльцемъ только своей отчины. Никакихъ государственныхъ стремленій еще и не пробуждалась.

Во все время своего княженія Александръ дѣлилъ свою великокняжескую власть съ тѣмъ же братомъ Андреемъ, особенно съ ростовскимъ княземъ Борисомъ, съ которымъ жилъ въ большой дружбѣ. Въ 1257 и 1258 годахъ, они два раза вмѣстѣ ѣздили въ Орду, несомнѣнно по поводу назначенной ханомъ переписи всего народа для установленія дани, и вмѣстѣ же устраивали это великое земское дѣло даже и въ Новгородѣ.

Какъ извѣстно, вольный городъ, жившій далеко отъ татарской грозы, на самомъ краю Русской земли, сопротивлялся въ этомъ случаѣ до послѣдней возможности. Великій князь такимъ образомъ очутился между двухъ огней, равно опасныхъ, изъ которыхъ высвободился съ величайшимъ трудомъ. Но здѣсь-то и раскрылся основной характеръ его внутренней политики, которая послужила примѣромъ и на будущее время для князей, хорошо понимавшихъ, въ чемъ должна заключаться истинная служба Русской землѣ.

Современники Александра и особенно новгородцы высоко ставили его личность, какъ неутомимаго и непобѣдимаго оборонителя земли отъ внѣшнихъ враговъ. Они столько же чтили въ немъ и крѣпкаго оборонителя отъ внутреннихъ враговъ, хорошо помня старозавѣтное преданіе, что князь не напрасно носитъ мечъ, но въ месть злодѣямъ и въ оборону добрымъ. Не смотря на многія крамолы противъ него недовольныхъ имъ, общее мнѣніе всего народа всегда оставалось на его сторонѣ и оправдывало его великокняжескіе поступки, какъ поступки правдиваго и твердаго судьи. Никто не сомнѣвался въ томъ, что это былъ истинный и доблестный слуга Русской землѣ. Но теперь настало время, когда отъ великаго князя требовалась и еще не малая служба—служба татарскому хану. Теперь настали обстоятельства, когда прямая служба землѣ должна была покривиться службою татарамъ, когда эта прямая служба должна была во многихъ случаяхъ являться даже подъ маскою ретивой татарской службы и приносить ей нравственно тяжелыя, но не отрази-

мыя и неминуемыя жертвы. Всѣ прямые пути изчезли, потерялись; необходимо было пробираться околицами узкими и тѣсными утаенными путями. Кто хотѣлъ истиннаго добра Землѣ, тотъ хорошо долженъ былъ понимать новыя обстоятельства. Александръ и въ этомъ случаѣ сталъ на высотѣ своего велико-княжескаго положенія.

Въ 1257 г. татарскіе численики переписали всю Суздальскую землю, и Рязанскую, и Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ (десятитысячниковъ). Оставили безъ переписи на льготѣ только одно духовенство и крилошанъ, слугъ и работниковъ церкви, кто зритъ на св. Богородицу и на владыку-митрополита.

Затѣмъ пришла злая вѣсть и въ Новгородъ и очень смутила вольныхъ людей: все лѣто они были въ смятеніи. Татары у нихъ требовали не переписи, а тамги и десятины — пошлины и десятой части съ товара. Они хорошо знали, чего больше придется получить съ торговыхъ людей. Зимою съ послами татарскими пріѣхалъ и великій князь Александръ. Люди укрѣпились и не дали ничего. Отправили только царю богатые дары. За одно съ вольными людьми стоялъ и ихъ князь, старшій сынъ Александра, Василій, который съ приходомъ отца убѣжалъ во Псковъ. Отецъ очень разгнѣвался на него, выгналъ изъ Пскова и лишилъ навсегда княженія, а дружину его, которая на зло его водила, повелѣлъ казнить: кому носъ урѣзали, кого ослѣпили. Одними дарами ханъ, конечно, не могъ удовлетвориться. Князья опять ѣздили въ Орду и возвратились несомнѣнно съ приказомъ устроить если не десятину и тамгу, то перепись и въ Новгородѣ. Они возвратились осенью 1258 г., а зимою явились численики и пошли въ Новгородъ съ князьями. Впередъ себя они же вѣроятно отправили лживаго посла, что если вольные люди не пойдутъ на перепись то уже полки татарскіе стоятъ въ Низовской земли. Быть можетъ и самый приходъ татарскихъ пословъ подалъ поводъ къ этой вѣсти. Новгородцы подались. Но когда пришли къ нимъ численики, возсталъ великій мятежъ. Татары изъ боязни выпросили у великаго князя даже сторожей. Чернь не хотѣла идти на перепись, а вятшіе настаивали. Князья и татары отъ мятежа ушли изъ города. Наконецъ люди покорились, отдались числу, по совѣту злыхъ, какъ выражается лѣтописецъ. „Творяхъ бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло“. Вотъ гдѣ стало быть находилась существенная причина народнаго волненія. Не число было страшно, а было ненавистно его распредѣленіе.

Окончивъ дѣло, татары ушли, но великаго князя новгородцы удержали на время, почтили его дарами и отпустили съ любовью, посадивъ у себя на княженіе его сына Димитрія. Однако одинъ лѣтописецъ выражается, что Александръ б ѣ ж а л ъ изъ Новгорода. На пути онъ заѣхалъ въ Ростовъ, къ св. Богородицѣ, помолился усердно, принесъ храму десятину своего добра, благословился у епископа и вы-

молвилъ ему рѣчь, которая показывала всю трудность его подвига. „Отче господине! сказалъ онъ владыкѣ,—твоею святою молитвою и въ Новгородѣ я пребывалъ по здорову, и сюда опять пріѣхалъ по здорову".

Тяжесть татарской дани усиливалась еще тѣмъ, что татары отдавали дань на откупъ именно бесерменамъ, какъ назывались тогда мусульмане. Еще Батый поставлялъ ихъ волостелями даней, т. е. вѣроятно тѣми десятниками, сотниками и тысячниками, которымъ онъ отдалъ сборъ всѣхъ даней. Лютое истомленіе и раззореніе испытывали люди отъ этихъ сборщиковъ. Неуплаченная во время дань наростала непомѣрными процентами, а неоплаченные должники по русскому же закону поступали въ рабство и уводились изъ своей земли въ далекія страны, какъ скотъ, на продажу.

Спустя года три послѣ переписи, люди больше не стерпѣли; вложилъ Богъ ярость въ сердца христіанамъ, созвонили по всѣмъ городамъ вѣче и выгнали всѣхъ бесерменъ, иныхъ убили, иные, спасаясь отъ погибели, крестились. Одни лѣтописцы, радуясь этому событію, говорятъ глухо, что поднялся самъ народъ; но безъ участія князей по всѣмъ городамъ этого сдѣлать было невозможно. Другіе такъ и говорятъ, что сами князья согласились изгнать бесерменовъ. Въ неизданныхъ спискахъ встрѣчаемъ прямое свидѣтельство, что „великій князь Александръ совѣтъ сотвори по всей русской землѣ и повелѣ бусурманъ изгнати отъ многихъ городовъ". Это подтверждаетъ и одинъ изъ напечатанныхъ, Устюжскій, разсказывая, что „было вѣчье на бесермены по всѣмъ городамъ русскимъ, и побиша татаръ вездѣ, не терпяще насилія отъ нихъ, занеже умножишася татарове во всѣхъ градѣхъ, ясащики (сборщики) живуще, не выходя, и пріиде на Устюгъ грамота отъ великаго князя Александра Ярославича, что татаръ бити..."

По всему вѣроятію, съ этого времени сборъ даней остался въ рукахъ князей, съ какою цѣлью они и дѣйствовали сообща всѣ за одно. Александръ конечно поспѣшилъ въ Орду отвѣчать за событіе. Уже посланы были татарскіе полки. Ханъ Беркай къ тому же требовалъ русскаго войска себѣ на помощь, вѣроятно на войну съ Персіею. Великій князь успѣлъ отмолить людей отъ бѣды. Но ханъ удержалъ его въ Ордѣ и на зиму. Тамъ великій князь разболѣлся, больной поѣхалъ на Русь и на пути, въ Городцѣ на Волгѣ, скончался. „Дай Господи милостивый видѣти ему лице Твое въ будущій вѣкъ, что потрудился за Новгородъ и за всю Русскую землю!" восклицаетъ по этому случаю новгородскій лѣтописецъ. „Отца человѣкъ можетъ забыть, а добраго господина, еслибъ можно, и въ гробъ съ нимъ бы влѣзъ. Поработалъ Госпoду крѣпко!" восклицаетъ псковскій лѣтописецъ, изображая свое горе по случаю кончины этого великаго труженика за Русскую землю. Митрополитъ всея Руси, Кириллъ, пребывавшій тогда во Владимірѣ, сказалъ людямъ: „Чада моя милая!

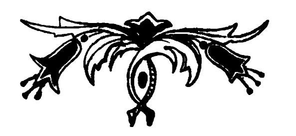
Поймите, что уже зашло солнце Суздальской земли!"—„Уже погибаетъ!" восклицали всѣ люди, и богатые и убогіе.

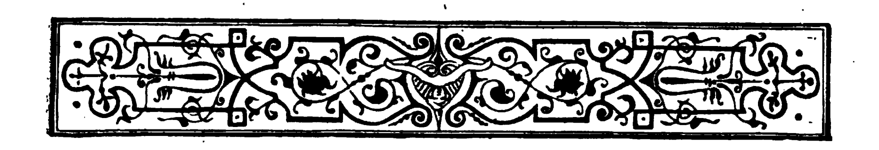
Вотъ въ какихъ выраженіяхъ являлась истинная оцѣнка политики Невскаго героя. Нашимъ либеральнымъ судомъ мы можемъ засудить его и въ самодержавномъ деспотизмѣ, и въ нравственной кривизнѣ относительно службы татарамъ; но, по правдѣ сказать, мы судимъ легкомысленно, совсѣмъ не зная подробностей и обстоятельствъ тогдашнихъ народныхъ воззрѣній и отношеній. Ясно для насъ одно, что Александръ былъ поборникомъ только общихъ всенародныхъ выгодъ, для которыхъ онъ не задумывался жертвовать частными мѣстными или сословными и мимоходящими только выгодами. Народъ это хорошо понималъ не въ одной Суздальской землѣ. Но больше всего въ вольныхъ городахъ, для которыхъ Александръ дѣйствительно потрудился много. Своими подвигами и своимъ поведеніемъ, и относительно народа, и относительно татаръ, онъ оставилъ въ народномъ умѣ неизгладимый идеалъ князя желаннаго для тогдашнихъ темныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ Русской земли и вотъ почему народъ почтилъ его святостію почти въ самый день его смерти.

Естественно, что всеобщая любовь къ Невскому и почтеніе къ его памяти необходимо возвышали и его потомство, дѣтей и внуковъ, которые въ глазахъ народа были славными людьми уже потому что были дѣти и внуки славнаго князя. Но и въ дѣйствительности его колѣно, какъ бы по завѣту родителя, всегда работало усерднѣе и доблестнѣе чѣмъ другіе князья и за Новгородъ и за всю Русскую землю.

*(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).*

**Ив. Забѣлинъ.**





# ЧЕРНИГОВКА [1].

Быль второй половины XVII вѣка.

## VI.

Подъ городомъ Чигириномъ, на широкой равнинѣ, по которой змѣится извилистая рѣка Тясминъ, раскинулся станъ козацкій, разбросались купы полотняныхъ шатровъ, образованныя по полкамъ, высланнымъ гетманомъ. Между этими шатрами пестрѣютъ палатки начальныхъ лицъ; ихъ пологи изъ цвѣтной ткани, а не верхахъ ихъ пуки павлиныхъ перьевъ. Далѣе отъ козацкаго стана, надъ рѣкою Янчаркою, расположенъ станъ царскихъ великорусскихъ войскъ подъ начальствомъ Григорія Ивановича Косагова. Это отряды, которые выслали къ Чигирину гетманъ Самойловичъ и бояринъ Ромодановскій, удержавши остальныя войска свои въ станѣ подъ Вороновкою.

Начальникомъ или наказнымъ гетманомъ надъ высланными козаками назначенъ генеральный бунчужный Леонтій Полуботокъ, тогда временно занимавшій урядъ переяславскаго полковника. Собрались у него въ шатрѣ полковники: черниговскій, гадяцкій и миргородскій. Наказной гетманъ объявилъ, что Григорій Ивановичъ Косаговъ посылаетъ къ Дорошенку увѣщательную грамоту, и козаки должны послать такую жъ отъ своего гетмана.

Полуботокъ громко прочиталъ составленную генеральнымъ писаремъ грамоту, и передавая ее Борковскому, сказалъ:

— Василій Кашперовичъ! Выбери кого нибудь послать съ этимъ письмомъ. Знатнаго чиновнаго человѣка не посылай. Довольно ужъ чествовать этого надувалу! Пошли къ нему какого нибудь рядовика,

[1]) Продолженіе. См. стр. 46—74.

такого только, чтобы съумѣлъ поразсмотрѣть, что тамъ творится въ Чигиринѣ.

— У меня какъ разъ такой сыщется, отвѣчалъ Борковскій и ушелъ съ грамотою въ свою ставку, отстоявшую отъ Полуботковой саженъ на пятьдесятъ.

Оставшіеся въ шатрѣ у Полуботка стали пить и закусывать, а Борковскій, пришедши въ свой шатеръ, велѣлъ позвать Булавку и сказалъ:

— Панъ сотникъ! Посылай шурина своего Молявку вотъ съ этимъ письмомъ къ Дорошенку и скажи, чтобъ шуринъ твой, будучи въ Чигиринѣ, все что только можно тамъ подглядѣлъ и подслушалъ. Онъ не дуракъ, пойметъ!

Булавка, передавая шурину эту грамоту, говорилъ:

— Вотъ тебѣ, голубчикъ мой, важное порученіе. Теперь тебѣ время и случай показать себя передъ всѣми людьми и панствомъ. Зови съ собою трубача.

Молявка, вмѣстѣ съ трубачемъ, отправился къ окраинѣ нижняго города Чигирина, отстоявшаго на добрую версту отъ козацкаго стана. Собственно это и былъ городъ въ смыслѣ людского поселенія, такъ какъ то, что называлось верхнимъ городомъ, былъ, только замокъ или цитадель. Нижній городъ былъ обведенъ землянымъ валомъ, по верху котораго шла толстая, бревенчатая стѣна, а подъ валомъ на наружной сторонѣ, прокопанъ былъ ровъ въ три сажени въ ширину и глубину. Молявка обвязалъ себѣ голову бѣлымъ платкомъ; трубачъ изо всей силы затрубилъ. Караульные козаки съ башни, построенной надъ воротами, окликали подходившихъ къ городу, а Молявка, вмѣсто отвѣта, наткнулъ на саблю свою шапку съ повязаннымъ на ней платкомъ и махалъ ею. Караульные спустили поднятый вверхъ цѣпями у воротъ мостъ черезъ ровъ и отворили калитку, продѣланную въ тяжелыхъ воротахъ. Молявка вмѣстѣ съ трубачемъ вошелъ въ городъ. Его сразу окружила толпа. Спрашивали: зачѣмъ, къ кому, съ чѣмъ? Молявка сказалъ, что съ „листомъ“ къ гетману.

— Ужъ хоть бы онъ скорѣе самъ отказывался отъ этого несчастнаго гетманства! послышалось въ толпѣ.

— Чего тамъ ужъ ему и упорствовать? Самъ же онъ, собирая „громаду“, говоритъ, что вѣрнымъ царскимъ слугою быть желаетъ, такъ чего же? если царь велитъ ѣхать и сдавать свое гетманство— такъ уже-бъ ему и дѣлать, какъ царь ему велитъ! Такъ нѣтъ! Говоритъ: подождемъ! Пускай, говоритъ, турокъ попугаетъ еще москаля, такъ москаль будетъ сговорчивѣе! А ну его! Чего еще тамъ ожидать? Уже вся Украина къ вамъ на слободы убѣжала, а въ Чигиринѣ только недѣли на двѣ хватитъ чѣмъ жить. Тогда всѣ такъ гурьбою и посыпятъ къ вамъ. Не пухнуть же всѣмъ отъ голода!

Такія рѣчи услышалъ тогда Молявка отъ народа, едва только вошелъ.

— Гдѣ онъ? спрашивалъ Молявка: не на горѣ ли? Ведите меня къ нему.

Онъ указалъ на гору, откуда бѣлѣлись стѣны недавно оштукатуреннаго дома гетманскаго, стоявшаго по среди замка.

— Тамъ его нѣту! былъ отвѣтъ. Вотъ, слышишь, музыка играетъ! Это онъ размыкиваетъ свое горе, услыхавши, что приходитъ конецъ. Назвалъ музыкантовъ: скрипокъ, „кобзъ", „бандуръ", сопѣлей, дудокъ, бубенъ, — ходитъ по городу, изъ шинка въ шинокъ, дѣлаетъ видъ будто онъ уже не гетманъ а простой козакъ-запорожецъ! И старшины съ нимъ, и тесть его Яненко, и другіе! Ходятъ, да поютъ и скачутъ!

— Ну да! замѣтилъ кто-то... какъ распозналъ, что надъ шеею виситъ острое желѣзо, такъ какой сталъ для всѣхъ доступный, простой, дружелюбный,—а прежде какъ гордился!

— Теперь что хочешь говори ему, не сердится; хоть и не послушаетъ совѣта, но не сердится; а прежде, скажи-ка ему такое, что не по-шерсти, то ужъ послѣ и самъ берегись: придерется какъ бы за что иное, да въ дыбу забьетъ, а то и голову снять повелитъ, замѣтилъ чигиринскій сотникъ Блоха, стоявшій тутъ же между другими.

До ушей Молявки долетали звуки музыки и все становились ближе и ближе. Прошедши нѣсколько десятковъ шаговъ далѣе, до поворота въ другую улицу, онъ наткнулся на шествіе, выступавшее изъ этой поперечной улицы. Бѣжала пестрая толпа народа обоего пола и разныхъ возрастовъ, начиная отъ сѣдобородыхъ дѣдовъ и сгорбленныхъ бабъ и кончая дѣтишками въ однѣхъ рубашенкахъ. Въ бархатномъ малиноваго цвѣта кунтушѣ, въ красныхъ сапогахъ и въ заломленной на бекрень шапкѣ съ брилліантовымъ перомъ, гетманъ Дорошенко отплясывалъ „трепака"; о бокъ его тоже дѣлали: писарь Вуеховичъ, обозный Бережецкій, судья Уласенко, гетманскій тесть Павлó Яненко— всѣ одѣтые въ праздничные кунтуши разныхъ цвѣтовъ — кто въ коричневомъ, кто въ ярко-красномъ, кто въ зеленомъ. Еслибы внимательно вглядѣться въ ихъ лица и движенія, то можно было сразу уразумѣть, что они болѣе по принужденію, чѣмъ по добровольному влеченію, дѣлали это. За плясунами шли музыканты. Вельможные гуляки, притопывая ногами, хоромъ пѣли:

„Паутына по дорозѣ повилась, повилась,
А дивчина съ козакомъ понялась, понялась".

— Не ту! крикнулъ вдругъ Дорошенко: а ту, что играли когда выходили изъ замка!

Музыканты остановились и потомъ заиграли на другой голосъ. Дорошенко затянулъ:

„Никому я не дывуюсь якъ самъ я соби.
Пройшли мои лита съ свита якъ листъ по води
А вже мои стежки-дорожки позаростали,

А вже мои ворони кони поизъѣзжали,
А вже мое золоте сидельце поламалося,
А вже моя родынонька отцуралася".

При звукахъ этой пѣсни пріостановилась пляска. Молявка думалъ: не подойти ли и подать „листъ" Дорошенку, но не рѣшился, соображая, что, чего добраго, онъ разсердится и почтетъ за издѣвку надъ собою. Но гетманъ со старшинами, сдѣлавши нѣсколько шаговъ и припѣвая пѣсню, пошли прямо къ шинку, гдѣ на крыльцѣ стоялъ шинкарь, празднично одѣтый: видно было, что и шинкарь приготовился къ посѣщенію его шинка высокими гостями.

— Шинкарь! что стоишь, болванъ! кричалъ изо всей силы Дорошенко: своему пану, батьку-гетману горѣлку подноси!

„О, подумалъ про себя Молявка, онъ не стыдится и тутъ же самъ себя гетманомъ величаетъ! Такъ и на меня онъ не разсердится, если ему, какъ гетману, подамъ слѣдуемое ему письмо".

Шинкарь подносилъ Дорошенку съ поклономъ большую стопу, налитую до края горѣлкою. Въ это время протѣснился Молявка и ставши лицомъ къ лицу предъ Дорошенкомъ, поклонился, подалъ грамоту и произнесъ:

— Ясновельможный панъ! Вотъ письмо отъ его милости ясновельможнаго пана гетмана Ивана Самойловича.

— А! сказалъ Дорошенко, быстро взглянувши на подателя. Ты не говори просто: отъ гетмана письмо, а говори: отъ гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра, потому что онъ себя такъ именуетъ, хотя этою стороною тогда развѣ овладѣетъ, когда меня здѣсь не будетъ. Подай письмо. Кто ты таковъ?

— Я, отвѣчалъ Молявка, черниговскаго полка, черниговской сотни козакъ-рядовикъ. Послалъ меня полковникъ Василій Борковскій, а онъ взялъ это письмо отъ наказного гетманскаго Леонтія Полуботка.

— Гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра должно быть меня уже и за человѣка не считаетъ: посылаетъ ко мнѣ такого простяка! А почему значнаго чиновнаго не прислалъ? Должно-бъ тому полковнику, что тебя ко мнѣ снарядилъ, должно-бъ ему самому сюда пріѣхать, да въ ноги мнѣ поклониться, говорилъ Дорошенко.

— Того я не знаю, панъ ясновельможный гетманъ! сказалъ Молявка, потому—я человѣкъ подначальный. Командиръ мой позвалъ меня и далъ это письмо къ твоей милости. Я долженъ слушаться!

— Правда, любезный! сказалъ Дорошенко, вижу что у тебя голова не сѣномъ набита. Ты хоть и простой человѣкъ, а ужъ коли ко мнѣ пришелъ, такъ сталъ моимъ гостемъ. Пей съ нами горѣлку. Шинкарь, налей ему!

Шинкарь налилъ стопу горѣлки и подалъ Молявкѣ. Козакъ поднялъ ее вверхъ и крикнулъ:

— Добраго здоровья и во всемъ счастливаго успѣха, панъ ясневельможный гетманъ! Съ этими словами онъ выпилъ всю стопу.

— Какъ тебя зовутъ, козакъ? спросилъ Дорошенко.

— Яцько Молявка-Многопѣняжный! проговорилъ посланецъ.

— Денегъ, видно, много было у предковъ, что такъ прозвали, сказалъ Дорошенко; однако, хоть бы и у тебя самого было много денегъ, а все-таки не слѣдовало посылать ко мнѣ простого рядовика. Вуеховичъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ своему писарю:—читай всей громадѣ. Я гетманомъ сталъ не самъ по себѣ; безъ совѣта громады ничего не чиню.

Вуеховичъ, человѣкъ невысокаго роста, съ красноватыми хитрыми глазами, взявши принесенный „листъ", сталъ читать его, произнося тонкимъ, почти женскимъ голосомъ:

„Мой велце шановный, ласковый добродѣю, пане а пане гетмане чигиринскій! По указу царскаго пресвѣтлаго величества посла-лисьмо съ купной порады его милости боярина князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, стольника Григорія Ивановича Косагова съ выборными царскими ратными людьми и генеральнаго бунчужнаго Левона Полуботка съ четырьмя козацкими полками и съ нашею конною надворною компаньѣю ку Чигирину, понеже многократне и многообразне твоя милость ему боярину и мнѣ гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра обѣщалъ еси своею особою прибыти до насъ въ обозъ для принесенія присяги его царскому пресвѣтлому величеству, обаче тое твоеи милости обѣщане доселѣ не совершено дѣломъ".

— Погоди! Погоди! прервалъ чтеніе Дорошенко:—какъ это не совершено дѣломъ! Свидѣтели мнѣ всѣ чигиринцы и паны-запорожцы, что пріѣзжали ко мнѣ въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ, изъ которыхъ иные и нынѣ здѣсь присутствуютъ, какъ я тогда произнесъ присягу царскому пресвѣтлому величеству передъ паномъ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Сѣркомъ и передъ донскимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ въ присутствіи многихъ товарищей войска низового сѣчевого и донского, а послѣ того и санджаки турецкіе отослалъ въ столицу въ Москву. А поповичъ-гетманъ пишетъ будто обѣщаніе мое не совершено дѣломъ! „Батько" Яненко, вѣдь ты возилъ санджаки въ Москву?

— Я, панъ гетманъ! отвѣчалъ Яненко.

— А гетману-поповичу хочется чтобъ я ему поклонился, продолжалъ Дорошенко.—Иное дѣло вѣрою-правдою царю-государю служить и добра хотѣть, а иное—царскимъ подданнымъ кланяться. Я вѣрный подданный и слуга царскому пресвѣтлому величеству, какъ и присягалъ ему, а поповичу клапяться не хочу.

Онъ поднялъ вверхъ налитый горѣлкою кубокъ и громогласно проговорилъ:

— Пью, на томъ пью, что мнѣ гетману-поповичу „клейнотовъ" не отдавать. Паны запорожцы и вы всѣ паны чигиринская громада! Заступитесь за меня! Для чего это вокругъ Чигирина обступило московское и барабашевское войско? Я царю не врагъ, не су-

постать, а такой же вѣрный подданный, какъ они всѣ. Они должны отойти отъ нашего города. Молявка-Многопѣняжный! передай то, что ты отъ меня слышалъ! Не хочу кланяться Самойловичу-поповичу, а самъ поѣду въ Москву: побью челомъ царскому пресвѣтлому величеству самому, а не его царскому боярину и не гетману барабошскому, поповичу! А коли не отойдутъ и меня не пропустятъ, такъ я сяду на бочку съ порохомъ и взорву себя—и всѣ чигиринцы разомъ со мною погибнутъ. Пускай грѣхъ падетъ на тѣхъ, что не желаютъ святого мира и затѣваютъ междоусобную войну. Я къ нимъ съ искреннимъ сердцемъ, а они ко мнѣ съ ножемъ! Я желаю мира, а они идутъ на меня войною на радость басурманамъ, врагамъ святого креста! Да еще меня передъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ и передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ осуждаютъ. Запорожцы и вы всѣ чигиринцы! не выдавайте меня, какъ донцы когда то выдали своего Стеньку!

— Не выдадимъ, не выдадимъ! кричали запорожцы стоявшіе кучкою въ красныхъ жупанахъ.

— Не выдадимъ, всѣ одинъ за однимъ головы сложимъ! произносили чигиринцы, вслѣдъ за сѣчевыми гостями; многіе хотѣли бы выразиться иначе, да не смѣли: каждый не ручался, чтобъ всѣ поддержали голосъ, противный гетманской волѣ.

Дорошенко съ усиливающимся жаромъ продолжалъ:

— „Еще козацкая не умерла мати!“ говорилъ вѣчнославной памяти батько Зиновъ Богданъ Хмельницкій. Коли наше не въ ладъ, то мы съ нашимъ и назадъ! Коли такъ, то мы опять бусурмана въ помочь покличемъ. А что жъ дѣлать? Коли свои братья христіане не милостивы къ намъ—такъ по неволѣ приходится у бусурмана просить милости! Не бойтесь, братцы чигиринцы, любезная моя громада! Подастъ намъ Господь помощь противъ этихъ немилостивцевъ, что хотѣли бъ насъ въ ложкѣ воды утопить. Прійдутъ на перерѣзъ имъ бусурманы, и тогда москали и барабаши какъ зайцы побѣгутъ отъ Чигирина! Это ужъ было съ ними! Помните, какъ четыре года назадъ приходили подъ самый Чигиринъ гетманъ-поповичъ и бояринъ Ромодановскій съ великими силами; однако, прослышавши, что ханъ его милость идетъ со своими ордами, принуждены были отступить, а ханъ отрѣзалъ имъ дорогу до Черкасъ. Еле-еле, утративши многихъ, добѣжали до Днѣпра и постыдно убѣжали въ свою сторону. И теперь съ ними станетъ тоже. Вотъ придется подождать нѣсколько дней, придетъ салтанъ Нураддинъ съ ордою,—у насъ на нѣсколько дней достанетъ харчей. А коли Богъ такъ дастъ, что придется намъ погибать, такъ и погибнемъ всѣ до единаго! Слышишь ли ты это Молявка-Многопѣняжный? Разобралъ ли что здѣсь говорено? Вотъ это все и разскажи кому тамъ слѣдуетъ, да скажи чтобы впередъ не присылали ко мнѣ простого рядовика, а пусть ведетъ со мной переговоры черезъ значныхъ людей войсковыхъ товарищей. Вѣдь я своей

гетманской булавы не сдавалъ и еще гетманъ, и имъ слѣдуетъ меня уважать какъ подобаетъ гетмана. И ляхи пишутъ ко мнѣ по латыни и величаютъ меня: dux Zaporoviensis.

Послѣ этой рѣчи Дорошенко обратился къ народу и кричалъ:

— Еще казацкая не умерла мати! Козакъ пьетъ, на бѣду не глядитъ и самого чорта не боится, а не то что московской или барабашской души! и онъ началъ плясать, припѣвая:

Не теперъ, не теперъ
По грибы ходити.
Въ осени, въ осени,
Якъ будуть родити.

Вуеховичъ отсталъ отъ гетмана и подозвалъ къ себѣ кого то изъ толпы, говорилъ ему что то нà-ухо, поглядывая въ то же время на Молявку, а послѣдній продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, провожая глазами удалявшагося съ припласомъ гетмана; человѣкъ, съ которымъ говорилъ писарь, кивнулъ головою, давая знать, что все разумѣетъ; тогда самъ Вуеховичъ подошелъ къ Молявкѣ и сказалъ:

— Ты сказалъ, что ты козакъ черниговскаго полка; поклонись отъ меня Василію Кашперовичу своему полковнику. Скажи, что писарь Вуеховичъ посылаетъ ему свой братскій поклонъ, своему искреннему пріятелю!

Сказавши это, Вуеховичъ пошелъ за гетманомъ, куда также двигалась густая толпа народа. Молявка повернулъ назадъ, уже исполнивши свое порученіе, какъ онъ думалъ. Вдругъ догоняетъ его тотъ самый человѣкъ, которому Вуеховичъ говорилъ что то на ухо. Онъ пошелъ съ нимъ рука объ руку къ городскимъ воротамъ и говорилъ:

— Посылаетъ гетманъ козака Мотовила подъ видомъ нищаго, будто просящаго милостыни, съ письмомъ къ крымскому салтану; заворочено оно у него въ лаптяхъ. Онъ, вотъ, вслѣдъ за тобою изъ города выйдетъ. Всѣ люди въ Чигиринѣ о томъ только Бога молятъ, чтобъ гетманыноскорѣе помирились между собою, война опротивѣла, а притомъ, если войско долго простоитъ—голодъ наступитъ. Ужъ и такъ много дѣтей умираетъ. Всѣ желали бы идти за Днѣпръ на слободы.

Эти слова проговорилъ онъ безъ всякихъ движеній, потупя внизъ голову и не глядя на Молявку, и никто изъ шедшихъ около него не могъ ни разслышать его словъ, ни даже догадаться, что онъ передаетъ посланцу какой то секретъ. Не дожидаясь никакого отвѣта, неизвѣстный оставилъ Молявку.

По выходѣ изъ воротъ, Молявка сталъ раздумывать: что лучше дѣлать ему, идти ли въ станъ и объявить о посланномъ въ образѣ нищаго, или подождать, пока этотъ нищій выйдетъ изъ города. Онъ разсчитывалъ: если онъ теперь заявитъ о томъ, что слышалъ, то нищаго могутъ какъ нибудь проглядѣть, или даже если поймаютъ, то другіе, а не онъ самъ; напротивъ, если онъ самъ лично этого ни-

щаго схватитъ и приведетъ къ начальству, то дѣло его оцѣнится, какъ важный и очень полезный для всего войска подвигъ. И выбралъ онъ послѣднее, и нарочно пошелъ медленно, безпрестанно оглядываясь назадъ, какъ вдругъ своими быстрыми глазами увидѣлъ, что изо рва, окружавщаго городъ, высунулась человѣческая фигура и пошла по направленію вправо, въ сторону противоположную той, куда слѣдовалъ Молявка. Тотчасъ Молявка понялъ, что въ городскомъ укрѣпленіи есть гдѣ нибудь тайный выходъ и видѣнный имъ человѣкъ прошелъ имъ такъ, что очутился во рву, а потомъ при пособіи какого нибудь средства выкарабкался изо рва. Молявка быстро и круто повернулъ въ бокъ на перерѣзъ пути выползшаго изо рва человѣка.

Скоро былъ Молявка лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ. Это былъ на видъ оборванный до нельзя нищій. Ноги у него были въ лаптяхъ безъ онучъ. На плечахъ и вдоль тѣла болтались грязныя отрепья, остатки существовавшей когда-то свитки, изъ-подъ нихъ виднѣлось заплатаное грязное бѣлье. Нищій снялъ дырявую шапку и низко кланялся, увидя подходящаго хорошо одѣтаго козака.

— Боже! какой голышъ, какой бѣднякъ! говорилъ тономъ сострадація Молявка. Откуда ты? не изъ Чигирина-ли?

— Да! милостивый благодѣтель! отвѣчалъ нищій. Ушелъ я, да они и сами, правду сказать, меня пустили, не стали задерживать, потому что скоро всѣмъ нечего будетъ ѣсть и всѣ пойдутъ, какъ я.

— Иди со мной, старецъ божій! сказалъ Молявка, мнѣ вотъ какъ стало жаль тебя! Я тебя и накормлю и одѣну и черезъ станъ проведу: самъ не проберешься. Задержатъ и въ полонъ возьмутъ!

— Мнѣ, милостивецъ, все равно. Пускай берутъ! Я не стану молчать: что знаю—все разскажу; къ тому-жъ не къ татарамъ пойду, а своимъ же христіанамъ отдамся! говорилъ нищій.

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ Молявкою. Скоро показался и станъ. Уже виднѣлись палатки начальныхъ людей. Сторожа перекликались.

Дойдя до караула, Молявка воткнулъ на саблю свою шапку, обвязанную бѣлымъ платкомъ.

— Лозунгъ! крикнули караульные.

— „Святая пятница!“ отвѣчалъ Молявка. То былъ дневной лозунгъ. Его пропустили.

— А это кто идетъ съ тобой? спрашивали караульные, показывая на нищаго.

— Это нищій, милостыни проситъ, бѣднякъ; я его изъ Чигирина взялъ съ собою, хочетъ къ намъ перейти. Я ему милостыню подамъ, сказалъ Молявка. Потомъ, обратившись къ нищему, прибавилъ: вишь, какіе у тебя скверные лапти; снимай ихъ къ чорту, надѣнь мои сапоги. Мнѣ стало тебя очень жалко! Я съ себя все поснимаю, да тебя одѣну! у меня, благодареніе Богу, все есть. Вотъ тебѣ и кирея. Снимай свое тряпье.

Молявка снялъ съ себя коричневаго цвѣта суконную кирею и хотѣлъ набросить на плечи нищему. Нищій, словно кто на него кипяткомъ брызнулъ, отскочилъ въ сторону, потомъ, принявъ видъ смиренника, говорилъ:

— Охъ, голубчикъ! благодѣтель мой! Стою ли я того? Боже! Боже! Вотъ Господь послалъ какого милостиваго благотворителя! Ей Богу, исходи полъ-свѣта, другого такого благотворителя не встрѣтишь!

— Скидай, говорю, свои лапти, надѣвай мои сапоги! твердилъ Молявка.

Нищій повертывался туда-сюда и видимо не зналъ, что ему дѣлать. Молявка крикнулъ къ сторожевымъ козакамъ:

— Снимайте, братцы, съ меня сапоги и обуйте этого нищаго, а я въ его лаптяхъ доплетусь какъ нибудь до черниговскаго полка!

— Господинъ добрый, господинъ милостивый! Не нужно, не нужно! говорилъ нищій и порывался идти въ сторону.

— Нѣтъ, нужно, старикъ! сказалъ Молявка: слышишь ли, что тебѣ говорятъ: давай мнѣ свои лапти, а самъ обувай мои сапоги.

— Паночку, добродѣю! говорилъ совершенно растерявшійся нищій; не хочу, ей Богу не хочу!—и съ этими словами пустился-было скорымъ шагомъ уходить.

— Догоните его, козаки! Возмите у него лапти, а ему дайте обуть мои сапоги, сказалъ караульнымъ Молявка.

Козаки бросились на нищаго. Тотъ, самъ не зная, какъ избавиться отъ бѣды, началъ уже бѣжать во всю прыть, козаки догнали его, повалили, сняли съ ногъ его лапти, надѣли на него „сапьянцы“ и привели къ Молявкѣ. Молявка досталъ изъ кармана ножъ, разрѣзалъ лапти и вынулъ изъ нихъ свернутое въ тонкую трубочку письмо, засунутое въ складки лыкъ, изъ которыхъ были сплетены лапти.

— Не при насъ писано! сказалъ Молявка, развернувши письмо: этого мы не разберемъ! Это, вѣрно, по татарски, или по турецки. Да у насъ въ полку отыщется такой, что прочтетъ! Иди-ка, старикъ, за мною, къ нашему полковнику!

— Пане добродѣю! завопилъ нищій,—я не нищій. Долженъ всю праву сказать. Я Дорошенковъ козакъ. Гетманъ чигиринскій послалъ меня подъ видомъ нищаго пробраться черезъ вашъ станъ въ степь и подать извѣстіе салтану, что стоитъ за Ташлыкомъ, чтобъ скорѣе приходилъ съ ордою на выручку. Дорошенко засунулъ мнѣ въ лапти свое письмо, а я не хотѣлъ идти къ салтану, хотѣлъ перейти къ вамъ на царскую службу.

— Какъ тебя зовутъ? спрашивалъ Молявка.

— Козакъ Мотовило, былъ отвѣтъ.

— Хорошо, что не врешь! сказалъ Молявка:—не бойся ничего; иди за мной къ моему полковнику.

Они пошли. Караульные козаки проводили ихъ нѣсколько саженей,

потомъ воротились назадъ и смѣялись видѣнному ими событію. Молявка пустилъ Мотовила впереди себя.

Прошедши версты двѣ, они проходили мимо заросли и Мотовило затѣялъ было броситься въ кусты, но Молявка догналъ его, схватилъ за руку и снявъ съ себя поясъ, крѣпко завязалъ ему назадъ руки.

— Ты, вижу, проворенъ, козакъ! сказалъ Молявка:—но я, должно быть, сильнѣе тебя.

И онъ погналъ Мотовила далѣе, а самъ постоянно держался за край пояса, которымъ были связаны руки Мотовила. Козаки черниговскаго полка, стоявшіе на караулѣ у своей полковой ставки, окликали его, потомъ, когда онъ произнесъ лозунгъ, пропустили.

— Я, сказалъ Молявка, веду къ пану полковнику такого диковиннаго звѣря, что онъ очень обрадуется, какъ только увидитъ.

Молявка привелъ Мотовила къ шатру Борковскаго.

— Панъ полковникъ! кричалъ онъ, выходи, твоя милость, глядѣть на диво дивное.

Борковскій только что воротился тогда въ свой шатеръ послѣ осмотра своего полка; услышавши голосъ Молявки онъ вышелъ съ своимъ обычнымъ серьезнымъ видомъ. Молявка разсказалъ ему все, что видалъ въ Чигиринѣ и представилъ пойманнаго козака, но не сказалъ, однако, что ему незнакомый человѣкъ въ Чигиринѣ заранѣе сказалъ про Мотовила, а изобразилъ дѣло такъ, какъ будто онъ, Молявка, самъ, по собственной смекалкѣ, задержалъ нищаго и вынулъ у него изъ лаптей таинственное письмо, написанное на неизвѣстномъ для него языкѣ.

Борковскій сказалъ:

— За эту услугу, что ты оказалъ всему войску запорожскому назначаю тебя хоружимъ твоей черниговской сотни. Зовите скорѣе Галана Козыря.

Галанъ Козырь былъ родомъ татаринъ: въ дѣтствѣ достался онъ въ полонъ козакамъ, принялъ св. крещеніе и былъ записанъ въ козацкій реестръ въ черниговскомъ полку. Былъ онъ дорогой человѣкъ, зналъ татарское письмо, и годился всегда, когда происходило какое нибудь сношеніе съ бусурманами.

— Прочти и переведи!—сказалъ Борковскій этому Галану, когда того привели къ полковнику.

Галанъ прочиталъ и сказалъ:

— Дорошенко пишетъ салтану Нураддину, проситъ поспѣшить на выручку къ Чигирину: москали и барабашцы окружили его.

Полковникъ приказалъ написать переводъ этой грамоты для представленія наказному гетману.

Пришелъ Булавка. Борковскій похвалилъ его шурина и объявилъ, что повышаетъ его за заслугу войску запорожскому. Обрадованный Булавка поклонился, нагнувшись до земли, а Борковскій отвѣчалъ ему легкимъ начальническимъ киваніемъ головою.

Принесли переводъ перехваченнаго письма. Борковскій понесъ его Полуботку и прочиталъ въ собраніи всѣхъ полковниковъ.

— Превосходно! превосходно! воскликнули всѣ полковники въ одинъ голосъ.

— Теперь, замѣтилъ гадяцкій полковникъ Михайло Василѐвичъ, Дорошенко попался намъ въ руки!

— Онъ сдастся! замѣтилъ полковникъ миргородскій.

— Ни откуда ему нѣтъ болѣ надежды, прибавилъ лубенскій.

Полуботокъ заливался добродушнымъ смѣхомъ, потѣшаясь надъ промахомъ Дорошенка.

— Теперь, сказалъ онъ, послать сказать Дорошенку, что письмо его у насъ; пусть не надѣется больше на бусурманскую помощь, а скорѣе пусть сдается, не проливая крови, а то какъ возьмемъ его съ боя, то уже не быть ему въ чести!

— Пускай же этотъ козакъ, что поймалъ Мотовила, снесетъ къ Дорошенку снова наше письмо; пускай Дорошенко не мѣшкаетъ, а выѣзжаетъ къ намъ и отъ насъ ѣдетъ къ пану гетману, коли не хочетъ чтобъ мы его взяли какъ собаки волка. Этотъ козакъ ужъ теперь не рядовикъ, а хорунжій. Дорошенко заспѣсивѣлъ: зачѣмъ посылали къ нему рядовика, и велѣлъ черезъ него предупредить насъ, чтобъ мы ему рядовиковъ не посылали, а посылали бы урядовыхъ значныхъ. Вотъ теперь мы ему изъ полковой старшины урядового шлемъ, говорилъ Борковскій.

— Пускай, пускай! сказали всѣ въ одинъ голосъ.

Написали грамоту и отправили въ Чигиринъ того же Молявку-Многопѣняжнаго.

## VII.

Опять, какъ первый разъ, Молявка вмѣстѣ съ трубачемъ подошелъ къ воротамъ нижняго города. Опять Молявка выставилъ на саблѣ свою шапку, обвитую бѣлымъ платкомъ, а трубачъ протрубилъ. Отворили калитку въ воротахъ. Объявивши себя полковымъ сотенныхъ хоружимъ, Молявка сказалъ, что у него есть письмо къ гетману.

У Дорошенки въ Чигиринѣ было два двора: одинъ новый, имъ не такъ давно построенный, на горѣ въ верхнемъ городѣ или въ з̂амкѣ, другой—въ нижнемъ городѣ, въ такъ называемомъ „мѣстѣ". Послѣдній былъ его родовой дворъ. Его строилъ еще дѣдъ Петра Дорошенка, Михайло, бывшій потомъ гетманомъ, и дворъ этотъ переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству. При этомъ дворѣ, очень обширномъ, былъ также обширный садъ, расположенный по берегу Тясьмина, за садомъ водяная мельница, принадлежавшая Дорошенкамъ. Къ этому двору направили тогда чигиринцы посланца. Молявка взошелъ на крыльцо, поднялся по лѣстницѣ вверхъ и, отворивши дверь, вступилъ въ просторную комнату, уставленную лавками и двумя сто-

лами. За каждымъ изъ этихъ столовъ сидѣло по канцеляристу; они что-то писали. Писарь Вуеховичъ расхаживалъ по комнатѣ. Молявка почтительно поклонился и сказалъ, что пришелъ отъ наказного гетмана къ гетману Петру Дороѳеевичу съ „листомъ“.

Вуеховичъ узналъ его сразу и сказалъ:

— Тебя вѣдь гетманъ предупреждалъ, чтобъ рядовика къ нему не присылали, а посылали бы какого нибудь урядового.

— Я теперь уже не рядовикъ, сказалъ Молявка, я сотенный хоружій.

— Не за малыя, вѣрно, заслуги тебя такъ сразу возвысили! сказалъ Вуеховичъ, догадавшійся, что повышеніе этого козака связано какъ нибудь съ отправленіемъ Мотовила, о которомъ Вуеховичъ приказалъ тайно сообщить этому козаку.

— Про то знаетъ начальство! сказалъ Молявка.

Вуеховичъ съ листомъ вышелъ. Молявка нѣсколько времени стоялъ, оглядывая покой, куда вошелъ. Канцеляристы продолжали сидѣть и строчить какія-то бумаги. Одинъ изъ нихъ какъ-то приподнялся и Молявка узналъ въ немъ того самого, который въ первый его приходъ, поговоривши съ Вуеховичемъ, подбѣжалъ къ нему и сообщилъ о Мотовилѣ.

Молявка не смѣлъ начать съ нимъ разговора, какъ вдругъ тотъ самъ, улучивъ минуту, когда Молявка, расхаживая по покою, приблизился къ столу, за которымъ канцеляристъ писалъ, спросилъ его:

— Скажите, прошу васъ, не знаете ли вы нашего товарища Кочубея, что нашъ гетманъ посылалъ въ Царьградъ, а у него служитель поворовалъ бумаги: онъ побоялся нашего гетмана и убѣжалъ къ вашему. Говорятъ, ему хорошо у пана гетмана Самойловича?

— Я его лично не знаю, отвѣчалъ Молявка, а слыхалъ, что ему при ясневельможномъ хорошо живется.

— И Мазепа, нашъ прежній писарь, говорятъ, великій человѣкъ у Ивана Самойловича. Всѣмъ хорошо тѣмъ, что отъ насъ къ нему перешли. Хорошій ужъ очень человѣкъ вашъ гетманъ. И нашъ Вуеховичъ, писарь, только того и желаетъ, чтобы нашъ ясневельможный свою булаву сложилъ и гетманство сдалъ. И мы всѣ о томъ только Бога молимъ, чтобы это скорѣе сталось.

Вошелъ Вуеховичъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Панъ гетманъ, сказалъ онъ Молявкѣ, велитъ тебя, мой голубчикъ, взять ко мнѣ въ дворъ, пока дадутъ отвѣтъ.

Вуеховичъ отвелъ Молявку въ свой домъ, находившійся рядомъ съ дворомъ Дорошенка и дорогой спросилъ:

— Поклонился ли отъ меня Борковскому?

— Поклонился, отвѣчалъ Молявка, и за этотъ поклонъ меня подвысили въ хоружіе.

— Теперь, сказалъ Вуеховичъ, нашему гетману тотъ самый

усердный пріятель и истинный благодѣтель, кто его доведетъ до того, чтобъ онъ поклонился Самойловичу и свое гетманство съ себя снялъ: некуда, некуда намъ дѣться!

Оставивши въ своемъ домѣ Молявку подъ опеку матери своей, Вуеховичъ воротился въ дворъ Дорошенка.

Дорошенко, узнавши изъ письма Полуботка, что Мотовило схваченъ и послѣдняя попытка упрямиться не удается, пришелъ въ большую досаду и болѣе всего сердился на Яненченка—своего шурина и на другихъ, которые вмѣстѣ съ гетманскимъ шуриномъ уговорили его сдѣлать послѣднее усиліе и послать еще разъ къ татарамъ просьбу о помощи. Дѣйствительно, гетманъ не хотѣлъ этого дѣлать, но поддался совѣтамъ и настойчивости другихъ, что и прежде бывало съ нимъ не рѣдко: не хочетъ, противится, а потомъ поддается и снова сердится на тѣхъ, которыхъ послушался. Такимъ выработало его ужасное положеніе Украины, когда глава этой страны самъ не зналъ, за что ему схватиться и что избрать за лучшее. Но никогда не поступилъ Дорошенко такъ опрометчиво, какъ теперь, послушавшись совѣта своего шурина и другихъ нерасположенныхъ покоряться лѣвобережному гетману; а этого именно, во что бы то ни стало, требовало московское правительство. Долго уже водилъ чигиринскій гетманъ Самойловича и Ромодановскаго обѣщаніями исполнить царскую волю и только обманывалъ ихъ, а самъ между тѣмъ все таки продолжалъ сноситься съ турками и татарами. Теперь, когда вся область управляемая Дорошенкомъ, почти опустѣла и взять его самого въ Чигиринѣ было не трудно, послѣднее спасеніе зависѣло отъ того, чтобы его покорность царю, хотя на послѣдокъ, могла представиться сколько нибудь искреннею, и въ это-то время новое сношеніе съ татарами должно было окончательно раздражить тѣхъ, отъ которыхъ зависѣла его будущая судьба. Коварство его было открыто. Дорошенку болѣе чѣмъ когда нибудь приходилось отдаться и теперь думалъ онъ только о томъ, какъ бы сдаться съ такимъ условіемъ, чтобъ ему была прощена вмѣстѣ съ прежними винами и эта послѣдняя выходка. Онъ, получивши листъ отъ Полуботка, принесенный новопоставленнымъ сотеннымъ хоружимъ, приказалъ созвать къ себѣ свою немалочисленную родню и тѣхъ старшинъ, которые еще оставались ему вѣрными. Мѣсто сбора указано было не у него, а у его матери, которая жила въ томъ же дворѣ, но въ особомъ домѣ, построенномъ въ саду. Дорошенко очень уважалъ свою мать, хотя часто досаждалъ ей своимъ вспыльчивымъ нравомъ, а потомъ просилъ у ней прощенія и мирился съ нею. Это была высокорослая, но сгорбленная старуха съ трясучею головою; на ея лицѣ, искаженномъ лѣтами, виднѣлись еще слѣды былой красоты, а когда-то эта старуха считалась первою красавицею между чигиринскими „дивчатами" и потому въ оное время досталась въ замужество первому молодцу въ Чигиринѣ, Дорошу Михайловичу, сыну когда-то бывшаго гетманомъ

Михайла Дорошенка, статному, богатому, умному, какъ о немъ всѣ говорили. Этотъ Дорошъ, посланный Богданомъ Хмельницкимъ въ Варшаву, такъ умѣлъ тамъ блеснуть своимъ природнымъ умомъ, что поляки, несмотря на изувѣрную свою тогдашнюю ненависть ко всему русскому, наградили его шляхетскимъ достоинствомъ, хотя онъ не показалъ имъ ни малѣйшей охоты измѣнить козацкому дѣлу и еще менѣе православной вѣрѣ. Съ нимъ, съ этимъ Дорошемъ, прожила она двадцать одинъ годъ и народила ему сыновей и дочерей. По смерти его она осталась полновластною хозяйкою и главою семьи. Возникавшая нерѣдко между этой старухой и старшимъ сыномъ Петромъ безладица, происходила часто изъ-за жены Петровой, Евфросиніи Павловны, изъ рода Хмельницкихъ, съ которою Петро, однако, соединился бракомъ по совѣту матери, находившей полезнымъ для своего сына посвоиться съ родомъ, считавшимъ въ числѣ своихъ членовъ знаменитаго Богдана. Это была, впрочемъ, вторая жена Петрова: съ первою жилъ онъ не долго, имѣвши отъ нея одну дочь, которую потомъ выдалъ за Лизогуба. Отецъ второй жены Петровой, Павло Яненко-Хмельницкій, приходившійся троюроднымъ братомъ Богдану, отдалъ за Петра Дорошенка дочь свою противъ ея воли: Приська любила уже другого, плакала, умоляла отца не губить ее, не отдавать за нѐлюба, но отецъ не послушалъ ее, увлекся тѣмъ, что будетъ считать гетмана своимъ зятемъ и насильно повелъ ее къ вѣнцу. За то съ первыхъ же дней супружества молодая Дорошенчиха объявляла своему мужу, что любить его никогда не будетъ, и особенно возненавидѣла свою свекровь, такъ какъ знала, что послѣдняя настаивала, чтобъ ея сынъ женился на Хмельницкой. Невѣстка во всемъ перечила старухѣ, а старуха ни въ чемъ ей не смалчивала. Петро думалъ всѣми способами угождать женѣ, чтобы черезъ то пріобрѣсть ея любовь, и въ спорахъ ея съ своею матерью постоянно принималъ сторону жены. Отъ этого происходили между сыномъ и матерью возмутительно-бурныя сцены, только и возможныя въ такомъ обществѣ, какимъ было тогда козацкое, гдѣ вообще вспыльчивыя натуры не умѣли себя сдерживать. Вскорѣ, однако, гетманша вывела изъ терпѣнія и своего мужа. Было это въ то время, когда гетманъ Дорошенко отправился въ походъ на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ свергнулъ съ гетманства и отдалъ народу на расправу Бруховецкаго. Оставшись безъ мужа, Дорошенчиха сошлась съ прежнимъ своимъ возлюбленнымъ, но свекровь, провѣдавши объ этомъ, тотчасъ дала знать сыну и это, какъ извѣстно изъ исторіи, было поводомъ того, что Дорошенко поспѣшилъ воротиться въ Чигиринъ и не окончилъ затѣяннаго имъ дѣла. Послѣ того, онъ вмѣстѣ съ своимъ тестемъ засадилъ жену въ монастырь. Успѣлъ ли ускользнуть отъ его расправы возлюбленный Дорошенчихи — мы не знаемъ. Она просидѣла въ монастырѣ нѣсколько лѣтъ и научилась тамъ пить. Дочь ея, оставленная въ младенчествѣ, выростала безъ матери, тосковала по ней, безпрестанно надоѣдала отцу разспросами

о матери и гетману стало жаль жены. Онъ поѣхалъ съ дочерью въ монастырь, простилъ жену за прежнее, взялъ съ нее присягу, что она будетъ ему вѣрна и позвалъ снова къ себѣ въ домъ. Не долго Дорошенчиха жила покойно: начались у ней опять ссоры съ свекровью, а привычка напиваться, усвоенная въ монастырѣ, не только не оставляла ее, но еще усиливалась. Петру то и дѣло приходилось мирить жену съ матерью, читать женѣ нравоученія и отъ нея выслушивать упреки, что онъ загубилъ ее молодость. Она и теперь, какъ ранѣе, смѣло и искренно высказывала ему и постоянно твердила, что не любитъ его и любить никогда не будетъ. Но не только изъ-за жены происходилъ разладъ у Дорошенка съ матерью; не ладила мать съ нимъ и за его дружбу съ бусурманами. У Дорошенка съ дѣтскихъ лѣтъ и до старости жива была глубокая дѣтская вѣра въ силу материнскаго благословенія и онъ не могъ никогда относиться къ матери такъ, какъ большая часть козаковъ относилась тогда вообще къ женщинѣ, подъ какимъ бы видомъ ни было женское естество для нихъ; не могъ онъ сказать: ты мать, но ты баба, я тебя уважаю, но ты знай свои бабьи дѣла, а въ наши козацкія не мѣшайся! Напротивъ, у Дорошенка не было тайнъ отъ своей матери и никакого дѣла, никакого похода, или союза, не предпринималъ онъ, не испросивши у матери совѣта и благословенія. Когда задумалъ онъ отдаваться подъ протекцію турецкаго падишаха, мать не дала ему благословенія, но онъ тогда матери не послушалъ и потомъ сваливалъ все на старшинъ и на козацкую раду, извиняя себя тѣмъ, что гетманъ не самовластный государь и долженъ поступать такъ, какъ приговоритъ все войско запорожское. Когда турецкая протекція начала оказывать неизбѣжныя послѣдствія и падишахъ потребовалъ отъ своего новаго „голдовника" набора дѣтей въ янычары, а Петро хотѣлъ было уже исполнять повелѣніе властителя, старуха до такой степени пришла въ негодованіе, что начала проклинать сына, а вспыльчивый Петро пришелъ въ такую ярость, что заперъ мать подъ замокъ и держалъ нѣсколько часовъ какъ невольницу, но потомъ одумался, просилъ у ней прощенія за свою горячность, поклялся ей, что будетъ стараться отрѣшиться отъ бусурманской власти и поддаться православному государю. И съ этой поры, дѣйствительно, Петро Дорошенко охладился къ союзу съ бусурманами и пытался сойтись съ Москвою. То было желаніе какъ его матери, такъ разомъ съ нею и всего народа, который спасаясь отъ бусурманскаго господства, бѣжалъ громадами за Днѣпръ искать новоселья въ областяхъ православнаго монарха. И Петро не прочь былъ отъ подданства царю московскому, но все хотѣлось ему учинить это подданство на такихъ условіяхъ, которыя бы ему и всей Украинѣ давали наибольшую степень самобытности и независимости, и не мало хитрилъ и вилялъ онъ. Потерялъ онъ почти все подвластное себѣ населеніе, остался только съ однимъ Чигириномъ и то сильно обезлюденнымъ; приперли его, какъ говорится, къ стѣнѣ московскія и

козацкія силы. Не удалась ему и послѣдняя попытка пригласить крымскаго салтана и заставить Самойловичевыхъ козаковъ отступить отъ Чигирина. Петро Дорошенко, собравши всю родню, приходитъ къ матери, склоняетъ передъ нею колѣни, и говоритъ:

— Мàти! Въ послѣдній разъ благослови на хорошее дѣло: хочу выйти со всѣми чигиринцами и положить бунчукъ и булаву на волю царскаго величества.

— Ужъ сколько лѣтъ слышала я отъ тебя про это и сколько разъ давалъ ты обѣщанія, а потомъ опять бусурмана къ себѣ на помощь кликалъ! произнесла мать съ чувствомъ скорби.

— Не разъ, сказалъ Дорошенко,—говорилъ я тебѣ, матушка, что это дѣлалось ради вѣры христіанской и народа благочестиваго, чтобы сберечь его вольности.

— Хорошія вольности пріобрѣлъ ты ему, народу этому! сказала мать.—Загонять православныхъ христіанъ въ крымскую неволю, какъ стадо: вотъ славныя вольности!

— Твое дѣло, матушка, благословить, а ужъ мы сами будемъ знать какъ поступать, сказалъ Петро Дорошенко.

— О, Господи, Господи! сказала старуха, — за что Ты покаралъ меня грѣшную, что я народила такое чудовище! Будутъ проклинать тебя, Петро, многія души христіанскія, и внуки и правнуки будутъ на тебя роптать и плакаться. Что ты думаешь? Али надъ собою не ждешь страшнаго суда Божія!

— Вотъ и пошла, и пошла, матушка, прежній молебенъ служить! произнесъ съ досадою Петро. — Ужъ не вернется то, что прошло! Батько Богданъ Хмельницкій не даромъ говорилъ: при сухомъ деревѣ и сырое загорается.

— Это надобно забыть! вмѣшался Павло Яненко, тесть Петровъ,— не про то рѣчь идетъ — хорошо или худо мы прежде дѣлали. Онъ кается. Онъ, сваха, у тебя благословенія проситъ на хорошее дѣло, такъ что̀ ужъ его прежнимъ укорять!

— Спохватились вы, да ужъ не поздно ли? сказала старуха. — Что̀-то царь тебѣ теперь скажетъ? Сколько лѣтъ его обманывали! Въ Сибирь тебя зашлетъ! Туда бы тебѣ и слѣдовало, лишь бы моего бѣднаго, любимаго Грйця воротили!

— Ты, сваха, за Грицемъ стосковалась: Грица тебѣ жалко, потому что Грица нѣту при тебѣ, сказалъ Яненко, — а колибъ Грицъ воротился и на мѣстѣ Грица заковали бы Петра въ кандалы, ты бы и за Петромъ убивалась, какъ за Грицемъ теперь убиваешься! Развѣ Грицъ того не дѣлалъ, что Петро? Всѣ мы однимъ мvромъ мазаны! Всѣ погрѣшили противъ царя православнаго и противъ всего міра православнаго. И я вмѣстѣ съ вами! Ударимъ же сами себя въ грудь и покаемся! Можетъ быть милосердый царь проститъ!

— Кажется уже не время! сказалъ сынъ Яненка.—Мотовило, что былъ посланъ къ салтану, попался барабашцамъ въ неволю и у него

взяли гетманскій „листъ". Знаютъ уже, что мы посылали снова звать крымцевъ. Этого намъ не простятъ. Теперь какъ разъ, какъ говоритъ старуха, гетмана зашлютъ въ Сибирь.

— А какой бѣсъ насовѣтовалъ посылать того Мотовилу, коли не ты, Яцько, съ твоими пріятелями? говорилъ съ чувствомъ огорченія Яненко.—Я говорилъ: не нужно, и гетманъ не хотѣлъ, такъ вы его сбили съ толку!

— Не хорошо сдѣлали, что Мотовила послали, произнесъ Петро Дорошенко,—а еще хуже для насъ то, что Мотовило попался. Только теперь мнѣ Полуботокъ пишетъ, коли не стану медлить и выйду къ нимъ сейчасъ, то они Мотовила выпустятъ и про „листъ" нашъ къ салтану писанный, московскому гетману не объявятъ.

— Какъ бы не такъ! сказалъ Яненченко,—только выйдемъ—такъ сейчасъ всѣхъ насъ въ кандалы закуютъ, да въ Москву зашлютъ!

— Обѣщаетъ Полуботокъ и „листъ" нашъ воротить намъ, сказалъ Дорошенко.—Вотъ, читай, что они намъ написали.

— Однако не прислали! возразилъ Яненченко.

— Пришлютъ! сказалъ съ рѣшимостію выступившій Вуеховичъ.—На томъ клянусь, что пришлютъ и гетману московскому не скажутъ. Люди наши!

— А ты почему знаешь? сказалъ Яненченко,—развѣ уже съ ними условился: соболей московскихъ захотѣлъ!

— Ты меня, Яковъ, соболями не укоряй! сказалъ съ видомъ достоинства Вуеховичъ.—Молодъ ты еще, чтобъ на меня такое наклепывать! Я годами старше твоего отца, не то что тебя, молодикъ!

— Мой писарь—вѣрный мнѣ человѣкъ, сказалъ Дорошенко,—я не позволю на него наговаривать.

— Не дозволишь, — ему и хорошо, возразилъ Яненченко, на то ты гетманъ. И про Мазепу говорилъ ты когда-то, что вѣренъ онъ тебѣ, а Мазепа теперь, видишь, первый человѣкъ у гетмана поповича.

— Что-жъ дѣлать коли такъ сложилось! произнесъ Петро Дорошенко,—и Мазепу я не обвиняю. Не класть же было ему шеи подъ обухъ! Я-бъ и самъ такъ сдѣлалъ, какъ Мазепа, коли-бъ на его мѣстѣ былъ! Тѣ полковники, что отъ меня отреклись, болѣе виноваты. А всему положилъ начало зять Лизогубъ, что первый изъ нихъ подлизался. Тѣ всѣ болѣе мнѣ повредили, нежели Мазепа. Да я теперь никого не обвиняю: имъ нечего было больше дѣлать! Видѣли они заранѣе, что со всего этого ничего, кромѣ зла, не выйдетъ. Я одинъ виноватъ, что не послушалъ ихъ добраго совѣта и понадѣялся на бусурманъ.

— Мазепа былъ мнѣ большой пріятель, сказалъ Вуеховичъ,—и теперь, надѣюсь, такимъ остался. Пошлемъ къ Самойловичу посланцовъ, а я письмо къ Мазепѣ напишу и попрошу чтобъ за насъ заступился передъ гетманомъ. А Мазепа у Самойловича въ большой

силѣ. Да онъ такой умный, что и съ Моляввою съумѣетъ поладить. Онъ все для насъ сдѣлаетъ какъ слѣдуетъ и все устроитъ.

— Такъ, такъ! говорилъ Яненченко, это такой плутъ, что кого захочетъ поведетъ и проведетъ и въ пропасть заведетъ! Онъ поддѣлался къ нашему гетману, а какъ увидѣлъ, что солнце уже ему не такъ свѣтитъ, какъ прежде свѣтило, такъ сейчасъ предалъ своего благодѣтеля, теперь подлизался къ поповичу, а придетъ время—и того предастъ! Вотъ таковъ-то вашъ Мазепа!

— Кого-жъ пошлемъ посланцами къ Самойловичу? спрашивалъ Дорошенко.

— Меня, панъ гетманъ, посылай! отозвался Кондратъ Тарасенко, племянникъ старой Дорошенчихи, быстроглазый, черноволосый молодецъ, вскочивши съ своего мѣста.

— Хорошо, сказалъ гетманъ,—ты козакъ не дуракъ и въ рѣчахъ боекъ. А другого съ нимъ кого-жъ пошлемъ? Другой пусть ѣдетъ самъ Вуеховичъ, коли онъ надѣется все устроить черезъ Мазепу, своего давняго пріятеля. Я пріѣду къ Самойловичу и къ Ромодану; пускай только они передъ вами поклянутся, что мнѣ ничего худого не будетъ и всѣхъ нашихъ оставятъ жить на прежнихъ селитьбахъ и всѣ мои вины, что я противъ царя учинилъ, простятъ и въ будущія времена о нихъ не вспомнятъ. А я присягну, что не буду вмѣшиваться ни въ какія козацкія дѣла и стану жить какъ частный человѣкъ. Вы съ Тарасенкомъ дайте за меня такое обѣщаніе, а отъ нихъ привезете мнѣ на письмѣ такое, какъ я говорю и желаю.

— Этому они не повѣрятъ, сказалъ судья Уласенко,—скажутъ: не въ первый разъ обѣщали, а не выполнили своего обѣщанія.

— Что-жъ намъ дѣлать? сказалъ Дорошенко,—вишь, Вороновка, Черкасы, даже Медвѣдовка и Жаботинъ—всѣ оторвались отъ моей власти! Только еще чигиринцы да охотное войско держатся еще за меня, да и тѣ скоро отойдутъ, благо ужъ охотникамъ показалъ дорогу Молчанъ. Пускай такъ станется, какъ Вуеховичъ сказалъ. Благослови, мати.

— Когда царю поддаваться — тогда материнское благословеніе нужно, а когда съ бусурманами водиться—тогда материнскаго совѣта не слушаешь: иные совѣтники есть на то! говорила съ выраженіемъ горечи и озлобленія старуха.

— Развѣ я, матушка, не просилъ твоего благословенія, когда звалъ турка подъ Каменецъ и Мазепу посылалъ? говорилъ съ выраженіемъ укора Дорошенко.

— Не благословляла я тебя! Въ первый разъ какую цѣну могло имѣть мое благословеніе, коли первѣйшій владыка, митрополитъ, благословилъ тебя на пріязнь съ туркомъ! А въ другой разъ я ни за что не благословила тебя, а еще проклинала, а ты такъ взбѣсился, что даже руками на меня замахивался и заперъ меня словно какую лиходѣйку!

— Матушка! жалобно произнесъ Дорошенко,—я-жъ каялся передъ тобою и вѣкъ буду каяться! Самъ Богъ прощаетъ кающихся грѣшниковъ!

— Только не такихъ, что какъ псы возращаются къ своему блеванію, какъ говорятъ святые отцы. Твое покаяніе—издѣвка надъ Богомъ, а не искреннее покаяніе,—говорила старуха все болѣе и болѣе раздражаясь.

— Ну, вотъ и пошла, пошла, старуха! съ досадою махнувши руками вскричалъ Дорошенко.

— Такъ! продолжала раздраженная старуха.—Стара̀ стала та, что тебя народила и взлелѣяла! Разумъ отъ старости утратила! Что-жъ? Молодую слушай! Что гуляетъ она... это ничего! Было Ѳомѣ, будетъ еще и тебѣ!

— А ты, старая, на кого это науськиваешь? отозвалась Петрова жена, все время сидѣвшая молчаливо и какъ бы дремавшая послѣ порядочнаго, какъ было видно, изліянія въ себя виннаго питія.— Нечего меня заѣдать и попрекать! Какой со мною ни случился грѣхъ, я за него отстрадала не одинъ годъ.

— Отстрадала! возразила старуха съ злобнымъ смѣхомъ,—съ черничками, а можетъ и съ чернецами роспилась. Вишь, и теперь глаза залиты!

— Черезъ кого я такая стала, какъ не черезъ тебя, старая! говорила порываясь съ мѣста Петрова жена,—все черезъ тебя! Какъ вышла я за твоего сына, такъ съ перваго дня начала ты меня клевать, да грызть, да мужу на меня наговаривать, пока не засадили меня въ монастырь! А теперь тебѣ досадно, что опять меня взяли къ себѣ на житье!

— Приська! полно тебѣ! грозно замѣтилъ ей отецъ ея Павло Яненко.

— Приська, довольно! усмирись! говорилъ назидательнымъ тономъ Петръ Дорошенко.

— Чего тамъ полно, да довольно?! говорила раздраженная Приська. Чего вы на меня всѣ накидываетесь? Сами въ грѣхъ ввели, да и грызете!

— Какъ это мы тебя въ грѣхъ ввели? повышая голосъ, говорила старуха. Развѣ кто изъ насъ направилъ тебя... помнишь, какъ тебя поймали съ молодцомъ, да написали твоему мужу! О, негодница! Сама ты въ грѣхъ вскочила, не убоясь Бога и не стыдясь людей.

— Кто меня въ грѣхъ ввелъ, спрашиваете? говорила Приська: отецъ родной, отецъ, что отдалъ меня силою за нѐлюба! Вотъ кто меня въ грѣхъ ввелъ сначала! Я не хотѣла выходить за Петра, а меня силкомъ взяли и повезли въ церковь вѣнчать! Петро зналъ кого бралъ! Не была бы я изъ Хмельницкаго рода—онъ бы не подумалъ меня брать, а если бы и взялъ, то давнобъ меня зарубилъ!

— И давно бы нужно сдѣлать съ тобою, какъ Богданъ сдѣлалъ

со своею второю женою, сказалъ съ гнѣвомъ Петро Дорошенко; мы-жъ, видишь, съ отцомъ твоимъ посадили тебя въ монастырь, чтобъ ты опамятовалась и покаялась! А ты, вижу, все такая-жъ осталась, какою и была!

— А такъ! Масла изъ меня не выжмешь! И до смерти все буду такая! говорила крикливымъ голосомъ, все болѣе и болѣе раздражавшаяся Приська.—Гуляла... да ещё буду гулять!.. Вотъ что! Ужо отъѣзжай, Петро, отсель мѣсяца на два или на три: увидишь тогда, чего я здѣсь натворю!

— Цыцъ, бѣсноватая! крикнулъ на нее Петро Дорошенко: развѣ снова захотѣлось подъ черный колпакъ? Хорошо, знать, выпила!

— А что-жъ? говорила съ жаромъ Приська, — выпила! Тебѣ можно, а мнѣ такъ нѣтъ! Ты, гетманъ, третьяго дни назвалъ „музыкъ", да пошелъ по шинкамъ танцовать, а я, гетманша, соберу молодицъ да козаковъ и пойду по улицѣ. Вотъ какъ!

При этомъ она сдѣлала круговоротъ своимъ тѣломъ.

— Ну что ты мнѣ сдѣлаешь? продолжала она, въ монастырь засадишь? Засаживай! Зарѣжешь? Рѣжь! Я тебя не любила, не люблю и никогда не полюблю!

— Чортъ съ тобой! сказалъ Дорошенко: развѣ я тебя люблю? Живу съ тобой того ради, что дочка малая есть; да и то, какая ты ни на есть, а все-жъ таки ты мнѣ жена вѣнчанная. Оттого и сожительствую съ тобою, хоть и не хочу.

— И держишь меня и будешь держать у себя, мой голубчикъ, хоть хочешь не хочешь! Взялъ, такъ и терпи всѣ мои выходки! говорила, заливаясь ироническимъ смѣхомъ, Дорошенчиха.

— Дочка! уймись! наставительно говорилъ отецъ.

— Не кричи на меня, батюшка! отвѣчала Приська; зачѣмъ отдалъ меня за немилаго, а не за того, кто былъ мнѣ любъ!

— Чортъ тебя зналъ, кто былъ тебѣ любъ! замѣтилъ Дорошенко.

— Нѣту его уже, нѣту! говорила Приська; теперь кого на дорогѣ повстрѣчаю и мнѣ понравится, тотъ мнѣ и милый! Много милыхъ будетъ! Что ни день, то и милый, а на другой день—другой милый. Вотъ я какова! Петро это хорошо знаетъ.

Мать соскочила съ мѣста и закричала:

— Петро, сынъ мой, зажми ей ротъ, чтобъ не болтала такого!.. Боже! какихъ срамныхъ словъ пришлось наслушаться отъ невѣстки!

— Приська! закричалъ топнувъ ногою Дорошенко, не дразни меня! Не удержусь, побью!

— А я тебѣ дамъ кукишъ подъ носъ, сказала Дорошенчиха, вотъ глянь, какой кукишъ! На! Отвѣдай, мой голубчикъ!

— Дочка! крикнулъ отецъ, бросившись на дочь.

— Приська! крикнулъ Дорошенко и схватилъ ее за руку.

Приська посмотрѣла на мужа съ видомъ, вызывающимъ къ себѣ сожалѣніе.

— Риська! продолжалъ Дорошенко, иди себѣ въ свой уголъ, да проспись. Ты, я вижу, ужъ не мало выпила. И кто это ей горѣлки принесъ?

— Сама взяла у тебя въ шкафчикѣ. Нашла и напилась! сказала Риська.

— Иди, иди! говорилъ Дорошенко улыбаясь и стараясь показать какъ будто все обращаетъ въ шутку. Иди, сердце, „коханко!“

Риська пошла къ двери подскакивая и припѣвая:

„Бивъ мене мужъ, волочивъ мене мужъ,
Ой бивъ и рублемъ й качалкою,
А и къ свѣту назвавъ ще й коханкою!“

Она скрылась.

— Пускай идетъ себѣ да выспится! сказалъ Петро Дорошенко. Бѣда съ такою малоумною женою! А подумаешь: чѣмъ и виновата она, что Богъ ей разума не далъ! Вотъ теперь, избавившись отъ ней, начнемъ снова про наше дѣло!

— Зять! говорилъ Яненко, эти москали ей-Богу не такіе страшные и лютые, какими здѣсь у насъ кажутся. Я поприглядѣлся къ нимъ, будучи въ Москвѣ. Приняли меня ласково, къ самому царю водили къ рукѣ... и церкви у нихъ такія-жъ какъ у насъ, христіанскія, только еще богаче и красивѣе нашихъ. Съ Москвою жить въ братствѣ намъ пригоднѣе, чѣмъ съ бусурманами. Мы уже извѣдали каково братаніе съ крымцами и съ туркомъ... Что сдѣлали для насъ бусурманы? Только опустошили Украину: которыхъ не поубивали, тѣ ушли отъ насъ въ московскія владѣнія. Куда намъ теперь дѣваться? Не искать же милости у тѣхъ же бусурманъ; да и то вѣдь мы уже просили, такъ не даютъ больше, только насъ манятъ! Одинъ разъ намъ помогли,—у ляховъ себѣ Подолье взяли, да и все тутъ! Ужъ не къ ляхамъ же намъ пріютиться!

— А почему-жъ и не къ ляхамъ? сказалъ Шульга̀, полковникъ охочихъ козаковъ.—Вотъ теперь бы съ ними лучше было сойтись. Какъ бы они увидали, что мы теперь охотнѣе пристаемъ къ нимъ, нежели къ Москвѣ, то имъ бы то пришлось очень по душѣ.

— Имъ бы, можетъ, пришлось по душѣ, да намъ не по нашей шкурѣ! сказалъ Дорошенко. Нѣтъ, Шульга! этого уже въ другой и въ третій разъ не повторяй. Никогда, пока свѣтитъ солнце, козакъ съ ляхомъ не сойдутся!

— Сто чертей ихъ отцу-матери, этимъ ляхамъ бѣсамъ! воскликнулъ обозный Бережецкій. Только моя такая задушевная дума, что отчуравшись отъ ляховъ, не приставать и къ Москвѣ, на ее обольщенія не поддаваться, а славное войско запорожское низовое—вотъ наша надежда! О, коли бъ мы держались всѣ вкупѣ: не только ляхи, и москали не побороли бы нашей козацкой силы!

— Хороша твоя рѣчь, сказалъ судья Уласенко, только будь она

лѣтъ за десять прежде сказана! Теперь же Украина черезъ внутреннія свои потрясенія ни во что извелась!

— Мы съ войскомъ низовымъ ссылались, сказалъ Дорошенко,— и передъ кошевымъ присягу царю произносили. Такъ Москва этой присяги не признаетъ и бояре не желаютъ, говорятъ, чтобъ принесли мы присягу при Самойловичѣ и при Ромоданѣ, а не иначе. Что дѣлать! Не хотѣлось намъ преклоняться передъ поповичемъ, да ничего не подѣлаемъ! Не поповичу поклонимся, а царю, что его поставилъ и посылаетъ. Учиню такъ, какъ царь велитъ, а послѣ ужъ и затѣвать ничего не буду. Частнымъ человѣкомъ буду жить, мирно. Что бы тамъ ни дѣлалось—мнѣ все равно! Пускай лишь меня ужъ не трогаютъ и всю мою родню, и все наше имущество при насъ оставятъ. Съ насъ и станетъ! И поповичу буду угождать! Что захотятъ— пускай творятъ надо мною: съ-пола-горя! Все снесу! Начванился ужъ я передъ людьми на своемъ вѣку, покаяться хочу при концѣ дней. Говорится же: въ терпѣніи стяжите души ваши! Матушка! благослови!

— Лишь бы только за прежнія дурныя дѣла не взялся, а на добрыя благословляю! сказала старуха.

Мать со слезами на глазахъ встала съ своего мѣста, сняла со стѣны висѣвшій образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и, осѣнивъ имъ склонившаго передъ нею голову сына, произнесла:

— Сынъ мой любезный, сынъ первородный! За все, чѣмъ противъ меня ты погрѣшилъ, я тебя прощаю и благословляю на новую жизнь. Пошли тебѣ Господи здоровья и счастья!

Послѣ этой семейной сцены, Дорошенко велѣлъ позвать привезшаго Полубботковъ „листъ“ посланца. Привели Молявку.

— Скажи мнѣ правду, козакъ, да только истинную правду, какъ передъ Богомъ, не отлыгивайся, говорилъ ему Дорошенко, а я тебѣ даю вѣрное слово гетманское: не будетъ тебѣ ничего дурного. Ты ли поймалъ моего Мотовилу? Не бойся, говори прямо.

— Я, панъ гетманъ, поймалъ его, отвѣчалъ Молявка.

— Я такъ и думалъ, сказалъ Дорошенко.—За большое что-либо такъ тебя сразу возвысили, что съ простого рядовика хорунжимъ сотеннымъ учинили! Какъ же ты его поймалъ? Далъ ли тебѣ кто-либо заранѣе свѣдѣніе о немъ?

— Вышедши изъ Чигирина, отвѣчалъ Молявка, увидѣлъ я, что какой-то горемыка-нищій вылѣзаетъ изъ города. Стало мнѣ это подозрительнымъ. Я догналъ его. Подарилъ я ему сперва свою одежду и сапоги, а у него хотѣлъ взять то, что было на немъ. Онъ не дался. Тогда я догадался, что здѣсь нѣчто есть, позвалъ козаковъ, разули его и изъ его лаптей я вынулъ „листъ“.

— Говори правду, заговорилъ съ угрожающимъ тономъ Дорошенко,—не посылали-ль Мотовила къ московскому гетману?

— Нѣтъ, сказалъ Молявка, сидитъ у Борковскаго подъ карауломъ.

— И письма моего не посылали въ московскій станъ? спрашивалъ Дорошенко.

— И письма не посылали, отвѣчалъ Молявка.

— Я, сказалъ Дорошенко, пошлю Вуеховича и Тарасенка въ обозъ пана Самойловича и Ромодана, пускай договоръ подпишутъ и присягнутъ обоюдно. Тогда я къ нимъ пріѣду сдавать свое гетманство. А пока мои не воротятся, ты останешься заложникомъ. А Полуботокъ пусть моего Мотовила пришлетъ ко мнѣ и то мое письмо, что перехватили. Я тогда, вмѣстѣ съ тобою, къ нимъ и выѣду.

## VIII.

Въ козацкомъ станѣ, въ шатрѣ наказнаго гетмана Полуботка, собрались всѣ пришедшіе подъ Чигиринъ полковники. Передъ этимъ собраніемъ, сидѣвшимъ за столомъ, стояли Дорошенковы посланцы Вуеховичъ и Тарасенко. Они объясняли полковникамъ, что отправка Мотовила учинена была Яненченкомъ помимо воли и вѣдома гетмана, увѣряли, что съ Яненченкомъ въ соумышленіи немного неопытной молодежи, которая сама не знаетъ, что дѣлаетъ, а большинство чигиринцевъ за-одно съ гетманомъ стоитъ твердо на томъ, чтобъ искренно безъ обмана покориться. Вуеховичъ умолялъ полковниковъ поступить въ этомъ случаѣ по товарищески, не сообщать о перехваченномъ „листѣ“ Косагову, простить неразумную молодежь и не думать, чтобъ Дорошенко участвовалъ въ такомъ коварномъ замыслѣ, а Дорошенку отослать и Мотовила и взятый у него въ лаптяхъ „листъ“. Тогда Дорошенко немедленно пріѣдетъ къ нимъ въ станъ. Полуботокъ отвѣчалъ, что все сдѣлается такъ, какъ желаетъ Дорошенко, только пусть Дорошенко, немедленно послѣ отправки къ нему Мотовила съ „листомъ“, пріѣзжаетъ въ московскій станъ на рѣку Янчарку и тамъ передъ всѣми положитъ свои клейноты, а потомъ поѣдетъ въ главный обозъ къ Ромодановскому и Самойловичу. Полковники тотчасъ приказали возвратить Дорошенку листъ перехваченный и препроводить Мотовила въ Чигиринъ, а Вуеховича и Тарасенка отправили къ Косагову, отъ котораго тѣ уѣхали въ главный обозъ къ Самойловичу и Ромодановскому.

Между тѣмъ, новый хоружій черниговской полковой сотни сидѣлъ въ домѣ Вуеховича, котораго мать, по приказанію сына, угощала со всевозможнымъ хлѣбосольствомъ. Къ концу дня сказали Молявкѣ, что его зоветъ гетманъ. Онъ вышелъ за ворота двора Вуеховича, но тамъ ожидали его Яненченко и пріятель послѣдняго медвѣдовскій сотникъ Губарь.

Яненченко сказалъ Молявкѣ:

— Ты поймалъ Мотовила?

— Я, отвѣчалъ Молявка. Я уже разсказалъ самому ясневельможному.

— Козакъ ли ты настоящій, или, можетъ быть, московскій лазутчикъ? спрашивали его.

— Я козакъ истый! отвѣчалъ Молявка.

— Такъ слушай же! сказалъ Яненченко. Не всѣ у насъ такая дрянь, какъ нашъ гетманъ, что стараго бабьяго башмака не стоитъ. Не надъ козаками бы ему гетманствовать, а свиней пасти! Безъ Дорошенка найдемъ себѣ иного гетмана! Слухи у насъ вѣрные, что турскій царь, провѣдавши про Дорошенкову измѣну, нарекъ гетманомъ сына славной памяти Богдана Хмельницкаго, Юрася, пожаловалъ его княземъ Малороссійской Украины и велѣлъ надѣть на него свой кафтанъ и дать ему „берэтъ". Мы къ нему пристанемъ, коли явится онъ съ турскимъ непобѣдимымъ войскомъ. Люди храбрые, разумные и вѣрные намъ нужны. Покайся въ своей винѣ, что схватилъ нашего человѣка въ неволю. Пристань къ намъ! Останься съ нами, отступись отъ московскаго царя и присягни служить Богданову сыну! А коли не захочешь такъ учинить—свѣту Божіяго больше не увидишь! Тутъ сейчасъ тебя и смерть постигнетъ.

— Не только самъ къ вамъ пристану, отвѣчалъ Молявка, а обѣщаю нашихъ полчанъ черниговскихъ и другихъ, если удастся, отвергнуть отъ управленія Самойловича.

— А врешь, собачій сынъ! сказалъ Губарь; со страху за свою душу намъ ты это говоришь! Изъ чего бы это такъ вдругъ сталось, что третьяго дни, служа гетману-поповичу, ты полонилъ нашего человѣка, а сегодня уже сталъ съ нами за-одно! Вранье, вранье, не надуешь насъ! Думаешь какъ нибудь вышмыгнуть отъ насъ, а потомъ донесешь на насъ!

— Нѣтъ, паны, отвѣчалъ Молявка, не хочу васъ надувать, отъ чистаго сердца вамъ говорю. Развѣ, вы думаете, у насъ на лѣвомъ берегу забыли про батька нашего Богдана? Тогда развѣ про него позабудутъ, какъ уже ни однаго козака тамъ не останется! Пока свѣтъ солнца, будутъ помнить и вспоминать о немъ, и сыну его служить чуть ли не всѣ будутъ рады. У насъ сказать бы прямо: отступитесь отъ царя, да приставайте къ турку, или къ ляху, то вѣрно мало бы нашлось желающихъ. Или такъ сказать: отрекитесь отъ Самойловича, пусть будетъ вашимъ гетманомъ Дорошенко, или Ханенко, или кто иной, хотя бы кто изъ вашихъ милостей, то врядъ ли бы многіе къ тому пристали. А Хмельницкаго имя—большое слово! Поэтому-то и я, господа, какъ только вы сказали, что турецкій царь поставляетъ Хмельниченка, да не только гетманомъ, а еще княземъ, тотчасъ Богъ знаетъ какъ обрадовался и съ перваго слова сказалъ, что хочу ему вѣрно служить! У насъ, господа, давно такая дума въ народѣ, что когда нибудь придетъ Юрко Хмельниченко отнимать свое отцовское наслѣдіе, и тогда всѣ къ нему пристанутъ и вся Украина соединится, и не будетъ надъ

нами никакого чужого господства, ни московскаго, ни польскаго, а свое собственное будетъ, и всѣмъ бѣдамъ конецъ настанетъ, и благополучіе Богъ дастъ людямъ своимъ.

— Коли-бъ мы про Хмельниченка тебѣ не сказали, то ты-бъ все таки согласился притворно со всякимъ нашимъ замысломъ, лишь бы только отъ насъ вырваться. Вѣдь мы тебѣ сказали, что смерть постигнетъ тебя, если не согласишься! замѣтилъ Губарь. Мы тебя только такъ дразнимъ, а сейчасъ тебя поведемъ и прикажемъ разстрѣлять какъ московскаго шпіона!

— Не струсилъ я, на то я козакъ! говорилъ Молявка. Развѣ можно козаку бояться смерти? На томъ козацкое житье стоитъ, что видимая смерть у него накаждомъ шагу. Не вѣрите мнѣ—ведите, разстрѣляйте! Умирать когда нибудь нужно! Хоть десять лѣтъ лишнихъ проживешь, хоть двадцать, а все таки когда-нибудь смерть придетъ! Вѣчно не будешь на свѣтѣ жить! Разстрѣляйте меня, если не вѣрите; а я вамъ правду сказалъ: какъ вы меня спрашивали, такъ я вамъ и говорилъ какъ думаю! Я передъ вами на святомъ крестѣ и на евангеліи присягну, что буду вѣрно служить Богданову сыну! А не вѣрите—разстрѣляйте меня!

— Губарь! сказалъ Яненченко, позови Остаматенка! Пусть передъ нами тремя присягнетъ. Люди намъ нужны.

Губарь быстро побѣжалъ. Молявка стоялъ молча въ раздумьи, ожидая своей судьбы. Яненченко первый прервалъ молчаніе и началъ бранить Дорошенка. Молявка только слушалъ. Скоро воротился Губарь съ новымъ лицомъ, въ которомъ Молявка узналъ того самаго канцеляриста, который въ первый приходъ въ Чигиринъ сообщилъ ему по приказанію Вуеховича о Мотовилѣ. Молявка тотчасъ смекнулъ, что у этихъ господъ, отъ которыхъ теперь зависѣла его участь, что-то между собою не ладно и одинъ подъ другимъ роютъ яму.

— Этотъ козакъ пристаетъ къ нашему замыслу и хочетъ намъ быть полезнымъ, сказалъ Яненченко. Затѣмъ онъ разсказалъ предложеніе подговаривать лѣвобережныхъ козаковъ въ пользу Хмельниченка.

— Принять ли его въ наше общество, или можетъ разстрѣлять какъ московскаго шпіона? Какъ вы думаете, панъ Остапъ? спрашивалъ онъ далѣе.

— Я такъ думаю, что принять его въ нашъ кругъ. Намъ нужно людей, отвѣчалъ новоприбывшій.

— А Дорошенко, сякой-такой сынъ, пусть его чортъ возьметъ! началъ снова Яненченко. Пускай отвѣдаетъ московскаго кнута, какъ Демко Многогрѣшный, что получилъ награду за свою вѣрную службу царю!

— Развѣ одинъ только Демко? замѣтилъ тогда Молявка, а Якимъ Сомко, а Васюта Золотаренко, а Оника Силичъ? А Меѳодій архіерей? Ужъ кто былъ приверженнѣе Москвѣ, какъ тотъ архіерей! А какъ

ему за то Москва отблагодарила! Что и говорить! Мало, развѣ, нашего люда запропастила проклятая Москва! У насъ такая молва до сихъ поръ ходитъ, что и самаго батька Богдана Москва преждевременно извела со свѣта бѣлаго: яду, говорятъ, ему поддали за то, что боярамъ не хотѣлъ угождать. Московскій царь только называется и пишется самодержецъ, а управляетъ не онъ. Всѣмъ заправляютъ и дѣлаютъ что хотятъ у него бояре, а царь только спитъ да ѣстъ и пьетъ въ сласть.

— Правду говоришь, товарищъ! сказалъ одобрительнымъ голосомъ Яненченко: пойдемъ же въ церковь, тамъ присягнешь. У насъ есть и попъ такой, что съ нами за одно.

Заговоръ о приглашеніи Юраска Хмельницкаго уже зрѣлъ въ Чигиринѣ, хотя и не слишкомъ еще распространился. Соумышленниковъ у Яненченка было, можетъ быть, какихъ нибудь десятка три. Въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ чигиринскихъ священниковъ. Это былъ прежде козакъ запорожецъ, учился онъ когда-то въ бурсѣ, а потомъ воевалъ нѣсколько лѣтъ съ запорожцами по степямъ и рѣкамъ; за какое то преступленіе въ Кошѣ хотѣли было его заколотить палками: онъ въ пору убѣжалъ изъ Сѣчи, явился къ митрополиту Тукальскому и просилъ посвятить его въ попы. Случаи были въ тѣ времена не рѣдкіе, что козаки, прежде отличавшіеся достоинствами войсковыхъ людей своего вѣка, поступили въ духовное званіе. Митрополитъ посвятилъ и этого казака и назначилъ вторымъ священникомъ при одной изъ чигиринскихъ церквей. Его то сманилъ на свою сторону Яненченко. Всѣ четверо пришли къ этому попу и просили привести къ присягѣ новобранца. Попъ вышелъ изъ своего дома; онъ остерегался, чтобъ не замѣтилъ и не узналъ о происходящемъ главный священникъ того храма, гдѣ этотъ попъ числился только вторымъ; онъ провелъ козаковъ въ церковь, приказавши имъ идти не вмѣстѣ, а врознь. Когда сошлись въ церкви, Молявка передъ крестомъ и евангеліемъ произнесъ присягу со словъ Яненченка и въ этой присягѣ давалъ предъ лицомъ вездѣсущаго Бога обѣщаніе, отступиться отъ московскаго царя и служить вѣрою и правдою Георгію Гедеону Венжику Хмельницкому, гетману и князю Малороссійской Украины.

Между тѣмъ привезли къ Дорошенкѣ Мотовила съ перехваченнымъ листомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо отъ Полуботка: наказной гетманъ приглашалъ Дорошенка ни мало не медля ѣхать по своему обѣщанію въ станъ. Уже было поздно.

— Завтра утромъ выѣду, отвѣчалъ Дорошенко.

Настало утро. Когда обвиднѣло, Дорошенко приказалъ во всѣхъ чигиринскихъ церквахъ благовѣстить на сборъ народа и приказалъ позвать къ себѣ Молявку, который послѣ данной имъ присяги на вѣрность князю Малоросійской Украины, радовался, что избѣжалъ опасности и ласкалъ себя сладкими грезами о предстоявшей возмож-

ности новыми услугами царю пріобрѣсть еще повышеніе по службѣ. Явился онъ къ Дорошенку по зову гетмана. У крыльца его дома уже стояла осѣдланная и подведенная гетману лошадь.

— Теперь ты свободенъ! сказалъ ему Дорошенко. Поѣдемъ вмѣстѣ со мною въ вашъ таборъ.

Вышедши изъ дома, Дорошенко сѣлъ верхомъ на подведеннаго ему коня и выѣхалъ со двора. На крыльцѣ стояла его семья. Старшины были уже на улицѣ, дожидаясь тамъ гетмана. Весь городъ уже обѣгали сердюки, скликая народъ на раду. И близь гетманскаго дома набралась такая толпа, что Дорошенку не безъ труда можно было проѣхать, чтобъ стать на такомъ мѣстѣ, откуда бы долетавшая рѣчь его могла быть удобно слышана на далекое разстояніе.

Сидѣлъ Дорошенко верхомъ на сѣромъ породистомъ арабскомъ конѣ, подаренномъ ему когда то великимъ турецкимъ визиремъ, и громогласно говорилъ:

— Православные христіане! добрый народъ украино-малороссійскій. Приходитъ нашъ послѣдній часъ! Нельзя уже намъ стоять за свою вольность. Сами вѣдаете: сколько лѣтъ стоялъ я за нее и чего только не дѣлалъ: и турокъ, и татаръ зазывалъ; но бусурманы, имя наше христіанское ненавидя, не искренно давали намъ помощь, думая единственно о томъ, какъ бы нашъ край въ вѣчную неволю подъ себя захватить. Куда ни повернемся, всюду намъ, „и болячо и горячо“. Украина сего берега опустѣла. Народъ, остававшійся не побитымъ отъ чужого меча, разбѣжался, покинувши родительское гнѣздо. Не съ кѣмъ стоять! Осталось только просить милости и пощады у бѣлаго православнаго царя! Вѣдомо то всѣмъ, что издавна была у меня такова дума, что нѣтъ для насъ лучшей доли, какъ пребывать подъ высокою рукою царскаго пресвѣтлаго величества, единаго православнаго монарха въ мірѣ. Только препоною тому было, что православный царь не принималъ насъ, а приказывалъ намъ, чтобъ мы были покорны ляхамъ. А мы подъ ляхами быть не хотѣли и примириться съ ними намъ нельзя было никакъ, потому что ляхи очень предательскій народъ и на своемъ договорѣ не стоятъ! Къ тому же и старшина наша не вся условилась на томъ, чтобъ единодушно царю служить и быть покорными: боялась за свои вольности. Въ прошломъ году, какъ сами знаете, присягали мы на вѣрность православному царю передъ кошевымъ запорожскимъ Сѣркомъ, но царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ та наша присяга не принята и теперь православный царь посылаетъ свою войсковую силу, чтобъ мы присягнули передъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и царскимъ бояриномъ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, передъ ними съ себя гетманство свое сложили. Сражаться намъ не слѣдуетъ, да и не съ кѣмъ стать въ бой. Положимся вполнѣ на милось царскаго пресвѣтлаго величества, съ тѣмъ только уговоромъ, чтобъ насъ оставили при нашемъ

горемычномъ житіи и при нашемъ небольшомъ имуществѣ. Такова моя дума, паны громада!

— Згода, згода! [1]) раздалось множество голосовъ.

— Нѣту згоды! [2]) раздался въ толпѣ одинъ рѣзкій голосъ, а за нимъ голосовъ двадцать какъ эхо повторили:—нѣту згоды!

— Кто кричитъ: нѣту згоды—пусть выйдетъ и скажетъ: что же намъ дѣлать и куда обратиться! сказалъ Дорошенко.

— Подъ туркомъ лучше будетъ! закричалъ кто-то.

— А почему не послать къ ляхамъ? раздался голосъ Шульги.

— Къ чорту ляховъ! крикнулъ бывшій брацлавскій полковникъ Болюбашъ, и голосъ его повторили многіе.—Кто еще разъ скажетъ чтобъ намъ подчиниться ляхамъ, того мы каменьями побьемъ!

— Ляхи наши прирожденные враги! кричали одни.

— Лучше подчиниться чорту нежели ляху! Нѣтъ мира съ ляхами и до вѣчнаго суда не будетъ! повторяли другіе.

— Я вижу, сказалъ Дорошенко, что все великое множество чигиринскаго люда хочетъ покориться волѣ православнаго монарха, царскаго пресвѣтлаго величества. А потому я поѣду къ гетману Самойловичу, поклонюсь ему и сдамъ свое гетманство, выпросивши только чтобъ васъ изъ гнѣздъ вашихъ силою не выводили. А самъ, куда мнѣ прикажутъ ѣхать, туда и поѣду! Простите меня, братья, если въ чемъ, какъ человѣкъ, прогрѣшилъ противъ васъ всѣхъ огуломъ и противъ каждаго особо; и я всѣхъ тѣхъ прощаю, кто противъ меня злоумышлялъ!

— Да покроетъ тебя Богъ своимъ святымъ крыломъ! провозгласила толпа.

Священники въ ризахъ вышли съ крестами въ рукахъ. Понесли впередъ евангеліе, образа, хоругви. Дорошенко сошелъ съ своего коня и сѣлъ въ поданную коляску. Многіе видѣли, что у него на глазахъ сверкали выступившія слезы.

Коляска Дорошенка медленно ѣхала за крестнымъ ходомъ. Позади коляски и по бокамъ ея ѣхало, шло и бѣжало множество народа обоего пола: тѣ слѣдовали верхомъ, другіе въ повозкахъ, большая часть пѣшкомъ. Были тутъ сѣдовласые старцы, были и недорослые хлопцы. Подъ звуки колоколовъ шествіе это вышло изъ воротъ города и потянулось къ югу. При переѣздѣ черезъ козацкій станъ кораульные окликали шествіе. Былъ отвѣтъ: гетманъ Петръ Дорошенко ѣдетъ въ войско царскаго величества сдавать свое гетманство! Дорога, окаймляясь рядами кургановъ, памятниковъ глубокой старины, которыхъ такое множество вокругъ Чигирина, привела въ яръ, посреди котораго протекала рѣчка Янчорка. По берегу ея бѣлѣли полотняные шатры великорусскаго отряда. Передъ шатромъ предводителя Гри-

---

[1]) Согласны.
[2]) Не согласны.

горія Ивановича Косагова стоялъ столъ, на которомъ лежали крестъ и евангеліе. Косаговъ уже дожидался Дорошенка, стоялъ въ малиновомъ кафтанѣ, расшитомъ золотными травами, съ козыремъ, украшеннымъ жемчугомъ; на головѣ у него была остроконечная подбитая соболемъ шапка. Около Косагова стояли великорусскіе начальные люди и малороссійскіе полковники, присланные къ Чигирину. Крестный ходъ уже достигъ своей цѣли; хоругви и образа блистали подъ лучами яркаго солнца.

Подъѣхала, наконецъ, къ шатру коляска гетмана. Дорошенко сошелъ на землю. За нимъ вынесли изъ этой коляски бунчукъ и булаву во влагалищахъ; бунчукъ поставили близь стола, булаву положили на столѣ.

Дорошенко, приблизясь къ Косагову, поклонился, прикоснувшись пальцами до земли и сказалъ:

— Стольникъ великаго государя Григорій Ивановичъ! По волѣ великаго государя моего царя и великаго князя Өеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца пріѣхалъ я поновить предъ тобою присягу на вѣрность царскому пресвѣтлому величеству, которую далъ прежде предъ кошевымъ запорожскимъ Иваномъ Сѣркомъ и донскимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ.

Косаговъ сказалъ ему:

— Гетманъ Петръ Дорофеевичъ! То учинилъ ты зѣло добрѣ. Великій государь тебя за то жалуетъ и похваляетъ и приказываетъ спросить тебя и всѣхъ чигиринскихъ козаковъ и все поспольство о здоровьи. Вотъ крестъ и евангеліе. Присягни предъ ними, что ты поѣдешь къ гетману Ивану Самойловичу и къ боярину князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому въ обозъ подъ Вороновку сложить свое гетманство и дать присягу на вѣрное и вѣчное подданство его царскому величеству.

Дорошенко, подошедши къ столу, произнесъ присягу, повторяя слова священника, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Косаговымъ.

Послѣ присяги Дорошенко повидался съ Полуботкомъ и другими козацкими полковниками и указывая на Молявку, стоявшаго сзади, сказалъ:

— Вотъ вашъ аманатъ, живой и здоровый. Воздай вамъ, Боже, за то что обошлись какъ подобаетъ братьямъ и товарищамъ! Теперь ужъ все окончилось! Воевать между собою не будемъ. Примите меня бѣднаго изгнанника въ ваше товариство! не памятуйте, что дѣлалось передъ тѣмъ. Сами вы, люди умные, поймете, я долженъ былъ оберегать то, что мнѣ ввѣряли, а теперь, пускай станется воля Божія!

— Ты, пане, дѣлалъ свое дѣло, а мы дѣлали свое, сказалъ Борковскій:—не помни и ты, что мы на тебя ходили войною. Какъ передъ этимъ искренно враждовали, такъ теперь, помирившись, станемъ тебя уважать и любить какъ брата и товарища.

— Воротятся мои посланцы—и тогда я съ вами поѣду въ главный обозъ, сказалъ Дорошенко.

Полуботокъ пригласилъ Дорошенка въ шатеръ на чарку горѣлки. Подали Дорошенку налитый виномъ серебряный кубокъ. Взявши его въ руки, онъ поднялъ его вверхъ и провозгласилъ здоровье великаго государя, потомъ здоровье гетмана и всего войска запорожскаго.

За шатромъ раздался гулъ, послышались крики: повернулись! повернулись! Дорошенко поставилъ на столъ кубокъ еще не успѣвши допить его, отступилъ и отвернулъ полу шатра. Онъ увидѣлъ Вуеховича и Тарасенка, которые вставали изъ колясы и держали въ рукахъ по листу бумаги. Ихъ коляску кругомъ обступила толпа чигиринцевъ, прибывшихъ въ станъ вмѣстѣ съ Дорошенкомъ.

— Ну что братцы? крикнулъ къ нимъ Дорошенко, еще не допуская ихъ къ себѣ приблизиться.

— Все какъ слѣдуетъ! отвѣчалъ Кондратъ, благодареніе милосердому Богу! На все согласились и твою милость ждутъ къ себѣ какъ можно скорѣе. Вотъ письма отъ пана гетмана и отъ боярина Ромодана.

— А это, пане, письмо къ твоей милости особливое отъ пана Мазепы, прибавилъ Вуеховичъ.

Дорошенко прежде всего схватилъ въ руки письмо отъ Мазепы, такъ какъ его занимало желаніе укрыть отъ великорусскаго начальства послѣднюю отправку Мотовила къ султану Нурреддину. Въ этомъ письмѣ отъ Мазепы Дорошенко нашелъ только неясное и короткое увѣреніе, что со стороны гетмана и старшинъ будетъ сдѣлано все по желанію Дорошенка, сообщенному Вуеховичемъ.

## IX.

Освободившись изъ Чигирина, Молявка разсказалъ прежде обо всемъ, что съ нимъ происходило, своему полковнику Борковскому. Немедленно Борковскій сообщилъ объ этомъ наказному, а Полуботокъ нашелъ, что принесенныя Молявкою извѣстія до того важны, что слѣдуетъ отправить самаго этого Молявку къ гетману: пусть Молявка самъ лично разскажетъ ясневельможному все, и тогда главные региментары царскихъ войскъ могутъ въ-пору сообразить, что́ имъ дѣлать и какія мѣры предпринять въ ожиданіи вновь затѣваемой смуты. Полуботокъ приказалъ составить объ этомъ „листъ“ къ Самойловичу, вручилъ его Молявкѣ для передачи и приказалъ послѣднему, въ дополненіе къ написанному, словесно обстоятельнѣе изложить все, что найдутъ нужнымъ узнать отъ него.

Въ тотъ же день отправился Молявка и прибылъ въ главный обозъ подъ Вороновкою. Его, какъ посланца отъ наказнаго, провели къ ставкѣ гетмана. Въ оное время походы совершались не съ такою

быстротою и не такъ на-легкѣ какъ теперь. Военачальники останавливались съ войскомъ иногда на долго и должны были имѣть съ собою всѣ удобства, какими пользовались въ постоянныхъ мѣстахъ своего пребыванія. Объ удобствахъ подначальныхъ и рядовыхъ воиновъ и даже о ихъ продовольствіи заботились тогда мало, но за то уже тѣ, которые ими начальствовали, всегда брали съ собою всего много. У малороссійскаго гетмана въ походѣ была и своя походная церковь съ духовенствомъ, и своя походная кухня, и буфетъ, и канцелярія, и прислуга, иногда очень многочисленная. Гетманъ Самойловичъ, совершая походы разомъ съ великороссійскимъ бояриномъ, начальствовавшимъ царскою ратью, посылаемою въ Малороссійскій край, устраивалъ пиршества, приглашалъ на нихъ и своихъ и великороссійскихъ начальныхъ людей, отправлялъ въ столицу посланцовъ съ вѣстями, принималъ московскихъ и другихъ пословъ и гонцовъ творилъ на походѣ судъ и расправу со старшиною. При такихъ обычаяхъ необходимо было брать съ собою и возить множество вещей и людей, тѣмъ болѣе, что при малолюдствѣ края и при бѣдности культуры не вездѣ можно было добыть всего, что окажется нужнымъ. Такимъ образомъ, гдѣ только останавливалось войско на продолжительное время, въ обозѣ возникалъ вдругъ многолюдный и шумный городъ. Такъ было и подъ Вороновкою.

Гетманская ставка была въ срединѣ обоза; она состояла изъ купы шатровъ, между которыми отличался нарядностію и обширностію шатеръ самаго гетмана Самойловича разбитый на три части, отдѣленныя одна отъ другой холщевыми выкрашенными занавѣсами. Переднее отдѣленіе имѣло видъ обширной залы и было уставлено полками со множествомъ серебряной посуды. Посреди стояли столы и при нихъ складные стулья. Туда ввели Молявку. Самойловичъ находился тогда въ другомъ отдѣленіи шатра, въ своей спальнѣ, и сидѣлъ тамъ на своей походной постелѣ передъ столомъ, на которомъ лежали бумаги. Съ нимъ было двое изъ особъ уже близкихъ къ нему, но не занимавшихъ еще старшинскихъ мѣстъ: одинъ былъ Иванъ Степановичъ Мазепа, другой—Василій Леонтьевичъ Кочубей; оба они состояли въ неопредѣленномъ званіи значныхъ войсковыхъ товарищей. Всѣ, однако, въ войскѣ уже знали, что это самые приближенные къ гетману люди. Прочитавши переданный Самойловичу черезъ служителя „листъ" Полуботка, привезенный Молявкою, гетманъ далъ этотъ „листъ" прочитать Мазепѣ и Кочубею, потомъ велѣлъ Мазепѣ поговорить съ тѣмъ хоружимъ, который присланъ съ „листомъ".

Впущенный въ переднее отдѣленіе гетманскаго шатра, Молявка былъ пораженъ множествомъ серебряной посуды. Ничего подобнаго не могъ онъ видѣть въ своей жизни, до сихъ поръ протекавшей въ скромной обстановкѣ быта рядовиковъ, гдѣ какая нибудь полдюжина серебряныхъ чарокъ да серебренная солонка въ шкафчикѣ считались уже признакомъ Богъ знаетъ какого довольства. А тутъ въ постав-

цахъ, разставленныхъ во всѣ стороны, горѣли какъ жаръ въ такомъ множествѣ позолоченные и серебренные подъ чернью роструханы, достаканы, кубки, солоницы, ложки, черенки ножей и вилокъ—и все это сработано съ вычурами, „штучне", какъ говорили тогда малороссіяне.

Молявка уже пріучилъ себя къ почтительности передъ высшими лицами и притомъ слышалъ отъ Булавки, что у гетмана Самойловича старшины генеральные сами сѣсть не рѣшаются прежде чѣмъ онъ не пригласитъ, а потому Молявка не смѣлъ сѣсть, хоть и не мало стульевъ тамъ было разставлено. Молявка стоя глазѣлъ на посуду, не дерзая подойти къ ней поближе. Вотъ, наконецъ, развернулась пола занавѣса, отгораживавшаго переднее отдѣленіе шатра отъ другого внутренняго и изъ за нея вышелъ худощавый средняго роста человѣкъ съ чрезвычайно добродушнымъ выраженіемъ лица и съ осклабляющимися губами, но съ проницательными чорными глазами. То былъ Мазепа.

— А гдѣ черниговской сотни хоружій, привезшій отъ Полуботка листъ къ ясневельможному пану? спросилъ онъ поводя глазами.

Молявка тотчасъ подошелъ къ нему и поклонился въ поясъ. Мазепа сказалъ:

— Разскажи мнѣ, дружище козакъ, какъ ты ходилъ къ Дорошенку въ Чигиринъ, что тамъ видалъ и что слыхалъ? Все разскажи по порядку; ясновельможный гетманъ приказалъ тебя разспросить.

Молявка принялся разсказывать подробно о всѣхъ своихъ приключеніяхъ и когда пришлось говорить о собственныхъ подвигахъ, Мазепа тѣлодвиженіями показывалъ ему одобреніе. Но Молявка и на этотъ разъ, какъ при передачѣ того же Борковскому, не сказалъ Мазепѣ, что на счетъ Мотовила предупредили его заранѣе въ Чигиринѣ. Мазепа, вглядываясь ему пристально въ глаза, перебилъ его вопросомъ:

— А Вуеховичъ тебѣ ничего про это не сказалъ? Онъ не говорилъ съ тобою? Можетъ быть онъ, если не самъ, то черезъ кого иного извѣстилъ тебя?

Не рѣшился Молявка отрицать этого, видя, что господинъ, который его спрашиваетъ, какъ будто еще и не слыша его словъ, читаетъ, что у него на умѣ. Онъ сказалъ, что было именно такъ.

— А не знаешь ли какъ зовутъ того, что тебя извѣстилъ? спрашивалъ Мазепа.

— Его зовутъ Остаматенко. Я узналъ про это послѣ, какъ меня подговаривалъ Яненченко; тогда и этотъ былъ съ Яненченкомъ. сказалъ Молявка.

— Разсказывай далѣе, сказалъ Мазепа.

Молявка говорилъ, какъ Дорошенко оставилъ его аманатомъ. Мазепа сказалъ:

— Дорошенку хотѣлось, чтобъ московскіе гетманы не знали, что

онъ хотѣлъ снова бусурмана закликать. Пускай не безпокоится. Хотя мы ничего не утаимъ передъ царскимъ величествомъ, однако Дорошенку бѣды отъ этого не будетъ!

Молявка разсказалъ какъ Яненченко съ товарищами принудили его дать присягу на вѣрность Хмельниченку.

— А какъ же, козачина, не стыдно было тебѣ давать фальшивую присягу? произнесъ съ видомъ укора Мазепа, качая головою;—кто-жъ послѣ этаго повѣритъ и другой твоей присягѣ?

Не допустивши отвѣта, Мазепа вышелъ. Молявка стоялъ словно кто его холодной водой окатилъ. Онъ почувствовалъ, что Мазепа выворотилъ ему сразу душу на изнанку и заглянулъ въ нее такъ глубоко, какъ онъ самъ ни за что не хотѣлъ, чтобъ кто нибудь заглядывалъ туда.

Мазепа передалъ гетману все, что слышалъ отъ Молявки.

— Я думаю, сказалъ гетманъ Самойловичъ,—теперь, когда мы уже знаемъ, что въ Чигиринѣ составляется „факція“ за молодого Хмельницкаго и его даже ждутъ съ турецкой силой, то уже Дорошенка ни подъ какимъ видомъ нельзя оставлять въ Чигиринѣ: Дорошенко по женѣ свой человѣкъ молодому Хмельницкому. И Павло́ Яненко тесть его и дѣти Павла изъ того же рода. Какъ только Дорошенко прiѣдетъ къ намъ, сказать ему сейчасъ, что по царской волѣ долженъ онъ немедля переѣхать на нашу сторону Днѣпра. Я ему укажу мѣсто жительства. Ты что на это скажешь, Иванъ Степановичъ?

— Ясневельможный панъ! сказалъ Мазепа, ты нашего мнѣнiя испрашиваешь, словно издѣваясь надъ нами. Намъ остается только, какъ глупцамъ, хлопать глазами и говорить такъ, что тебѣ покажется будто хотятъ льстить твоей милости. Будь хоть какой вѣрный слуга своей родинѣ, не смочь ему дать тебѣ собственнаго совѣта, потому что, если онъ скажетъ истинную правду, то правда эта будетъ исходить не отъ него, а отъ тебя: скажетъ онъ по неволѣ то, что ты уже прежде самъ выскажешь. Твоя милость всегда самъ постановишь такое мудрое рѣшенiе, что намъ ничего болѣе не остается, какъ согласиться съ тобою! Хотя бы мы три дня или пять дней соображали, не додумались бы ни до чего лучшаго! Какъ бы у царя великаго государя нашего на Москвѣ, возлѣ его пресвѣтлаго престола, были такiя мудрыя особы, какъ нашъ гетманъ, не дѣлалось бы того, что дѣлается подъ-часъ.

— Я думаю, продолжалъ Самойловичъ,—назначить Дорошенку мѣсто жительства въ Сосницѣ; это будетъ недалеко отъ Батурина. А въ Сосницѣ поставить сотникомъ такого козака, чтобъ можно на него положиться, чтобъ онъ за Дорошенкомъ наблюдалъ неусыпно.

— Что можетъ быть разумнѣе! воскликнулъ Мазепа. Повторилъ то же и Кочубей.

— А сотникомъ назначить того хоружаго, что намъ этотъ „листъ“ привезъ. Что вы на это скажете, господа? говорилъ гетманъ.

— Ясневельможный панъ! сказалъ Кочубей, нужно и то принять во вниманіе, что этотъ хоружій, будучи въ Чигиринѣ, далъ присягу служить молодому Хмельницкому. Не измѣнитъ ли онъ и намъ, какъ измѣнилъ теперь Хмельницкому, которому присягнулъ на вѣрность?

— А ты что скажешь на это, Иванъ Степановичъ? спросилъ Самойловичъ Мазепу.

— Я, сказалъ Мазепа, своимъ малымъ разсудкомъ такъ размышляю, что нѣтъ ничего мудрѣе, какъ того хоружаго назначить сотникомъ туда, гдѣ будетъ жить Дорошенко. Видно уже, что это за голова, коли такъ хитро-мудро безъ затѣй и для насъ выгодно исполнилъ свое порученіе въ Чигиринѣ! А что сказалъ панъ Кочубей, то это отъ чрезмѣрнаго искренняго рвенія къ общему благу, но не вѣрно. Если врагъ приставитъ ножъ къ глоткѣ и скажетъ: присягни, иначе я тебя зарѣжу, то придется хоть кому согласиться съ нимъ и для вида присягнуть, а потомъ все обратить на пользу своимъ: это будетъ умнѣе чѣмъ положить голову и пропасть даромъ. Не порицанія, а похвалы достоинъ этотъ казакъ за свой поступокъ.

— И я такъ думаю!—сказалъ Самойловичъ, пускай этотъ хоружій будетъ сотникомъ въ Сосницѣ. Кто теперь тамъ сотникъ?

— Стецько Литовчикъ, отвѣчалъ Кочубей.

— Я этому Литовчику подарю помѣстье и универсальный листъ на него дамъ. Пусть онъ пока на время остается значнымъ войсковымъ товарищемъ! А этого поставить сотникомъ. Иванъ, позови его ко мнѣ, а ты, Василій, дай мнѣ списокъ помѣстьямъ, назначеннымъ къ раздачѣ въ черниговскомъ полку, говорилъ гетманъ.

Мазепа вышелъ. Кочубей нашелъ и подалъ гетману рукописный перечень имѣніямъ, опредѣленнымъ въ раздачу. Гетманъ углубился въ него. Между тѣмъ Мазепа позвалъ Молявку и тотъ, ступая на цыпочкахъ осторожно и почтительно за Мазепою, вошелъ въ отдѣленіе гетманской спальни. Самойловичъ, не отрывая глазъ отъ списка и не повертывая головы къ вошедшему, сталъ говорить къ нему такимъ тономъ, какъ будто уже цѣлый часъ ведетъ съ нимъ бесѣду:

— Отсюда поѣдешь въ Сосницу. Я назначаю тебя туда сотникомъ. Тамъ будетъ жить Дорошенко. Присматривай за нимъ. Въ оба глаза гляди. Если что нибудь отъ него затѣется недоброе, а ты не досмотришь, то не уйдешь отъ жестокой кары и конечнаго разоренія. Но никакъ не дразни его. Присматривай за нимъ такъ, чтобъ онъ не зналъ и не замѣчалъ, что ты за нимъ наблюдаешь. Вѣжливо, учтиво и почтительно обходись съ нимъ. Часто посѣщай его, но такъ, чтобъ онъ ни разу тебѣ не сказалъ: что ты меня безпокоишь? Ходи къ нему какъ будто для того, чтобы услуживать ему, подмѣчай, что ему нужно, и не дожидаясь пока онъ тебя попроситъ, самъ все ему доставляй, а чего самъ не сможешь, о томъ тотчасъ ко мнѣ

давай извѣстіе. Ты долженъ знать, кто къ нему будетъ пріѣзжать въ гости и куда онъ будетъ посылать своихъ домашнихъ. Все провѣдывай и узнавай. И о всемъ томъ пиши ко мнѣ прямо въ собственныя мои гетманскія руки. Никому не говори о томъ, что присматриваешь за Дорошенкомъ: чтобъ знали объ этомъ только ты да я. Поѣзжай себѣ съ Богомъ въ свою новую сотню. Этотъ господинъ изъ моей канцеляріи (онъ указалъ на Кочубея) дастъ тебѣ универсальный листъ за моимъ собственноручнымъ подписомъ на сотничество.

Проговоривши все это, гетманъ, до того времени все устремлявшій глаза въ лежащій передъ нимъ списокъ, въ первый разъ взглянулъ на того, кому говорилъ, окинулъ его взоромъ своимъ съ головы до ногъ и опять сталъ разсматривать свои бумаги.

Молявка поклонился низко уже болѣе не глядѣвшему на него верховному своему начальнику и вышелъ въ большой радости. Слова гетмана о томъ, чтобъ онъ писалъ прямо къ нему, пріятно отдавались у него въ ушахъ. Онъ понималъ, что дозволеніе сотнику сноситься непосредственно съ гетманомъ помимо полковничьяго уряда, было большое къ нему вниманіе и онъ чувствовалъ, что высоко поднимается на своемъ служебномъ поприщѣ.

Мы не станемъ описывать, какъ Дорошенко, забравши толпу выборныхъ изъ чигиринцевъ и скрывавшихся въ Чигиринѣ жителей другихъ правобережныхъ городковъ, въ сопровожденіи Полуботка и его козаковъ, ѣздилъ въ обозъ подъ Вороновкою, сложилъ съ себя гетманское достоинство, передалъ гетману Самойловичу свой бунчукъ, булаву, знамена, грамоты, полученныя прежде отъ турецкаго падишаха, двѣнадцать пушекъ,—какъ принесъ въ присутствіи царскаго боярина Ромодановскаго и гетмана Самойловича присягу на вѣчное и непоколебимое подданство великому государю, какъ потомъ, возвратившись въ Чигиринъ, сдалъ Самойловичу этотъ городъ со всѣми боевыми запасами и получилъ отъ Самойловича, сообразно царской волѣ, приказаніе переѣхать съ семьею на житье на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ гетманъ указалъ ему мѣстопребываніе въ Сосницѣ. Всѣ эти важныя историческія событія не относятся непосредственно къ нашему разсказу.

## X.

Схватившіе Ганну Кусовну, обезумѣвшую отъ внезапнаго похищенія, притащили ее въ домъ воеводы, гдѣ былъ устроенъ чердакъ въ видѣ отдѣльной горницы; тамъ стояла кроватъ съ постелью, нѣсколько скамеекъ и столъ. Туда втащили Ганну по крутой, узкой лѣстницѣ и заперли за нею дверь. Нѣсколько времени не могла Ганна опомниться и придти въ себя! ей все это казалось какимъ то страшнымъ сновидѣніемъ; ей хотѣлось скорѣе проснуться.

Въ горницу, гдѣ она былъ заперта, вошелъ, наконецъ, Тимоѳей Васильевичъ Чоглоковъ. Осклабясь и пріосаниваясь, сѣлъ онъ на скамью и заговорилъ:

— Здорово, красавица, хорошая моя, чудесная, ненаглядная, несравненная! Здорово!

Ганна, не придя еще въ себя, стояла передъ нимъ растерянная и смотрѣла безсмысленными глазами.

— Увидалъ я впервò тебя въ жизни, продолжалъ Чоглоковъ—и пришлась ты мнѣ по сердцу вотъ какъ!

При этомъ онъ рукою повелъ себя по горлу. Ганна продолжала стоять какъ вкопаная.

— Лучше и краше тебя не видалъ на свѣтѣ! говорилъ Чоглоковъ. Вотъ ей же Богу не видалъ краше тебя!

Ганна продолжала стоять передъ нимъ, выпучивши глаза.

Воевода продолжалъ:

— Ты не знаешь, дѣвка, кто таковъ я. Такъ знай: я тутъ у васъ самый первый человѣкъ. Знатнѣе и выше меня здѣсь изъ вашихъ никого нѣтъ. Вашъ полковникъ подошвы моего сапога не стоитъ, самъ вашъ гетманъ мнѣ не подъ стать. Вотъ я кто такой. Я отъ самого царя батюшки великаго государя сюда присланъ: я царское око, я царское ухо. Самъ великій государь меня знаетъ и жалуетъ. А ты, дурочка хохлушечка, знаешь ли что такое нашъ царь, великій государь! Онъ все едино, что Богъ на небѣ, такъ онъ царь на землѣ, со всѣми властенъ сдѣлать что захочетъ! А я его ближній человѣкъ, воевода надъ вами! Такъ я для вашей братіи все равно что царь самъ. Вотъ и смекни дѣвка!

Ганна Кусовна начинала по немногу приходить въ себя, но еще не вполнѣ понимала свое положеніе и не въ силахъ была давать ни отвѣтовъ, ни вопросовъ.

— Теперь слыхала, продолжалъ свою рѣчь воевода немного помолчавши, что я за человѣкъ такой? Вотъ какому человѣку полюбилась ты, дѣвка, пуще всѣхъ. Таково ужъ твое счастіе, дѣвка. Я хочу, чтобъ ты стала моею душенькою, моею лапушкою.

— Я чужая жена! пробормотала Ганна.

— Какая такая чужая жена? сказалъ захохотавши воевода. Что ты, дѣвка, шутки строишь? Нешто жоны чужія, замужнія бабы, ходятъ съ открытою головою, въ лентахъ за косами, какъ ты?

— Я повѣнчана! произнесла Ганна.

— Когда? спросилъ воевода.

— Сегодня, отвѣчала Ганна.

— Сегодня? говорилъ воевода, продолжая хохотать. Что ты меня дурачишь? Сегодня! Развѣ я турокъ или католикъ, что не знаю своей вѣры? Какое сегодня время? Теперь постъ Петровъ. Въ такіе дни вѣнчать не положено.

— Я не знаю, произнесла Ганна. Владыка разрѣшилъ. Насъ вѣнчали, я повѣнчана!

— Не правда твоя, дѣвка! сказалъ Чоглоковъ. Того быть не можетъ. У васъ все одна вѣра какъ и у насъ. А коли у васъ такіе дураки владыки, что въ посты вѣнчать позволяютъ, такъ твое вѣнчанье не въ вѣнчанье, потому что противно закону святому. Ну, коли говоришь вѣнчалась, такъ гдѣ же твой мужъ, и зачѣмъ же ты повѣнчавшись съ нимъ, ходишь по дѣвичьи съ открытыми волосами?

— Мужа моего угнали съ козаками въ походъ, сказала Ганна постепенно приходя въ себя: и я буду ходить по дѣвичьи, пока онъ вернется изъ похода; тогда будетъ отправляться „весилье“ и меня покроютъ.

— Какъ это веселье? спрашивалъ воевода, не вполнѣ понимая чуждый ему способъ выраженія: по вашему, значитъ, въ церкви вѣнецъ не всему дѣлу конецъ! Нужно еще какое то веселье отправлять! Значитъ вѣнчанье свое ты сама за большое дѣло не почитаешь, коли еще надобно тебѣ какого то веселья? Стало быть на мое и выходитъ, что твое вѣнчанье не въ вѣнчанье. И выходитъ, дѣвка, что ты затѣеваешь, будто вѣнчалась. Стало быть, онъ тебѣ не мужъ, а только еще женихъ. А для такого важнаго человѣка какъ я, можно всякаго вашего жениха по боку!

— Нѣтъ, онъ мнѣ не женихъ, а мужемъ сталъ, какъ я повѣнчалась! Я чужая жена! говорила Ганна.

— Не мужъ онъ тебѣ, красавица моя, повѣрь моему слову. Я законъ лучше тебя знаю. Можно тебѣ его послать къ херамъ, для такого большого человѣка какъ я, произнесъ Чоглоковъ.

— Ни на кого я не промѣняю своего мужа! сказала рѣшительнымъ голосомъ Ганна.—Не пойду я на грѣхъ ни за что въ свѣтѣ! Я Бога боюсь. Ты, кто тебя знаетъ, что ты за человѣкъ: говоришь, будто присланъ отъ самого царя. Какъ же ты, царскій человѣкъ, такое дѣло творишь: чужую жену сманиваешь! Развѣ царь тебя къ намъ на худое послалъ? Коли ты отъ царя посланъ, такъ ты насъ на доброе наставляй, а не на худое!

— Я на доброе дѣло тебя и наставляю. За кого такого ты замужъ выходишь? спрашивалъ воевода.

— За того, кого полюбила и за кого отецъ и мать отдаютъ! отвѣчала Ганна.

— Слушай, дѣвка! говорилъ воевода:—я очень богатъ, денегъ у меня много-много, и вотчины есть: озолочу!

— Не нужно мнѣ твоихъ денегъ и вотчинъ! Ищи себѣ со своими деньгами и вотчинами иную, а меня отпусти къ отцу, къ матери, проговорила Ганна и зарыдала.

— Не упрямься, душенька! Слышишь, не упрямься! сказалъ воевода и вставши хотѣлъ обнять ее.

— Геть!! [1]) крикнула не своимъ голосомъ Ганна:—лучше убей меня на этомъ мѣстѣ, а я на грѣхъ съ тобою не пойду. Я изъ честнаго рода, будучи дѣвкою не потеряла своего дѣвства, и, ставши замужнею, не осрамлю доброй своей славы. Геть! къ чорту!

— Что ты тутъ говоришь о доброй славѣ, да о грѣхѣ! сказалъ воевода болѣе и болѣе воспламеняясь страстію.—Какая тутъ недобрая слава? Какой тутъ грѣхъ! Ты мнѣ такъ по-сердцу пришлась, что я тебя за себя замужъ хочу взять!

— Неправда! сказала Ганна:—замужъ ты меня не возмешь, а только дурачишь, хочешь какъ нибудь соблазнить меня! Какъ таки можно тебѣ, такому важному царскому слугѣ, простую дѣвку взять за себя, да еще не изъ своего московскаго рода? Да хоть бы ты и по правдѣ это говорилъ, такъ это не можетъ статься: я уже говорила тебѣ—я чужая жена, вѣнчанная, и замужъ иному нельзя ужъ меня брать!

— А я говорю тебѣ, что твое вѣнчанье не въ вѣчанье. Не по закону вѣнчать тебя разрѣшилъ владыка. Надъ вашимъ владыкою есть другой владыка постарше, патріархъ. Онъ твоего вѣнчанья не вмѣнитъ въ вѣнчанье и разрѣшитъ тебѣ выйти за меня замужъ.

— Я, произнесла еще съ болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ видомъ Ганна, уже тебѣ сказала, что я чужая жена: меня повѣнчали! Да хоть бы и вашъ патріархъ, какъ говоришь, разрѣшилъ, то бы я за тебя не пошла. Я люблю своего Яцька и ни на кого въ свѣтѣ его не промѣняю!

— А меня, стало быть, не любишь! сказалъ воевода съ звѣрскою яростію.

Ганна молчала, переминаясь.

Воевода еще разъ спросилъ:

— А меня, стало быть не любишь? Не хорошъ я для тебя!

— Не люблю! сказала рѣшительно Ганна;—какъ мнѣ и любить такого, что въ первый разъ вижу?

— Я сказалъ тебѣ, кто я такой, промолвилъ воевода:—коли не вѣришь. спроси у кого хочешь: всѣ тебѣ скажутъ, что я царскій воевода, въ Черниговъ присланъ!

— Да будь ты не то что воевода, будь ты самый первый, какъ тамъ у васъ называютъ, князь, что ли, хоть и самаго царя сынъ— я за тебя не пойду, а грѣха творить не стану ни съ кѣмъ! говорила Ганна.

— Такъ-таки и не пойдешь за меня? спрашивалъ воевода, у котораго черты лица принимали все болѣе и болѣе звѣрское выраженіе.

— Такъ-таки не пойду! отвѣчала Ганна.

— И не любишь меня? спрашивалъ дико воевода.

Ганна остановилась отвѣтомъ. Воевода повторилъ вопросъ.

---

[1]) Прочь.

— А самъ знаешь! отвѣчала она; потомъ, разразившись рыданіемъ, бросилась къ ногамъ его и говорила:—отпусти меня, бояринъ! Христа ради отпусти къ батенькѣ и „матинкѣ“!

— Ну нѣтъ, дѣвка! сказалъ воевода, не на то я тебя сюда велѣлъ привести, чтобъ ничего съ тобой не сдѣлавши да отпустить! У насъ говорятъ: кто бабѣ спуститъ, тотъ баба самъ. Хоть плачь, хоть кричи—ничего не пособишь! Тутъ окромѣ меня никто тебя не услышитъ. Ты теперь въ моихъ рукахъ и отъ меня не вырвешься. Коли не хочешь добромъ, лаской, такъ будетъ по моему силою!

— Бояринъ! вопила Ганна, отпусти меня! батечка! голубчикъ! Пожалѣй меня бѣдную сироту! Я никому не скажу что со мною случилось—ни отцу, ни матери, никому! Отпусти! Богъ тебя наградитъ за то всякимъ благополучіемъ. Голубчикъ! Пощади! Отпусти!

— Нѣтъ, дѣвка красавица! не отпущу! говорилъ воевода:—больно ты мнѣ приглянулась, къ сердцу мнѣ пришлась!

— Господинъ воевода! промолвила Ганна поднявшись и ставши съ выраженіемъ собственнаго достоинства:—у меня мужъ есть! Онъ узнаетъ и заступится за меня; онъ до самого царя дойдетъ и судъ на тебя найдетъ!

— Ого, дѣвка! сказалъ воевода со злобною усмѣшкою: ты еще пугать меня своимъ козакомъ! Онъ до царя самого дойдетъ! Вотъ какой большой человѣкъ у тебя, что до самого царя дойдетъ! Э! далеко ему до великаго государя, какъ кулику до Петрова-дня! Что твой козакъ? Наплевать на него! Что̀ онъ мнѣ сдѣлаетъ? Я царевъ воевода! Мнѣ больше повѣрятъ, чѣмъ какому нибудь хохлачу-козачишкѣ. Не боюсь я его, дурака. Что хочу, то вотъ съ тобою и учиню. Полюбилась ты мнѣ зѣло, дѣвка!

Онъ схватилъ ее поперекъ стана.

— Я разобью окно, кинусь, убьюсь! на тебѣ грѣхъ останется! кричала Ганна.

— Окно узко! не пролѣзешь! сказалъ воевода, все крѣпче и крѣпче сжимая ее въ своихъ объятіяхъ...

Ганна барахталась. Напрасно!...........................

Утромъ другого дня сидѣлъ воевода въ своемъ домѣ. Передъ нимъ стоялъ холопъ его Васька, одинъ изъ ухватившихъ въ тайникѣ Ганну, парень лѣтъ двадцати слишкомъ, съ нахальными глазами, постоянно державшій голову то на правую, то на лѣвую сторону, часто потряхивая русыми кудрями.

Воевода говорилъ:

— Васька, хочешь жениться?

— Коли твоя боярская воля будетъ, отвѣчалъ Васька.

— У тебя зазнобушки нѣтъ? спросилъ оевода. Правду отвѣчай мнѣ.

— Нѣту, баринъ! ухмыляясь отвѣтилъ Васька.

— Найти невѣсту тебѣ? Хочешь найду красавицу... ухъ! говорилъ воевода.

Васька только поклонился.

— Вонъ ту дѣвку, что вы съ Макаркою подхватили. Хочешь? сказалъ воевода.

— Помилуй, государь! сказалъ Васька, моему ли холопскому рылу такіе калачи ѣсть! Она просто краля писаная!

— Такъ вотъ на этой кралѣ я хочу женить тебя, продолжалъ воевода. Хочешь или нѣтъ?

— Вѣдь она повѣнчаная, бояринъ, сказалъ Васька.

— Это не въ строку, перебилъ воевода, развѣнчаемъ. Въ постъ ихъ вѣнчали; такое вѣнчаніе не крѣпко!

— Вѣнчать въ другой разъ, пожалуй, не станутъ! замѣтилъ Васька.

— Вы повезете ее въ мою подмосковную вотчину; тамъ васъ отецъ Харитоній обвѣнчаетъ. Онъ все такъ сдѣлаетъ, какъ я захочу. А я напишу ему съ вами—вотъ онъ васъ и обвѣнчаетъ. Только вотъ съ чѣмъ, Вася: какъ меня изъ Чернигова выведутъ, тогда я тебя съ женою къ себѣ въ Москву вызову: ты будешь пускать жену свою ко мнѣ ночевать.

— Не то что пускать, самъ ее къ тебѣ приведу, отвѣчалъ Васька. За большое счастіе поставлю себѣ.

— А я тебя, Васька, за то озолочу, говорилъ Чоглоковъ. Первый у меня человѣкъ станешь. Коли захочешь и приказчикомъ тебя надъ всею вотчиною сдѣлаю. И платье съ моего плеча носить будешь, и ѣсть-пить будешь то, что я ѣмъ-пью!

— Какъ твоя милость захочешь, такъ и будетъ! отвѣчалъ Васька, кланяясь. Мы всѣ рабы твои и покорны тебѣ во всемъ должны быть. Ты намъ пуще отца родного, кормилецъ нашъ, милостивецъ!

— Запрягите тройку въ кибитку, говорилъ Чоглоковъ, посадите въ нее хохлушу, закройте кожами и рогожами и увезите изъ города тайно въ полночь. Держите ее крѣпко, чтобъ не выскочила и не кричала, пока ужъ далеченько отъ города уѣдете. Ничего съ ней не говорите о томъ, что съ нею станется и куда ее везете. А привезете въ нашу вотчину, тотчасъ отцу Харитонію мое письмо подадите: онъ васъ обвѣнчаетъ. Будешь съ женою жить у меня во дворѣ въ особой избѣ, а я напишу приказчику, чтобъ выдавалъ вамъ помѣсячно кормъ во всякомъ довольствѣ.

Въ полночь выѣхала изъ черниговскаго замка воеводская кибитка, вся закрытая кожами и рогожами. Внутри ее сидѣла связанная толстыми веревками Ганна Кусовна, а по бокамъ ея—Васька и Макарка. Она силилась было вырваться, но Васька держалъ ее крѣпко, ухвативши за станъ, а Макарка затыкалъ ей платкомъ ротъ, какъ только она показывала намѣреніе крикнуть. Лошадьми правили двое сидѣвшихъ на-переди стрѣльцовъ. Переѣхали на паромѣ Десну. Проѣхали еще верстъ пять. Васька открылъ тогда кожу кибитки.

— Не бойся, дѣвка, не мечись, не рвись! говорилъ онъ, не улиз-

нешь! Будешь сидѣть и молчать — оставлю кибитку не закрытою и держать тебя не буду, а станешь шалить — опять закрою и сдавлю тебя такъ, что будетъ больно.

Проѣхали еще верстъ двадцать. Ганна молчала. Тогда Васька и Макарка сняли съ ея ногъ веревки, но обвязали ей станъ и попремѣнно держали въ своихъ рукахъ конецъ веревки, такъ что не выпускали ее изъ своихъ рукъ ни на шагъ, даже и тогда когда вставали изъ кибитки. Но въ самой Ганнѣ произошла тогда такая перемѣна, какой она бы сама не предвидѣла за собою. Она внутренно разсудила такъ: горе меня постигло великое, такое, что ужъ хуже и тяжелѣе быть не можетъ. Надобно терпѣть. Богу, видно, такъ угодно. Коли Богъ сжалится надо мною, то пошлетъ по мою душу и приберетъ меня съ сего свѣта, либо изъ этой тяжкой горькой бѣды меня вызволитъ, а не угодно то будетъ Богу, а воля его святая станется такова, чтобъ я на этомъ свѣтѣ долго мучилась—буду мучиться и терпѣть. Все, что со мною станутъ дѣлать, пусть ихъ дѣлаютъ, пусть поругаются, издѣваются надо мною, какъ хотятъ: все это, значитъ, Богу такъ угодно!—И съ этой твердой думой впала она въ какое то деревянное отупѣніе, не покушалась уходить, во всемъ повиновалась своимъ тиранамъ; дадутъ ей обѣдъ и скажутъ: ѣшь и пей—она ѣстъ и пьетъ; скажутъ: ложись и спи—и она ложится и даже засыпаетъ, потому что горе ее притомливаетъ.

Такъ везли ее черезъ города и села; когда къ ней говорили, она отвѣчала, но односложными словами и наиболѣе обычный отвѣтъ ее былъ: не знаю. Такъ довезли ее въ вотчину Чоглокова, въ село Прогной на рѣкѣ Протвѣ.

Холопы, привезшіе Ганну, въѣхали на боярскій дворъ, вывели ее изъ кибитки и засадили въ чердачномъ особомъ покоѣ. Ганна, очутившись одна, съ часъ поплакала, а потомъ отъ утомленія заснула. Она уже не заботилась, что съ нею станется. Ее держали подъ замкомъ и, принося ей пить и ѣсть, уходили не иначе, какъ запирая двери за собою замкомъ, но это собственно было уже лишнимъ: плѣнница не побѣжала бы, еслибъ ее оставили и съ отворенною дверью; она бы не отважилась на побѣгъ уже потому, что не знала, куда ее завезли и далеко ли очутилась она отъ родного Чернигова.

Между тѣмъ Васька и Макарка пошли съ письмомъ Чоглокова къ священнику отцу Харитонію. Этотъ священникъ былъ изъ холопей Чоглокова. Господинъ отдалъ его обучаться грамотѣ, а потомъ, давши взятку въ патріаршемъ приказѣ, исходатайствовалъ посвященіе его въ попы въ свою вотчину. Ставши отцомъ Харитоніемъ, бывшій мужикъ сиволапъ, не безъ запинки умѣлъ читать богослужебныя книги, а въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, вмѣсто всякой кормчей, служила ему воля вотчинника прихода, въ который его поставили. Что господинъ прикажетъ—онъ все исполнитъ безъ разсужденіяя, считая, что не онъ, а господинъ будетъ въ отвѣтѣ, если что имъ

приказано и несправедливо. При такомъ взглядѣ на свои пастырскія обязанности и при своемъ круглѣйшемъ невѣжествѣ въ религіи, почтенный отецъ Харитоній ничего не могъ произнесть, кромѣ полной готовности сдѣлать все такъ, какъ въ письмѣ къ нему приказывалъ теперь господинъ. И вотъ въ одно изъ ближайшихъ воскресеній холопы, привезшіе Ганну, вошли къ ней и велѣли идти за собою. Она повиновалась, не спрашивая куда и зачѣмъ идти ей. Ее привели въ церковь, гдѣ окончилась обѣдня. Кромѣ Васьки и Макарки стояло тамъ еще неизвѣстныхъ Ганнѣ трое холоповъ и столько же холопокъ. Пономарь въ мужицкомъ зипунѣ и въ лаптяхъ зажегъ предъ мѣстными образами свѣчи и далъ по зажженной свѣчѣ Васькѣ и Ганнѣ. Отецъ Харитоній вышелъ въ облаченіи, отворилъ царскія врата и, подойдя къ аналою, стоявшему по среди церкви, началъ послѣдованіе бракосочетанія. Исполняя буквально то, что передъ нимъ написано было въ книгѣ, лежавшей на аналоѣ, онъ обратился къ Васькѣ и Ганнѣ и спросилъ того и другую: не принужденное ли желаніе имѣютъ они вступить въ супружескій союзъ? Тутъ только поняла Ганна, что съ ней выдѣлываютъ и благимъ матомъ закричала:

— Не хочу! нельзя! я повѣнчана съ другимъ!

Но священникъ не обратилъ на это вниманіе, какъ будто не слыхалъ ея словъ и продолжалъ богослуженіе. Ганна не хотѣла ни за что надѣвать поданнаго ей кольца, но холопы надѣли ей на палецъ это кольцо насильно, а Васька шепнулъ ей, что она будетъ жестоко побита, если станетъ упрямиться и все таки ее повѣнчаютъ. Ганна оставила на пальцѣ надѣтое ей насильно кольцо. Когда новобрачныхъ повели вокругъ аналоя, Ганна горько плакала, порывалась кричать и бѣжать, но шедшій рядомъ съ нею Васька сказалъ ей: „молчи! а не то, мы съ тебя кожу сдеремъ“! И Ганна ограничилась горькимъ рыданіемъ. Послѣ окончанія вѣнчанія, священникъ, все таки исполняя буквально то, что видѣлъ написаннымъ въ требникѣ, приказывалъ новобрачнымъ поцѣловаться. Ганна съ омерзеніемъ отворотилась, но Макарка, бывшій у нее шаферомъ, поворотилъ ея голову обратно и натолкнулъ прямо на голову Васьки. Ганну увели изъ церкви. Она продолжала рыдать и всхлипывать, а новый супругъ грозилъ ей снятіемъ со спины шкуры, печеніемъ огнемъ, выкалываніемъ глазъ. Окружавшіе ихъ холопы и холопки ни мало не были поражены видомъ рыдающей новобрачной, такъ какъ рыданія невѣсты были обычны въ русскомъ семейномъ быту и даже, по народному воззрѣнію, составляли необходимую сущность брачнаго обряда. Всѣ понимали, что невѣсту отдали замужъ насильно, по волѣ господина, но это было совершенно въ порядкѣ вещей и никого не возмущало.

Привели Ганну во дворъ. Стала она теперь женою новаго, незнаемаго мужа, жила съ нимъ въ особой избѣ, небольшой, составлявшей пристѣнокъ къ большой дворовой избѣ, куда собиралась дворня на работу. Ей задавали разныя работы на дворѣ, колоть и носить дрова

въ избу, топить печь: зимою, вечерами, заставляли прясть вмѣстѣ съ другими дворовыми бабами; ни чему она не перечила. Бывали случаи, дворовыя бабы поднимали ее на смѣхъ за ея малороссійскій говоръ въ отвѣтахъ, которые она имъ давала, за ея постоянно унылый видъ; она не серчала, не огрызалась, а только молча рыдала; слезы и рыданія возбуждали издѣвки холопокъ. Ее одѣли въ великорусскую одежду и говорили, что теперь она красивѣе, что этакъ лучше, чѣмъ въ ея прежнемъ хохлацкомъ убранствѣ, въ какомъ она пріѣхала. теперь де, по крайней мѣрѣ, она похожа на православную. Она все сносила и молчала. Внутри ея, однако, принужденное спокойствіе подъ часъ возмущалось ужасными душевными бурями. Не разъ приходило ей въ голову покончить съ собою: разбить себѣ голову о печь избы, либо улучивши время, когда за ней меньше будутъ глядѣть, выбѣжать поискать воды и утопиться. Но тутъ сознавала она, что то будетъ тяжелый грѣхъ передъ Богомъ, вспоминала она, какъ ей твердили съ дѣтства, что не бываетъ отъ Бога на томъ свѣтѣ прощенія тому, кто наложилъ на себя руки, и будетъ грѣшная душа скитаться, мучиться и не знать покоя; надобно терпѣть всякую бѣду; какъ бы человѣку не было дурно, а все таки милосердый Богъ когда нибудь пошлетъ конецъ его житію и потомъ наградитъ его на небесахъ. Иногда овладѣвала ею злоба: являлось желаніе какъ бы извести этого ненавистнаго Ваську, этого насильно навязаннаго ей мужа, или же зажечь подъ вѣтеръ, ночью, избу и всю усадьбу: авось всѣ сгорятъ проклятые, и потомъ пусть съ нею что хотятъ дѣлаютъ—хоть огнемъ жгуть, хоть съ живой шкуру дерутъ, а она ужъ имъ за себя отдала! Ей до крайности невыносима была вся обстановка круга, въ который ее бросили; ей, природной свободной козачкѣ, и невѣдомъ и немыслимъ казался холопскій строй жизни, куда всосаться ее неволили. слыхала она прежде на родинѣ жалобныя пѣсни о татарской неволѣ; слыхала раздирающіе сердца разсказы, какъ татары хватали въ поляхъ и рощахъ неосторожно ходившихъ за ягодами дѣвчатъ и уводили въ свою сторону, и какъ бѣдныя страдали у нихъ въ неволѣ; но то вѣдь съ крещенными такъ дѣлаютъ враги-нехристи, а около ней люди какъ будто сами крещеные: и церкви у нихъ есть, и образа въ избахъ, а поступаютъ съ нею такъ, какъ бы хуже и бусурмане не поступили, если бы уловили. Что же ихъ жалѣть! Пусть бы всѣ сгорѣли! Но тутъ останавливалъ ее внутренній голосъ: такъ думать великій грѣхъ передъ Богомъ, Господь не велитъ дѣлать зла врагамъ! Ганна заливалась горькими слезами и просила Бога простить ей невольно пришедшее желаніе зла своимъ мучителямъ. Такъ глубокая дѣтская вѣра хранила ее отъ покушеній на самоубійство и отъ исканія способовъ отмщенія за себя. Дни шли за днями. Ганна все болѣе свыкалась съ тѣмъ безчувственнымъ спокойствіемъ, когда все терпится, не ищутся уже средства спасенія, привыкается даже къ тому, къ чему никогда, какъ прежде казалось, привыкнуть не воз-

можно. Васька, однако, не надоѣдалъ Ганнѣ предъявленіемъ своей супружеской власти надъ нею. Ганна была ему покорна какъ овца, но сама не въ силахъ была скрыть отъ него отвращенія къ его особѣ. По этому и Васька почувствовалъ, что его что то отталкиваетъ отъ женщины, которая и противъ своей и противъ его воли называется его женою. Подвернулась Васькѣ изъ той же чоглоковской дворни молодая смазливая вдовушка, сама стала лебезить около него и Васька скоро съ нею сошелся.

— Ты думаешь, говорилъ онъ своей лапушкѣ, мнѣ большая пріятность возиться съ этой хохлачкой! Провались она отъ меня сквозь землю! Наше дѣло холопское: что велитъ государь, то мы и дѣлаемъ! Вотъ приглянулась ему хохлачка; женись, говоритъ, Васька, а ко мнѣ будетъ она ходить. Это, видишь, мнѣ жениться для прикрытія грѣха его! Озолочу, говоритъ. Ну, озолотитъ ли, нѣтъ ли, а дѣться негдѣ, надо слушаться: по крайности хоть шкуры со спины не спуститъ! Вотъ и стереги этого чорта; не было печали, да черти накачали! Эхъ-ма! Иногда какъ расхныпется, такъ вотъ взялъ бы кулакомъ далъ ей по головѣ, да тутъ бы и приплюснулъ. А иногда такъ самому, глядя на нее, жалко станетъ. Словно тебѣ кто въ сердце коломъ ткнетъ. Ну, и махнешь рукой?

## XI.

По окончаніи похода къ Чигирину Самойловичъ распустилъ всѣ полки по домамъ на зимній отдыхъ, но черниговскій полкъ назначилъ въ гарнизонъ въ Чигиринъ. Борковскій уѣхалъ въ Черниговъ сдѣлать новый выборъ между козаками, чтобы остававшихся до сего времени въ домахъ своихъ отправить на смѣну бывшихъ на службѣ и послать ихъ въ Чигиринъ съ обознымъ полка своего, давши ему званіе наказнаго полковника.

Дома Борковскій узналъ отъ жены своей, что пропала безъ вѣсти невѣста, которая съ разрѣшенія владыки была обвѣнчана въ самый день выступленія полка въ походъ. Въ народныхъ толкахъ объ этомъ событіи, доходившихъ до полковницы, уже бросалось подозрѣніе на воеводу, который и другими своими поступками успѣлъ возбудить противъ себя неудовольствіе и омерзѣніе. Полковница сообщила мужу, что безъ него воевода приглашалъ къ себѣ въ домъ зажиточныхъ черниговскихъ мѣщанъ и вымогалъ отъ нихъ себѣ въ почесть деньги: съ кого сто рублей, съ кого двѣсти и побольше, грозилъ въ противномъ случаѣ разставить у нихъ въ домахъ своихъ стрѣльцовъ, и мѣщане, чтобъ избавиться отъ такихъ немилыхъ гостей, давали воеводѣ требуемыя суммы. Подначальные ему стрѣльцы и рейтеры, ходя по базару, насильно брали у перекупокъ разное съѣстное и не платили, отговариваясь, что они де царскіе служилые люди, хохлы обязаны

ихъ кормить и всячески имъ угождать; у нихъ хотѣли отобрать отнятое, а товарищи ихъ стали заступаться и били малороссіянъ. Подавалась по этому поводу жалоба въ магистратъ; члены магистрата приходили сами къ воеводѣ просить управы, а онъ съ безчестіемъ прогналъ ихъ. Самъ воевода ѣздилъ по лавкамъ, набиралъ товары, обѣщая уплатить послѣ, а когда хозяева явились къ нему за уплатою, онъ съ насмѣшкою говорилъ имъ, что заплатитъ на второмъ Христовомъ пришествіи. Большой онъ охотникъ былъ до женскаго естества и его воеводскіе люди водятъ къ нему жонокъ и дѣвокъ изъ мѣщанскихъ и посполъскихъ дворовъ, стали забираться уже и въ дворы козацкіе, начали сманивать козацкихъ женъ и дочерей, напугивая ихъ, что уведутъ силою, если не согласятся идти по доброй волѣ; мужья и отцы, слыша то жаловались обозному, бывшему въ званіи наказнаго полковника въ отсутствіе Борковскаго. Обозный пошелъ объясниться съ самимъ воеводою, но воевода затопалъ, закричалъ, что все это вздоръ, что обозный это самъ затѣялъ на его людей и на него воеводу, и прогналъ обознаго съ безчестіемъ. Такія новости передала полковница своему мужу. Борковскій позвалъ обознаго; тотъ подтвердилъ все, что говорила полковница и прибавилъ, что воевода сказалъ ему такъ:

— Твое дѣло унимать глупцовъ отъ такихъ безлѣпичныхъ рѣчей, а не приходить съ ними ко мнѣ: вотъ я на тебя челобитную подамъ великому государю въ своемъ безчестьи!

Борковскій поѣхалъ къ Чоглокову присмотрѣться къ нему и прислушаться къ тому, что будетъ онъ говорить.

Чоглоковъ, какъ только изъ окна увидалъ въѣзжавшаго къ нему въ коляскѣ полковника, тотчасъ выбѣжалъ на крыльцо, кланялся касаясь пальцами до земли, улыбался, произносилъ радостныя восклицанія, обнималъ, цѣловалъ полковника, какъ стараго друга, просилъ въ свой домъ и, пустивши его впередъ, самъ шелъ за нимъ и говорилъ:—Вотъ когда для меня насталъ истинно свѣтлый день, когда я увидалъ дорогого гостя, почтеннаго Василія Кашперовича!

Усадивши Борковскаго на почетномъ мѣстѣ, Чоглоковъ забѣгалъ, приказывая подавать вина и разныхъ угощеній и обратившись къ полковнику, сказалъ:

— Одинокъ я человѣкъ, безъ хозяйки. Вамъ, женатымъ людямъ, ино дѣло: есть кому все приготовить и угостить дорогого гостя. А вотъ я—одинъ! такъ оно можетъ быть и не такъ выходитъ учтиво. Не взыщи, пріятель мой!

— За хозяйкою дѣло не станетъ, произнесъ Борковскій, лишь бы только господину воеводѣ приглянулась какая боярышня.

— Оно такъ, да видишь, пріятель мой! сказалъ Чоглоковъ, я помышляю о томъ, какъ душу спасти послѣ своей смерти, больше, чѣмъ о томъ, чтобы въ сей привременной жизни было хорошо. Что наша здѣшняя жизнь? Дней нашихъ лѣтъ седмьдесятъ, аще же въ

силахъ осмьдесятъ; что это передъ вѣчнымъ житіи въ царствіи Божіи, гдѣ и тысяща лѣтъ яко день единъ! А какой путь ведетъ туда, во царствіе Божіе! Узкій и тернистый путь, широкій же и гладкій путь ведетъ въ погибель. У меня, Василій Кашперовичъ, книжечка есть. Отмѣнная книжечка. Вотъ, посмотри-ко, пріятель.

Онъ досталъ изъ угла подъ образами рукописную книжечку съ миніатюрами, указалъ ему на рисунокъ, и продолжалъ:

— Вотъ узкій и широкій путь. Въ чемъ тотъ и другой показываются? Вотъ узкій и тернистый путь, по какимъ утесамъ, скаламъ и пропастямъ земнымъ онъ тянется узкою тропою, а тропа та вся обросла колючками, а по томъ пути идутъ все хромые, слѣпые, нищіе, да схимники-отшельники, что въ скорбѣхъ и слезахъ о грѣсѣхъ своихъ и людскихъ житіе свое проводятъ. А куда этотъ путь приводитъ? Смотри: вонъ церковь, а на церковной паперти въ архіерейскомъ облаченіи самъ Господь стоитъ, а около него апостолы, и благословляетъ идущихъ къ нему Господь, значитъ, какъ сказано въ евангеліи: пріидите благословенніи! А вонъ другой широкій путь. Смотри, все сады да цвѣты прекрасные, благоухающіе и дорога какая гладкая, а по дорогѣ все столы стоятъ, а за столами все бражники и пьяницы сидятъ, а передъ ними человѣкъ съ балалайкою въ рукахъ, заломивши на бекрень шапку, трепака отплясываетъ. А вонъ далѣ—баня, а въ ней парятся мужчина съ женщиною, значитъ прелюбодѣяніе,—а далѣ вонъ смотри, мужъ съ женою и семьею обѣдаетъ, люди богатые въ одеждахъ испещренныхъ, въ мѣхахъ дорогихъ, а на столахъ у нихъ кубки и достаканы и братины все серебренные, а черезъ двери къ нимъ нищій старецъ руку протягиваетъ, а они на него не смотрятъ. Видишь, всѣ эти по широкому пути идутъ, и тѣ что въ законномъ супружествѣ пребываютъ въ довольствіи и счастьи, мало къ бѣдной братіи милостивы, оттого что сами горя не знаютъ, и они на широкомъ пути вмѣстѣ съ пьяницами и любодѣйцами! А смотри куда этотъ широкій путь проводитъ ихъ. Къ мостику, а мостикъ тоненекъ словно жердочка, а подъ мостомъ бездна, въ ней же гады многочисленные, драконы, змѣи, крокодилы, скорпіи... Вонъ одинъ грѣшникъ упалъ съ того мостика, да прямо въ пасть крокодилу! Вотъ онъ широкій-то путь! А мы грѣшные, безчувственные, живучи въ семъ суетномъ мірѣ, не помышляемъ о томъ, что можетъ насъ ожидать на томъ свѣтѣ! О Господи Боже! Господи Боже! Аще бы мы чаще имѣли въ памяти послѣдній часъ нашъ смертный, меньше бы, чай, грѣшили въ нашемъ житіи. Такъ вотъ почтеннѣйшій и возлюбленнѣйшій пріятель мой, иногда бы мнѣ и хотѣлось жениться, да боюсь, чтобъ не стать на пріятный и широкій путь жизненный, а одинокое житіе хотя непріятно и терпишь, за то помнишь, что въ терпѣніи наше спасеніе и тѣмъ утѣшаешься.

Борковскій на это сказалъ:

— Тимоѳей Васильевичъ! Брачное житіе блегословенно Богомъ и

не можетъ повести во адъ; развѣ человѣкъ станетъ неправдою жить— такъ то уже будетъ ему кара за другіе грѣхи, а не за брачное житіе, еже нисколько нѣсть грѣховно.

Воевода повелъ глаза въ другую сторону, приподнялъ вверхъ голову и вздохнулъ.

Борковскій началъ рѣчь о другомъ.

— Безъ насъ, сказалъ онъ, тутъ произошло странное дѣло. Въ тотъ день какъ мы выступали въ походъ, вѣнчали у св. Спаса нашего козака Молявку Многопѣняжнаго и мы съ твоею милостію вмѣстѣ тогда въ церкви были. Въ тотъ же вечеръ, какъ мы вышли въ походъ, молодая похищена въ тайникѣ, что продѣланъ изъ города къ Стрижню; тамъ найдены ее ведра и коромыселъ, а ее самое не нашли и до сихъ поръ нѣту. Говорятъ, твоя милость посылалъ отыскивать ее, не найдется ли гдѣ хоть слѣдъ погибшей.

— Правда, сказалъ Чоглоковъ, ко мнѣ приходилъ отецъ ея и по его прошенію посылалъ я стрѣльцовъ разыскивать. Нигдѣ ее не найдено. А вотъ потомъ получилъ я такое извѣстіе отъ своего приказчика, что мой холопъ Васька Оглобля, отпросившійся у меня изъ Чернигова въ мою вотчину, привезъ туда малороссійскую дѣвку и хочетъ на ней жениться. Я написалъ, что позволяю, и спросилъ, кто такая эта дѣвка? Вчера прислали мнѣ извѣстіе, изъ него же я узналъ, что это та самая дѣвка, что здѣсь искали. Они уже повѣнчались, по ихъ обоюдному желанію и по моему дозволенію. Анна Кусовна называется эта дѣвка, не такъ ли?

— Она самая! сказалъ огорошенный полковникъ: да какъ это ихъ тамъ повѣнчали, коли она уже съ другимъ повѣнчана здѣсь, въ Черниговѣ?

— Этого я не знаю, отвѣчалъ воевода. Только я такую бумагу получилъ и выпись объ ихъ вѣнчаніи отъ священника. Но и то правду надобно сказать: такой бракъ, что здѣсь былъ, не по закону совершился, въ Петровъ постъ!

— Архіепископъ разрѣшилъ, сказалъ Борковскій.

— Не смѣетъ архіепископъ того разрѣшать, сказалъ воевода. Какъ пойдетъ изъ за этого, Боже сохрани, дѣло, и дознается святѣйшій патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ, не похвалятъ за то вашего архіепископа. Знаешь ли, Никонъ патріархъ не въ версту архіепископу Лазарю, а и съ того санъ сняли вселенскіе патріархи. Какъ бы съ вашимъ архіепископомъ того же не случилось!

— У насъ, говорилъ Борковскій, отъ прадѣдовъ такъ ведется, что въ посты запрещается строго вступленіе въ супружеское сожитіе, но владыка по своему усмотрѣнію можетъ въ крайнемъ случаѣ дозволить и въ постъ совершить обрядъ вѣнчанія, съ тѣмъ чтобъ не вступать въ супружеское сожитіе до конца поста.

— Много вы прожили подъ лядскимъ владычествомъ и много латинскаго пустословія къ вамъ перешло, сказалъ Чоглоковъ. Теперь

же, какъ вы поступили подъ державу царей православныхъ, надобно такіе плевелы изъ церкви Божіей исторгать. Вашъ архіепископъ Лазарь добрѣ то знаетъ! Зачѣмъ же такъ поступаетъ?

— Это уже дѣло не наше, а духовное, возразилъ полковникъ; можетъ быть архіепископу Лазарю не годилось того теперь разрѣшать, но когда оная жена здѣсь съ однимъ уже повѣнчана, не годилось ее перевѣнчивать съ другимъ.

— Охота вашему козаку жалѣть о такой бабенкѣ! сказалъ воевода. Привязалась къ другому—туда ей дорога! Она, видно, понимаетъ, что бракъ ихъ не крѣпокъ, когда рѣшилась бѣжать съ чужимъ человѣкомъ и обвѣнчаться съ нимъ. Твоему козаку бы только еще благодарить Бога, что отвязалась отъ него сама такая жена.

— Тутъ, сказалъ Борковскій,—есть нѣчто такое, что касается твоей милости. Какъ только твоя милость пріѣхалъ къ намъ въ Черниговъ, тотчасъ посылалъ стрѣльца Якушку за бабой Бѣлобочихой, вѣдомою своднею и просилъ, чтобъ она добыла твоей милости на ночь Ганну Кусовну, о которой твоей милости сказали, что она первѣйшая по красотѣ изъ всѣхъ дѣвъ черниговскихъ. Сама Бѣлобочиха намъ о томъ повѣдала и у насъ на то есть свидѣтели: нашего полка обозный и писарь. Скоро послѣ того Ганна Кусовна пропала. Отсюда возникаетъ не малый суспектъ на поступокъ твоей милости.

— Не говорить было тебѣ такихъ пустошныхъ затѣйныхъ рѣчей передо мною и не мнѣ ихъ слушать, сказалъ порывисто-гнѣвно воевода. Тебѣ глупая баба намолола, а ты по дурости своей хохлацкой смѣешь мнѣ то въ глаза повторять! Бѣлобочиха твоя лаяла, что собака, а ты разносишь ее лай по вѣтру, да еще мнѣ дерзаешь говорить, забывая, что я старше и честнѣе тебя въ десять расъ! Я царскій воевода, а вы всѣ козаки, что̀ какъ не мужики и не мужичьи сыны!

— Ну такъ прошу прощенія, господинъ воевода, сказалъ Борковскій. Только о томъ, что намъ повѣдала Бѣлобочиха при свидѣтеляхъ, пошлется въ приказъ; да еще прибавится можетъ быть кое что о твоей милости!

Съ этими словами, не прощаясь болѣе съ взолнованнымъ воеводою, ушелъ отъ него Борковскій. Воротившись домой, онъ сказалъ полковницѣ:

— Пропавшая Кусовна, вижу я, это воеводское дѣло; проклятое это дѣло!

Черезъ день явился къ Борковскому черниговскій войтъ съ бурмистромъ и двумя лавниками членами магистрата. Они принесли Борковскому на государево имя челобитную, въ которой излагали безобразія воеводы Чоглокова и били челомъ о его удаленіи. Въ этой челобитной обвинялся Чоглоковъ во всѣхъ тѣхъ поступкахъ, о которыхъ полковница пересказывала своему мужу послѣ его возвращенія изъ похода. Борковскій позвалъ полкового писаря, приказалъ читать подан-

ную челобитную при себѣ и при войтѣ съ товарищами и когда въ челобитной дочитался писарь до того, что воеводскіе люди подговаривали женщинъ и дѣвокъ къ непристойному дѣлу для воеводы, Борковскій остановилъ чтеніе и сказалъ:

— Припиши вотъ здѣсь: черниговская мѣщанка Бѣлобочиха предъ полковникомъ и полковою старшиною повѣдала ижъ воевода, призвавъ ее къ себѣ, полецалъ [1]) ей подмовить на блудное съ нимъ дѣло козачку Ганну Кусовну, вступившую предъ симъ въ малженскій [2]) союзъ съ козакомъ Молявкою Многопѣняжнымъ, которая Ганна потомъ по отшествіи мужа своего въ походъ съ прочими козаками, безвѣстно пропала, по возвращеніи же изъ похода козаковъ оный воевода повѣдалъ полковнику черниговскому Дунинъ-Борковскому, якобы оная Ганна вступила въ новое малженство съ его воеводскимъ человѣкомъ и нынѣ находится съ онымъ своимъ новымъ мужемъ въ его воеводской подмосковной вотчинѣ, того ради уповательно, что вѣдомый такого беззаконнаго отнятія жены у живого мужа и отданія оной въ малженствѣ съ инымъ человѣкомъ воевода былъ самъ не безучастникомъ таковаго дѣла". Да еще припиши тутъ, что челобитная подается не только отъ мѣщанства, но и отъ черниговскаго козачества. Все какъ подобаетъ сочини и мнѣ подай для отправленія къ ясневельможному.

Молявка Многопѣняжный по окончаніи похода прибылъ въ свой Черниговъ съ тѣмъ чтобы, собравшись въ теченіи какой нибудь одной недѣли, ѣхать съ матерью и молодою женою въ Сосницу. Невозможно описать порыва довольства и радости старой Молявчихи, когда встрѣтивши прибывшаго сына и расцѣловавши его, она узнала, что онъ въ такое непродолжительное время изъ простого рядовика дослужился до хоружаго, а вслѣдъ затѣмъ до сотника и притомъ съ исключительнымъ правомъ сноситься прямо съ самымъ гетманомъ. На первый вопросъ его о женѣ, мать сообщила ему роковую вѣсть. Молявка, услыша такую вѣсть, поблѣднѣлъ какъ полотно и стоялъ нѣсколько времени какъ вкопанный въ землю. Мать, утѣшая сына, говорила:

— Не тоскуй, сыночекъ! Я тебѣ скажу: мы поступили неосмотрительно, что засватали дѣвку изъ этой семьи. Я убѣдилась, что это люди ненадежные. Конечно, сначала какъ намъ было и знать каковы они, а послѣ стало видно, что люди нехорошіе, скверная семья! И самая новобрачная, Богъ знаетъ какая! Здѣсь что-то неладное! Какъ это такъ, они говорятъ: пропала, и кто ее знаетъ куда и дѣвалась! А тутъ и Кусиха наплела на меня такое, что и выговорить неловко: и вѣдьма я, и колдунья, и лукава я, и злая... такое наврала, такъ меня осудила, что никогда не надѣялась я дожить до такого срама.

---

[1]) Поручалъ.

[2]) Брачный.

Старуха начала рыдать. Сынъ сталъ въ свою очередь ее утѣшать, но материнскія слова глубоко врѣзались ему въ душу и сразу перевернули въ ней нѣжное чувство привязанности къ женѣ и возбудили чувство злобы къ Кусамъ, виновнымъ въ его глазахъ уже тѣмъ, что мать его на нихъ жалуется съ плачемъ. Но такая внутренняя перемѣна была еще въ зародышѣ и онъ не только стыдился бы открыть ее другимъ, но искренно хотѣлъ бы не замѣчать и самъ, что она въ немъ происходитъ. Молявчиха совѣтовала ему вовсе не ходить къ Кусамъ и изъявляла опасеніе, чтобъ его тамъ не „причаровали". Сынъ, однако, на этотъ разъ не послушалъ такого совѣта и пошелъ къ тестю и тещѣ.

Съ ужаснаго дня исчезновенія единственной дочери, Кусы находились въ постоянной тоскѣ и такъ измѣнились въ своей наружности, что Молявка чуть могъ узнать въ нихъ тѣхъ, которыхъ зналъ всего за три мѣсяца. Оба супруга встрѣтили его ласково, но съ горькими рыданіями. Заплакалъ съ ними и зять. Но Кусиха тотчасъ же, не стѣсняясь, начала упрекать Молявчиху, хотя безпрестанно при этомъ просила у зятя извиненія за то, что такъ отзывается о его матери. Впрочемъ, вспыльчивая и самолюбивая, но чрезвычайно добросердечная, Кусиха тутъ же изъявляла съ своей стороны готовность и примириться.

Кусиха говорила:

— Осрамила всю нашу семью, выдумала чортъ знаетъ что такое, лишь бы добрыхъ людей отъ насъ отворотить. И кто ее знаетъ, за что она такъ на насъ разъярилась? Ничего, ей-Богу ничего мы ей не сдѣлали: мы къ ней съ искреннимъ сердцемъ, какъ къ свойственницѣ нашей, а она на насъ, какъ лютый ворогъ! И теперь мы къ ней ничего не имѣемъ. Богъ съ ней, пускай Господь ее судитъ! А мы—какъ есть ничего!

Молявка, слушая подобное, былъ въ большомъ затрудненіи, что отвѣчать, но Кусъ вывелъ его изъ такого положенія. Онъ всталъ, пошелъ къ двери и сказалъ:

— Поди-ка сюда, зять, я тебѣ скажу кое что!

Молявка вышелъ съ нимъ вмѣстѣ въ сѣни и Кусъ ему сказалъ:

— Ты, зять, на это не смотри! Поссорились между собою бабы, а тутъ гдѣ взялись со стороны колотовки и стали ихъ поддразнивать. Подожди, милый зять, все перемелется и перемѣнится. Найти бы только намъ Ганну, то мы взялись бы за дѣло сообща и помирили бы тотчасъ старыхъ бабъ. Охъ! да гдѣ эту Ганну взять!

И Кусъ горько зарыдалъ.

Разстроенный видомъ плачущихъ родителей, Молявка обѣщалъ во что бы то ни стало, изъ всѣхъ своихъ силъ искать Ганну, увѣрялъ, что онъ готовъ идти хоть въ пекло, лишь бы ее вернуть и избавить отъ бѣды. Въ заключеніе онъ сказалъ, что пойдетъ сейчасъ къ полковнику просить совѣта, куда ему кинуться.

Пришелъ Молявка къ своему полковнику. Борковскій, обращавшійся вообще съ подчиненными холоднымъ, сухимъ и начальническимъ тономъ и не дѣлавшій до сихъ поръ для Молявки никакого исключенія, въ этотъ разъ принялъ его съ осклабляющимся лицомъ, поздравлялъ съ сотницкимъ званіемъ, изъявлялъ надежду, что оставаясь по прежнему въ черниговскомъ полку, онъ можетъ всегда разсчитывать на своего полковника, какъ на искренняго покровителя и благодѣтеля. Потомъ Борковскій объявилъ ему о томъ, что услышалъ отъ воеводы о бракѣ жены его съ воеводскимъ человѣкомъ. Молявка поблѣднѣлъ и затрясся. Борковскій началъ его утѣшать такимъ же тономъ, въ какомъ говорила ему мать, доказывалъ, что хотя здѣсь было коварство воеводы, но дѣло не могло совершиться безъ участія и согласія самой молодой Молявчики—не возможно ей иначе очутиться где-то подъ Москвою и обвѣнчаться съ другимъ. Полковникъ совѣтовалъ Молявкѣ съ своей стороны отречься отъ такой жены и, пользуясь нарушеніемъ брачной вѣрности съ ея стороны, подумать и объ устройствѣ своей судьбы.

— Мой совѣтъ тебѣ, любезный, сказалъ полковникъ,—пойти къ воеводѣ и взять у него выписку о томъ, что какъ онъ говорилъ, прислано ему отъ того попа, который вѣнчалъ твою жену, и съ этой выпиской идти къ преосвященному Лазарю; пусть онъ, видя, что жена твоя нарушила супружескій союзъ разрѣшитъ и тебѣ какъ вольному и совершенно свободному отъ этого союза вступить въ бракъ съ другою невѣстою. Архіепископъ долженъ будетъ тебѣ это дать на письмѣ. Ты молодецъ расторопный и очень смышленый, поднимешься высоко. Это я вижу. Я вѣдь старый воробей — насквозь тебя, какъ и всякаго человѣка увижу! Кусова дочь не велика птица, а за тебя теперь хоть какая панночка пойдетъ замужъ. Да вотъ, примѣромъ сказать, у моей жены есть племянница—сестрина дочь. Дѣвица красивая, степенная и не бѣдная. Много уже молодцевъ за нею ухаживало, она всѣми ими брезговала и всѣмъ отказывала. А тобою и эта не побрезгуетъ. Это я тебѣ такъ только для примѣра говорю; такихъ дѣвицъ не мало найдется въ семействахъ нашихъ знатныхъ товарищей. А это все не ровня какимъ нибудь Кусамъ. Ты, любезный мой, теперь ужъ не рядовикъ, а сотникъ, нашъ братъ знатный товарищъ, такъ тебѣ уже слѣдуетъ родниться съ нашимъ братомъ, а не съ простыми рядовиками.

Молявка-Многопѣняжный вдругъ какъ будто освѣжился отъ такихъ словъ и благодарилъ полковника за добрый отеческій совѣтъ. Возвратившись къ матери, онъ разсказалъ ей обо всемъ, что слышалъ отъ полковника.

— Ну что! сказала Молявчиха,—говорила я тебѣ: что то не ладно, не надежны они всѣ, и неосмотрительно ты женился! Вотъ же, вышло по моему! Не безъ собственной вины ея было то, что она исчезла! Ну что? не моя ли правда? Теперь самъ видишь и разсудишь: не

безъ согласія же ее повѣнчали съ кѣмъ то другимъ? И полковникъ, видишь ли, тоже говоритъ. Полковникъ желаетъ тебѣ добра. Упомянулъ онъ тебѣ про какую то свою племянницу нарочно для того, чтобъ ты догадался и посватался. Долой отъ себя эту Кусовну, пускай ее тѣ любятъ, что въ болотѣ трубятъ! Ступай, сыночекъ, скорѣе къ воеводѣ и проси у него той выписки, что полковникъ тебѣ говорилъ, а потомъ спѣши къ владыкѣ, чтобъ тебѣ разрѣшилъ жениться на другой. И въ самомъ дѣлѣ, сынокъ, ты уже не какой нибудь рядовикъ, а сотникъ, слава Богу, съ панствомъ въ ровнѣ, такъ теперь тебѣ уже не съ простыми чернорабочими, а съ именитыми подобаетъ вести знакомство и пріязнь. Ты-жъ и молодъ и красивъ, мой дорогой сыночекъ! Ужъ конечно, послѣ всего этого, хоть бы Кусовна къ тебѣ и воротилась, то принялъ ли бы ты ее за жену послѣ какого то, чортъ его знаетъ какого московскаго холопа? До такой срамницы скверно и палкою дотронуться!

Молявка-Многопѣняжный поддался внушенію матери. Узнавши, что его жена принадлежитъ другому, по ея ли собственной волѣ это случилось, или нѣтъ — все равно, она ему уже стала не мила, а мысль—породниться съ панами, съ самимъ даже Борковскимъ, представлявшимся до того времени ему въ неприступномъ величіи его сана, надежда получить въ приданое маетности, зажить паномъ, увидѣть къ себѣ отъ своихъ прежнихъ товарищей по званію, простыхъ рядовиковъ, то раболѣпное уваженіе, которое, какъ онъ замѣчалъ, оказывалось урядовымъ и значнымъ людямъ — перспектива черезъчуръ свѣтлая для того, который и прежде заботливо думалъ о возможности своего возвышенія. Онъ отправился къ своему зятю, сотнику Булавкѣ. Тотъ, узнавши о выходѣ замужъ Кусовны и о загадочной рѣчи полковника, пришелъ просто въ восторгъ. Булавка увидѣлъ во всемъ этомъ возможность выгодъ и для самого себя: черезъ своего шурина и онъ могъ войти въ свойство съ полковникомъ. Булавка торопилъ шурина къ воеводѣ, совѣтовалъ ему, умолялъ его не заводить съ воеводою никакихъ щекотливыхъ для послѣдняго объясненій, не раздражать его, не показывать ему никакой скорби о потерѣ жены, а почтительно выпросить отъ него выпись и поблагодарить; потомъ съ выпискою идти къ архіепископу.

Молявка отправился къ воеводѣ. Прислуга воеводская не хотѣла его пускать, но Молявка приказалъ доложить воеводѣ, что пришелъ къ нему сосницкій сотникъ и нуждается поговорить съ воеводою объ очень важномъ дѣлѣ.

Воевода вышелъ и, увидя Молявку, узналъ его и съ гнѣвомъ сказалъ:

— Ты что это вздумалъ назвать себя сотникомъ? Я тебя знаю, ты простой козакъ, а не сотникъ. Чего тебѣ надобно, мужикъ ты наглый, невѣжливый?

— Извините, отвѣчалъ Молявка, за походъ подъ Чигиринъ меня

возвысили сначала сотеннымъ хоружимъ, а потомъ сотникомъ и самъ ясневельможный назначилъ меня въ Сосницу.

— Твое сотничество при тебѣ, сказалъ воевода, поглядывая на него все еще сердито, надѣясь, что онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы по поводу жены своей входить съ нимъ въ непріятныя объясненія.—Ну, какое же дѣло тебѣ до меня, господинъ сотникъ?

— Изволь, твоя милость, сказалъ почтительно Молявка, пожаловать меня, дать мнѣ выписку о томъ, что, какъ мнѣ сказалъ панъ полковникъ, моя жена въ отсутствіи моемъ повѣнчалась съ какимъ-то человѣкомъ, чтобъ я, имѣючи такое свидѣтельство и зная, что жена моя, будучи со мной повѣнчана законнымъ бракомъ, разрушила бракъ и самъ имѣлъ бы право жениться на другой.

Видя, что Молявка, вмѣсто того, чтобъ являться съ укорами, приступаетъ къ воеводѣ очень почтительно съ челобитьемъ, Чоглоковъ перемѣнилъ тонъ, сталъ ласковъ и сказалъ добродушнымъ тономъ:

— Это можно, дружище. Можно все для пріятеля. Дамъ я тебѣ выпись за рукою священника о томъ, что жена твоя по доброй своей волѣ повѣнчана съ моимъ человѣкомъ. Только я тебѣ, дружище, скажу: неправильно говоришь ты, что она твоя законная жена вѣнчанная. Да, пріятель, это слово твое неправильное. Не жена тебѣ она была. Незаконно разрѣшилъ архіепископъ тебя съ нею повѣнчать въ Петровъ постъ. Это она сама знала и потому, какъ ты уѣхалъ, сошлась съ моимъ человѣкомъ. Я, по ихъ обоихъ челобитію, приказалъ имъ ѣхать въ мою вотчину и тамъ повѣнчать ихъ разрѣшилъ священнику. Вотъ тебѣ выпись. Читай, коли читать умѣешь.

Онъ вынесъ и подалъ ему бумагу. Молявка молча прочиталъ ее про себя.

— Ну, видишь, продолжалъ воевода, что̀ сдѣлала твоя жена? Самъ на себя пеняй, что не въ законное время затѣялъ вѣнчаться. Да, впрочемъ, нечего тебѣ о ней тужить. Коли она тотчасъ послѣ вѣнчанія, оставшись безъ тебя, не захотѣла ждать тебя, а связалась съ другимъ, туда ей и дорога! Ты сотникъ: поищи себѣ другой получше и породовитѣе и познатнѣе. Боже благослови тебя на все доброе!

Молявка ничего не сказалъ, поклонился воеводѣ низко и вышелъ съ выписью. У него блеснуло такое подозрѣніе:—вѣроятно Ганна была въ связи съ этимъ холопомъ и хотѣла только для прикрытія выйти замужъ за другого. Но когда Молявка ушелъ въ походъ, они сговорились и ушли, а потомъ въ чужой сторонѣ обвѣнчались.

Архіепископъ Лазарь Барановичъ, старикъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, страдавшій болѣзнію, называемою въ Малороссіи гостецъ, и безпрестанно жаловавшійся на свои недуги, былъ между тѣмъ необыкновенно дѣятеленъ и въ писаніяхъ и въ дѣлахъ по управленію епархіею, и всѣмъ доступенъ. Переселившись изъ Новгорода-Сѣверскаго въ Черниговъ въ 1672 году, Лазарь избралъ себѣ мѣстопре-

бываніе въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, имъ основанномъ или возобновленномъ въ самой срединѣ города, недалеко отъ древняго св. Спаса. Каждый день у него были опредѣленные часы для пріема посѣтителей по дѣламъ. Молявка-Многопѣняжный попалъ къ нему въ такое время, когда случайно у святителя не было никого; келейникъ допустилъ его. Владыка въ черной рясѣ и клобукѣ сидѣлъ за столомъ, на которомъ была навалена куча писанной бумаги. Молявка-Многопѣняжный поклонился ему до земли, а Лазарь, приподнявшись, благословилъ его и устремивши въ него свои старческіе, но еще не утратившіе огня, глаза, приготовился его слушать. Стоя передъ архіепископомъ, Молявка-Многопѣняжный разсказалъ подробно исторію изчезновенія жены своей и незаконнаго вступленія въ бракъ съ другимъ, при живомъ прежнемъ мужѣ. При этомъ онъ далъ замѣтить, что подозрѣваетъ участіе воеводы. Лазарь, выслушавши внимательно, произнесъ:

— Человѣче! Бѣгай клеветы. Ужасное то чудовище, триглавное и многоязычное и на кійждомъ языцѣ клювъ острый, пронзающій, какъ у птаха драпежнаго и тымъ клювомъ долбитъ душу, и того ради отъ клюва таковаго клеветою нарицается.

Но когда Молявка-Многопѣняжный сообщилъ, что воевода отнесся неуважительно объ архіепископѣ и твердилъ, что архіепископъ незаконно поступилъ, разрѣшивши вѣнчаніе въ Петровъ постъ, Лазарь произнесъ:

— Ему ли пристало судить о томъ? Его дѣло городъ строить, да царскихъ ратныхъ людей кормить и одѣвать. Зналъ бы онъ отъ ратныхъ людей корма карманъ себѣ набивать, какъ они, воеводы, обыкли творить, а когда можно и когда не можно вѣнчать, о томъ бы не додумывались, понеже то рѣшать належитъ намъ, а не имъ. Не властны мірскіе въ наши дѣла входить, бо якъ у насъ мовиться: коли не попъ, то и въ ризы не суйся! Архіерееве суть Божіихъ таинъ толкователи, и аще мірянинъ дерзнетъ въ духовну справу самовольно вторгаться, то не точію отъ нашего смиренія будетъ не благословенъ, но и отъ самаго Бога осужденіе пріиметъ.

Молявка-Многопѣняжный показалъ владыкѣ выпись за рукою священника о бракѣ его жены съ инымъ, и просилъ по ней выдать ему разрѣшеніе на вступленіе въ новый бракъ. Владыка, просмотрѣвши выпись, сказалъ:

— Печать церковная есть. Такъ. Въ свѣдоцствѣ повѣнчана называется Анна Филиппова дочь Кусъ, а я знаю, что та Анна Кусовна съ тобою повѣнчана была. Ergo отъ живого мужа въ другіе замужъ пошла. Въ евангеліи Господь возбраняетъ мужу отъ жены отторгаться словесе развѣ прелюбодѣйнаго, а прелюбодѣяніе жены твоей явно и несомнѣнно есть. Имаши и ты право вступить въ иное супружество, аще пожелаеши. Лучше бо женитися неже разжизатися. Ты воинъ, а не инокъ давшій обѣтъ дѣвства, въ мірѣ живешь и трудно

тебѣ въ чистотѣ пребыти, понеже къ тому и младъ еси. Повелимъ тебѣ дать изъ нашей консисторіи свѣдоцство на вторичный бракъ, а сію выпись намъ оставь: возбудимъ, аще потребно будетъ, церковный судъ надъ женою твоею.

Черезъ нѣсколько дней Молявка-Многопѣняжный получилъ изъ консисторіи свидѣтельство на вступленіе во вторичный бракъ и показалъ его матери и Булавкѣ. Оба пришли въ восторгъ. Булавка взялся быть сватомъ въ домѣ родителей племянницы пани Борковской.

Собрались Молявки къ переселенію и черезъ недѣлю выѣхали въ Сосницу, провожаемые Булавкою и его женою. Кусовъ не видалъ болѣе Молявка-Многопѣняжный и не счелъ нужнымъ болѣе видѣть ихъ... Собственно, онъ никогда не любилъ глубоко Ганны, а собрался жениться такъ себѣ, какъ женится большая часть людей, увлекаясь притомъ ея красотою. Теперь же онъ сотникъ; Ганна—простая козачка, да и не могла она, какъ ему казалось, быть невинною въ своемъ незаконномъ бракѣ съ воеводскимъ холопомъ...

## XII.

Новый сосницкій сотникъ, пріѣхавши на новоселье, помѣстился въ домѣ, который занималъ прежній сотникъ, уѣхавшій въ пожалованное ему имѣніе. Молявка-Многопѣняжный первымъ дѣломъ почелъ съѣздить въ ранговую сотницкую мѣстность и заявить о себѣ тамошнему посольству, какъ о новомъ господинѣ сотникѣ. Вернувшись въ Сосницу, онъ занялся постройкою двора для ожидаемаго туда Дорошенка въ просторномъ, отведенномъ для того по гетманскому приказанію мѣстѣ; получилъ черезъ присланнаго отъ гетмана канцеляриста деньги, нанималъ плотниковъ, столяровъ, маляровъ, кровельщиковъ и всякихъ мастеровъ, надсматривалъ надъ ихъ работами, а для временнаго помѣщенія Дорошенку нанялъ дворъ близь самаго того двора, гдѣ жилъ самъ. Еще дворъ, который начали строить для Дорошенка, далеко не былъ оконченъ, а Дорошенко 1 ноября пріѣхалъ, на первый разъ, однако, безъ семьи.

Бывшій чигиринскій гетманъ былъ встрѣченъ сотникомъ, низкорослымъ, тонкимъ съ птичьимъ носомъ писаремъ и хоружимъ—толстолицымъ, кругловиднымъ человѣкомъ съ постоянно открытыми губами. Сотенные старшины, встрѣтивши Дорошенка за городомъ, шли съ открытыми головами обокъ его коляски. Толпы сосницкихъ жителей и козаки и посполитые бѣжали, глазѣя на павшее величіе, недавно еще наводившее своимъ именемъ страхъ на лѣвобережную Украину, такъ часто ожидавшую его вторженія съ своими союзниками бусурманами.

Привезли Дорошенка въ назначенное ему помѣщеніе. Дорошенко, узнавши въ сотникѣ Молявку, дружелюбно бралъ его за руки, радо-

вался, что назначили къ нему сотникомъ знакомаго человѣка. Но тутъ же запала ему мысль, что этотъ предупредительный и на видъ услужливый сотникъ приставленъ чтобъ надзирать за нимъ.

Дорошенко установился въ отведенномъ ему домѣ, гдѣ было два отдѣленія: въ одномъ кухня и кладовая, въ другомъ, на противоположной сторонѣ черезъ сѣни, двѣ просторныя комнаты. На третій день послѣ того онъ поѣхалъ къ Самойловичу въ Батуринъ. Самойловичъ принялъ бывшаго своего соперника чрезвычайно радушно и гостепріимно: нѣсколько дней сряду пировали, пили, веселились, потѣшались музыкою, заведенною у себя гетманомъ и потѣшными огнями, ѣздили вмѣстѣ на охоту. Желая показать свою вѣрность къ царю, Дорошенко сообщалъ разныя предположенія и совѣты относительно обороны отъ турецкаго вторженія, которое тогда ожидалось, и гетманъ, передавая ихъ московскому правительству, увѣрялъ, что Дорошенко держитъ себя, какъ прилично вѣрному царскому подданному.

Возвратившись отъ гетмана, Дорошенко жилъ въ отведенномъ ему дворѣ и каждый день, какъ только онъ вставалъ отъ сна, предъ нимъ уже стоялъ неутомимый сотникъ, докладывалъ о ходѣ работъ въ постройкѣ двора, спрашивалъ: не нужно ли того-другого, и показывалъ особенное удовольствіе, когда могъ услужить Дорошенку. Не разъ ходилъ съ нимъ вмѣстѣ Дорошенко глядѣть на постройку. Осматривая обширное мѣсто, отведенное ему при дворѣ, Дорошенко изъявилъ желаніе завести тамъ когда нибудь садъ и сотникъ на другой же день принялся разсаживать плодовыя деревья. Постройка дворовыхъ строеній шла съ чрезвычайною быстротою; въ первыхъ числахъ декабря, благодаря щедрости въ издержкахъ и множеству рабочихъ рукъ, домъ, гдѣ долженъ былъ жить самъ хозяинъ, былъ уже готовъ, поставлены и первый разъ протоплены печи, а 18-го числа совершено было освященіе. Домъ состоялъ изъ четырехъ покоевъ, довольно обширныхъ и свѣтлыхъ; убраны были они просто и чисто, какъ обыкновенное жилище зажиточнаго малороссійскаго хозяина: зеленыя муравленыя печи, обмазанныя мѣломъ съ молокомъ стѣны, лавки съ полавочниками, столы застланные килимами, ряды образовъ въ переднихъ углахъ, съ торчащими въ маленькихъ подсвѣчникахъ восковыми свѣчечками, четыре кровати размѣщенныя въ заднихъ комнатахъ, висячій умывальникъ надъ мѣднымъ большимъ тазомъ въ сѣняхъ... Осматривая новоселье вмѣстѣ съ Молявкою и духовенствомъ, приглашеннымъ къ освященію, Дорошенко казался имъ очень доволенъ, говорилъ, что желаетъ окончить дни свои въ этомъ уголку, а когда остался одинъ на одинъ съ сотникомъ, спросилъ его:

— Козакъ товарищъ! Скажи мнѣ по сущей правдѣ: призывалъ тебя лично гетманъ, когда сотникомъ тебя сюда назначилъ?

— Призывалъ, отвѣчалъ сотникъ.

— А что онъ тебѣ тогда говорилъ?—спрашивалъ Дорошенко:—

чаю, говорилъ, чтобъ ты за мной пристально смотрѣлъ и наблюдалъ и его про меня извѣщалъ. Вѣдь такъ, душа моя?

— Вотъ-же не такъ!—отвѣчалъ Молявка. Господинъ гетманъ говорилъ, чтобъ я дѣлалъ для тебя все, что тебѣ покажется нужнымъ и во всемъ бы тебѣ услуживалъ;—приказывалъ не допускать до того, чтобъ твоя милость самъ просилъ чего либо для себя, а чтобъ я предупреждалъ твоимъ желаніямъ; къ тому-жъ приказывалъ чтобъ я, храни Богъ, чѣмъ либо твою милость не оскорбилъ и не раздражилъ. Вотъ тебѣ крестъ святой, что гетманъ, призвавши меня въ обозъ подъ Вороновкою, все это мнѣ приказывалъ. А того, чтобъ я наблюдалъ за твоею милостію, не нужно было меня и научать. Не во гнѣвъ будетъ твоей милости:—увидалъ бы я отъ твоей милости что недоброе, то и безъ гетманскаго наставленія поступилъ бы сообразно съ присягою, данною мною царю.

— Ладно говоришь, козакъ! отвѣчалъ Дорошенко:—вотъ же и я хочу жить по присягѣ, что далъ я царскому величеству передъ гетманомъ и царскимъ бояриномъ и нечего мнѣ скрывать ни отъ тебя ни отъ пана гетмана. Теперь, какъ царское величество меня принялъ и я на вѣки отрекся отъ своего гетманства, то ужъ ей-Богу не хочу ничего, лишь бы только жить частнымъ человѣкомъ, безъ хлопотъ. Ей-ей, не жалѣю того несчастнаго гетманскаго сана! Нельзя добромъ его помянуть. Благодареніе Богу, что эта тягость съ моихъ плечь свалилась! Вотъ въ этомъ уголку буду вѣкъ доживать тихо и смирно, ни о чемъ не зная, ни о чемъ не заботясь, что бы тамъ ни творилось въ этомъ многомятежномъ свѣтѣ! Мои слѣпые глаза прозрѣли: насмотрѣлся я какъ мы здѣсь добиваемся величія земного— все прахъ и соръ! Панъ гетманъ подарилъ мнѣ маетность; весною туда поѣду, буду приводить въ порядокъ, хозяйничать, а здѣсь, видишь, садъ завожу; быть можетъ Богъ дозволитъ и плодовъ отвѣдать. О томъ только думаю, чтобъ оставленное въ Чигиринѣ имущество матери моей и родственникамъ не погибло, если тамъ начнется война.

— Ежели, не дай Богъ, то станется, сказалъ Молявка, панъ гетманъ вознаградитъ твою милость и всѣхъ родныхъ твоей милости щедро на этой сторонѣ.

— Такъ мнѣ и обѣщалъ панъ гетманъ! сказалъ Дорошенко: я ему вѣрю; у него доброе сердце, дай Богъ ему здоровья!

На праздникахъ Рождества Христова пріѣхала семья Дорошенка. За ними пріѣхала прислуга, привезли подводахъ на двадцати разные припасы и домашнюю рухлядь Дорошенка. Тогда одинъ изъ покоевъ въ новопостроенномъ домѣ оставленъ былъ для пріема посѣтителей, а въ остальныхъ размѣстился онъ съ своею семьею, состоявшею тогда изъ жены, малолѣтней дочери, матери и брата Андрея. У Петра Дорошенка съ женою тотчасъ же начались обычныя несогласія. Молявка постоянно, какъ и прежде, посѣщавшій Дорошенка и всѣми мѣрами

услуживавшій ему и угождавшій, былъ свидѣтелемъ бурныхъ семейныхъ сценъ между несогласными супругами, и Дорошенко, зная отъ самого Молявки о его семейномъ несчастномъ приключеніи, говорилъ ему:

— Не тужи, панъ сотникъ, что у тебя жену отняли. Бываетъ съ женою настоящій адъ, вотъ какъ и мнѣ. Жениться — хорошее дѣло, только рѣдко удачное. Съ тобою случилось бы можетъ быть такъ, какъ и со мною. Коли тебя жонка покинула, то и благодари Бога за это!

Молявка сказалъ Дорошенку, что одинокому жить скучно и онъ можетъ быть женится снова. Дорошенко воскликнулъ:

— Не дай тебѣ Господи! Для чего тебѣ эта жена,—камень на шею!

На праздникъ Богоявленія въ 1677 года пріѣхалъ къ Дорошенку тесть его Яненко, проѣзжавшій изъ Чигирина въ Новые Млинвы, гдѣ гетманъ указалъ ему жительство и въ окрестности этого мѣстечка подарилъ ему маетность. По этому поводу былъ у Дорошенка роскошный обѣдъ. Сотникъ, разумѣется, былъ приглашенъ туда. Яненко, видя, что зять его относится къ сосницкому сотнику по-дружески и самъ такъ же сталъ относиться къ нему. У Молявки между тѣмъ назрѣвала лукавая мысль: соблазняла его возможность отличиться передъ гетманомъ своею умѣлостію надзирать за Дорошенкомъ; очень хотѣлось ему чтобъ кто нибудь, либо самъ онъ, либо иной изъ его родни, переведенной на жительство на лѣвую сторону Днѣпра, проговорился, а онъ бы донесъ о томъ гетману. Его намѣренію помогъ неосторожно братъ Петра Дорошенка, Андрей.

Завелся за обѣдомъ разговоръ о Юраскѣ Хмельницкомъ, бывшемъ тогда въ Украинѣ героемъ дня. Петръ Дорошенко сказалъ:

— Я его знаю давно, когда ему пошелъ только семнадцатый годъ и учинили его гетманомъ. О, не мало было смѣха надъ тѣмъ гетманствомъ! Я былъ тогда прилуцкимъ полковникомъ. Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметьевъ, бывшій тогда въ Кіевѣ, сказалъ во всеуслышаніе: „Этому гетманишкѣ только бы гусей пасти, а не гетманствовать“. Мы всѣ, сколько насъ тамъ было, чуть не лопнули отъ смѣха.

— За такую оскорбительную издѣвку надъ нашимъ гетманомъ, бояринъ Василій Борисовичъ достойно сидитъ уже двадцатый годъ въ тяжкой неволѣ, сказалъ Андрей Дорошенко.—Это ему Богъ воздалъ! Смотрите, чтобъ Юраска теперь не показалъ, что пришло ему время не гусей пасти, а москалей бить! Какъ бы онъ москалямъ и козакамъ лѣвобережнымъ не задалъ трепки! Вотъ увидите! Турецкая сила велика; москалю съ ней не справиться! Не только съ того берега, но и съ этого весь народъ повалитъ къ Юраскѣ, какъ только прослышитъ, что онъ съ турецкою помощью идетъ отнимать свое отцовское достояніе!

Со злобною радостію слушалъ эту рѣчь Молявка-Многопѣняжный и только хотѣлъ, чтобъ отъ Петра Дорошенка послѣдовалъ отвѣтъ въ такомъ же духѣ; но Петро Дорошенко, строго взглянувши на брата, расходившагося отъ немалаго употребленія вина, сказалъ:

— Андрей! Не годится такое молоть! Мы уже свою задачу порѣшили, все потеряли. Просили мы у царя милости и пристанища — и получили. Намъ слѣдуетъ до конца нашей жизни сердечно благодарить великаго государя за милость, а не хвалить царскихъ враговъ.

— Я и не хвалю ихъ, братъ Петро, отвѣчалъ спохватившійся Андрей Дорошенко! Я только говорю, какое несчастье можетъ намъ приключиться, а я не желаю, чтобъ оно случилось, не дай Богъ!

Послѣ этой бесѣды, Молявка-Многопѣняжный, воротившись домой, настрочилъ донесеніе къ гетману, гдѣ изложилъ слышанныя имъ на обѣдѣ у павшаго гетмана рѣчи Андрея Дорошенка, произнесенныя въ нетрезвомъ видѣ; но въ своемъ доносѣ не солгалъ и написалъ, что Петръ Дорошенко остановилъ своего брата и пожурилъ его за непристойныя слова.

Доносъ этотъ пришелъ не совсѣмъ кстати для Молявки-Многопѣняжнаго, хотя не остался безъ вреда для Петра Дорошенка.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, поѣхалъ Андрей Дорошенко въ Батуринъ къ гетману по очень важному дѣлу, въ которомъ могъ угодить Самойловичу. Производился судъ надъ стародубскимъ полковникомъ Рославцемъ и нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ. Эти господа подавали доносъ на гетмана въ Москву, но были отосланы къ гетману для преданія ихъ войсковому суду. Низложенный чигиринскій гетманъ посылалъ своего брата Андрея съ уликами важными и полезными для Самойловича. Андрей прибылъ въ Батуринъ тотчасъ послѣ того, какъ гетманъ получилъ доносъ отъ Молявки-Многопѣняжнаго. Видѣлъ Самойловичъ на дѣлѣ расположеніе къ себѣ Дорошенковъ, принялъ Андрея очень радушно и прямо спросилъ его: зачѣмъ онъ произносилъ непристойныя рѣчи на обѣдѣ у своего брата Петра о силахъ Юраски Хмельницкаго, которыхъ будто бы Москва не одолѣетъ? Хотя Самойловичъ не сказалъ откуда онъ узналъ объ этомъ, но Андрею не трудно было догадаться, что доносъ на него посланъ сосницкимъ сотникомъ. Андрей Дорошенко сразу сознался во всемъ, извинялся тѣмъ, что былъ тогда въ подпитіи и клялся быть впередъ осторожнѣе. Самойловичъ повѣрилъ его искренности, притомъ сознаніе Андрея ни въ чемъ не противорѣчило доносу Молявки. Самойловичъ ограничился легкимъ внушеніемъ Андрею, но изъ осторожности написалъ объ этомъ въ Москву. Въ Москвѣ же въ Малороссійскомъ Приказѣ разсудили такъ: за Петромъ Дорошенкомъ ничего предосудительнаго не замѣчено, но у него въ домѣ произносятся непристойныя рѣчи и чаять, коли Петра Дорошенка изъ Украины вывести прочь, то будетъ спокойнѣе. На Андрея Дорошенка не обратили большого вниманія тѣмъ болѣе, что, по донесенію Самойловича, слова произносимы были въ „подпитіи“. Все наваливались на Петра, даромъ что Петръ никакъ не одобрялъ выходокъ своего брата. Вышло по пословицѣ: съ больной головы на здоровую! Изъ Москвы послали къ Самойловичу указъ прислать Петра Дорошенка въ Москву „для

совѣта о воинскихъ дѣлахъ". Самойловичъ въ отвѣтъ на требованіе о присылкѣ Петра, представилъ въ Приказъ, что Петру Дорошенку обѣщано было царскимъ именемъ жить въ Малороссіи, и онъ ведетъ себя смирно: не слѣдуетъ его такъ скоро трогать съ мѣста жительства во избѣжаніе волненій въ народѣ. Пославши такой отвѣтъ, Самойловичъ думалъ, что теперь уже не станутъ болѣе требовать присылки въ столицу Дорошенка.

Андрей Дорошенко, воротившись изъ Батурина въ Сосницу, разсказалъ брату Петру, что гетману уже извѣстно про то, что говорилось у нихъ за обѣдомъ насчетъ вступленія Хмельниченка съ турецкими силами. Для обоихъ братьевъ стало тогда ясно, что доносъ сдѣланъ былъ сотникомъ сосницкимъ: оба брата положили между собою не допускать этого человѣка до близости къ себѣ.

Но ни объясниться съ Молявкою, ни даже дать ему почувствовать, что Дорошенкамъ извѣстна его продѣлка—Петру не удалось. Молявка, испросивши письменно отъ гетмана разрѣшенія, уѣхалъ къ Бутримамъ, у которыхъ Булавка успѣлъ высватать ему невѣсту. Вмѣсто себя онъ поручилъ управленіе сотнею хоружему.

Прошелъ генварь. Во второй половинѣ февраля настала масляница. Гетманъ Самойловичъ просилъ прибыть къ нему Петра Дорошенка. Поѣхалъ къ нему Петръ, пробылъ у него всю масляницу; вмѣстѣ пировали, веселились, ѣздили съ собаками на охоту. Гетманъ не сказалъ Дорошенку ни слова о томъ, что уже пріѣзжалъ царскій посланецъ требовать его высылки въ Москву: гетманъ думалъ, что московское правительство уже успокоилось его представленіями и что уже все кончено, а потому не хотѣлъ безпокоить своего гостя.

Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста Петръ Дорошенко выѣхалъ изъ Батурина въ свою Сосницу безъ всякаго дурного для себя предчувствія. Но на слѣдующій за тѣмъ день пріѣхалъ въ Батуринъ новый царскій посланецъ съ требованіемъ выслать Петра Дорошенка въ Москву. Нечего было дѣлать Самойловичу. Онъ принужденъ былъ уступить, тѣмъ болѣе, что ему обѣщали со временемъ отпустить Дорошенка по желанію гетмана.

Послалъ Самойловичъ къ Дорошенку генеральнаго судью Домонтовича съ письмомъ такого содержанія:

„Пане Петро! Поѣзжай безъ всякаго сумнительства въ Москву. Тебя зовутъ только за тѣмъ, чтобъ видѣть царскія очи и хотятъ распросить тебя про турецкія и татарскія дѣла".

Словно громомъ пораженъ былъ Дорошенко, когда такая неожиданность стряслась надъ его головою. Для малороссіянъ въ тотъ вѣкъ ѣхать по зову въ Москву представлялось чѣмъ-то зловѣщимъ, для Дорошенка тѣмъ болѣе, когда онъ, сдаваясь царю, такъ настойчиво домогался, чтобъ ему дали обѣщаніе оставить его на родинѣ. Съ горечью произнесъ онъ:

— Хоть бы на казнь кому велѣли идти, то и тому дали бы прежде

знать! Суди, Господи, пана гетмана, что не извѣстилъ меня заранѣе!

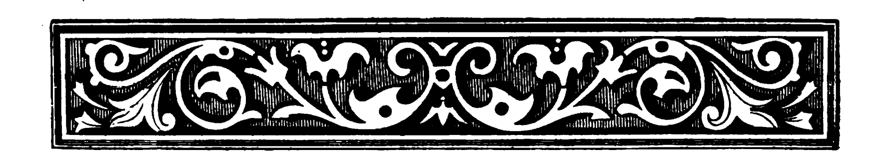
Недолго онъ собирался, хотя Самойловичъ, посылая за нимъ Домонтовича, не приказалъ торопить его. 8 марта 1677 года уѣхалъ онъ на вѣкъ изъ милой Украины. Горькими слезами разливалась его старая мать и малолѣтняя дочь, плакалъ и братъ Андрей; но жена Петрова осталась безчувственною и проводивши мужа, не стѣснилась произнести:—„Слава Тебѣ, Господи! Увезли отъ меня моего нелюба“.

Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Дорошенка, воротился въ Сосницу Молявка съ молодою женою.

**Н. Костомаровъ.**

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ*).





# ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ СОРОКОВЫХЪ И ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Появленіе въ печати сочиненій Гоголя).

ВОПРОСЪ объ отношеніи литературы къ обществу рѣшаемъ былъ различно и въ литературномъ мірѣ и въ обществѣ— и писателями, и представителями общественной жизни. Одни изъ писателей видѣли въ печатномъ словѣ руководящую силу, которой, волею или неволею, подчиняются читающія массы. Другіе относились къ этой силѣ скептически, сводили ея вліяніе къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ, и даже вовсе отрицали его, укоряя литературу въ томъ, что она не только не идетъ во главѣ общественнаго движенія, но едва успѣваетъ тащиться по его слѣдамъ. Въ до время, когда другіе дѣло дѣлаютъ, литераторы стоятъ сложа руки, а если и берутся за перо, то владѣютъ имъ безъ пользы и безъ цѣли. Именно въ такомъ духѣ выражается одинъ изъ героевъ повѣсти, принадлежащей къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нашей литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Онъ говоритъ: „У барина была коляска претяжелая. Пока перевозчики надсаживались, встаскивая коляску на берегъ, баринъ такъ кряхтѣлъ, стоя на паромѣ, что даже жалко его становилось. Такъ и нынѣшняя литература: другіе везутъ, дѣло дѣлаютъ, а она кряхтитъ“.

Какъ ни печально подобное положеніе литературы, какъ ни жалка ея роль, но если бы такой взглядъ былъ общепринятымъ, если бы всѣ, власть имѣющіе, убѣждены были въ безсиліи печатнаго слова, то и литераторамъ жилось бы спокойнѣе, и литература освободилась бы отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, отъ всякаго надзора и опеки. Но на дѣлѣ видимъ иное. Въ „кряхтѣньи“ литературы иные находили весьма разумную цѣль; другимъ же слышалось въ немъ что-то зловѣщее, требующее самаго рѣшительнаго противодѣйствія. И такъ было не только въ сороковыхъ годахъ, но и гораздо позже, и несравненно раньше, втеченіе долгаго, почти двухъ-вѣковаго пері-

ода, представляющаго не мало варіацій на одну и туже тему. Представители общественной и государственной жизни обнаруживали тотъ взглядъ, что литература есть сила, которую нельзя оставлять безъ вниманія и съ которою надо считаться. Начало и конецъ восемнадцатаго столѣтія даютъ намъ чрезвычайно яркія, хотя и совершенно противоположныя доказательства этого взгляда.

Въ началѣ прошлаго столѣтія геніальный представитель государственной и умственной жизни русскаго народа, Петръ Великій, сознавая силу печатнаго слова, обращался къ писателямъ для поддержки задуманныхъ имъ преобразованій, для разъясненія обществу и народу правительственныхъ цѣлей и стремленій. Петръ Великій до того цѣнилъ и уважалъ правдивый голосъ зараждавшейся у насъ литературы, что прощалъ писателямъ смѣлость ихъ обличительной рѣчи, направленной порою противъ той или другой стороны въ дѣйствіяхъ и свойствахъ самаго государя. Рѣзкую противоположность составляютъ мѣры, принятыя въ отношеніи печатнаго слова въ концѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Павла I. Но самое то обстоятельство, что мѣрамъ этимъ придавали особенное значеніе, что разсмотрѣніемъ книгъ, журнальныхъ статей и брошюръ, занимались, по приказанію Павла I, высшіе сановники государства, показываетъ, какую важность имѣли тогда литературныя произведенія по понятіямъ, господствовавшимъ въ правительственныхъ сферахъ. Однимъ изъ главныхъ занятій учрежденія равносильнаго государственному совѣту или комитету министровъ было, во времена Павла I, разсматриваніе книгъ, доставляемыхъ изъ цензурныхъ комитетовъ съ болѣе или менѣе подробными донесеніями.

Въ первые годы девятнадцатаго столѣтія повѣяло свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ и въ литературѣ и въ жизни. Литературѣ возвращены отнятыя у нея права; выражено полное сочувствіе ея благородному призванію—просвѣщать общество, возвышая его умственный и нравственный уровень. По понятіямъ лучшихъ людей того времени, литература должна идти рука объ руку съ закономъ, и области ихъ должны быть размежеваны такимъ образомъ, чтобы на долю закона осталась борьба съ преступленіями, а на долю литературы—борьба съ невѣжествомъ и предразсудками.

Иныя времена настали впослѣдствіи. Они принесли съ собою и другіе взгляды и другой образъ дѣйствій. Литературная дѣятельность подпала усиленному надзору, и какъ въ старые годы каждый печатный стихъ казался святымъ, такъ теперь стали смотрѣть на печатное слово какъ на что-то грѣшное, заключающее въ себѣ потаенный ядъ, особенно вредный для низшихъ слоевъ общества. Единственное спасеніе видѣли въ цензурѣ, вооружая ее всѣми средствами для противодѣйствія печатному злу.

Вслѣдствіе такой постановки вопроса, исторія цензуры является весьма существеннымъ и необходимымъ подспорьемъ для исторіи ли-

тературы. Значеніе цензурной дѣятельности слишкомъ мало оцѣнено въ этомъ отношеніи. Обыкновенно ограничиваются отрывочными извѣстіями о вещахъ курьезныхъ и забавныхъ, о подвигахъ корифеевъ цензурнаго хора, доказывающихъ, говоря словами поэта, что „геніи и въ тупоумьи есть“. Но не въ этой исключительности и эксцентричности заключается историческій интересъ цензурныхъ мѣропріятій и приговоровъ. Стяжавшіе печальную извѣстность „геніи тупоумія“ выражали болѣе ярко и наивно то, что ихъ сподвижники и вдохновители, болѣе смѣтливые и ловкіе, запутывали до такой степени, что трудно добраться до настоящаго смысла различныхъ хитросплетеній и фразъ. Суть дѣла заключается въ томъ, что благодаря придирчивости цензуры уцѣлѣло много чертъ, которыя исчезли бы безслѣдно, и которыми дорожитъ исторія литературы потому, что въ нихъ отражается впечатлѣніе, производимое литературными трудами на читающее общество.

И въ самомъ дѣлѣ, много ли у насъ источниковъ, по которымъ можно было бы прослѣдить подобныя впечатлѣнія? Статьи критическія? Но велико ли ихъ число, и всѣ ли они равнаго достоинства? Многія ли изъ нихъ служатъ дѣйствительнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, а не взглядовъ кружка, болѣе или менѣе замкнутаго? По вопросамъ литературнымъ изрѣдка слышались и голоса людей, вовсе непричастныхъ литературѣ, и смотрѣвшихъ на нее съ точки зрѣнія общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Какимъ бы диссонансомъ ни казался въ литературномъ кругу голосъ этихъ непризванныхъ цѣнителей и судей, во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ своего рода значеніе для характеристики тѣхъ понятій, изображенія которыхъ критика съ такою зоркостію ищетъ въ литературныхъ произведеніяхъ.

Въ цензурныхъ приговорахъ и соображеніяхъ, на которыхъ они основаны, отражаются болѣе или менѣе ярко понятія и взгляды, господствовавшіе въ ту или другую пору въ различныхъ слояхъ нашего общества. Многіе изъ этихъ приговоровъ построены на началахъ, имѣвшихъ большой вѣсъ въ бюрократическомъ мірѣ, въ кругу тѣхъ маленькихъ великихъ людей, на долю которыхъ выпадаютъ иногда довольно видныя роли въ общественной жизни. Люди эти считаютъ себя посвященными въ самую суть внутренней и внѣшней потитики, и подъ ихъ подавляющимъ вліяніемъ складывается то, что служитъ рутинною мѣркою служебныхъ способностей и благонамѣренности. Но среди писаній, заплатившихъ обильную дань рутинѣ и страху передъ живою мыслью и независимымъ словомъ, встрѣчаются отрадныя и знаменательныя исключенія. Съ одной стороны, люди науки и писатели, призываемые отъ времени до времени къ участію въ цензурной дѣятельности, рѣшались, съ большею или меньшею смѣлостью, отстаивать право и свободу научнаго изслѣдованія и художественнаго творчества. Съ другой стороны, и въ обществѣ, даже въ тѣхъ его

кругахъ, откуда выбирались не только участники, но и руководители цензурнаго дѣла, выражаемо было сочувствіе къ умственному движенію, и слышался ропотъ на стѣснительныя мѣры противъ печатнаго слова. Отголосокъ этого сочувствія и оправданія этого ропота можно встрѣтить въ заявленіяхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на общественномъ поприщѣ, и считавшихъ своимъ нравственнымъ долгомъ не скрывать истины и высказывать ее съ большею или меньшею прямотою и настойчивостью.

Существеннымъ и въ высшей степени важнымъ источникомъ для изученія умственной и общественной жизни той или другой эпохи служатъ художественныя произведенія писателей. Не одно только содержаніе этихъ произведеній, но и самая судьба ихъ знакомитъ, въ большей или меньшей степени, съ состояніемъ и движеніемъ умственной и общественной жизни. Если бы подробно и критически разсмотрѣть всѣ обстоятельства и условія, при которыхъ замѣчательнѣйшія произведенія нашихъ писателей превращались изъ рукописныхъ въ печатныя, то навѣрно прибавилось бы не мало любопытныхъ и цѣнныхъ данныхъ для исторіи нашей литературы и образованности.

---

Особенно сильное впечатлѣніе на читающее общество производили сочиненія Гоголя. Ихъ живая связь съ дѣйствительностью бросалась въ глаза и давала поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ и сужденіямъ, къ самымъ восторженнымъ похваламъ и до крайности рѣзкимъ порицаніямъ.

1842 годъ ознаменованъ въ нашей литературѣ появленіемъ сочиненій Гоголя. Въ началѣ этого года изданы Мертвыя души; въ концѣ—полное собраніе сочиненій.

Когда Мертвыя души представлены были въ цензуру, цензурный комитетъ призналъ „содержаніе романа позволительнымъ“; разрѣшилъ напечатать даже „сомнительныя“ мѣста; но потребовалъ, чтобы заглавіе было измѣнено такимъ образомъ: Похожденія Чичикова или мертвыя души, и чтобы разсказъ о капитанѣ Копейкинѣ былъ вовсе выпущенъ изъ романа.

Къ числу мѣстъ „сомнительныхъ“ отнесены слѣдующія:

1) Впрочемъ хотя эти деревца (въ саду губернскаго города) были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи илюминаціи, что городъ нашъ украсился благодаря попеченію гражданскаго правителя садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ и широколиственныхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день и что при этомъ было очень умилительно глядѣть, какъ сердце гражданъ трепетало въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ въ знакъ признательности къ г. градоначальнику.

2) Чичиковъ былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю.

3) Чичиковъ намекнулъ губернатору какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы.

4) Какъ хорошо, говорилъ Чичиковъ, губернаторъ вышиваетъ разные домашніе узоры. Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

5) „Въ нашемъ полку былъ поручикъ, который не выпускалъ изъ рта трубки, не только за столомъ, но даже съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ",—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

6) „Они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія и что будто бы Государь, узнавши о таковой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами",—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

7) „По существующимъ положеніямъ этого государства (Россіи), въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся однако же до подачи новой ревизской сказки на равнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и неувеличить сложность и безъ того уже сложнаго государственнаго механизма",—слова Чичикова. Комитетъ дозволилъ это мѣсто къ напечатанію не иначе однакожъ какъ съ прибавленіемъ къ словамъ: на равнѣ съ живыми—фразы: хотя въ замѣнъ того и вновь родившіеся не вносятся въ подушные списки.

8) Чичиковъ говоритъ объ одномъ необразованномъ помѣщикѣ: да вѣдь теперь у тебя подъ властію мужики; ты съ ними въ ладу и конечно ихъ не обидишь, потому что они твои, тебѣ же будетъ хуже, а тогда бы были у тебя чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои, крѣпостные, или грабилъ бы ты казну.

9) Идите въ комнаты, сказала ключница отворотившись и показавъ ему спину запачканую мукой съ большой прорѣхой пониже.

10) Отецъ не любитъ офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотышки.

11) Услышавъ, что онъ (Чичиковъ) даже издержки по купчей принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками.

12) „Мужикъ зашивалъ государственную въ холстинные штаны". Комитетъ опредѣлилъ замѣнить слово государственную, словомъ ассигнацію.

13) Многіе (чиновники губернскаго города) сильно входили въ положеніе Чичикова и трудность переселѣнія такого огромнаго количества крестьянъ (умершихъ) ихъ чрезвычайно устрашала; стали опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что въ отвращеніе его существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ хоть самъ не ѣзди, а пошли на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до мѣста ихъ жительства.

14) Во время обѣдни у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подальше, т. е. поближе къ паперти.

15) Ноздревъ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ) былъ такъ отдѣланъ, какъ развѣ только плутъ староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ нибудь ѣзжалымъ опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно.

16) Одинъ полковникъ (за ужиномъ) подалъ дамѣ даже тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги.

17) Будочникъ, поймавъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ.

18) Сперва ученый подъѣзжаетъ столь (въ ученыхъ разсужденіяхъ) необыкновеннымъ подлецомъ? и проч...

19) Разсказъ объ устсысольскихъ купцахъ, убитыхъ въ дракѣ, и объ оправданіи судьями виновныхъ за взятку, также о томъ, что крестьяне—вшйвая спесь — убили засѣдателя земскаго суда, въ чемъ однакожъ были оправданы палатою.

20) Почтмейстеръ губернскій имѣлъ обыкновеніе говорить: знаемъ мы васъ генералъ-губернаторовъ! васъ можетъ быть три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ сижу на одномъ мѣстѣ.

21) Вообще, мы какъ-то не созданы для представительныхъ засѣданій-трудно даже сказать почему это; видно уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобъ покутить, или пообѣдать, какъ-то клубы и всякіе воксалы.

22) Знаемъ батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, невѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ вещь требующая чистоты.

23) Англичанинъ стоитъ (на картинкѣ) и сзади держитъ на веревкѣ собаку и подъ собакой разумѣется Наполеонъ.

24) Поди ты съ человѣкомъ, не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умрешь.

25) Порфирій (лакей) долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ.

26) Обѣщался (одно изъ дѣйствующихъ лицъ) донести на священника, что перевѣнчалъ лабазника Михаила на кумѣ.

27) Чичиковъ показалъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, остающуюся только во время прижимокъ.

28) Скоро представилось Чичикову поле для взятокъ гораздо пространнѣе, образовалась комиссія для построенія какого-то казеннаго весьма капитальнаго строенія и пр.

29) На мѣсто прежняго тюфяка былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. Но такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало быть не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ предѣловъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники и новый правдивый начальникъ скоро очутился еще въ рукахъ бо́льшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими? Чичиковъ ужъ никоимъ образомъ не могъ втереться, какъ ни старался и не стоялъ за него подстрекнутый письмами князя Хаванскаго первый секретарь, постигнувшій совершенно управленіе генеральскимъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать.

30) Надобно сказать, что эта служба (таможенная) давно составляла тайный предметъ его (Чичикова) помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими

заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ.

31) Онъ (Чичиковъ) получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ за тѣмъ представилъ проэктъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему даны средства; онъ открываетъ цѣлое общество контрабандистовъ, сближается съ ними и вмѣсто преслѣдованія беретъ съ нихъ огромную взятку.

32) Онъ (Чичиковъ) отыскивалъ—въ колесахъ и дышлахъ, и не вѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда позволяется забираться однимъ таможеннымъ чиновникамъ.

33) Читатель безъ сомнѣнія слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые. совершивъ переходъ чрезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліоны брабанскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ.

34) „Я статскій совѣтникъ, а не поповичъ"? слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

35) Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капиталицъ, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ и пр.

36) Какъ губернаторъ разбойникъ? сказалъ Чичиковъ и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники.—И лице разбойничье, сказалъ Собаковичъ, дайте только ему ножъ, да выпустите на большую дорогу—зарѣжетъ за копѣйку. Онъ, да еще вице-губернаторъ—это гогъ и магогъ.—Полиціймейстеръ мошенникъ, сказалъ Сабаковичъ. Я ихъ знаю всѣхъ (чиновниковъ губернскаго города) это все мошенники—весь городъ тамъ такой мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы, прокуроръ свинья.

Чтобы удержать разсказъ о капитанѣ Копейкинѣ, Гоголь долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя перемѣны. Они напоминаютъ отчасти то уклоненіе отъ первоначальнаго сюжета, которое допустилъ Гоголь въ повѣсти Шинель, на основаніи чисто-художественныхъ соображеній. Извѣстно, что сюжетъ Шинели заимствованъ изъ дѣйствительнаго случая, изъ разсказа о чиновникѣ, мечтою котораго было пріобрѣсти ружье. Гоголь, какъ писатель-художникъ, замѣнилъ ружье шинелью—вещью необходимою для бѣдняка, потеря которой была для него истиннымъ, дѣйствительнымъ несчастіемъ. Въ повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ измѣненъ характеръ дѣйствующаго лица. Изувѣченному горемыкѣ приданы черты, разсчитанныя на умаленіе его нравственнаго достоинства сравнительно съ лицомъ начальствующимъ, къ которому онъ обращается.

Въ первоначальной редакціи:

„Копейкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую нибудь Америку или Индію раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдо-

воль, потому что пришелъ еще въ такое время, когда министръ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели и камердинеръ поднесъ ему какую нибудь серебряную лоханку для разныхъ понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ наконецъ адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. „Министръ, говоритъ, сейчасъ выйдетъ въ пріемную". А въ пріемной понимаете, народу—какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что нашъ братъ, холопъ: четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и золотые макароны блестятъ на эполетахъ; генералитетъ, словомъ, такой... Вдругъ все засуетилось, пошло по комнатѣ шу-шу, шу-шу, и наконецъ тишина настала страшная. Входитъ министръ... ну, можете представить себѣ, государственный человѣкъ. Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете, съ высокимъ постомъ... Все тутъ, разумѣется, что ни было, въ струнку. Разумѣется, все ждетъ рѣшенія, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Подходитъ къ одному къ другому. „Зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло"? Наконецъ, сударь мой къ Копѣйкину. Копѣйкинъ: „Такъ и такъ", говоритъ, „проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу—осмѣливаюсь просить Монаршей милости". Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „Хорошо" говоритъ „понавѣдайтесь на дняхъ". Дня черезъ три, черезъ четыре является онъ, сударь ты мой, къ министру. „Пришелъ", говоритъ „узнать, такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь"... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Министръ тотчасъ узналъ его. „А" говоритъ. „На этотъ разъ ничего не могу сказать болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда Государя. Тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія на счетъ раненыхъ; а безъ Монаршей, такъ сказать, воли я ничего немогу сказать". Поклонъ, понимаете, и—прощайте! Копѣйкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: „Пойду опять къ министру! Какъ, рѣшите, ваше превосходительство? Послѣдній кусокъ доѣдаю; не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода". Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять. Говорятъ: „Нельзя! министръ не принимаетъ. Приходите завтра". На другой день то же. Швейцаръ на него, просто, смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синихъ то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То бывало ѣдалъ щи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую нибудь селедку, или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша. Словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ просто волчій. Проходитъ мимо эдакаго, какого нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ французъ эдакой, съ открытой физіономіей, бѣлье на немъ голанское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ, разсупе—деликатесъ такой, что, просто, себя, то есть съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдемъ ли мимо милютинскихъ лавокъ,—тамъ изъ окна выглядываютъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ—громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ; а онъ жди, Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать,

семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо, подъ названіемъ завтра. Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, не въ терпежъ; рѣшается, во что бы то ни стало, пролѣзть къ министру. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяшкой въ пріемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ. „Зачѣмъ вы?... Зачѣмъ вы?... А! говоритъ, увидѣвши Копейкина, вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія".—„Помилуйте, ваше высопревосходительство! не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба".—„Что же дѣлать! Я для васъ ничего не могу сдѣлать. Старайтесь, покамѣстъ, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ".—„Но ваше высопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу отыскать, не имѣя ни руки, ни ноги"? Онъ-то хотѣлъ прибавить: „А носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь: только развѣ высморкаться, да и для того нужно купить платокъ"! Только министръ, сударь мой, или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занятъ былъ дѣлами государственными,—началъ, можете себѣ представить сердиться. „Ступайте же! говоритъ. У меня много такихъ, какъ вы! Ожидайте покойно"! А мой Копейкинъ (голодъ, знаете пришпорилъ его); „Какъ хотите, говоритъ, ваше высокопревосходительство"! Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя? Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ? „Грубіянъ"! закричалъ онъ. Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства"!

Въ измѣненной редакціи:

„Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: „Сейчасъ начальникъ выйдетъ". А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, сударь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ—начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ: подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло"? наконецъ сударь мой къ Копейкину. Копейкинъ: „Такъ и такъ" говоритъ, „проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомоществованія, какихъ нибудь эдакихъ распоряженій, на счетъ относительно, такъ сказать, вознагражденія, пенсіона, что ли", понимаете? Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ и правый рукавъ пустой, пристегнутъ къ мундиру. „Хорошо" говоритъ, понавѣдайтесь на дняхъ! „Копейкинъ мой въ восторгѣ: ну, думаетъ, „дѣло сдѣлано". Въ духѣ, можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ палкинскій трактиръ, выпилъ рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ—кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ идетъ какая-то стройная Англичанка какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копейкинъ—кровь-то, знаете разъигралась — побѣжалъ было за ней на своей деревя-

шкѣ, трихъ-трахъ слѣдомъ, да нѣтъ, подумалъ: на время къ черту волокитство? пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь уже я что-то слишкомъ расходился". А промоталъ онъ, между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ! Дни черезъ три-четыре, является онъ, сударь ты мой, въ коммисію, къ начальнику. „Пришелъ говоритъ, узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь"... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. „А что? говоритъ начальникъ, прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А, если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говоритъ, сколько могу"... Ну, и понимаете, далъ ему конечно не много, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копейкину моему не того хотѣлось. Онъ-то уже думаетъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой нибудь эдакой кушъ: „На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись"; а вмѣсто того—жди. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и Англичанка и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой,—и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь то петербургская его уже поразобрала, кое-что онъ и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ какъ, сластей, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ-то свѣжій живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакаго какого нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ, французъ эдакой съ открытой физіономіей, бѣлье на немъ голланское, фартукъ бѣлизной равный въ нѣкоторомъ родѣ снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой-нибудь эдакой, котлетки съ труфелями, словомъ—разсупе-деликатесъ такой, что, просто, себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна, и такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ—на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его положеніе, тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названіемъ завтра. „Ну ужъ, думаетъ, какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду, говоритъ, подыму всю коммисію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите"! И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ эдакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ коммисію: „Ну что, говорятъ, зачѣмъ еще? вѣдь вамъ уже сказано?"—„Да что? говоритъ, я не могу, говоритъ, перебиваться кое-какъ. Мнѣ нужно, говоритъ, съѣсть котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ, понимаете". — „Ну, ужъ, говоритъ начальникъ, извините. На счетъ этаго есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выдетъ резолюція и безъ сомнѣнія вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ; ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ приносившій, относительно, такъ сказать, услугу отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками и въ театръ, понимаете, такъ уже тутъ, извините. Въ такомъ случаѣ, ищите сами себѣ средствъ, ста-

райтесь сами себѣ помочь". Но Копейкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ: шумъ поднялся такой, всѣхъ распушилъ; всѣхъ тамъ этихъ секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить: „Да вы, говоритъ то, говоритъ, да вы говоритъ, это! говоритъ, да вы говоритъ, обязанностей своихъ не знаете! да вы говоритъ, законопродавцы! говоритъ"! Всѣхъ отшлепалъ. Тамъ какой-то чиновникъ понимаете, подвернулся изъ какого-то, даже вовсе посторонняго вѣдомства — онъ сударь мой, и его. Бунтъ поднялъ такой! Что прикажешь дѣлать съ эдакимъ чертомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. „Хорошо говоритъ, если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что даютъ вамъ и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ, рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства"!

Такое измѣненіе удовлетворило цензурнымъ требованіямъ и повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ въ новомъ ея видѣ разрѣшено было печатать. Запрещеніе и снятіе его мотивировано такимъ образомъ: „Въ первой, запрещенной, редакціи „представленъ былъ раненый офицеръ, сражавшійся съ честью за отечество, человѣкъ простой, но благородный, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать о пенсіи. Здѣсь сначала какой-то изъ важныхъ государственныхъ людей принимаетъ его довольно ласково, обѣщаетъ ему пенсію, и т. д. Наконецъ, на жалобы офицера, что ему нечего ѣсть, отвѣчаетъ: „такъ промышляйте сами себѣ какъ знаете". Вслѣдствіе этого Копейкинъ дѣлается атаманомъ разбойничьей шайки. Нынѣ авторъ, оставивъ главное событіе въ такомъ самомъ видѣ, какъ оно было, измѣнилъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица въ своемъ разсказѣ: онъ представляетъ его человѣкомъ безпокойнымъ, буйнымъ, жаднымъ къ удовольствіямъ, который заботится не столько о средствахъ прилично существовать, сколько о средствахъ удовлетворять своимъ страстямъ, тамъ что начальство находится наконецъ въ необходимости выслать его изъ Петербурга. Комитетъ опредѣлилъ: эпизодъ сей дозволить къ напечатанію въ такомъ видѣ, какъ онъ изложенъ авторомъ".

Появленіе Мертвыхъ душъ было неожиданною новостью для высшихъ слоевъ нашего общества. Не хотѣли вѣрить, что книга Гоголя появилась въ печати подобно всякой другой книгѣ, безъ какихъ либо затаенныхъ цѣлей не только со стороны автора, но даже со стороны властей. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ обратилось къ министру народнаго просвѣщенія для разъясненія загадочнаго событія. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма этого лица: „На-дняхъ, прочитывая новую поэму Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя души, я останавливался на многихъ мѣстахъ, которыя, не смотря на свою занимательность и юморъ, не могли, какъ я думаю, быть дозволены къ напечатанію безъ особеннаго высшаго разрѣшенія и съ какою либо особенною цѣлію. Новое произведеніе Гоголя обратило на себя всеобщее вниманіе и, конечно, будетъ под-

вергнуто разнымъ толкованіямъ и критикѣ. Въ семъ случаѣ цензура поставлена будетъ въ затрудненіе, потому что не имѣетъ указанія, при какихъ обстоятельствахъ дозволено напечатаніе означенной поэмы".

Министръ просвѣщенія С. С. Уваровъ разъяснилъ, что Мертвыя души Гоголя разсмотрѣны и пропущены на общихъ основаніяхъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться и при разсмотрѣніи критическихъ статей о новомъ произведеніи Гоголя.

---

Изданіе полнаго собранія сочиненій Гоголя, предпринятое въ 1842 году, было сопряжено съ большими затрудненіями, вслѣдствіе весьма печальной случайности. Въ то время, когда разсматривались эти сочиненія, два цензора—профессоры: А. В. Никитенко и С. С. Куторга были „арестованы съ посаженіемъ на гауптвахту" за пропускъ одной повѣсти въ журналѣ: „Сынъ Отечества" (№ 8). Повѣсть эта называется: Гувернантка; авторъ ея — П. Еф—скій. Содержаніе повѣсти самое безобидное и самое благонамѣренное. Дочь генерала, получившая образованіе въ институтѣ и не имѣющая никакихъ средствъ къ существованію, идетъ въ гувернантки, чтобы трудами своими содержать старушку-мать. Къ несчастію для себя и для матери, дѣвушка попала въ домъ откупщика, и подвергалась всевозможнымъ оскорбленіямъ въ грубой откупщичьей семьѣ. Но является добрый ангелъ въ лицѣ благовоспитаннаго молодого человѣка, и освобождаетъ ни въ чемъ неповинную страдалицу, предлагая ей и сердце и руку. Свадьба затягивается оттого, что ни женихъ, ни невѣста, не соглашаются на бракъ безъ благословенія матери жениха. Посредствомъ самой благонамѣренной мистификаціи мать жениха получаетъ возможность какъ нельзя ближе узнать невѣсту своего сына и, убѣдившись въ ея прекрасныхъ свойствахъ, не только даетъ согласіе на бракъ, но и видитъ въ этомъ союзѣ величайшее счастье, посылаемое небомъ ея сыну. Вотъ и все содержаніе повѣсти, изобилующей сценами и разсужденіями самаго нравственнаго и назидательнаго свойства. За что же такая кара постигла ученыхъ, пропустившихъ такую, повидимому невинную, рукопись? Въ письменномъ извѣщеніи объ этомъ печальномъ событіи сказано только: „за нѣкоторыя выраженія", а за какія именно, не обозначено. По устному же разъясненію графа Бенкендорфа, сдѣланному имъ въ бесѣдѣ съ потерпѣвшими лицами, предосудительными признаны слѣдующія мѣста въ описаніи „бала на Пескахъ":

„Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, огромнаго, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ аксельбантомъ? Считая себя военнымъ и — что еще лучше — кавалеристомъ, господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ очень интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами, и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его

самого и танцующую съ нимъ даму... Остальные шесть кавалеровъ были: прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстухомъ; почти такого же вида, пожилыхъ лѣтъ прапорщикъ изъ военныхъ топографовъ“ и т. д.

По объясненію графа Бенкендорфа, арестъ вызванъ жалобою графа Петра Андреевича Клейнмихеля, увидѣвшаго въ приведенныхъ строкахъ оскорбленіе лицъ, служащихъ по ввѣренному ему вѣдомству. Съ своей стороны, графъ Бенкендорфъ не только не выразилъ сочувствія взгляду графа Клейнмихеля, но и обѣщалъ все свое содѣйствіе для скорѣйшаго освобожденія арестованныхъ. Повидимому, ходатайство его увѣнчалось успѣхомъ, и арестъ продолжался не болѣе сутокъ.

Тѣмъ не менѣе, слѣды этого прискорбнаго происшествія обнаружились и весьма рѣзко и весьма скоро. На бѣду для русской литературы, именно въ это время надо было разсматривать въ цензурномъ отношеніи сочиненія Гоголя. Напуганный исторіею съ „Гувернанткою“, цензурный комитетъ былъ поставленъ въ чрезвычайное затрудненіе: если и повѣсть П. Еф—скаго навлекла гнѣвъ министра, то въ повѣстяхъ и драмахъ Гоголя сколько поводовъ для заявленій отъ всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, отъ всѣхъ учрежденій и вѣдомствъ. Было надъ чѣмъ призадуматься.

Въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя возбудили опасенія слѣдующія мѣста, а также и общее содержаніе нѣкоторыхъ произведеній, а именно:

I. Шинель, повѣсть, въ которой представленъ бѣдный и жалкій чиновникъ, служащій въ какомъ то департаментѣ, крайне съ ограниченными способностями и потому осужденный на вѣчную переписку канцелярскихъ бумагъ. Характеръ этого чиновника возбуждаетъ участіе читателя своимъ простодушіемъ, безропотною покорностію своему жребію и тою незавидною ролею, какую судьба назначила ему играть въ общественномъ и нравственномъ порядкѣ вещей. „Не презирайте братій своихъ, какъ бы они слабы и малы ни были по своимъ душевнымъ силамъ и значенію въ свѣтѣ“, вотъ нравственная идея, коею проникнуто все сочиненіе. Положенія, въ кои авторъ вводитъ своего героя, иногда комическія, иногда возбуждающія состраданіе. У бѣднаго чиновника все почти имущество состоитъ въ платьѣ, которое онъ носитъ. Къ ужасу своему, онъ однажды замѣтилъ, что шинель его, необходимѣйшая часть его одежды для посѣщенія департамента, дѣлается совершенно негодною къ употребленію. Въ сердцѣ его поселилась страшная забота, какъ добыть новую шинель. Долго мучился онъ, отказалъ себѣ въ половинѣ обычной пищи, уменьшивъ другія изъ своихъ малыхъ издержекъ, и достигъ наконецъ того, что русскій портной, характеръ коего превосходно очерченъ въ повѣсти, сшилъ ему новую шинель. Акакій Акакіевичъ (имя героя повѣсти) блаженствовалъ въ новой шинели, которая исполнила всѣ надежды и замѣнила ему всѣ радости жизни. Но блаженство это не долго продолжалось. Однажды онъ возвращался домой поздно ночью, на него напали воры и отняли шинель. Акакій Акакіе-

вичъ едва не лишился послѣдней капли удѣленнаго ему природою разсудка. Однакожъ онъ рѣшается дѣйствовать, отыскивать свое сокровище. Частный приставъ, къ которому онъ обратился, принимаетъ его очень сухо; онъ рѣшается прибѣгнуть къ покровительству одного значительнаго лица, чтобы походотайствовало за него у оберъ-полицмейстера. Значительное лицо встрѣчаетъ его бранью и бѣдный чиновникъ съ отчаянія умираетъ. Въ городѣ распространился слухъ, будто умершій чиновникъ бродитъ по ночамъ у какого то моста и въ отмщеніе за свою трату, снимаетъ шинели съ проходящихъ. Разумѣется этотъ слухъ былъ распущенъ ворами, которые, распоряжались тутъ отъ имени мертвеца.

Мѣста изъ повѣсти, представленныя на особенное вниманіе цензурнаго комитета.

1) Если бы, соразмѣрно рвенію Акакія Акакіевича, давали ему награды, онъ бы къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки его же товарищи, пряжку въ петлицу, да нажилъ геморой въ поясницу.

2) Въ одномъ обществѣ (по причинѣ недостатка матеріаловъ для разговора) пересказывали вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента.

3) При встрѣчѣ съ нею, гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой то особый голосъ.

4) Кухарка совѣтовала Акакію Акакіевичу идти (съ жалобой о пропавшей шинели) прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщаетъ и станетъ водить.

5) Чиновники рѣшились собрать на шинель Акакію Акакіевичу по подпискѣ сумму, но собрали самую бездѣлицу, потому что они и безъ того уже много истратились подписываясь на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю.

6) Хоть и можетъ случится, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ нибудь средствомъ шинель (отнятую ворами у Акакія Акакіевича) но шинель всетаки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ что она принадлежитъ ему.

7) Значительное лице, человѣкъ женатый, у котораго есть взрослые сынъ и дочь, ѣздитъ къ какой то любезницѣ Каролинѣ Ивановнѣ.

8) Привидѣніе т. е. воръ, грабившій по ночамъ у прохожихъ шинели у Калинкина моста, носило преогромные усы и проч.

II. Женитьба. Комедія, нѣчто въ родѣ очерка нравовъ изъ низшаго чиновническаго и мѣщанскаго быта въ Петербургѣ, гдѣ комическія стороны людей представлены въ юмористическихъ каррикатурахъ, безъ всякой впрочемъ неблагонамѣренной цѣли, съ намѣреніемъ больше позабавить читателей и зрителей возможностію нелѣпыхъ понятій и поступковъ среди людей извѣстнаго круга, чѣмъ изобразить дѣйствительные предметы и лица.

Цензоръ Никитенко обратилъ особенное вниманіе комитета на слѣдующія мѣста комедіи:

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы говоритъ: „плевать на того, кто стыдится быть купцомъ; да не выдамъ же дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! а и сына не отдамъ на службу. Развѣ купецъ не служитъ государю какъ и всякой другой“.

2) Жевакинъ морской офицеръ говоритъ: „у насъ вся эскадра, всѣ офицеры и матросы, всѣ были съ престранными фамильями. Помойкинъ, Ярышкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ. А одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамильи просто Дырка. И капитанъ, бывало, говоритъ: „ты, Дырка, поди сюда. И бывало всегда надъ нимъ подшутишь: охъ, ты Дырка, эдакой, говоришь“.

3) Одинъ чиновникъ грубый и хвастунъ, говоритъ: „директоръ такъ только для вида поставленъ, и всѣ дѣла дѣлаетъ онъ“. (Подколесинъ пріятель говорящаго).

4) „Мнѣ плевали, говоритъ Кочкаровъ, человѣкъ буйнаго характера, мнѣ плевали нѣсколько разъ, ей Богу. Еще не такъ давно мой начальникъ,—я до тѣхъ поръ надоѣлъ ему о прибавкѣ жалованья, пока наконецъ онъ не вынесъ, плюнулъ въ самые глаза: „вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка, отвяжись сатана. А жалованья однакожъ все таки прибавилъ“.

III. Утро дѣловаго человѣка. Юмористическая и сатирическая картина нравовъ, гдѣ выставленъ лицемѣръ чиновникъ, увѣряющій всѣхъ, что онъ заваленъ дѣлами по службѣ, между тѣмъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ и проводитъ большую часть своего времени за вистомъ съ пріятелями.

Отдѣльныя мѣста пьесы:

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „Не терплю я людей такого рода; ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой сякой, и то надѣлалъ, и это поправилъ. Вишь чего захотѣлъ—ордена! и вѣдь получитъ, получитъ мошенникъ, получитъ,—такіе люди всегда успѣваютъ“.

2) Дѣйствующее лице Пролетовъ говоритъ: „Павелъ Петровичъ произведенъ. А? каково! взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ воръ, обокралъ казну“.

3) „У насъ въ полку былъ поручикъ, вотъ какъ двѣ капли воды похожъ на васъ (говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ другому) пьяница страшнѣйшій! дня не проходило чтобы у него рожа не была разбита.“

IV. Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи. Содержаніе этой пьесы слѣдующее: Авторъ сыгранной на театрѣ комедіи, въ которой современные нравы нѣкоторыхъ сословій представлены весьма съ невыгодной стороны, выходитъ по окончаніи спектакля въ театральный корридоръ и, никому неизвѣстный, прислушивается тамъ къ сужденіямъ зрителей о его пьесѣ. Мимо его проходятъ лица разныхъ сословій, чиновъ, возрастовъ; всѣ говорятъ о новой комедіи, иные хвалятъ ее, но большая часть зрителей бранятъ автора за то, что онъ такъ рѣзко обрисовалъ разныя пороки общества и злоупотребленія общественныхъ должностей. Многіе изъ посѣтителей театра, не принимая всего этого прямо на свой счетъ, видятъ однакожъ въ изображеніяхъ автора оскорбленіе своихъ сословій, званія, народа и самого правительства. Другіе лица, представители идей автора, возражаютъ на это и стараются доказать, что сатирическое обличеніе порочныхъ и дурныхъ людей, неизбѣжныхъ во всякомъ сословіи, ни мало не относится къ самымъ сословіямъ, что оно не только не противно нравственности и общественному благу, но напротивъ содѣйствуетъ имъ, стараясь освободить общество отъ плутовъ и негодяевъ, и что чѣмъ ярче и разительнѣе выставлены пороки, тѣмъ больше произведутъ они отвращеніе.

Отдѣльныя мѣста статьи, поставленныя на судъ цензурному комитету.

1) Одинъ офицеръ, говоря о другомъ, спрашиваетъ, „что глупъ?“ На это

отвѣчаетъ ему одно изъ дѣйствующихъ лицъ: нѣтъ не то, что бы, у него есть умъ, но сей-часъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка и въ головѣ ничего.

2) „Наши комики не могутъ никакъ обойтись безъ того чтобы не вмѣшивать начальствъ. Безъ нихъ у насъ не развяжется ни одна комедія". На это отвѣчаетъ другое лицо. „Это правда. А впрочемъ съ другой стороны это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ, интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей". „Такъ, ну пусть эта связь будетъ слышна. Но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ того, чтобъ не вмѣшать начальства. Оно непременно явится точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ". „Ну видите: стало быть это уже что то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть это составляетъ какой то отличительный характеръ нашей комедіи; въ груди нашей заключается какая то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? Тутъ нѣтъ ничего дурнаго: дай Богъ чтобъ правительство вездѣ и всегда слышало призваніе свое: быть представителемъ провидѣнія на земли, чтобы мы вѣровали въ него какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленіе".

3) Сужденія одного изъ бывшихъ въ театрѣ о новой комедіи: „Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ, это отвратительная насмѣшка надъ Россіею—вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самыя начальства. Просто даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій". (уходитъ)

4) Я слышалъ одно замѣчаніе сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ довольно порядочнымъ человѣкомъ: „А, что скажетъ народъ, когда увидитъ что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія".

Господинъ А.

Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ, и что скажетъ народъ нашъ глядя на все это.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Что скажетъ народъ? (постараниваегся, проходятъ двое въ армякахъ).

Синій армякъ сѣрому.

Небось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли когда пришла царская расправа! (Оба выходятъ вонъ).

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали.

Господинъ А.

Что?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Скажетъ: небось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли когда пришла царская расправа. Слышите ли какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣка. Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, и черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка. Да развѣ это не очевидно, ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство. Да, для него нужны такія

представленія. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око! Что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій, высшій законъ. Мнѣ нравится тоже замѣчаніе: народъ получилъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ. То есть они соображаютъ, что народъ только здѣсь въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ. Что если дома какой нибудь плутъ староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они право народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто онъ уже не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ и который съ кашей. Нѣтъ теперь мнѣ кажется даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ. Выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться что это можетъ быть.

### Господинъ П.

Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь напримѣръ выведутъ какого нибудь титулярнаго совѣтника, и потомъ.....э..... пожалуй выведутъ.....и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

### Господинъ Б.

Ну такъ чтожъ? личность только должна быть неприкосновенна, и если я выдумалъ собственное лице, и придалъ ему кое какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ какъ слѣдуетъ. Чтожъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками.

### Штатскій.

6) Вѣдь вотъ вы какіе господа военные! Вы говорите: это нужно выводить на сцену, вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ нибудь штатскимъ чиновникомъ. А затронь какъ нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ то полку офицеръ, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи, есть офицеры дурнаго тона съ неприличными ухватками, да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

### Военный.

Ну послушайте; за кого же вы меня считаете. Конечно есть между нами такіе донкишоты, но вѣрьте также что есть много истинно разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣ-

ніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида. Подавайте, подавайте намъ его, мы всякій день готовы смотрѣть.

Вторая дама.

7) Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ, я слышала безпрестанно какъ около насъ кричали: это отвратительная насмѣшка надъ Россіею, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить, до что скажетъ народъ. А отъ чего они кричали? Отъ того ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? Извините. Отъ того, чтобы произвесть шумъ, чтобы запретить пьесу, потому что въ ней можетъ быть отыскали кое что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари.

Первый.

8) Вотъ что они думаютъ: за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ.

Первый.

9) Не знаешь какой генералъ, долженъ быть какой нибудь извѣстный.

Второй.

Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства (подхватывая сзади): „Просто статскій совѣтникъ. По мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастіе: въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3.000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ коммисіи, да еще по департаменту“.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ.

10) То, что нравственность каждый мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ, другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братьи своимъ подчиненнымъ? съ высока говоритъ: милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, Государя, отечества, а ты молъ ужъ самъ разсудилъ относительно чего. Впрочемъ это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если явится у кого нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отъ чего. Все отъ честности, не правда ли?

Третій господинъ.

11) Еще бы! это серьезная вещь! говорятъ: бездѣлушки, пустяки, тетральное представленіе. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки, на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Всѣ приведенныя мѣста комитетъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ четырехъ засѣданіяхъ, дозволилъ напечатать; дозволеніе мотивировано слѣдующими соображеніями и основаніями:

1) Всѣ сочиненія юмористическія или сатирическія въ формѣ повѣстей или драмы, изображающія пороки смѣшныя, грубыя стороны общественныхъ

нравовъ и злоупотребленія сословій, разсматриваемыя единственно съ нравственной точки зрѣнія, а не съ политической,—сочиненія, клеймящія позоромъ низость, проирство по службѣ, лихоимство, своекорыстіе, жертвующее самыми священными обязанностями человѣка и гражданина личнымъ разсчетамъ и видамъ—всѣ такія сочиненія допускаемы были у насъ, какъ одно изъ средствъ къ нравственному усовершенствованію и очищенію общества, которое къ несчастію нигдѣ и никогда не бываетъ изъято отъ подобныхъ болѣзней, недоступныхъ карѣ закона и врачуемыхъ единственно преданіемъ ихъ на всеобщее презрѣніе и посмѣяніе. Въ эпоху, когда еще въ Россіи не существовала литература и когда слѣдовательно нельзя еще было прибѣгать для сей цѣли ни къ сатирѣ, ни къ драмѣ, безсмертный преобразователь Петръ Великій установлялъ цѣлыя процессіи, игры, въ коихъ были осмѣиваемы и порицаемы многіе странные, закоснѣлые предразсудки и пороки нашихъ предковъ. Въ послѣдствіи, когда по упредительному наитію его генія, пробудилась въ Россіи умственная дѣятельность, а съ нею возникла и литература, первыми ея подвигами было подвергнуть публичному осмѣянію все, что не могло уже отвѣтствовать начавшемуся великому нравственному перерожденію и развитію народа. Такимъ образомъ Кантемиръ сильно и явно возставалъ противъ невѣжества и грубыхъ пороковъ своего времени, преслѣдуя ихъ вездѣ и болѣе въ первенствующихъ сословіяхъ, не щадя знатныхъ и самаго духовенства. Сумароковъ нападалъ на разныя злоутребленія въ кругу административныхъ лицъ и въ судахъ, Фонъ-Визинъ былъ страшнымъ бичемъ этого зла, а въ своемъ Недорослѣ и Бригадирѣ въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ изобразилъ дикіе нравы русскаго дворянства, стоявшаго тогда на рубежѣ между новыми формами образованности и обычаями старины. Державинъ грозно порицалъ въ своихъ сатирическихъ одахъ вельможъ, коихъ поступки не согласны съ высокимъ ихъ призваніемъ. Въ послѣдствіи комедія Капниста „Ябеда" обнажила отвратительныя тайны злоупотребленій въ судахъ; издавался журналъ подъ названіемъ: Адская почта, съ цѣлію осмѣивать все низкое и нелѣпое въ современныхъ нравахъ; знаменитый Крыловъ, изображая пороки людей въ своихъ басняхъ, мѣтитъ часто на обстоятельства и событія современнаго общества. Такое постоянное и сатирическое направленіе большей части нашей литературы было естественнымъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей, воздвигнутаго Петромъ Великимъ. Россія, пробужденная отъ вѣковаго сна своимъ пересоздателемъ, прозрѣла и устыдилась черныхъ пятенъ, оставленныхъ на ней тяжкимъ ярмомъ татарскаго владычества; не вдругъ могли изгладиться слѣды нравственнаго уничиженія, противныя нашему народному духу, нашему политическому значенію и державной волѣ нашихъ вѣнценосныхъ путеводителей ко всему великому и благому; эти слѣды однакожъ надо было изглаживать, надобно было даже умѣрять страсть къ новому, которое принимали слѣпо изъ чужеземныхъ источниковъ; однимъ словомъ, надобно было исправлять нравы, еще возникающіе, иное гнать строго, другое осмѣивать остроумно или рѣзко, и такимъ образомъ многіе изъ нашихъ писателей, увлеченные сею потребностію, начали дѣйствовать въ духѣ сатиры. 1812 годъ, возвысившій Россію на такую степень славы, указавшій ей будущность, какой едва ли какой народъ на землѣ былъ удостоенъ промысломъ, вмѣстѣ съ глубокимъ сознаніемъ силъ и достоинства, пробудилъ въ обществѣ всеобщее живое стремленіе къ нравственному и умственному усовершенію и тѣмъ самымъ сдѣлалъ необходимѣе нравственныя мѣры противъ всего, что остается еще отъ старыхъ грѣховъ

минувшаго и что уже несовмѣстно съ значеніемъ великаго прославленнаго народа. Писатели съ новымъ жаромъ и одушевленіемъ начали выставлять на всеобщее зрѣлище, для осмѣянія и кары, все не нравственное, нелѣпое, грубое въ нравахъ и образѣ мыслей, тѣхъ особенно классовъ обществъ, куда еще не вполнѣ проникъ свѣтъ истиннаго образованія. Явилось Горе отъ ума, Ревизоръ—Гоголя, Мертвые души—его же, множество повѣстей и романовъ Сенковскаго, Бѣгичева, Загоскина, Даля, и проч., которые всѣ, съ большею или меньшею силою, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, устремились къ одной цѣли изображать въ разныхъ сословіяхъ то, что несовмѣстно съ ихъ назначеніемъ. Цензурный Комитетъ не имѣя ни силъ, ни права, остановить таковое всеобщее направленіе литературы, ни особенныхъ указаній со стороны высшаго правительства, которые бы требовали подобной мѣры, полагалъ и въ настоящемъ случаѣ относительно вышесказанныхъ сочиненій Гоголя, руководствоваться тѣмъ же § 14-мъ устава о цензурѣ, которымъ онъ руководствовался до нынѣ и въ коемъ изображено: „охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, цензура не препятствуетъ однако же печатанію сочиненій, въ коихъ подъ общими чертами осмѣиваются пороки и слабости, свойственные людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни“.

Комитетъ находилъ, что въ сочиненіяхъ Гоголя и приведенныхъ изъ нихъ мѣстахъ, ни на чье лицо не указывается, что пороки имъ выставляемые относятся къ людямъ вообще въ разныхъ званіяхъ и обстоятельствахъ жизни, и потому, примѣняя вышеизложенный законъ къ симъ сочиненіямъ полагалъ себя не въ правѣ препятствовать ихъ печатанію.

2) Обнимая помянутое общее сатирическое и юмористическое направленіе нашей литературы комитетъ естественно долженъ прійти къ новому соображенію: охраняя личную честь каждаго, онъ тѣмъ болѣе долженъ заботиться объ охраненіи чести цѣлыхъ сословій. Къ сожалѣнію комитетъ не имѣлъ въ виду по сему предмету никакого положительнаго правила: что именно, какой способъ выраженія, или картины какихъ недостатковъ, пороковъ и злоупотребленій, должно считать оскорбляющими такое или другое сословіе? Между тѣмъ каждая статья въ журналахъ, каждая повѣсть и романъ, поступившіе въ цензуру, наполнены дѣйствующими лицами, часто съ невыгодной стороны выставленными и въ то же время непремѣнно относящимися къ какому либо сословію. По самому свойству сего рода литературныхъ произведеній, умѣряя по возможности выраженія, комитетъ находился тѣмъ не менѣе въ величайшемъ затрудненіи: ему пришлось бы запрещать почти каждую изъ разсматриваемыхъ имъ сочиненій; а съ другой стороны онъ видѣлъ, какъ явствуетъ изъ перваго пункта сего донесенія, сколь много уже въ разныя времена допущено въ русской литературѣ сочиненій, гдѣ лица разныхъ сословій выведены иногда въ самыхъ рѣзко-неблаговидныхъ чертахъ, и чего по видимому правительство не относило къ оскорбленію сословій, ибо не препятствовало ихъ распространенію. По сему комитетъ руководствуясь какъ близкими къ намъ примѣрами, такъ и историческимъ ходомъ почти всей нашей литературы, а съ другой стороны не имѣя никакого на сей предметъ опредѣленнаго указанія, полагаемъ, что вышеприведенныя мѣста изъ сочиненій Гоголя, должно считать и по сему уваженію позволительными.

На основаніи этого дозволенія, книги была напечатаны. Но неожиданный арестъ профессоровъ Никитенко и Куторги едва не повлекъ за собою запрещенія уже напечатанныхъ сочиненій Гоголя. Въ представленіи предсѣдательствующаго въ Цензурномъ Комитетѣ, князя Григорія Петровича Волконскаго, говорится: „Соображая мѣста, пропущенныя у Гоголя, съ тѣми, по случаю коихъ цензора Никитинко и Куторга подверглись отвѣтственности, комитетъ не осмѣливается дозволить выпуска книгъ, въ коихъ они существуютъ". Съ своей стороны князь Волконскій заявляетъ, что необходимо дать цензорамъ „какое-нибудь опредѣленное наставленіе о томъ, въ какомъ духѣ они должны дѣйствовать. Въ противномъ случаѣ, они будутъ находиться всегда въ величайшемъ затрудненіи и въ опасности навлечь на себя тяжкую отвѣтственность, которая, сокрушая духъ ихъ, лишитъ ихъ той моральной силы, какая въ столь многосложномъ и разнообразномъ дѣлѣ, какъ наблюденіе за мыслію человѣческою, необходима. Цензура должна стараться не стѣснять вообще развитія отечественной литературы: этого требуетъ величайшая изъ государственныхъ нуждъ—развитіе нашей народности. Ибо, вопервыхъ, съ успѣхами литературы сопряжены успѣхи языка, который долженъ, согласно высочайшей волѣ и величію имперіи, сдѣлаться господствующимъ въ ней повсюду, а этого онъ иначе достигнуть не можетъ, какъ укореняясь въ умахъ своими красотами и богатствами. Во вторыхъ, при той легкости, съ какою распространено у насъ изученіе иностранныхъ языковъ, а слѣдовательно и возможность читать все, что выходитъ въ иностранныхъ литературахъ, единственное средство ослабить вліяніе сихъ послѣднихъ на умы и духъ общества есть наибольшее развитіе литературы отечественной, охраняемой, и въ тоже время руководимой, просвѣщенною волею правительства".

---

Не только сочиненія Гоголя, но и отзывы о нихъ, возбуждали иногда преслѣдованія и влекли за собою разнаго рода кары. Статья о Гоголѣ, написанная Тургеневымъ подъ свѣжимъ вліяніемъ, произведеннымъ кончиною знаменитаго писателя, запрещена потому, что Тургеневъ „отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезмѣру пышныхъ". Статья подъ названіемъ: „Нѣсколько словъ о Гоголѣ", помѣщенная въ „Московскомъ Сборникѣ" признана опасною и неблагонамѣренною на томъ основаніи, что „безотчетнымъ расточеніемъ выходящихъ изъ всякой мѣры похвалъ Гоголю, она накидываетъ тѣнь подозрѣнія на его намѣренія и дѣйствія. Статья эта во многихъ мѣстахъ неясная и загадочная, заключаетъ въ себѣ отрывистые намеки и мысли недоконченныя, которые могутъ подать поводъ читателямъ къ неблагопріятнымъ и даже предосудительнымъ выводамъ". Въ статьѣ говорится, напримѣръ: „Много еще пройдетъ времени, пока уразумѣется вполнѣ все глубокое и строгое значеніе Гоголя, этого мученика возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи" и т. д. Корень зла ужас-

ной статьи заключается въ томъ, что въ ней „вовсе не объяснено, почему такъ много требуется времени, чтобъ уразумѣть вполнѣ значеніе Гоголя? Почему преимущественно Гоголю приписывается глубокое и строгое значеніе? Подобныя неопредѣлительныя выраженія невольно приводятъ къ предположенію, что онъ имѣлъ какую-либо особую, скрытую цѣль, извѣстную только не многимъ, и такое предположеніе тѣмъ покажется правдоподобнѣе, что сочинитель статьи называетъ Гоголя мученикомъ возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи... Недомолвки и несообразности, при восторженномъ тонѣ и мистическомъ смыслѣ цѣлой статьи о Гоголѣ, не могутъ не вводить въ заблужденіе читателей, изъ которыхъ многіе конечно подумаютъ, что онъ былъ коноводомъ какой нибудь партіи, которая, не довольствуясь настоящимъ благоденствіемъ Россіи, возмечтала дать нашему отечеству новое политическое бытіе и направленіе“ и т. д.

Въ пятидесятыхъ годахъ представлена была въ цензуру рукопись подъ заглавіемъ: Учебная книга словесности для русскаго юношества, начертаніе Н. Гоголя. Сомнительными въ ней признаны шесть строкъ и сверхъ того два слова. При разсмотрѣніи въ высшей инстанціи, шесть строкъ дозволены къ печати, а два слова запрещены. Дозволенныя строки: „Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются непереварившіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостиныхъ, спорахъ и разговорахъ. Всего нанесено, и все не переварилось“. Запрещенныя два слова, находившіяся въ рукописи между заглавіями разныхъ стихотвореній: „Острогожскъ, Рылѣева“.

---

По смерти Гоголя предпринято было профессоромъ Шевыревымъ новое изданіе сочиненій покойнаго писателя, въ которое должны были войти какъ четыре тома, изданные въ 1848 году, такъ и оставшіяся по смерти автора въ рукописи: пять главъ второго тома „Мертвыхъ душъ“ и „Авторская исповѣдь“. Весьма любопытно мнѣніе, изложенное по этому поводу Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ. Становясь рѣшительно на сторону Гоголя и защищая его произведенія отъ несправедливыхъ нареканій, Л. В. Дубельтъ отзывается несочувственно и даже иронически объ излишней придирчивости со стороны цензуры. Мнѣніе Л. В. Дубельта заключается въ слѣдующемъ:

„Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны. Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ, подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены не всегда строго-нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или не выгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное; неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе, или возбуж

даетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторые мѣста въ его сочиненіяхъ дѣйствительно кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что сказано. Эти то мѣста всѣ, безъ малѣйшаго исключенія, отмѣчены цензорами. Вотъ для примѣра, нѣкоторыя изъ нихъ:

Дьячекъ, разсказывая о дѣйствіяхъ лукаваго, прибавилъ: „чтобъ ему собачьему сыну приснился крестъ святой!" (сочиненія т. I, часть I, стр. 77).

Въ разсказѣ того же дьячка находится: чортъ съ тобой! „давай креститься!" (тамъ же стр. 97).

Казакъ Данило говоритъ про другого, трезваго казака: „Горѣлки даже не пьетъ! экая пропасть!" мнѣ „кажется что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ!" (тамъ же т. I, ч. 2, стр. 116).

„Кто, я, сказалъ бурсакъ, я святой жизни?... Богъ съ вами, панъ! что вы, это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстнаго четверга! (тамъ же т. 2, стр. 344).

Кіевскій семинаристъ философъ говоритъ: Эхъ жаль, „что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!" (тамъ же, стр. 360).

Въ комедіи „Игроки", сваха Ѳекла говоритъ: „Да, на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестишся!" (тамъ же, т. 4, стр. 253).

Та же Ѳекла, доказывая преимущество русскаго языка передъ иностранными, прибавила: „Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, извѣстно какая: всѣ святые говорили по русски". (тамъ же, стр. 299).

При видѣ князя Потемкина—„это царь? спросилъ кузнецъ Вакула одного изъ запорожцевъ. „Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ", отвѣчалъ тотъ, (тамъ же, т. I, ч. 2, стр. 74).

„Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить". (тамъ же, т. 3, стр. 316).

Помѣщикъ Пѣтухъ, съ своими крестьянами, бродилъ въ озерѣ рыбу. Увидя проѣзжающаго Чичикова, онъ вышелъ на берегъ голый и просилъ путешественника къ себѣ обѣдать, „держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже, на манеръ Венеры Медицейской"... За обѣдомъ, безпрестанно потчуя Чичикова, и услышавъ возраженіе, что у него мѣста не осталось въ желудкѣ для новаго куска Пѣтухъ сказалъ: „Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій" (рукопись Мертвыя души, гл. 3, стр. 8 и 28).

Если бы проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель.... съ дьявольски-сплетенной плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика". (сочиненія т. I, ч. 2, стр. 4).

Казакъ Вакула три раза ударилъ чорта хворостиной и „бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только что выпарилъ засѣдатель (тамъ же стр. 86).

Пискаревъ, пріѣхалъ на балъ въ Петербургѣ, въ тѣснотѣ, „не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ нибудь образомъ какого нибудь тайнаго совѣтника" (тамъ же, стр. 39).

Въ „Запискахъ сумашедшаго“ въ одномъ мѣстѣ отмѣчено. „Вѣдь черезъ то, что камеръ юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу.“ (тамъ же, стр. 365).

Въ тѣхъ же запискахъ сказано: „Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: это говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рыжиковъ или дрожки, или бобра рублей въ триста. Съ виду такой тихонькій, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичька починить перышко, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ“. (тамъ же, стр, 343).

„П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки... онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пили выморозки и умѣли таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ... Чтобы еще болѣе показать образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ, и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалерпстами можно сыскать“ (тамъ же, т. I, ч. 2, стр. 194 и 195)“.

„Не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ (томъ же) полку... За то, въ скоромъ времени, спустя одинадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ поручики“ (тамъ же, стр. 196).

„Ужъ такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки“ (тамъ же, т. 3, стр. 72).

Здѣсь выписаны наиболѣе рѣзкія мѣста; цензоры же отмѣтили множество мѣстъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и тому подобное, останавливало ихъ, коль скоро эти упоминанія соединяются съ чѣмъ-либо житейскимъ!

Сверхъ того, цензоры обращаютъ особенное вниманіе въ „Мертвыхъ душахъ“ на полковника Кошкарева, который въ помѣстьѣ своемъ учредилъ разныя коммиссіи и завелъ огромное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію (глава 3, стр. 69 и 87); и на доносы губернскихъ чиновниковъ другъ на друга, затѣянные съ цѣлью освободить отъ отвѣтственности Чичикова, также на положеніе мѣстнаго генералъ-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался ѣхать въ С.-Петербургъ жаловаться на нихъ Государю (глава 5, стр. 116—123, 148—158). Но поступки Кошкарева представлены какъ дѣйствія сумасброднаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному управленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ; а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи, выставлена въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость генералъ-губернатора о прекращеніи зла, и его твердая справедливость.

Ежели вышеприведенныя изъ сочиненій Гоголя и имъ подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то цензура впадетъ въ тѣ же ошибки,

въ которыя впали цензоры, помнится, лѣтъ 20-ть тому назадъ, судившіе, какъ ниже слѣдуетъ:

| Въ сочиненіяхъ было сказано: | Цензоръ: |
|---|---|
| Улыбку устъ твоихъ небесную ловить. | Женщина недостойна того, чтобъ ея улыбку называть небесною. |
| Ты поняла, чего душа моя желала. | Запретить, ибо дѣло идетъ о душѣ. |
| Одинъ твой нѣжный взглядъ, дороже мнѣ вниманья всей вселенной. | Запретить, ибо во вселенной есть высшія власти, которыя должны намъ быть дороже взгляда женщины. |
| О! какъ бы я желалъ, въ тиши и близь тебя, къ блаженству пріучиться. | Запретить, ибо къ блаженству должно пріучаться не близь женщины, а близь Евангелія. |

По уваженію же того, что сочиненія Гоголя въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны; что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣста по первому изданію, а это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія и наслѣдники Гоголя не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника,—я полагаю справедливымъ, на основаніи вышеизложеннаго Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 года, исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій".

Но и такой сильный авторитетъ въ вопросѣ о благонамѣренности, какъ Л. В. Дубельтъ, не могъ поколебать того взгляда на сочиненія Гоголя, который сложился въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія приписка князя П. А. Вяземскаго къ статьѣ о „Ревизорѣ" Гоголя. „При появленіи „Ревизора" было—говоритъ кн. Вяземскій—много толковъ и сужденій въ обществѣ и въ журналахъ. Кромѣ литературнаго достоинства ея, входила въ разнорѣчивыя соображенія о ней и задняя, затаенная мысль. Комедія была признана многими либеральнымъ заявленіемъ, въ родѣ, напримѣръ, комедіи Бомарше: „Севильскій цирюльникъ"; признана за какой-то политическій брандскугель, брошенный въ общество подъ видомъ комедіи. Это впечатлѣніе, это предубѣжденіе, разумѣется, должно было раздѣлить публику на двѣ противоположныя стороны, на два лагеря. Одни привѣтствовали ее, радовались ей какъ смѣлому, хотя и прикрытому, нападенію на предержащія власти. По ихъ мнѣнію, Гоголь, выбравъ полемъ битвы своей уѣздный городокъ, мѣтилъ выше. Другіе смотрѣли на комедію какъ на государственное покушеніе, были имъ взволнованы, напуганы, и въ несчастномъ, или счастливомъ, комикѣ видѣли едва ли не опаснаго бунтовщика.

Появленіе комедій Гоголя считали у насъ зловѣщимъ признакомъ, и находили въ нихъ большое сходство съ комедіями Бомарше

1732—1799), а Бомарше французскіе писатели называютъ преемникомъ Вольтера и предтечею Мирабо. Комедія Бомарше: „Свадьба Фигаро“ (Le Mariage de Figaro представленная въ первый разъ въ 1784 году) произвела потрясающее впечатлѣніе въ правительственныхъ сферахъ Франціи. Прежде, чѣмъ поставить на сцену комедію, ее читали въ кабинетѣ короля; когда дошли до монолога Фигаро, въ пятомъ дѣйствіи, Людовикъ XVI остановилъ чтеніе, воскликнувъ, что прежде надо разрушить Бастилью, а потомъ уже дозволить представленіе этой пьесы, подрывающей всѣ основы правительства. Чтобы судить о томъ, какую горькую правду услышалъ король изъ устъ Фигаро, довольно вспомнить слова Фигаро о свободѣ печати при тогдашнихъ общественныхъ порядкахъ. „У насъ—говоритъ Фигаро—можно смѣло писать обо всемъ, о чемъ угодно, за исключеніемъ только политики, администраціи, религіи, нравственности, всякаго рода должностей и учрежденій, оперы и театровъ, лицъ мало-мальски значительныхъ, и т. п.“ Съ такою же ироніею и откровенностью выражается Фигаро и о другихъ отрасляхъ тогдашняго управленія страною. Рѣзкія выходки Бомарше относятся прямо къ господствовавшей тогда правительственной системѣ и къ ея самымъ высокимъ представителямъ.

Въ комедіяхъ же Гоголя есть самыя опредѣленныя указанія, что сатира его устремлена не на правительство, которое онъ понимаетъ идеально, отожествляя его съ закономъ, а на тѣ орудія правительственной власти, которыя дѣйствуютъ несогласно съ волею правительства, т. е. съ требованіями закона. „Для народа — говоритъ Гоголь — нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка. Воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ. Право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ кашей и который съ мясомъ“.

Быть можетъ, не всѣ рѣчи и возгласы о правительствѣ, вложенныя Гоголемъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, отличаются одинаковою искренностью; быть можетъ, иныя похвалы явились съ тою же цѣлью, съ какою, напримѣръ, Новиковъ посвятилъ свой обличительный журналъ автору комедіи: „О время!“. Но какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что между „добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ“ Гоголя и злою насмѣшкою Бомарше—чрезвычайно большое различіе. Одни и тѣже лица дѣйствуютъ у нихъ не по однимъ и тѣмъ же побужденіямъ. У Бомарше, напримѣръ, почтмейстеры служатъ орудіемъ господствующей системы шпіонства, и вскрывая тайну писемъ, дѣйствуютъ совершенно въ духѣ правительства. Фигаро говоритъ: Répendre des espions et pensionner des traitres; amollir des cachets; intercepter des

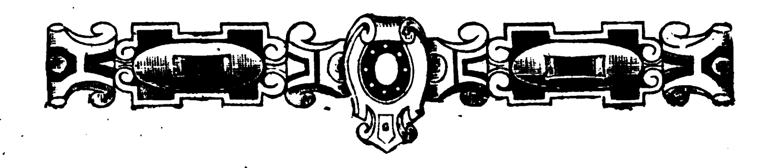
lettres... voilà toute la politique! Гоголевскій почтмейстеръ распечатываетъ письма „не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства“, чтобы наслаждаться прекрасными описаніями, какъ „жизнь течетъ въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ“ и т. д.

Жгучія выходки Бомарше, его ѣдкія остроты напоминаютъ отчасти нѣкоторые изъ стиховъ Грибоѣдова, а также и нѣкоторыя изъ остротъ фонъ-Визина. Слова Фигаро: „Médiocre et rempant, et l'on arrive à tout“ идутъ въ сравненіе съ словами: „умѣренность и аккуратность“, съ правиломъ угождать всѣмъ и каждому, отъ начальника до дворника и до его собаки, и т. п. Вопросъ горничной у Бомарше: „Est-ce que les femmes de mon état ont des vapeurs, donc?“ равносиленъ восклицанію Простаковой о своей заболѣвшей служанкѣ: „бредитъ бестія, какъ будто благородная“, и т. д.

Между тѣмъ, какъ въ литературномъ мірѣ сравнивали комедіи Гоголя съ произведеніями его предшественниковъ: съ „Недорослемъ“ фонъ-Визина, съ „Ябедою“ Капниста, съ „Горемъ отъ ума“ Грибоѣдова, въ обществѣ взглянули на нихъ съ другой точки зрѣнія, именно съ политической. Говоря о подобныхъ взглядахъ, князь Вяземскій, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду памятное ему письмо одного изъ самыхъ видныхъ представителей высшаго общества и высшей администраціи того времени. Обращаясь къ министру народнаго просвѣщенія, авторъ письма говоритъ между прочимъ: „Въ глубинѣ моего убѣжденія я полагаю, что комедія „Ревизоръ“, по своему началу, содержанію и духу, есть копія au petit pied „Свадьбы Фигаро“ Бомарше. Не знаю, сдѣлала ли она какое нибудь полезное вліяніе, исправила ли она хотя одного взяточника или обманщика. Но я увѣренъ, что если „Ревизоръ“ и сотни ея послѣдователей не произвели еще, благодаря Богу, такихъ печальныхъ послѣдствій для Россіи, какъ твореніе Бомарше для Франціи, то уже, въ переводѣ, навлекли на Россію много нареканій и лживыхъ сужденій заграницей“.

Министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, отвѣчалъ, что „нельзя отнять у сатириковъ и юмористовъ права обличать пороки и недостатки общества, укрывающіеся отъ преслѣдованія закона“, и что направленіе Гоголя признано благонамѣреннымъ и нравственнымъ вслѣдствіе чего и оказано „снисхожденіе ко встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкимъ сужденіямъ и описаніямъ, и не совсѣмъ эстетическимъ картинамъ и выраженіямъ“.

**М. Сухомлиновъ.**



# ДВОРЯНСКІЙ БУНТЪ ВЪ ДОБРЫНСКОМЪ ПРИХОДѢ.

„Каковъ попъ—таковъ и приходъ“.
Пословица.

## I.

Это НАША мѣстная,—почти домашняя исторія, которая восходитъ своимъ началомъ къ воспоминаніямъ моего дѣтства, когда мы жили въ нашемъ имѣньицѣ, с. Панинѣ (Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи). Мѣстность была изъ рода тѣхъ, которыя издавна еще называли „дворянскими гнѣздами“. Вокругъ насъ въ кучкѣ жило много крупнаго и мелко-помѣстнаго дворянства. Въ с. Разновильѣ сидѣлъ князь Трубецкой, въ с. Кривцовѣ—г-да Кривцовы—цѣлый выводокъ и еще Ададуровы; въ Косаревѣ—старый Илья Ивановичъ Кривцовъ, а въ Зиновьевѣ — большая и при томъ самая образованная семья Ивановыхъ.

Князь Трубецкой представлялъ собою настоящую родовую аристократію околодка, а семейство Ивановыхъ — умственную. У Ададуровыхъ „пили“, а мой отецъ и Илья Кривцовъ „чудили“. Оба были люди очень умные, жили анахоретами и изнывали въ тоскѣ. Илья Ивановичъ впрочемъ тоже случалось пилъ, но только solo, а отецъ мой все читалъ книги и хандрилъ.

Центръ нашей умственности было семейство Ивановыхъ. Особенно большимъ образованіемъ отличалась ихъ мать, старушка Настасья Сергѣевна изъ дома Масальскихъ, и сынъ ея, Николай Алексѣевичъ, служившій нашимъ дворянскимъ предводителемъ. Четыре барышни, изъ коихъ двѣ младшія были не многимъ меня старше, — всѣ были очень начитаны и не лишены разнообразныхъ дарованій. Имъ я обя-

занъ первымъ знакомствомъ съ литературою, которая потомъ для несчастія моей жизни скоро обратилась въ неодолимую страсть. Страсть эта поддерживалась и питалась довольно большою библіотекою Масальскаго, перевезенною въ Зиновьево.

Приходомъ все наше сосѣдское дворянство было къ небольшой деревянной церкви въ селѣ Добрынѣ, куда и ѣзжали всѣ, кромѣ Настасьи Сергѣевны, да Ильи Ивановича Кривцова; но и они не бывали въ церкви не по вольнодумству, а потому что старая дама болѣла зябкостью, а Илья Ивановичъ Кривцовъ, достигнувъ степеннаго возраста, зачислилъ себя въ безполые, и на этомъ основаніи скинулъ панталоны и съ тѣхъ поръ ни за что не хотѣлъ ихъ надѣвать. По этой закоренѣлой привычкѣ послѣднихъ лѣтъ помѣщикъ Кривцовъ назывался у крестьянъ „безпартошнымъ бариномъ". Въ такомъ видѣ онъ въ церковь, разумѣется, не могъ ходить, а вольнаго обычая своего ни для чего измѣнить не хотѣлъ.

Всѣ же прочіе дворяне посѣщали добрынскій храмъ и говѣли тамъ, не смотря на ужасную стужу. Въ приходѣ было два причета, но „исповѣдникомъ дворянскимъ" постоянно былъ одинъ отецъ Василій Б—инъ, при которомъ весь его дворянскій приходъ былъ въ порядкѣ, но съ выходомъ его такъ „перебунтовался", что дѣло чуть не дошло до „разстрѣла" о чемъ впереди и ожидаетъ подробный разсказъ.

Дѣло о дворянскомъ бунтѣ имѣло очень острый, политическій характеръ и хотя оно производилось „секретно—весьма секретно",—но теперь весь этотъ секретъ больше смѣшонъ, чѣмъ важенъ, и о немъ можно разсказывать.

Нашъ бунтъ очень интересенъ во многихъ отношеніяхъ и между прочимъ въ томъ, что это бунтъ самый обширный по замыслу и самый секретный по исполненію.

Но какъ дѣло это не только политическое, но и духовное, потому что бунтъ былъ открытъ и остановленъ священникомъ, то прежде чѣмъ говорить о самомъ бунтѣ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ добрынскихъ духовныхъ отцахъ. Сначала я скажу о тѣхъ, при которыхъ мы дворяне долго жили въ мирѣ и единеніи, а послѣ о томъ, котораго мы добывали себѣ съ предъусмотрѣніями, а добывши его — при немъ „перебунтовались". Это и есть эпоха, когда среди насъ появился опасный человѣкъ, злоумышлявшій на власть и стремившійся къ ниспроверженію монархическаго правленія въ Россіи. Но, какъ сказано, все это остановилъ священникъ.

## II.

Я помню на Добрыни четырехъ іереевъ: первый былъ отецъ Василій Б—инъ, самый старшій по лѣтамъ и по воспитанію. Онъ былъ

перваго разряда и имѣлъ много достоинствъ, за которыя ему прощали всѣ его недостатки, заключавшіеся впрочемъ въ одной „слабости“.

Во время моего дѣтства, отцу Василію было лѣтъ пятьдесятъ; онъ былъ маленькаго роста съ густыми, каштановыми волосами, которыя носилъ копромъ, по раскольничьи; усы стригъ по установленію; глазки имѣлъ маленькіе, сѣрые, умные и чрезвычайно простодушные. Все лицо его было миніатюрно и отъ всего отъ него вѣяло бурсацкою, нѣсколько грубоватою добротою. Онъ былъ очень добръ, органически честенъ безъ всякихъ правилъ и направленій. Былъ уважаемъ и любимъ всѣмъ дворянствомъ, а въ народѣ слылъ „попомъ справнымъ“. Хозяинъ онъ былъ односторонній, — такъ полевое хозяйство шло у него плохо; все домовое и дворовое было на рукахъ у „матушки Марѳы Тихоновны“; но о. Василій былъ отмѣнный садоводъ и пчеловодъ и эту часть содержалъ въ большомъ порядкѣ. Мы у него всегда ѣли прекрасные яблоки съ прекраснымъ медомъ; разъ въ годъ на „Медоваго спаса“ онъ дѣлалъ общее угощеніе „мірянамъ“ — во все-же остальное время года они у него эти продукты крали, или прямо изъ сада и пасѣки, или изъ кладовой. Отецъ Василій почему-то находилъ такое воровство дѣломъ естественнымъ и никогда на него не жаловался. Говорилъ просто: „покрали“ и больше не распространялся. Мѣстность наша по рѣкѣ Гостомлѣ очень воровская.

Въ противность всѣмъ повѣрьямъ о поповской „завидности“ отецъ Василій былъ совершенно безкорыстенъ и, какъ о немъ говорили,— „хлѣбосолъ изъ послѣднихъ силъ“. Каждый большой праздникъ у него была „дворянская“ закуска въ комнатахъ и „мірская“ въ „батрацкой“.

Самъ онъ со всѣми былъ безъ чиновъ, но „раздѣленіе“ соблюдалъ для господъ дворянъ. Иначе было и невозможно. Свести вмѣстѣ господъ и ихъ крѣпостныхъ—значило бы уничтожить всю компанію. Да крѣпостные, разумѣется, и сами бы этого не снесли, и именно по глубокому чувству настоящаго достоинства, вложенному самою русскою природою въ нашего умнаго простолюдина.

На господскую половину допускались только „дворникъ“, вольный мужикъ изъ Опалькова, который могъ вести не безъинтересный для дворянъ разговоръ о проѣзжающихъ и о цѣнахъ, да „зиновьевская Дуняша“, крѣпостная горничная Ивановыхъ. Эта добрая дѣвушка допускалась сюда потому, что ее повсюду „господа съ собой привѣчали“, и она такой особой чести не искала, но вполнѣ ее стоила.

Такъ она „приблизилась къ дворянству“ при жизни и не отдѣлилась отъ него и послѣ смерти. На аристократическомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры (влѣво отъ церкви) есть недавно насыпанная могилка подъ бѣлымъ крестомъ, на которомъ начертана короткая, но очень теплая надпись: „вѣрная слуга Дуняша“. Это она, и мѣсто упокоенія чистому тѣлу Дуняши среди вельможныхъ людей

устроила ей благодарная любовь дѣтей вынянченной ею дворянки; она же и сочинила ей такую хорошую надпись.

Угощая у себя дворянъ и не-дворянъ, отецъ Василій самъ никогда за столъ не садился и ничего не пилъ. Онъ только „благословлялъ ястіе и питіе“, и потомъ помогалъ „матушкѣ Марѳѣ Тихоновнѣ угощать“.

Угощеніе бывало не тонкое, но обильное, и даже вкусное, особенно на Рождество, въ Пасху, на храмоваго Николу и въ Новый годъ, на день Василія Кессарійскаго, когда все орловское православіе кушаетъ въ честь благороднаго философа Кессаріи „касарецкаго поросенка“. Отецъ Василій былъ въ этотъ день именинникъ и подавалъ своимъ прихожанамъ нѣсколько „касарецкихъ“ поросятъ— вареныхъ съ хрѣномъ въ зубахъ и жареныхъ съ лучкомъ и съ кашей.

Къ этому приспособливалась сама природа: свиньи у отца Василія такъ и поросились, чтобы дѣти ихъ могли къ Васильеву дню получить аттестатъ зрѣлости и стать „касарецкими“, Тогда для нихъ наставала новая торжественная минута: ихъ кололи и это, по увѣренію крестьянъ, приносило имъ большое удовольствіе, такъ какъ всякое животное убиваемое къ христіанскому празднику „съ радостью на ножъ идетъ“.

И дѣйствительно, когда поросятокъ обдѣлывали и окунувъ въ воду устанавливали рядомъ на завалинкѣ замораживать, они представляли изъ себя что-то младенчески благоговѣйное: замерзая всѣ рядкомъ съ поднятыми вверхъ, обрубленными лапками, они точно сами себя приносили въ благопріятную жертву.

Крестьяне говорили: „У батьки поросятки какъ молятся! На Касарецкаго ихъ ѣсть будемъ“.

Это все было весело.

Напитки у отца Василія были не одинаковые — на дворянскомъ столѣ сливняковая наливка и красное сорока - церковное вино, а на батрацкомъ—полугаръ и сыченая брага, чрезвычайно пріятнаго вкуса.

По вкусу мужичковъ ее значительно портили, подливая туда водки, черезъ что брага становилась крѣпче, по народному „разъимчивѣе“, но безъ этой примѣси она составляла очень хорошій напитокъ, который мы, дѣти, любили лучше наливки.

Отецъ Василій при гостяхъ никогда не пилъ: онъ пилъ „послѣ“. Онъ самъ такъ говорилъ когда его спрашивали: — Что же вы, батюшка сами не выкушаете? Онъ отвѣчалъ: я послѣ.

И онъ исполнялъ это „послѣ“ съ самою несчастною добросовѣстностью, которая приводила въ смущеніе весь домъ и приходъ.

Да; съ домомъ отца Василія страдалъ и приходъ. Отецъ Василій не умѣлъ или не могъ выпить ни одной рюмочки, ни двухъ, ни трехъ. Онъ могъ пить только запоемъ, и разъ, что онъ обмокалъ въ винѣ уста, ему надо было пить много, долго, безъ устали

и до полной немощи, не разъ угрожавшей самой его жизни. И вотъ въ эти то времена, когда такое горе случалось, слухъ о немъ мигомъ облеталъ всѣ деревни и начинались сожалѣнія, у крестьянъ краткія, а по господскимъ домамъ очень продолжительныя.

Доходило это обыкновенно черезъ дворовыхъ людей, которые бывъ подвержены заимствованному отъ господъ этикету, въ тихомъ и грустномъ тонѣ докладывали:

— Отецъ Василій заболѣли.

О родѣ болѣзни никто не распрашивалъ, это уже было извѣстно, что значитъ. Всѣ нелицемѣрно и искренно начинали скорбѣть и о самомъ больномъ и о его „матушкѣ Марѳѣ Тихоновнѣ". И какая при этомъ выражалась участливость и деликатность, это, право, даже трогательно вспомнить.

Первое евангельское правило: „страждущаго посѣти" сейчасъ же представлялось всѣмъ, но какъ тонко и деликатно это дѣлали?.. Въ домъ къ запившему отцу Василію никто не входилъ, что бы какъ нибудь его не сконфузить, но о немъ только освѣдомлялись. Или „подсылали" людей къ матушкѣ Марѳѣ Тихановнѣ, или же еще лучше „начинали кататься". Велятъ, бывало, заложить себѣ лѣтомъ шарабанчикъ или телѣжку, а зимой саночки въ одну лошадь, и безъ кучера „самоправкою" слетаютъ въ сумерки въ Добрынь, къ воротамъ поповскаго дома. Вызовутъ тутъ по тихоничку Марѳу Тихоновну и подъ воротами съ нею погрустятъ, потужатъ, пошепчутся и вотрутъ ей въ руки сколько нибудь денегъ и бутылочку орловской „варенцовской" мадеры. Варенцовская мадера въ родѣ гоголевской „толстобрюшки" тогда весьма славилась по дворянству и ее подавали Марѳѣ Тихоновнѣ, чтобы она старалась давать больному это полезное вино обманомъ вмѣсто водки. Было такое мнѣніе, что будто мадера во всѣхъ пьющихъ людяхъ „облегчаетъ слабость". А когда „болѣзнь" отца Василія оканчивалась, то есть когда онъ переставалъ пить хлѣбное вино, а лежалъ больной, иногда весь разбитый, къ нему начинались лекарственные подсылы съ съѣдобнымъ тоже цѣлебнаго свойства, „на пьяненькій вкусъ". Главнымъ образомъ объ этомъ заботилась высокопросвѣщенная внучка Масальскаго—Настасья Сергѣевна Иванова. Ея искусный поваръ Кондратій (по нынѣ здравствующій)—ученикъ знаменитаго нѣкогда Яра, имѣлъ самъ такую же „слабость" какъ отецъ Василій и умѣлъ приготовлять особенныя, подходящія для такихъ выздоровленій „солененькія блюда".

Помнится, это было что то въ родѣ жидкаго форшмака съ куринымъ бульономъ и превкусно пахло и огурчикомъ и маслиной, и куринымъ наваромъ. Превкусную прелесть эту на „пьяненькій вкусъ" приготовляли въ Зиновьевѣ, за пять верстъ отъ Добрыни, гдѣ томился отзвонившій свой звонъ отецъ Василій и тотчасъ же спѣшно везли на поповку.

Возила „цѣлебную снѣдь“ всегда „вѣрная слуга Дуняша“. Провизія всегда, бывало, помѣщается въ кострюлечкѣ, къ которой прибавляется миска съ мочеными яблоками, клюковнымъ мармаладомъ и небольшимъ количествомъ маслинъ, которыя очень нравились отцу Василію „при выздоровленіи“. Бывало даже первое слово которое произносилъ „мазулинку дайте, мазулинку“. Ему и даютъ мазулинку. И старушка Настасья Сергѣевна—вся живьемъ русская, но говорившая охотнѣе по-французски, бывало сама все это вспомнитъ закажетъ и пересмотритъ и сама и увязываетъ, твердитъ „вѣрной слугѣ“:

— Скорѣй, мать моя, поѣзжай и сама тамъ на щепочкахъ разогрѣй, чтобы не продымили бѣдному попенькѣ... ему теперь и такъ все противно.

Одинъ „безпартошный баринъ“ Илья Ивановичъ Кривцовъ самъ не посѣщалъ отца Василья, но и то разумѣется только потому, что, держась своей политики, онъ не хотѣлъ надѣвать панталонъ. Однако и онъ освѣдомлялся объ отцѣ Василіѣ черезъ крѣпостную дѣвушку (тогда уже старушку) Аксинью Матвѣевну, и присылалъ ему „гомеопатію“, да разныя смѣхотворныя молитвы собственнаго сочиненія, на что былъ очень досужъ. Молитвы Илья Иванычъ слагалъ „на три случая жизни“—а именно „отъ пьянства, буянства и нощнаго шатанства“. Можетъ быть эти молитвы были нѣсколько кощунственны, но во всякомъ случаѣ очень смѣшны и отецъ Василій ихъ прочитывалъ въ своемъ „туманѣ“, и улыбался, но затѣмъ сейчасъ же сжигалъ.

Деликатность прихожанъ впрочемъ шла гораздо далѣе. Люди знали, что священникъ „послѣ трезвона“ будетъ мучиться,—„будетъ стыдиться глаза показать“ и потому „мѵроносицы“ въ лицѣ Аксиньи Матвѣевны и „вѣрной слуги Дуняши“ должны были не только полечить отца Василія тѣмъ, что ему посылало сердоболье его духовныхъ дѣтей дворянскаго круга, но также „замѣчать его здоровье и тотчасъ докладывать когда онъ годится?“ Обыкновенно не допускали отца Василія до того, чтобы онъ „совсѣмъ оправился“, потому что тогда „очень разстыдится“, а берегли тотъ моментъ, когда онъ только „въ стихъ входитъ“ и тогда, ни мало же не медля, летѣлъ къ нему въ Добрынь посолъ отъ Ивановыхъ съ письмомъ, въ которомъ Настасья Сергѣевна сама, своимъ удивительно четкимъ и красивымъ французскимъ почеркомъ, писала ему, что душа ея скорбитъ, долго лишенная отрады съ нимъ молиться и что она усердно его проситъ завтрашній день пожаловать къ ней съ причтомъ отслужить на дому всенощную.

Въ заголовкѣ письма всегда неизмѣнно стояло: „честной іерей и уважаемый другъ нашъ, отецъ Василій!“, а въ концѣ столь же неизмѣнно подписывалось: „всегда васъ уважающая, духовная дочь ваша Анастасія Иванова“.

Это обыкновенно былъ послѣдній coup de main, который оправ-

лялъ отца Василія. Вѣроятно, онъ понималъ причину этого побужденія „съ нимъ молиться“ и сейчасъ же брался за молитву одинъ.

## III.

Сутки до назначенной въ Зиновьевѣ всенощной отецъ Василій ничего не ѣлъ и только пилъ холодную, родниковую воду въ прикуску съ кусочкомъ сахару. Это ему нравилось. Во все это время онъ плакалъ и молился, какъ Марѳа Тихоновна говорила, „до ужасти“ и за то въ одни эти сутки онъ просвѣтлѣвалъ до прелести, которая для меня остается невыразимой и неописанной. Онъ одухотворялся и при краснотѣ своего лица напоминалъ изображеніе огненнаго серафима. Молиться съ отцомъ Василіемъ всегда было для многихъ удовольствіемъ, хотя онъ служилъ не показно, а просто молился, какъ самый простой грѣшникъ. Я помню, какъ часто по лицу его во время служенія текли столь обильныя слезы, что онъ едва дѣлалъ возгласы. Но когда отецъ Василій молился послѣ своего „трезвона“, тутъ было нѣчто подавляющее до ада и уносящее до самаго небеси небесъ, передъ которымъ палъ и снова возносился этотъ мужиковатый серафимъ...

Къ такимъ всенощнымъ въ сельцо Зиновьево съѣзжались по возможности всѣ дворяне, чтобы облегчить отцу Василію свиданіе вразъ со всѣми. Не можетъ быть, чтобы онъ ничего въ этомъ не понималъ, но разговора на этотъ счетъ не заводилось никакого, да и все такъ устраивалось, чтобы ему некогда было и смущаться. Въ одно время съ посылкой за батюшкой—въ залѣ уже приготовляли столъ, покрытый чистою скатертью и Спасовъ образъ съ лампадою, а съ прибытіемъ отца Василія сейчасъ же зажигали восковыя свѣчи въ обыкновенныхъ шандалахъ и начиналась вечерня. Съ словъ „работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ“ всѣ молились со слезами, особенно Настасья Сергѣевна и самъ отецъ Василій. Она молилась на колѣнахъ, вперивъ глаза къ небу, а онъ стоялъ, потупивъ глаза въ землю, какъ окаменѣлый, но по щекамъ его тихо катились слезы.

Съ окончаніемъ службы от. Василій спѣшилъ домой и его не удерживали, но прощаясь, всѣ целовали у него руку. Отъ этого не уклонялись ни предводитель, ни высокобразованная старушка парижскаго воспитанія, ни молодыя, изящныя барышни... А руки у отца Василія, какъ у большинства страстныхъ садоводовъ, пахли не розами, которыя онъ разводилъ, а навозомъ, которымъ онъ окапывалъ свои розы и прививки. И этотъ запахъ конюшни былъ съ нимъ всегда съ подправкою ужаснаго запаха крѣпкой махорки, которую от. Василій курилъ изъ обыкновенной, мужицкой трубки, вмѣстѣ со своими батраками.

Черезъ день послѣ всенощной въ Зиновьевѣ, отца Василія звалъ служить въ Косарево „безпартошный" Илья Ивановичъ, сочинитель молитвъ, бывавшій иногда къ подобному случаю самъ въ такомъ расположеніи, отъ какого отрывалъ отца Василія. Илья Ивановичъ очень любилъ пѣть съ дьячками,—особенно „отъ юности моея мнози борютъ мя страсти", но когда это совпадало съ загуломъ, то онъ пѣлъ „Отъ юности моея мнози бози мя, Спасе, мое", а далѣе слышалось только что-то въ родѣ звука „зыб-зыб-зыб", и потомъ трубный раскатъ, „аллилуія, яко-бо прославися", и наконецъ уже шло что-то совсѣмъ ни къ чему не относящееся и даже вовсе не понятное.

Отецъ духовъ и всякія плоти былъ воспѣваемъ и хвалимъ на языкѣ, котораго не могъ уразумѣть никто изъ смертныхъ.

Деликатность была соблюдена и въ этомъ отношеніи: священникъ уѣзжалъ, видя, что нечего ему много конфузиться,—что всѣ мы люди—всѣ человѣки и, слава Богу, что, валяясь въ безднѣ грѣховной, способны еще хотя гугняво призывать неизслѣдную бездну Отчаго милосердія. (И да сохранена будетъ эта способность каждой живой душѣ).

Словомъ: каковъ былъ попъ—таковъ и приходъ, а попъ нашъ, отецъ Василій, былъ просто мужикъ, окончившій курсъ въ семинаріи и я подробно рисую его портретъ не для праздной забавы, а для того, чтобы показать съ какимъ духовнымъ вождемъ обходилась дворянская знать нашего прихода, и при томъ не только его уважала, но и искренно любила. Этому не мѣшало даже, что от. Василій двадцать лѣтъ назадъ овдовѣлъ въ первый мѣсяцъ послѣ посвященія и матушка Мареа Тихоновна была ему не жена...

Смотрѣли на это вѣроятно по раскольницки „зряще, аки-бы не зряще и не разумѣюще". Можетъ быть это хуже, а можетъ быть и лучше, чѣмъ резонирующее религіозное безсердечіе, стремящееся къ чужому, а не къ своему исправленію.

Карьеру свою от. Василій заключилъ тѣмъ, что въ одинъ изъ своихъ припадковъ разбилъ себѣ високъ и у него стала не заживающая рана. Онъ увидалъ въ этомъ „перстъ" и пошелъ въ монахи въ п—скую пустынь, гдѣ велъ жизнь самую строгую и окончилъ ее въ схимѣ. Матушка же Мареа Тихоновна умерла сидѣлкою въ сердобольномъ домѣ. Ее любили и въ деревнѣ, и въ госпиталѣ, и—не моя въ томъ вина,—часто называли „праведною"...

Краткою, но лучшею характеристикою о. Василія было то, что говорили о немъ мужики:

— Весьма преподобенъ: ни чѣмъ не тѣснитъ.

Его съ миромъ проводили и оплакали.

О такомъ событіи, какъ „дворянскій бунтъ", омрачившій лѣтописи добрынскаго прихода, при отцѣ Васильѣ и на мысль никому не приходило, и я прошу читателя запомнить эту личность дабы лучше сдѣлать сравненія его съ другими, до которыхъ теперь доходитъ очередь.

## IV.

Другой іерей у насъ былъ отецъ Парменъ, котораго мужики звали гайдебуръ, а другіе—іорникъ. Худого о немъ впрочемъ не говорили болѣе, какъ „востеръ и шиловатъ“. Онъ былъ годами моложе отца Василія, имѣлъ высокій ростъ и очень красивую наружность: стройный, тонкій, съ горбатымъ носомъ. Былъ, подобно отцу Василію, „вдовъ изпервоначала“, но матушки при себѣ не имѣлъ, а жилъ иначе,—„налетомъ“. Запоемъ от. Парменъ тоже не пилъ, а напивался при фантазіи и при случаѣ, но въ такихъ разахъ бывалъ очень буенъ и гайдебурилъ т. е. охотно встрѣвалъ въ споры и храбро дрался. Многихъ от. Парменъ билъ и нѣкоторыми самъ былъ битъ, но это его репутаціи не вредило. Въ трезвомъ состояніи—онъ, по опредѣленію причта, былъ „женонеистовенъ“ и въ семъ настроеніи имѣлъ разныя замѣчательныя фантазіи: иногда онъ уѣзжалъ въ городъ Кромы къ извѣстной въ тогдашнее время „женкѣ“, Марьѣ Саврасьевнѣ (Гервасіевнѣ) и дочери ея Піяшкѣ, и пребывалъ здѣсь у этихъ дамъ въ слабомъ секретѣ, такъ что всѣ объ этомъ знали и говорили: „попъ Пармешка у Саврасихи“.

Но да не усмотритъ никто ему обиды въ томъ, что его иногда называли „Пармешкой“. У насъ говорятъ: дядя Тимошка, тетка Палашка, крестная Аксюшка, а потому возможенъ и попъ Пармешка. Это только своего рода теплота и короткость.

При безденежьи, отецъ Парменъ не ѣхалъ въ Кромы, а ходилъ съ крестьянскими дѣвушками и молодайкими въ лѣсъ по грибы и ягоды. Этого отцу Пармену тоже въ осужденіе не ставили, а только просто просили его „бачка не балуй“ и, онъ уважалъ просьбу, ходилъ по ягоды честно и благородно для одного развлеченія своей молодой, вдовцовской скуки.

Особенною порою усиленнаго безпокойства темперамента отца Пармена была осень, когда съ прудовъ загоняли гусей и стада сѣрыхъ утицъ съ селезнями, а на водяныхъ толчеяхъ въ Зиновьевѣ и у насъ на Панинѣ начиналось толченіе замашекъ. Бабъ тогда наѣзжало съ замашками со всего округа и ждали очереди безъ числа и мѣры, а помѣщенія для нихъ было одинъ плетеный сарай, въ которомъ стояла холодная, но густая атмосфера. Годъ отъ года скоплявшаяся здѣсь бѣлая замашная пыль сплошнымъ слоемъ покрывала плетневыя стѣны, которыя отъ этого казались сложенными будто изъ ноздреватаго камня, а сверху эта классическая пыль висѣла длинными лопастями на спускавшихся внизъ хворостинахъ. Вообще, этотъ сарай казался какимъ-то таинственнымъ сталактитовымъ гротомъ, который мое дѣтское воображеніе легко стремилось населить нимфами и сатирами. Да они были здѣсь и въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ—осенней порою, когда пускали толочь. Тогда тутъ

были настоящіе Содомъ и Гомора. На полу лежали кучи замашекъ, то свернутыхъ бунтами, то навитыхъ на обручи, и между всѣмъ этимъ пыльнымъ скарбомъ сидѣли, лежали и отъ скуки зѣвая потягивались, бабы молодыя, сочныя, охочія къ винцу и поотдохнувшія отъ полевой страды. Вырвавшись на волю со всякимъ поползновеніемъ къ грѣху, онѣ какъ дикарки, отдавались ему безъ всякой удержи, едвали не по произволу каждаго. Это ни во что не ставилось. Онѣ ожидали очереди иногда по недѣлѣ и во все это время считали себя на положеніи жрицъ особаго сладострастнаго культа. По этому на толчеяхъ бывало чертямъ тошно отъ заботы вести записи людскимъ прегрѣшеніямъ.

Съ наѣздомъ этихъ завозчицъ, который начинался, какъ пускали въ ходъ толчею, съ мужскою молодежью господскихъ дворовъ не было никакого сладу. Кучера, лакеи, повара и поваренки—всѣ ходили днемъ сонные, а по цѣлымъ ночамъ ни одного нельзя было отыскать на своей постели. „Толчея идетъ", говорили старшіе и ужъ не взыскивали порядковъ, пока этотъ Содомъ и Гомора кончались.

Простота этого обычая была такъ велика, что въ началѣ, когда здѣсь поселились мои родители, къ отцу моему не разъ приходили молодайки съ жалобами на нашихъ ребятъ за то, что „улестилъ пряникомъ, а потомъ не отдалъ". Разъ, я помню, двѣ бабы даже приводили и самого виновника, чужого человѣка, который „улестилъ мыломъ", а далъ чурбачекъ въ бумажкѣ. Отецъ, человѣкъ очень серьезный и книжный, насилу отвадилъ отъ себя такія разбирательства, но ихъ охотно и мастерски производилъ Н. Г. Ададуровъ,— знатокъ народности и самъ живой мастакъ по этой части.

Разсказы его о выслушиваемыхъ имъ исторіяхъ, въ деревенской скукѣ замѣняли воскресные фельетоны.

Главныя сатурналіи начинались въ упомянутомъ пыльномъ и холодномъ сараѣ, едва освѣщенномъ одною плошкою въ слѣпомъ фонарѣ, а потомъ шла прохлада на „горячихъ снѣгахъ". Такъ называли въ шутку, окружавшій толчею, кочковатый бурьянъ подъ сѣнью огромныхъ, старыхъ ракитъ, въ заиндевѣлыхъ сучьяхъ которыхъ ночевали несмѣтныя стаи крикливыхъ воронъ... Имъ было о чемъ кричать, потому что онѣ все видѣли и больше всѣхъ знали.

Порою, уснувшихъ птахъ тревожили до испуга и тогда онѣ поднимали крикъ, который не скоро успокоивался и, во всякомъ случаѣ, означалъ, что на горячихъ снѣгахъ или пылаетъ любовь, или свирѣпствуетъ ловитва. Это не была ревность, но скорѣе охота, какъ мужики говорили, „ловитва". Но все равно—это было дѣло страстное и за бурьяномъ въ одно время была даже учреждена особая ночная полиція въ лицѣ косого мирошника Мишки, который хотя не былъ обязанъ прерывать любовь, такъ какъ это оскорбило бы самый культъ толчеи, но онъ долженъ былъ не допускать дракъ. Онъ любилъ представлять себя очень бдительнымъ, и при его-то бдитель-

ности разъ утромъ на горячихъ снѣгахъ подняли изувѣченнаго отца Пармена.

Борода и усы у него было въ крови и на снѣгу была кровь, которая почти ручьемъ лилась у него изо рта.

Его подняли, положили на санки и отвезли домой. Тамъ онъ какимъ-то чудомъ немножко поправился и хотя совсѣмъ не выздоравливалъ, но однако протянулъ до весенняго таянія снѣговъ и умеръ.

Слѣдствія о причинѣ его смерти не было, да и производить его было не кому такъ, какъ у насъ объ эту пору самого станового волки съѣли. Самъ же отецъ Парменъ ни на кого не жаловался, а степенные люди на счетъ его судили такъ, что вѣроятно, когда онъ ночью ѣхалъ одинъ на саняхъ, его какъ нибудь „кобыла задомъ чкнула“.

Позже это слово долго жило какъ шутка и прилагалось къ тѣмъ случаямъ, когда хотѣли скрыть что нибудь нескрываемое, и дольше всѣхъ это звучало какъ присловіе въ устахъ поступившаго на мѣсто Пармена новаго третьяго попа, котораго имени почти не употребляли, а звали его просто „Рыжій“.

## V.

Бунтъ случился однако и не при Рыжемъ и не отъ него, а отъ слѣдующаго за нимъ, до котораго сейчасъ дойдетъ дѣло. „Рыжій“ былъ такой огромный и широкоплечій человѣкъ, что на него ни одно облаченіе не приходилось. Самая большая риза, шитая на отца Василія, взлѣзала Рыжему, какъ доломанъ у гусара, — только на одни плечи, и потому онъ съ перваго своего священнодѣйствія много утратилъ во мнѣніи дворянства. „По платью встрѣчаютъ“. Рыжій же въ своемъ доломанѣ былъ не величественъ и не „святолѣпенъ“, а смѣшонъ. При томъ же онъ имѣлъ очень странное и рѣдкое косноязычіе,—онъ не могъ произносить звука, выражаемаго буквою *к*, и отъ этого нѣкоторыя слова выговаривалъ очень каррикатурно.

Я не знаю даже: какъ его съ такимъ порокомъ посвятили въ священники; но это не наше дѣло.

Дворянство оглядѣло Рыжаго въ церкви и приняло у себя, когда онъ приходилъ являться, но не облюбовало его, и на духъ къ нему не пошло.

Исповѣдоваться у него не могли по тремъ причинамъ: во-первыхъ онъ по очень вѣрному мужичьему опредѣленію былъ „шутоватъ“, именно, любилъ играть въ бабки, въ половодье ѣздилъ передъ „оброшниками“ въ ризахъ верхомъ; во-вторыхъ, онъ не выговаривалъ буквы *к* и вслѣдствіе того спрашивалъ: „не ралъ ли чего нибудь? не обижалъ ли ого? не соблудилъ ли съ ѣмъ?“ А хотя къ этому и можно было привыкнуть, но съ первой же говѣйной недѣли пошла молва, будто кучеръ Тихонъ,

который хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ Парашѣ, послѣ исповѣди у Рыжаго отказался и началъ говорить Парашѣ про такіе ея грѣхи, которые никто не могъ знать, потому что они происходили въ Москвѣ и въ своемъ мѣстѣ были открыты на духу только одному Рыжему. Можетъ быть это была и не его вина, но „жены цезаря и подозрѣніе касаться не должно",—также и духовника.

Репутація его уже была подорвана, и для дворянъ онъ въ духовники не годился, но мужиковъ конечно исповѣдывалъ, потому что тѣмъ все равно: ихъ грѣхи наружи. А между тѣмъ, какъ Рыжій самъ смѣщалъ себя внизъ, вопросъ о новомъ духовникѣ для дворянъ сталъ ребромъ, такъ какъ въ это время отошелъ въ монастырь Василій и на добрынскомъ приходѣ не стало дворянскаго исповѣдника.

Приходское дворянство, имѣя въ средѣ своей предводителя, просило орловскаго архіерея дать имъ священника „не очень простого". Владыка отвѣчалъ:

— Хорошо, хорошо, обрящемъ по-фантазироватѣй.

Предводитель это передалъ и наши христіанки дворянскаго сословія обрадовались, да даже и заинтересовались: какой такой онъ будетъ этотъ фантазироватый?

Положеніе священника, ожидаемаго на мѣсто отца Василія, было прекрасно подготовлено: очевидно, что дворянскимъ исповѣдникомъ могъ быть только сей, котораго ожидали. Но владыка немножко медлилъ выборомъ и назначеніемъ: очевидно онъ искалъ, но „не обрѣталъ, а хотѣлъ, чтобы выборъ его отвѣчалъ обѣщанію". Тѣмъ и лучше, владыку и не торопили; но наконецъ указъ о назначеніи новаго священника былъ полученъ и произвелъ очень пріятное впечатлѣніе: пріятность эту произвело одно имя новаго священника: онъ назывался Илларіонъ Оболенскій.

Имя звучное, и даже аристократическое. Ясно было, что владыка постарался, да и съумѣлъ выбрать какъ разъ то, что нужно и благородному вкусу соотвѣтственно. Но тѣмъ не менѣе отъ Оболенскаго пошелъ дворянскій бунтъ въ добрынскомъ приходѣ, разметавшій врозь все дворянство.

## VI.

Новоприбывшаго іерея Илларіона Оболенскаго мужики тотчасъ прозвали „попъ Варивонъ". Это происходило конечно отъ того, что имя Илларіонъ для нихъ было трудно. Оболенскій былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и можетъ быть даже средняго пола. По крайней мѣрѣ съ виду онъ очень походилъ на простоволосую бабу. Не большой, не худощавый и не толстый, а только что называется „гладкій", онъ имѣлъ лицо самое бабственное. Самая волосная растительность у него тоже была расположена по женски: на лицѣ почти ничего, какъ мужики говорили „утло", а коса богатая,

ниже поясницы. Когда онъ выходилъ въ сѣромъ чрезвычайно засаленномъ подрясникѣ—передъ вами стояла настоящая баба пирожница; когда надѣвалъ широкую, синюю рясу — вы видѣли передъ собою уѣздную купчиху, и только когда онъ покрывалъ голову поповской шляпой, вы невольно восклицали: это чортъ знаетъ что такое!

Въ исторіи нашей поповки Варивонъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что это былъ первый попъ, который почти совсѣмъ не пилъ вина. Случай этотъ, какъ никогда доселѣ невиданный и неслыханный, представлялся совершенно невѣроятнымъ и потому темному сельскому народу должно быть прощено, что онъ этому не вѣрилъ. Мужики говорили, что „іонъ въ ночи одинъ подъ комодой суслитъ". Дворяне по навыку тоже сомнѣвались въ трезвости отца Илларіона и точно также, какъ мужики, полагали, что онъ „солистъ". Но можетъ быть, что все это было не справедливо и держалось только на томъ, что от. Илларіонъ бывая въ приходѣ не пилъ вина, которымъ его подчивали, а сливалъ будто въ боклажку, которую имѣлъ при себѣ, или держалъ въ повозкѣ. Крестьянамъ это не нравилось, потому что на ихъ вкусъ выходило какъ-то сухо.

— Зачѣмъ это такъ баловать, разсуждали они. Подчиваютъ тебя, такъ ты пей, какъ надо по православному, а не сливай.

Но отецъ Илларіонъ былъ очень многосемеенъ и очень бѣденъ и я охотнѣе склоненъ вѣрить тому, что онъ не пилъ свое вино, а берегъ его на какой нибудь нужный домашній случай. Скорѣе даже готовъ вѣрить, что онъ продавалъ эти „сливки", потому опять повторяю,—онъ былъ очень бѣденъ. А очень бѣденъ онъ былъ отъ того, что его постоянно перемѣщали съ мѣста на мѣсто; а перемѣщали его по той причинѣ, что какъ оказалось впослѣдствіи, онъ „склоненъ былъ къ прокриминаціямъ", или, по выраженію нашего острословнаго дьякона, былъ „священно-ябедникъ".

Что тутъ къ чему вело: бѣдность къ священно-ябедничеству, или священно-ябедничество къ бѣдности,—этого не разберешь. Можетъ статься, что кружилось это какъ колесо въ бѣличьей клѣткѣ, такъ что не разберешь: бѣлка вертитъ колесо, или размахавшееся колесо гонитъ прыгать бѣлку. Но былъ онъ бѣднякъ самый не симпатичный и потому еще болѣе злополучный, и такое онъ впечатлѣніе сдѣлалъ на меня съ первой съ нимъ встрѣчи и оно, разумѣется, еще усилилось, когда онъ дошелъ до своего апоѳеоза, задумавъ отправить на каторгу мирныхъ дворянъ нашего добрынскаго прихода.

## VII.

Первую важную „причину" за отцомъ Илларіономъ стали сказывать мужики и причина эта заключалась въ томъ, что онъ „понуждалъ", т. е. по ихъ мнѣнію былъ слишкомъ требователенъ, — очень

много отъ нихъ желалъ. Можетъ быть онъ добивался получать за исповѣдь больше гроша и за молебенъ больше копѣйки и за такую алчность сразу прослылъ „вымогателемъ“.

— Тягостно понуждаетъ.

Стали воспоминать не только безсребренника Василія, но и гайдебураго Пармена и даже Рыжему завидовали,—и тотъ хоть „шутовалъ“, но тягостнаго понужденія отъ него не было. Да и къ тому Рыжій, бывая въ Зиновьевѣ, заходилъ какъ и прочіе православные въ кабакъ и тутъ бывало и самъ кого нибудь поподчуетъ и отъ другихъ чарочку выпьетъ,—все это „по любезному“, а от. Варивонъ если попадетъ въ Зиновьево, то его лошади не видятъ у кабака, а она непремѣнно стоитъ у становаго, или какъ говорили „у поляка“. (Становой, назначенный на мѣсто съѣденнаго волками, былъ полякъ, Альбертъ Осиповичъ Витовскій). И при томъ стояла „Варивонова лошадь“ не у поляковыхъ воротъ, какъ становились, кому была до поляка открытая надобность, а Варивонъ непремѣнно привязывалъ лошадь къ сараю сзадовъ, со стороны буйныхъ и темныхъ конопель.

— Зачѣмъ потаймя ѣздитъ? У насъ такихъ пакостей, чтобы къ становому сзадовъ подъѣзжать попы еще никогда не дѣлали.

И въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ онъ сзадовъ подъѣзжалъ?

Дворянъ еще это ни мало не смущало, но между мужиками уже пошелъ говоръ: Крадучись подъѣзжаетъ—значитъ ябедствуетъ. А въ деревнѣ на кого же и ябедствовать, какъ ни на мужика? Про что на него доносить? Кажется—не про что, онъ и самъ такъ думаетъ, а однако тѣмъ ему отъ этого не легче, а страшнѣе.

— Можетъ, де-скать, такое возговоритъ, что и окомъ не окинешь.

Страшно! боязно!

Они его и стали избѣгать, мало по малу всѣ прочь отъ него да и отъ церкви: даже въ праздникъ начали отъ него прятаться. Столикъ съ каравайчикомъ хлѣба передъ избой выставятъ, и копѣйку положатъ, а сами всѣ разбѣгутся.

Началась въ миніатюрѣ борьба тихой земщины съ опричиной, которую представляли собою содружившіеся попъ и полякъ.

Варивонъ, который началъ тѣмъ, что „понуждалъ“, крестьянъ, а потомъ „спознался съ полякомъ“, этимъ же самымъ оттолкнулъ отъ себя и дворянъ, которые не находили необходимой услады обращаться съ своими духовными надобностями къ таковому пастырю. Посѣщая другъ друга на масляницѣ, среди смѣшковъ да шутокъ дамы уговорились за блинами въ своей церкви постомъ не говѣть, а „ѣхать говѣть кавалькадою въ Орелъ“, и какъ сказали такъ и сдѣлали. Собрали воедино нѣсколько нуждъ, „а кстати и поговѣть въ теплой церкви“, и отправились „кавалькадою“ въ Орелъ.

Это было очень весело. Съѣхалось нѣсколько возковъ, стали всѣ на одномъ подворьѣ, противъ переулка, который ведетъ къ церкви

Михаила Архангела и пошли ходить кавалькадами. И гдѣ мы только не бывали? и молились, и по магазинамъ путешествовали, и постничали, кушая трактирные пирожки съ визигой, и по вечерамъ анекдоты другъ другу разсказывали и занимались очистительною критикою ближнихъ и искреннихъ. Говѣнье это было праздникомъ. Но домашнее наше сельское духовенство обидѣлось. Это ему было во всѣхъ отношеніяхъ прискорбно, такъ какъ всѣ дворяне платили за исповѣдь по рублю, а Настасья Сергѣевна Иванова всегда давала золотой „лобанчикъ", который ходилъ тогда 2 р. 60 к. и рубль за теплоту. Все это теперь пошло въ орловскую церковь Михаила Архангела и для Добрыни пропало. Равнодушно къ этому нельзя было относиться, но и помочь дѣлу было трудно. Но когда нельзя бить по коню, тогда съ досады стегаютъ по оглоблямъ. Мужикамъ стало казаться, будто полякъ началъ ихъ очень тѣснить—очень строго съ нихъ подати донимать, часто гонять ихъ дороги подъ губернатора править и проч. и проч.

— Гоненіе на насъ сдѣлалъ, говорили сиволапые политики и выводили, что все это „слѣдуетъ отъ Варивона".

— Онъ поляка подъущаетъ, говорили всѣ въ одну рѣчь и всѣ стали другъ другомъ недовольны, и попъ и приходъ.

А на ту пору прошелъ „холерный годъ" и произвелъ въ приходскомъ дворянствѣ сильное опустошеніе, „въ господскомъ званіи весь мужской полъ побывшился". Первый скончался мой покойный батюшка, а за нимъ переселились въ вѣчность предводитель Ивановъ и „безпортошный" Илья Ивановичъ. Имѣнія остались безъ мужчинъ и началось „бабье царство", при которомъ дошло до того, что мою матушку (благодаря Бога по нынѣ здравствующую) прихожане разъ избрали „старостихою", т. е. распорядительницею и казначеею при поправкѣ нашей добрынской церкви.

Выбирать къ такимъ дѣламъ женщинъ совсѣмъ не въ порядкѣ, но такъ люди захотѣли, такъ и сдѣлали. Не зная хорошо законовъ, сказали просто:

— Либо нехай Лѣсчиха справляетъ, либо ничего не дадимъ. Пусть воробьи не то что въ окна летаютъ, а хоть на головы попамъ сядутъ.

Таково было уже оскуденіе мужского пола. Матушка вела церковныя работы, надзирая за ними вмѣстѣ съ дьякономъ Васильемъ Ивановичемъ, да мужикомъ изъ деревни Хвастовки, Васильемъ Моськинымъ; но при этой реставраціи храма, по ихъ равнодушію къ сохраненію древностей, не сберегли нѣсколько интересныхъ вещей, между коими я помню удивительный образъ, помѣщавшійся внизу подъ мѣстной Богородичной иконой. Онъ назывался „чрево пространное небесъ", и ему ставили свѣчки беременныя бабы. Попамъ обоимъ какъ-то не было довѣрія, ни Рыжему, ни Варивону. Особенно избѣгали Варивона, а онъ „мстивился". Сначала на это жаловался Мось-

винъ, который былъ художникъ на всѣ руки, онъ былъ столяръ, токарь, маляръ и слесарь. Имъ дорожили, потому что онъ зналъ толкъ во всякой работѣ, но его вдругъ „полякъ" гдѣ-то встрѣтилъ, изругалъ такъ и этакъ, и заарестовалъ, Богъ вѣсть за что. Всѣ заговорили, что это за Варивона. Мужикъ испугался и отказался отъ церкви. Потомъ отсталъ и дьяконъ, а наконецъ и матушка уѣхала въ Кіевъ. Прочіе же дворяне, все дамы, заперли для Варивона свои двери, и разлучась съ священствомъ, стали обходиться кое-какъ по безпоповщински. За то „полякъ" началъ служить у себя каждое первое число мѣсячные молебны. Опять было смущенье: зачѣмъ поляку молебны пѣть? Хорошо ли это? Можетъ быть, что противъ насъ же думаетъ, а нашъ попъ ему еще молебствуетъ? Вѣдь онъ же не нашей вѣры, а нѣмецкой.

А на сѣ самомъ дѣлѣ становой только хотѣлъ возвысить Варивона и создать ему утраченный имъ престижъ достойнаго пастыря. Таковымъ онъ его гдѣ-то и аттестовалъ и даже въ Орелъ ѣздилъ о немъ владыкѣ докладывать, при чемъ будто съумѣлъ какъ то очернить и крестьянъ, и дворянство,—не пощадивъ даже саму Настасью Сергѣевну.

Мужики могли этому вѣрить, потому-что „дворянство все стало плевое,—однѣ бабы. Имъ съ полякомъ не справиться". Варивонъ поднялъ голову, а у мужиковъ будто бы съ его похвальбы пошелъ слухъ, что полякъ ему скоро „морденъ" дастъ. Орденовъ же до той поры во всемъ приходѣ не было ни у кого—даже у самаго покойнаго предводителя. По этому понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести слухъ, что „морденъ" дадутъ Варивону. Въ мужичьихъ представленіяхъ это равнялось тому, что от. Илларіонъ получивъ морденъ станетъ „всѣхъ больше", такъ что „можетъ Царю про всѣхъ письма писать".

Какія письма и о чемъ—это было имъ, разумѣется, не ясно, но конечно, думали такъ, что „про измѣну"; только измѣны о ту пору въ нашихъ мѣстахъ быть не могло, потому-что скрозь были однѣ бабы, на счетъ которыхъ могло быть только одно недоразумѣніе: для чего онѣ, ѣздячи другъ къ другу въ гости, возили въ красномъ ящичкѣ „музыку лото". Женщины тогда въ разсужденіи политики въ счетъ не шли и вся тяжесть значенія, которое Варивонъ пріобрѣлъ, съ слухами о морденѣ прежде всего обрушилась на самихъ же крестьянъ. Такъ какъ они въ церковь всегда плохо ходили, то „полякъ" съ Варивономъ стали разыскивать среди нихъ какую-то ересь, послѣ чего мужичковъ „тревожили". Ересь же вся заключалась въ двуперстномъ знаменьи, которымъ крестится половина православнаго крестьянства орловской губерніи, единственно потому, что „такъ дѣды дѣлали".

Варивонъ утвердился и писалъ онъ или нѣтъ письмо по мордену, но его боялись, а тѣмъ временемъ лѣта шли какъ слѣдъ по закону,

и мы молодежъ, выпорхнувшая изъ родныхъ гнѣздъ, пришли кому гдѣ довелось по дальнимъ мѣстамъ въ совершеннолѣтіе. И вотъ, въ добрынскомъ приходѣ завелся опять мужской духъ, да еще вдобавокъ въ молодомъ тѣлѣ и со всѣми этими фантазіями, что нужна правда и справедливость и что если мужика напрасно притѣсняютъ, то его въ обиду давать не надо.

Тогда такіе люди были вновѣ, и признаться сказать воспослѣдовали такъ неожиданно, что при появленіи ихъ въ захолустьяхъ на нихъ не знали какъ смотрѣть. Все съ болѣе сильными или слабыми оттѣнками повторялись сцены недоразумѣнія изъ „Отцовъ и дѣтей". Это какъ разъ и была пора упомянутаго романа, въ которомъ не дано никакого участія духовнымъ лицамъ, хотя они тутъ не были безъ дѣла!

Отецъ Варивонъ какъ только завидѣлъ новаго человѣка, такъ почувствовалъ, что тутъ будетъ игра и насторожилъ вниманіе.

## VIII.

Человѣкъ о которомъ идетъ рѣчь назывался Петръ Николаевичъ Анцыферовъ. Онъ мой ровесникъ и мой товарищъ съ перваго класса орловской гимназіи. Когда я поѣхалъ изъ Орла въ Кіевъ, Анциферовъ отправился въ Ярославль, окончилъ курсъ въ Демидовскомъ лицеѣ, немножко послужилъ по министерству юстиціи и возвратясь въ Орловскую губернію женился на одной изъ барышень Ивановыхъ. Съ тѣхъ поръ онъ поселился въ Зиновьевѣ въ качествѣ помѣщика.

Анциферовъ тогда былъ еще молодъ, но достаточно зналъ свѣтъ, и по характеру былъ что называется—практикъ [1]). Во всѣмъ остальномъ онъ платилъ дань своему возрасту и времени: былъ пылокъ, любилъ добро, питалъ негодованіе ко всякой несправедливости и охотно становился на сторону утѣсненныхъ. Утѣсненные же были на лицо,—сѣрые люди цѣлаго прихода, которые страдали отъ „поляка" и отъ Варивона.

Отецъ Иларіонъ увидѣлъ въ молодомъ помѣщикѣ своего непримиримаго врага, съ которымъ надо бороться на жизнь и смерть и не ошибся. Анциферовъ сталъ за крестьянъ и не давалъ ихъ въ обиду; за малѣйшее притѣсненіе при похоронахъ, или при бракахъ, онъ кипятился и скакалъ то въ Кромы къ благочинному Птицину, то въ Орелъ къ архіерею Поликарпу (Радкевичу) и всякій разъ вы-

---

[1]) Петръ Николаевичъ Анциферовъ и нынѣ еще не старый человѣкъ благополучно здравствуетъ и мы хранимъ съ нимъ давнія товарищескія отношенія. Онъ служилъ товарищемъ прокурора въ Московской губерніи, потомъ мировымъ судьею въ Петербургѣ, а нынѣ разрабатываетъ обильныя залежи чугунной руды въ томъ самомъ Добрынскомъ приходѣ, гдѣ на него было возведено обвиненіе въ составленіи общаго дворянскаго бунта противъ государя.

игрывалъ справу. Самое продолженіе борьбы казалось невозможнымъ. Варивонъ былъ скрученъ, связанъ и умаленъ до необходимости смириться. О „морденѣ“ теперь уже нечего было и думать. Даже и мужики, почуявъ защиту, стали проговаривать: „нѣтъ, тебѣ отецъ Варивонъ черезъ Петра Миколаича мордена не выдетъ“. Но тутъ, какъ говорила одна проживающая въ нашемъ приходѣ нѣмка „нашла коза на камень:“ отецъ Илларіонъ былъ настойчивъ не менѣе П. Н. Анциферова и противъ прямой оппозиціи молодого помѣщика повелъ самую банальную интригу, которая къ сожалѣнію впослѣдствіи находила у насъ много подражателей всякаго чина и званія.

Отецъ Илларіонъ кое гдѣ слыхалъ, что бываютъ возмущенія противъ власти и что обвиняютъ въ этомъ людей образованныхъ.

Статья эта ему показалась подходящею, и губернская обстановка тому благопріятствовала. Послѣ тихаго и очень умнаго и образованнаго гражданскаго губернатора Валеріана Сафоновича, въ Орлѣ былъ тогда военный губернаторъ графъ Левашовъ, человѣкъ совсѣмъ иного духа [1]). Графъ правилъ энергично и крайне самовластно (настоящая исторія покажетъ до чего онъ способенъ былъ беззавѣтно доводить свое самовластіе). О расправахъ гр. Левашова въ села приходили вѣсти, ставившія его грознѣе „самого Трубецкого“. Въ Трубецкомъ, какъ высшую кульминаціонную точку его правленія, отмѣчали, что онъ „шестерыхъ на Ильинкѣ пеструтинами застегалъ“ (это было съ обвиняемыми въ поджогѣ), а при Левашовѣ было серьезнѣе: при немъ „человѣку разстрѣлъ сдѣлали“. Трубецкой ругалъ скверными словами встрѣчныхъ приказныхъ и купцовъ, а графъ Левашовъ и „съ настоящими дворянами не якшался“. Онъ занимался перестройками и поднялъ значеніе полиціи до того, что ее всѣ не въ шутку стали бояться. Въ этомъ послѣднемъ родѣ особенно поучителенъ былъ случай съ выборнымъ предсѣдателемъ уголовной палаты, Лукіяномъ Ильичемъ Константиновымъ, честнѣйшимъ человѣкомъ, котораго „упекли подъ судъ“ за нетерпѣливое отношеніе къ наглости одного квартальнаго. „Тащы“ и „непущай“ дѣйствовали широко.

Въ воздухѣ пахло какою то специфическою остротою административнаго преобладанія и произвола, а отпора ждать было не отъ кого. Не было уже ни А. П. Ермолова, ни стариковъ Бурнашовыхъ, Сабуровыхъ, Болотова, Афросимова и Абазы, настоящихъ „производи-

---

[1]) Какъ интересную черту нравовъ и настроенія этихъ годовъ реакціи достойно замѣтить, что губ. Сафановичъ оставилъ мѣсто по обстоятельствамъ не имѣющимъ ничего общаго съ политикой; но онъ самъ былъ человѣкъ образованный и образованность и умъ высоко цѣнились и почитались въ его семействѣ. Въ этомъ отношеніи домъ Сафановича былъ положительно пріятнымъ исключеніемъ. И что же: когда началась безобразная реакція, это вспомнили и все старались выдрать наружу.

— Все, говорили, это Валерьянъ Ивановичъ... Бывало самъ за газеты, а дочки за журналы... Даже школамъ сочувствовали,—вотъ и пошло.

И никому дѣла до того, какъ это „пошло“—выходило пошло.

телей дворянства", которые держали свой вѣсъ и умѣли показать другому честь и мѣсто. О новыхъ предводителяхъ говорили, что они „шаркуны" и на ихъ защиту не разсчитывали, а они этимъ не интересовались. Ябедники и квартальные могли поднять головы, и подняли...

Дабы лишить своего недруга — помѣщика права говорить въ защиту утѣсняемыхъ крестьянъ добрынскаго прихода, отецъ Варивонъ выдумалъ взвести на Анцыферова самое тяжкое государственное преступленіе. И мы сейчасъ увидимъ, что не смотря на недостатокъ самой почвы для этого рода обвиненія, оно надѣлало суматохи, тревоги и не имѣло роковыхъ послѣдствій для обвиняемаго только благодаря большой энергіи и разумной смѣлости моего школьнаго товарища.

## IX.

Отецъ Илларіонъ задумалъ смирить и погубить Анцыферова прямо обвиненіемъ въ бунтѣ, который будто бы этотъ всегда строго стоявшій на законной почвѣ человѣкъ затѣялъ „вмѣстѣ со всѣми дворянами" противъ государя императора. По Добрыни, Зиновьеву, Косареву и Хвостовкѣ вдругъ заходили объ этомъ слухи, съ указаніями, что все бунтарское дѣло дворянъ тутъ и происходитъ, у насъ, на р. Гостомлѣ. Всѣ дворяне будто собирались по ночамъ у живого моста на Ярушкахъ, „пили громъ ямайскій" и французскую сладкую водку и безбожною злобою сговаривались на государя за то, что освободилъ крестьянъ, а они „хотятъ все назадъ поворотить". Сказывали, что они и еще будутъ все собираться на Панинѣ въ пустой клунѣ, а потомъ въ Ломовецкомъ лѣсу, или ночью по лугамъ, пока „нахлептавшись грому ямайскаго" совсѣмъ перебунтуются, а тогда заберутъ съ собою „подъ обманное знамя" всѣхъ крестьянъ, и поведутъ ихъ очень далеко отъ дому „противъ царскихъ войскъ Бибича-Запалканскаго".

Мужички, разумѣется, и государю преданы и цѣнятъ не облыжнымъ сердцемъ его „благодѣтельство", да и не охота имъ отъ дворовъ идти и ни за что, ни про что, съ Бибичемъ Запалканскимъ биться. Они и встревожились, сначала „въ плипорцію", а потомъ и по больше.

„Секретное и весьма секретное" дѣло объ этомъ до сихъ поръ неизвѣстномъ въ нашей исторіи бунтѣ, составляетъ тайну орловскихъ архивовъ (если только оно тамъ не сгорѣло), и я не могу въ точности передать: какъ тутъ велись какіе подговоры и подстрекательства, но имѣю въ рукахъ документы убѣждающіе, что добрымъ дѣломъ этимъ занимался отецъ Илларіонъ.

Читатели вскорѣ же увидятъ: на какомъ основаніи я имѣю право говорить это съ такою утвердительностію, а пока, прежде чѣмъ мы дойдемъ до документальныхъ соображеній, изложу что помню по раз-

сказамъ: какъ напали на первые слѣды работы, которую велъ тихою сапою нашъ духовный отецъ.

Открытіе это было случайное, какъ открытіе большинства конспирацій. Отца Илларіона выдалъ „барбосскій погребъ". Люди бывшіе одинъ разъ на базарѣ въ г. Кромахъ, видѣли будто какъ отецъ Илларіонъ вышелъ изъ единственнаго тогда колоніальнаго и виннаго магазина съ вывѣскою „бордосскій погребъ", и съ нимъ будто вышли старшина Аверкинъ и двое зиновьевскихъ крестьянъ, Тишкинъ да Кащеевъ, а немножко попозже вылѣзъ Григорій Котовъ.

Котова догнали и спросили: для какой надобности были въ барбосскимъ погребѣ? Онъ отвѣчалъ: „дѣло было".

— А кто за угощенье платилъ?

Котовъ, будто, отвѣчалъ: попъ.

Больше разговора не было; дѣло завязывалось краткимъ, но зловѣщимъ лаконизмомъ во вкусѣ розыскныхъ дѣлъ XVIII столѣтія.

Довольно того, что они были въ барбосскомъ погребѣ и за угощеніе платилъ попъ, человѣкъ не богатый и не тароватый. На что нибудь ему это нужно было. Въ барбосскій погребъ ходили только судейскіе приказные сговариваться на каверзы.

Обстоятельства скоро показали, что и тутъ было не безъ каверзъ.

---

Бунтъ начался тѣмъ, что когда зиновьевскіе господа приказали одинъ разъ кучеру закладывать коляску, онъ отказался, а когда у него потребовали объясненія о причинѣ такого отказа, онъ коротко отвѣчалъ:—„не надо ѣхать".

Когда же слуга, передававшій господское приказаніе и отвѣтъ, посланъ былъ позвать кучера къ самимъ господамъ, онъ отвѣчалъ:— „сейчасъ приду", но вмѣсто того заперъ конюшню, экипажный сарай, и чуланъ съ сбруею, взялъ съ собою ключь и ушелъ въ кабакъ.

Тамъ онъ въ присутствіи другихъ трехъ человѣкъ почувствовалъ себя въ большой независимости и давалъ вновь приходившимъ за нимъ посланцамъ отвѣты гораздо рѣшительнѣйшіе. Общій смыслъ этихъ отвѣтовъ былъ тотъ, что онъ лошадей и хомутовъ не дастъ и самъ ни кого не боится, потому что онъ государю своему вѣрный, а не измѣнный и противъ него не пойдетъ, а будетъ сидѣть до самой ночи во царевомъ кабакѣ. Бибичь же пускай наступаетъ съ войсками куда указано [1]).

---

[1]) Я никогда не могъ понять и теперь не понимаю, почему имя Дибича Забалканскаго пользуется такою большою и прочною извѣстностью у крестьянъ нашей мѣстности. Гораздо ближе бы кажется надо знать Ермолова и фельдмаршала графа Каменскаго, которые были орловцы; но ихъ не знаютъ, а „Бибича" знаютъ: онъ для нихъ о сю пору живъ и въ большомъ отвѣтѣ. Если приходитъ слухъ, что наши побѣдили, то это значитъ „Бибичь вѣрно служитъ", а если неудача,—„Бибичь измѣняетъ". Онъ геній войны, но совѣсть у него не надежная: онъ уже не разъ измѣ-

Изъ этой программы кучеръ не уступилъ ни мало, да и въ другихъ во всѣхъ людяхъ чувствовалось то же настроеніе, что они готовы его поддерживать. Только женскій полъ, какъ болѣе нѣжно къ господамъ приверженный и пребывавшій въ сторонѣ отъ политическаго движенія, которое имъ и не угрожало необходимостью идти противъ Бибича, не отнималъ у господъ своей дружбы. Женщины ежечасно сообщали новыя вѣсти, но вѣсти эти были не успокоительны, а напротивъ могли только увеличить тревогу. Въ лунную ночь, которая слѣдовала за описаннымъ днемъ возмутительнаго кучерскаго ослушанія, горничныя дѣвушки видѣли, будто бы, какъ нѣсколько человѣкъ мужиковъ спрятались въ развалинахъ старой зиновьевской церкви, которую много лѣтъ на ряду крестьяне раскрадывали на кирпичи для печекъ, и стояли будто бы всѣ эти мужики съ дубьемъ, покуривали трубки и, не спуская глазъ съ господскаго дома, все говорили: „выходи-ка, выходи!“ Кромѣ этого самоличнаго видѣнія и слышанія, дѣвушки еще слышали, отъ другихъ, будто за нашимъ Панинымъ, у живого моста на Ярушкахъ, тоже былъ „бекетъ“, и всю ночь костеръ горѣлъ. Мужички изъ Кривцова и съ Хвостовки привалили сюда будто бы въ ночное съ конями и всю ночь не спали, а сидѣли у огня страшные-престрашные, все „дворянъ стерегли“ и въ концѣ концовъ подъ утро приняли ѣхавшаго на ярмарку разносчика съ пряниками за непріятеля, обревизовали его кладь и, значительно оную облегчивъ, отпустили его съ миромъ продавать остатки.

Какихъ же они „дворянъ“ сторожили? Опять повторяю, никого изъ дворянъ кромѣ женщинъ и Петра Николаевича Анцыферова во всей окружности не было, и Петръ Николаевичъ могъ съѣзжаться на заговоръ только развѣ самъ съ собою. И православные не могли этого не знать, но они были введены въ заблужденіе, что „іонъ подговорилъ противъ государя всѣхъ господъ и вотъ они всѣ съѣдутся изъ Орла, изъ Фатежа и изъ Дмитровки“. Вся эта пространная мѣстность, шире которой не могла обнять недальнозоркая мужичья фантазія, „вся скрозь“ взялась революціею. Мужики встревожились, и сами встревожили дворянъ, до которыхъ въ нѣсколько дней дошло множество вѣстей одна безпокойнѣй другой. Въ одномъ мѣстѣ дама ѣдучи въ гости съ „музыкою лото“ повстрѣчала мужика на возу и когда кучеръ крикнулъ ему—„сворачивай олухъ!“—тотъ отвѣчалъ:

— Куда сворачивать? Нѣшто не видишь я съ возомъ.

---

нялъ, и его надували,—замѣсто боченка золота дали ему боченокъ песку. Сверху только рядка два были изъ червонцевъ. Онъ и ударилъ отбой, а потомъ какъ разсмотрѣлъ, что песокъ,—опять возворотился и всѣхъ побилъ. Тутъ ему все и прощено и на службѣ оставленъ. Въ новѣйшее время, говорятъ, будто прошли слухи о Скобелевѣ, только онъ все-таки подъ началомъ у Бибича—„въ подручныхъ“, и Бибичъ далъ ему побѣдительный корень, который можно съ собой возить только на бѣлой лошади. Вѣроятно слухъ о Бибичѣ занесенъ сюда случайно, но тутъ пришелъ какъ то по сердцу и сталъ неумирущимъ.

Это принято какъ дерзость и задирательство.

Изъ Кромъ пріѣхалъ гость и жаловался:

— Ну ужъ у васъ мужики!

Молока ему пить захотѣлось и онъ приказалъ гдѣ-то бабѣ: „Дай мнѣ кувшинъ молока, я тебѣ гривенникъ дамъ.“

А баба посмотрѣла на него и молча дверь у него передъ носомъ затворила.

Духъ неповиновенія сказывался множествомъ и другихъ подобныхъ же примѣровъ, которыхъ я не помню, но были и открытыя угрозы, вдругъ наполнявшія дамскія сердца ужаснымъ страхомъ.

Изъ Кривцова былъ посланъ въ Зиновьево за виномъ приказчикъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Дѣло было передъ сумерками; къ ночи онъ долженъ былъ привезти вино, но вмѣсто того явился гораздо ранѣе, съ пустымъ боченкомъ и всего на трехъ колесахъ. Четвертое у него сломилось а поднять и снова надѣть это колесо было невозможно.

Въ большихъ попыхахъ отъ перепуга, приказчикъ разсказывалъ, что онъ ѣхалъ рысью „ржами“ (т. е. ржанымъ полемъ) какъ вдругъ видитъ въ сторонѣ отъ панинскаго пруда вышелъ изъ ржей Василій Моськинъ весь мокрый въ соломенномъ шлычкѣ да въ рубахѣ, на поясу на ремешкѣ двѣ дикія утки висятъ, и ружье на плечахъ, а ноги босыя и портки не надѣты. Вышелъ и сталъ на самой серединѣ дороги, по которой приказчику надо ѣхать, да и смѣется... А зубы у него говоритъ, бѣлые пре-бѣлые. Приказчикъ сталъ сдерживать лошадь и подъѣзжая опросилъ—„чего ты дядя Василій, тутъ сталъ“? А тотъ опять усмѣхнулся и проговорилъ только короткое слово: „подъѣзжай скажу“. Ну, тутъ приказчикъ уже сообразилъ что дѣло плохо, вдругъ повернулъ лошадь круто на одномъ мѣстѣ, такъ что насилу на дрожкахъ усидѣлъ и во всю прыть ускакалъ назадъ. „Такъ, говоритъ, лошадь поролъ, что Боже сохрани“, а самъ чувствовалъ, что его все назадъ съ дрожекъ валитъ, да только какъ къ деревнѣ сталъ подъѣзжать оглянулся и видитъ лѣваго задняго колеса нѣтъ.

Такой переполохъ не могъ скрыться, тѣмъ болѣе, что послѣдствіемъ этого случая водки для всѣхъ пріѣхавшихъ изъ Кромъ гостей къ ужину не было, и гости, возвратясь домой, всѣмъ могли свидѣтельствовать, что въ селахъ странное и страшное возбужденіе и господа у крестьянъ, черезъ дерзость сихъ послѣднихъ, ничего не могутъ достать, ни водки, ни молока да и самой прислуги своей должны бояться. Говорили: „остается бѣжать“, и кое-кто уже сбѣжали: однѣ въ Кромы, другіе въ Орелъ, а третьи въ дальнія мѣста къ родственникамъ, гдѣ бунта еще не было слышно.

Были и оскорбительныя насмѣшки: такъ напримѣръ колесо съ бѣговыхъ дрожекъ, которое потерялъ кривцовскій приказчикъ не пропало, а явилось тою же ночью на скотномъ дворѣ, гдѣ всегда ста-

живали эти дрожки, но никто его сюда не приносилъ, а очевидно перешвырнулъ черезъ сарай и при этомъ сразу разбилъ имъ три большія корчаги съ зольнымъ бѣльемъ, которое все послѣ того надо было перестирывать. Было и еще что-то много разсказывано, но всего не припомню. Все страхи, разумѣется, пустые, но при готовомъ настроеніи они дѣйствовали очень сильно, и на этотъ счетъ нельзя строго осуждать дворянъ добрынскаго прихода, которые чувствовали, что противъ нихъ дѣйствуетъ какая-то клевета, что крестьяне перестаютъ сворачивать съ дороги и кланяться, и что они вообще очутились „у мужиковъ въ лапахъ". Припомните газетныя хроники 1880 года, когда жоны офицеровъ петербургской гвардіи въ безсмысленномъ страхѣ стремились бѣжать изъ казенныхъ квартиръ, охраняемыхъ военнымъ карауломъ, и если потомъ сравните съ этимъ страхъ и бѣгство дворянокъ добрынскаго прихода, которыхъ во всякомъ случаѣ войска не защищали, то вы должны отнестись къ ихъ поступкамъ снисходительнѣе. Кучеръ, который не хочетъ запрягать въ городѣ, и кучеръ, оказывающій такое же сопротивленіе въ деревнѣ— производятъ очень различное впечатлѣніе.

Струсить было простительно, простительно было принимать безъ критики и тѣ тревожныя вѣсти, въ которыхъ по здравому о нихъ разсужденію не было и не могло быть ничего тревожнаго. А почему это простительно, спросите о томъ несомнѣнной храбрости людей, которые участвовали когда либо на маневрахъ и знаютъ, что такое фальшивая тревога, нагоняющая такъ называемый „барабанный страхъ". Барабанщику приказано блюсти сигналъ и тотчасъ же моментально бить тревогу. Онъ блюдетъ и напряженность вниманія въ немъ достигаетъ такой степени, что онъ иногда принимаетъ за сигналъ шутиху, пущенную въ саду дѣтями на сосѣдней дачѣ, или просто, говоря по солдатски „гдѣ что пукнетъ". И бьетъ барабанщикъ тревогу, и встаютъ и сѣдлаютъ коней усачи, все готово, а идти незачѣмъ и некуда. По разсказамъ военныхъ, это на петербургскихъ маневрахъ случается съ какою-то роковою точностію въ десять лѣтъ непремѣнно три раза. Значитъ нельзя безъ этого.

Но вотъ въ исторіи добрынскаго бунта насталъ новый моментъ, который придалъ всему сразу настоящій оффиціальный характеръ: въ дѣло вмѣшалась власть, и притомъ пошла какъ по писаному. Очевидно ей было все извѣстно.

„Потревожили" въ Кромы добрынскаго старшину Аверкина и зиновьевскихъ крестьянъ Якова Тишкина, Николая Кащеева, Христофора Азорова, Лаврентія Кузнецова и Григорія Котова. Это были тѣ самые, которые находились по разсказамъ въ извѣстный день въ Кромахъ въ барбосскомъ погребѣ съ Вариваномъ; они конечно знали о бунтѣ и должны были указать правительству бунтовщиковъ. „Потревожили" ихъ сначала въ Кромы, а потомъ „къ самому грапу". А какъ у всякаго мужика въ домѣ есть бабы, то бабы „завыли"

такъ ужасно, что вѣроятно опять слышенъ бысть гласъ въ Раммѣ. Рыдали бабы и не хотѣли утѣшиться, потому что „грапъ сдѣлаетъ мужикамъ разстрѣлъ“, а куда же мужикъ послѣ разстрѣла годенъ? Зарыть его только въ землю, тогда какъ онъ нуженъ на то, чтобы обработывать въ потѣ лица эту землю. Бабы убивались правильно, но тѣмъ не менѣе черезъ ихъ плачь и причитанія мѣстность до того темная, но тихая, явилась въ печальнѣйшемъ настроеніи и вся бредила политикою, въ которой никто и ничего не понималъ. Кто бунтуетъ—дворяне или мужики, которыхъ „потревожили“, теперь уже нельзя было и разобрать сидя въ деревнѣ, но только картина была тревожная, отвратительная и для мало-мальски добраго человѣка обидная и несносная. Но вотъ наконецъ наступило второе дѣйствіе: „потревожили“ П. Н. Анцыферова. Въ существѣ онъ самъ поскакалъ въ Орелъ на встрѣчу поднимавшейся политической бурѣ, но говорили что его „потревожили“.

Мужики этому обрадовались, не по какому либо злому чувству, а потому, что видѣли тутъ „оборотъ“. Петра Николаевича основательно почитали человѣкомъ резоннымъ и опытнымъ, „дошлымъ“ и стали говорить: „іонъ имъ доведетъ, іонъ учкнетъ“. Онъ и дѣйствительно довелъ и учкнулъ.

Теперь дѣло переходитъ изъ сельскихъ палестинъ, гдѣ съ нимъ возились темные деревенскіе люди, въ города, гдѣ его приняли въ свои руки образованные представители свѣтской и духовной власти, сдѣлавшія, какъ я буду имѣть возможность сейчасъ показать, все, чтобы оставить навсегда въ памяти свою серьезность, основательность и способность оцѣнить характеръ событія и раздѣлаться съ нимъ по разуму и по совѣсти. Отсюда начинается сугубый интересъ, и если могу такъ выразиться сугубая срамота.

## X.

Изъ находящихся въ моихъ рукахъ несомнѣнныхъ копій по этому много меня интересовавшему дѣлу родного прихода видно, что „коллежскій ассесоръ Петръ Анцыферовъ, проживающій въ сельцѣ Зиновьевѣ кромскаго уѣзда, доводилъ до свѣдѣнія его преосвященства (преосвященнаго Поликарпа Радкевича, епископа орловскаго и сѣвскаго) что приходскій села Добрыни священникъ Илларіонъ Оболенскій возмущаетъ крестьянъ къ бунту и, подкупивъ одного изъ нихъ возвесть на него Анцыферова небывалое и страшное преступленіе, будто онъ Анциферовъ знаетъ преступника, покушавшагося на жизнь Государя Императора и участвовалъ на сборныхъ пунктахъ. При чемъ онъ Илларіонъ Оболенскій убѣждаетъ крестьянство, будто въ этомъ преступленіи участвуетъ все дворянство, изъ котораго уже громадное количество взято и увезено въ крѣпость“.

Преосвященный Поликарпъ распорядился вызвать священника Оболенскаго въ орловскую духовную консисторію и тамъ истребовать отъ него объясненія противъ жалобы Анцыферова.

Отца Илларіона вызвали въ Орелъ и спросили. Онъ ни въ чемъ не сознался, а сказалъ, что онъ самъ про такія дѣла слышалъ отъ зиновьевскаго крестьянина Тишкина и съ его словъ „заявилъ другимъ крестьянамъ".

Оболенскаго отпустили, а губернатору графу Левашову передали копію съ объясненія, которое далъ от. Илларіонъ и изъ котораго было видно что только не от. Илларіонъ доносчикъ, но что политическое дѣло въ добрынскомъ приходѣ все таки есть и имъ руководитъ Анцыферовъ и подбиваетъ всѣхъ дворянъ. Измѣнялся только первоисточникъ открытія: оказывалось, что настоящія свѣдѣнія о дворянскомъ бунтѣ имѣетъ зиновьевскій крестьянинъ Тишкинъ.

Губернаторъ написалъ „весьма нужно и весьма секретно" кромскому исправнику, а тотъ пошелъ „тревожить", сначала указаннаго священникомъ Тишкина, а потомъ и другихъ, которые вмѣстѣ съ нимъ бесѣдовали въ барбосскомъ погребѣ и должны были имѣть точныя свѣдѣнія о дворянскомъ бунтѣ, задуманномъ въ кромскомъ уѣздѣ съ развѣтвленіемъ его на всю имперію.

На владыку Поликарпа нечего и нарекать: онъ въ настоящемъ случаѣ и не могъ иначе поступить, да и вообще онъ, какъ увидимъ, сидѣлъ на каѳедрѣ какъ-то въ родѣ невмѣняемаго. Онъ былъ человѣкъ не худой, даже можно сказать добрый, если только вразумительно ему покажется, гдѣ лежитъ путь къ добру; но на бѣду свою и другихъ людей,

„Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда".

Къ тому же онъ постоянно недомогалъ и, употребляя опять стихотворное опредѣленіе—

„Зависѣлъ весь отъ сна и отъ сваренія желудка".

У него было два главнѣйшія состоянія: одно, когда его „крѣпило", и другое когда его „слабило", и въ обоихъ этихъ состояніяхъ его преосвященству было не до дѣлъ его правленія, а средняго положенія между двумя крайностями слабый и разстроенный организмъ владыки „не соблюдалъ". По этому настроенію владыки Поликарпа, старая подъяческая система отписки была для него безъ сомнѣнія самая подходящая и лучшая: „подписано и съ рукъ долой".

О томъ, что повлечетъ за собою такая отписка для живыхъ лицъ, до которыхъ она касается, охотники до отписокъ не заботятся, и архіереи въ этомъ случаѣ не составляютъ исключенія.

„Жандармскій полковникъ", т. е. мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, по наблюденіямъ внимательныхъ людей, уже нѣсколько разъ въ Петербургъ „за проволоку дергалъ и херами выписывалъ". Приносились шифрованныя депеши и ему. Словомъ, завязался совсѣмъ бунтъ какъ слѣдуетъ и шолъ въ порядкѣ съ шиф-

рами и съ письменными донесеніями, которыя должны лежать въ III Отдѣленіи, доколѣ ихъ достигнетъ прилежная рука историка и „пыль временъ съ доносовъ отряхнувъ“ покажетъ солидность разума иныхъ охранителей нашего времени.

Вообще, надо сказать, что начальство, предоставленное само себѣ, никакъ не могло поставить себя въ настоящія отношенія къ дѣлу и къ лицамъ. Отношенія къ Анцыферову колебались; — повидимому не знали: принимать ли его и сажать и выслушивать, или не принимать и не выслушивать, а просто сразу только взять и посадить куда надо, какъ злѣйшаго врага порядка въ отечествѣ. Въ собесѣдованіяхъ съ нимъ и на счетъ его чувствовалась сильная фальшь, точно говорящіе не могли никакъ соразмѣрить своего діапазона съ пространствомъ, и, не будучи въ состояніи отыскать музыкальную ноту въ голосѣ, они постоянно забирали то очень высоко, то низко, то хрипѣли, то гундосили, а найти настоящаго тона, въ которомъ слѣдуетъ говорить объ этомъ дѣлѣ, все таки не могли. Но наконецъ онъ былъ найденъ и дѣло сейчасъ же получило иное и притомъ самое настоящее освѣщеніе. И надо замѣтить, что этотъ благополучный stand-punkt былъ указанъ вовсе не графомъ Левашовымъ и не политикомъ секретной части его канцеляріи, равно какъ и не жандармскимъ штабъ-офицерамъ, и не владыкою Поликарпомъ, а нѣкіимъ изъ подчиненныхъ сего послѣдняго.

Между тѣмъ, пока вся эта политическая тревога, перейдя изъ Добрыни въ Орелъ, разгоралась и неизвѣстно въ какихъ видахъ передергивалась по проволокѣ „херами“ въ столицу,—кромской благочинный, Успенскаго собора протоіерей Василій Птицынъ, 27 мая, 1866 года, прислалъ преосвященному Поликарпу „репортъ“, въ которомъ нельзя не видать его ума и мужества, съ коими онъ рѣшился выступить, чтобы помочь начальству понять въ чемъ заключается все дѣло.

Протоіерей Птицынъ, ничего не скрывая, подтвердилъ, что въ его благочиніи дѣйствительно совершилась описанная неблаговидная исторія, но что при сужденіи о ней прежде всего надо знать личность іерея Оболенскаго, который „уже давно извѣстенъ своею склонностію къ навѣтамъ и ябедамъ всякаго рода и что послѣднее произшествіе подтверждаетъ мнѣніе, состоявшееся о немъ у многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, коротко знающихъ его, а именно, что страсть къ криминаціямъ и контркриминаціямъ у Оболенскаго обратилась въ умопомѣшательство и сумашествіе“.

А по сему, кромской благочинный „полагалъ, что Оболенскому ни мало не медля слѣдуетъ запретить священнодѣйствіе“.

На репортѣ семъ резолюція его преосвященства послѣдовала такова: „Устранить священника Оболенскаго отъ церкви, запретивъ ему священнослуженіе, ношеніе рясы и рукоблагословеніе, и доколѣ не потребуетъ его гражданское начальство, не пускать его изъ го-

рода Орла, и имѣя въ виду письмо г. Анцыферова, показаніе Оболенскаго и донесеніе благочиннаго, и сообразивъ все, отправить его въ губернское правленіе, для освидѣтельствованія его въ умственныхъ способностяхъ". Повѣрилъ или не повѣрилъ владыка Поликарпъ донесенію Птицына о сумасшествіи Оболенскаго, но онъ очевидно оцѣнилъ благоразуміе новаго направленія въ дѣлѣ и не помирволилъ добрынскому „священно-ябеднику". Напротивъ, съ этой поры въ дѣлѣ встрѣчается тотъ non sens, что объ отцѣ Илларіонѣ говорятъ какъ о сумашедшемъ и потомъ тоже какъ не о сумашедшемъ, отчего къ концу и воспослѣдовала самая рѣшительная нелѣпость.

## XI.

Орловская духовная консисторія „разсмотрѣвъ сіе постановила: по исполненіи резолюціи его преосвященства потребовать (sic) отъ господина орловскаго губернатора свѣдѣній; въ чемъ именно и на сколько оказывается виновнымъ священникъ Оболенскій"?

Консисторія первая произнесла слово: виновенъ Оболенскій.

Губернаторъ гр. Левашовъ на это „требованіе" отвѣчалъ не консисторіи, а прямо написалъ архіерею, что онъ гораздо ранѣе „имѣлъ отъ кромскаго уѣзднаго исправника дознаніе по означенному случаю и кромѣ того лично распрашивалъ старшину села Добрыни, Аверкина, и временно-обязанныхъ крестьянъ села Зиновьева, Якова Тишкина, Николая Кащеева и Григорія Котова, которые всѣ подтвердили, что помянутая жалоба помѣщика Анцыферова справедлива. А потому, признавая вреднымъ оставить священника Оболенскаго въ мѣстѣ настоящаго пребыванія, въ кромскомъ уѣздѣ, губернаторъ просилъ его преосвящество о перемѣщеніи священника Оболенскаго на таковую же должность въ другой уѣздъ. Въ противномъ случаѣ, писалъ графъ Левашовъ,—онъ не можетъ принять на себя отвѣтственность за безпорядки, которые могутъ произойдти отъ оставленія на службѣ въ кромскомъ уѣздѣ священника Оболенскаго".

Губернаторъ съ архіереемъ расквитовались во взаимномъ уваженіи къ предѣламъ власти, предоставленной тому и другому. Орловская духовная консисторія, какъ мы видѣли, „требовала" отъ графа свѣдѣній, въ чемъ виновенъ священникъ Оболенскій, который, по удостовѣренію благочиннаго, „отъ страсти къ криминаціямъ и контрокриминаціямъ пришелъ въ умопомѣшательство и съумашествіе". Графъ Левашовъ прямо и ясно на это не отвѣчаетъ: онъ не хочетъ сказать, что Оболенскій виноватъ въ тяжкой политической клеветѣ. Губернаторъ ограничивается увѣдомленіемъ, что „жалоба помѣщика Анцыферова справедлива", т. е. что от. Илларіонъ выдумалъ общедворянскій бунтъ, которымъ руководитъ Анцыферовъ, и подбивалъ

крестьянъ противъ дворянства, но то, что заварившій всю эту кашу от. Илларіонъ сошелъ съума, графа какъ бы и не касается. Онъ этому какъ будто не вѣритъ, или не считаетъ этого важнымъ, и въ отвѣтъ на „требованіе“ консисторіи ни мало сумняся пишетъ архіерею, чтобы тотъ оставилъ помраченнаго криминалиста священникомъ, но только „перемѣстилъ бы его на таковую же должность въ другой уѣздъ“. Здѣсь онъ набуровилъ,—нускай еще тамъ побуровитъ.

Но этого мало: въ бумагѣ, которою губернаторъ указывалъ владыкѣ орловскому и сѣвскому, какъ онъ долженъ распорядиться съ Оболенскимъ,—стояло нѣчто еще болѣе самовластное, безправное и даже едва ли не слѣдуетъ сказать наглое, въ смыслѣ возмутительнаго вторженія генерала въ чисто церковное дѣло. Въ бумагѣ, которую губернаторъ писалъ къ архіерею, чтобы пришедшаго отъ страсти къ ябедамъ въ съумашествіе священника опредѣлить опять на другое священническое мѣсто, графъ Левашовъ, „присовокупилъ, что онъ не желаетъ, чтобы Оболенскій былъ лишенъ духовнаго сана, а проситъ перевести его въ другое мѣсто и о послѣдующемъ увѣдомить“...

Онъ, графъ Левашовъ, не желаетъ, чтобы не священствовалъ человѣкъ омрачившій свой умъ или свое доброе имя,—человѣкъ, священство котораго становится послѣ этого скандаломъ и профанаціею религіи,—какъ это и понялъ правильно архіерей... Какое значеніе должно имѣть такое желаніе графа для преосвященнаго владыки? Конечно значеніе желанія неосновательнаго міранина и губернатора не ясно понимающаго предѣлы своей власти.

Но что же сдѣлалъ владыка Поликарпъ—почувствовалъ онъ оскорбительную обиду, которая совершенно безправно была нанесена самочиннымъ губернаторомъ высокому сану предстоятеля церкви? далъ онъ графу достойный своего положенія и твердый отпоръ и остался непоколебимъ въ своемъ правильномъ убѣжденіи, что ни обличенный политическій клеветникъ, ни съумашедшій, не можетъ и не долженъ священствовать ни въ кромскомъ, ни въ иномъ уѣздѣ? что если губернатору идетъ дѣло объ одномъ полицейскомъ спокойствіи кромскаго уѣзда, то святителю церкви тутъ идетъ о несравненно большемъ,—о избавленіи совѣсти людей отъ соблазна, а святительскаго сана отъ нарѣканія?

Кажется, всего этого такъ бы и слѣдовало ожидать, тѣмъ болѣе, что все это требовалось настоящими интересами церкви и не составляло ровно никакой ни „строптности, ни о грубности“ со стороны архіерея. Да если бы и такъ, то еще не великъ страхъ для архіерея въ губернаторѣ. Пусть Поликарпъ не Филиппъ Колачовъ, да вѣдь и графъ Левашовъ не Иванъ Грозный, а такой же „калифъ на часъ“, какъ и прочіе. Но дѣло показываетъ, что епископъ думалъ совершенно иначе.

Владыка не возвысилъ голоса на ту высоту съ какой ему подобало прозвучать въ защиту неприкосновенности его святительскаго права

охранять свою паству, а безъотвѣтно принялъ полученное отъ губернатора указаніе... Только стыдясь открыто покориться дерзости указывавшаго ему міряника, преосвященный Поликарпъ передалъ оскорбительную для чести его святительскаго сана бумагу въ орловскую духовную консисторію на ея распоряженіе. И это было не худшее, ибо консисторія измыслила къ удовлетворенію графа Левашова удивительное мѣропріятіе, въ коемъ одна странность противорѣчитъ другой.

## XII.

Наведя по канцелярскому порядку на справку все извѣстное объ умопомраченномъ криминалистѣ и контро-криминалистѣ Илларіонѣ Оболенскомъ, орловская консиситорія заслушала написанную губернаторомъ въ начальственномъ тонѣ бумагу къ архіерею и „приказали: нынѣ же удалить священника Оболенскаго изъ села Добрыни, пославъ туда согласно резолюціи его преосвященства священника Некрасова, коему заготовить перехожій указъ и для выдачи ему препроводить мѣстному благочинному, а на мѣсто Некрасова, въ село Студенецъ предназначить Оболенскаго. Но (отсюда начинаются заковыки) прежде разрѣшенія ему священнодѣйствія и выдачи указа, взять его въ орловскій архіерейскій домъ для усмотрѣнія, а потомъ, согласно резолюціи его преосвященства, отправить его въ орловское губернское правленіе для освидѣтельствованія въ умственныхъ способностяхъ, для чего и вызвать его въ консисторію черезъ благочиннаго“.

Все это безъ малѣйшей утайки унизительной для архіерея требовательности губернатора цѣликомъ изложено въ указѣ, данномъ кромскому протоіерею Птицыну 21 іюня 1866 года за № 4990-мъ, съ присовокупленіемъ, чтобы благочинный Птицынъ „высылая Оболенскаго въ консисторію, въ тоже время обязалъ его подпискою перевезть все имущество съ семействомъ въ село Студенецъ“.

Сколько во всемъ этомъ нелѣпости, противорѣчій и жестокосердія, и какъ ясно, что все это происходитъ отъ одной безхарактерности и униженія, въ которое преосвященный Поликарпъ позволилъ поставить носимый имъ высокій санъ преосвященнаго.

Сведемъ вкратцѣ итоги этихъ распоряженій заключившихъ пустую, но комическую и каверзную исторія бунта „всего дворянства“, измышленную на добрынской поповкѣ.

Былъ или не былъ Илларіонъ Оболенскій въ сумасшествіи отъ обуявшей его страсти къ криминаціямъ и контра-криминаціямъ, допустимъ то и другое, какъ будто совершенно для насъ безразличное. Дадимъ даже вѣру тому, что говорилъ весь добрынскій приходъ и „вся благочинническая округа“, т. е. что Илларіонъ Оболенскій отнюдь съ ума не сходилъ, а былъ просто врожденный и неисправимый

ябедникъ. Пусть будетъ справедливо и то, что благочинный Птицынъ увидавъ, какъ от. Илларіонъ „сталъ достигать вышнеполитики“ для избавленія его и всего начальства выказалъ свою находчивость и обнаружилъ на Оболенскаго фортелэ, яко бы все то имъ содѣяно въ безуміи... „Острый смыслъ“ кромскаго протопопа, который сдѣлался въ этомъ случаѣ предметомъ общаго восхваленія, во всякомъ случаѣ намѣтилъ единственный благополучный исходъ для возникшаго въ его благочиніи политическаго случая. При томъ это фортелэ было и самое милостивое; оно дѣлало сочинителя бунта невмѣняемымъ и потому неотвѣтственнымъ за его ужасныя клеветы. Посидѣть за этакую исторію немножко въ сумашедшемъ домѣ уже не бѣда, а потомъ, по выздоровленіи, опять можно будетъ получить право священнослуженія, рясоношенія и рукоблагословенія. И при этомъ семьи Оболенскаго изъ Добрыни не тревожили бы, а его самого поиспытали бы и потомъ поступили бы съ нимъ по усмотрѣнію. Усмотрѣніе, вѣроятно, было бы для отца Илларіона довольно поучительное, но оно за то въ самомъ дѣлѣ выяснило бы владыкѣ нравственное и умственное состояніе маньяка.

Но губернаторъ все это коверкаетъ по своему и является административная путаница гораздо безтолковѣе мужичьей.

Губернаторъ вполнѣ удостовѣрился, что жалоба Анцыферова справедлива, что священникъ Оболенскій возмущалъ крестьянъ противъ дворянства, увѣряя ихъ, что „все дворянство“ повинно въ бунтѣ, а Анцыферовъ знаетъ даже злоумышленника на жизнь Государя.

Обвиненіе страшное. Если бы оно было справедливо, оно могло стоить Анциферову головы; но какъ оно оказалось несомнѣнно несправедливымъ, то клеветникъ конечно подлежалъ самой строгой карѣ. Одно средство смягчить его участь было „фортелэ“ благочиннаго: предъявить Оболенскаго міру въ состояніи невмѣняемости по сумашествію.

Простой здравый смыслъ и справедливость, кажется, обязывали бы губернатора, если онъ не вѣрилъ умопомѣшательству Оболенскаго, сообщить о политическомъ клеветникѣ прокурорскому надзору, а если онъ вѣрилъ сообщеніямъ благочиннаго объ умопомѣшательствѣ Оболенскаго, то не мѣшать архіерею исполнить его планъ объ освидѣтельствованіи маньяка. Но гр. Левашовъ не хочетъ ни того ни другого: онъ какъ бы не желаетъ допустить, что политическіе клеветники возможны и существуютъ. Ему нѣтъ дѣла до того, что ни уличенный клеветникъ, ни сумашедшій, не можетъ быть священникомъ; его желаніе—законъ, даже оно выше закона не только свѣтскаго, но и духовнаго, и маститый Поликарпъ, владыка орловскій и сѣвскій, не противорѣчитъ фантазіямъ графа: онъ „предназначаетъ сумасшедшаго Оболенскаго священникомъ въ село Студенецъ.“

Я говорю „сумашедшаго“ потому, что съ назначеніемъ Оболенскаго священникомъ въ Студенецъ ради исполненія желанія губер-

натора, консисторія продолжаетъ считать его умоповрежденнымъ и подлежащимъ отсылкѣ на испытаніе. Консисторію уже нельзя винить въ этой безсмыслицѣ,—она въ трудномъ положеніи и варьируетъ фіоритуры и фуги, чтобы только какъ нибудь совмѣстить возможность исполненія архіереемъ безправнаго губернаторскаго требованія съ охраненіемъ несчастнаго села Студенца отъ умопомраченнаго духовнаго пастыря. Такова была ближайшая задача консисторіи въ виду безсилія владыки разъяснить губернатору, что желаніе его превосходительства держать священникомъ сумасшедшаго человѣка неудобоисполнимо. И орловская консисторія при содѣйствіи своихъ канцелярскихъ вывертовъ разрѣшила эту задачу какъ могла.

Сумасшедшаго попа переводятъ въ Студенецъ, священникомъ же, но предписываютъ „обязать“ сумашедшаго подпискою „перевезти все имущество и семейство“; благочинный вызываетъ сумасшедшаго, и тотъ является, выслушиваетъ указъ о томъ какъ ему „предназначено“ перевезть семейство и имущество, потомъ ѣхать въ Орелъ, жить при архіерейскомъ домѣ, и наконецъ предъявлять себя въ губернскомъ правленіи для опредѣленія умственныхъ способностей... И сумасшедшій все это исполняетъ: онъ разъѣзжаетъ по орловской губерніи по предназначенному для него „маршруту“, транспортируетъ свой нищенскій скарбъ и семейство и препровождаетъ самого себя до самыхъ дверей соединеннаго присутствія губернскаго правленія, чтобы пройти черезъ нихъ въ сумасшедшій домъ или въ острогъ... И все это „въ оккуратѣ“, какъ якушкинскіе мужики, которые по той же самой орловской губерніи возили себя „сѣчься“.

Кажется за одну эту точность, съ которою номраченный „криминаціями“ Оболенскій труждался и болѣлъ при перевозкѣ семьи и имущества и доставленіи самаго себя къ освидѣтельствованію, губернское правленіе имѣло основанія признать отца Илларіона дѣйствующимъ въ полномъ разсудкѣ, и задуматься надъ состояніемъ умственныхъ способностей тѣхъ, кто все это напуталъ.

Посмѣялась надъ страхомъ владычнымъ и сама судьба: 21 іюня 1866 года консисторія издала свой замѣчательный указъ, въ которомъ прописала „желаніе“ губернатора и безъотвѣтность своего владыки, и ровно черезъ одинъ мѣсяцъ, 22 іюля 1866 года, графъ Левашовъ былъ отозванъ отъ должности орловскаго губернатора...

Не много нужно было чтобы и помужествовать противъ его безправныхъ желаній въ церковномъ дѣлѣ.

## XIII.

Разсказанныя мною событія имѣли мѣсто всего пятнадцать лѣтъ назадъ, когда въ литературѣ уже охотно занимались церковными вопросами и надо всѣми надъ ними выше всѣхъ воздымали вопросъ „объ освобожденіи іерарховъ отъ подавляющей ихъ власти полномоч-

наго міранина, распоряжающагося въ центральномъ церковномъ учрежденіи". Подъ этимъ прикровеннымъ словоизвитіемъ подразумѣвались Синодъ и „его полномочный міранинъ", т. е. оберъ-прокуроръ. „Только бы его прочь, только бы снести долой этотъ странный урядъ, и церковь наша процвѣтетъ". Таково было общее мнѣніе робкихъ „твердостоятелей" еле слышно лепетавшихъ объ этомъ въ тонѣ „притрепетной прикровенности", пока не задолго передъ своею кончиною не отважился на подвигъ откровеннаго изложенія своей мысли волынскій архіепископъ Агаѳангелъ. Его рѣчь успѣлъ подхватить „Гражданинъ", за нимъ еще кое-кто, и по Россіи прокатило: „церкви прокуроръ мѣшаетъ". (Успѣху статьи высокопреосвященнаго Агафангела конечно много содѣйствовало то, что она мѣтила противъ нынѣшняго московскаго митрополита Макарія Булгакова и тогдашняго „полномочнаго міранина" св. Синода графа Д. А. Толстого, который умѣлъ стяжать себѣ общее нерасположеніе всей страны, но по св. Синоду едва ли не сдѣлалъ въ ряду ошибокъ много хорошаго).

Это всѣмъ казалось ни вѣсть какъ вѣрно и нравилось, да и очень понятно почему это нравилось и о сю пору нравится. Это—протестъ, и при томъ самый безплодный протестъ противъ того, чего мы не можемъ передѣлать. Что же можетъ быть удобнѣе для русскихъ умовъ и характеровъ какъ не такая жалоба? Одинокій голосъ во всемъ сонмѣ толковниковъ, предлагавшихъ свои невѣгласы по этому вопросу, говорилъ, что не въ этомъ главное дѣло; что главное дѣло въ духѣ и настроеніи самихъ епископовъ, которые ни при какомъ „міранинѣ" не могутъ утратить ничего изъ высокаго значенія своего сана, если не поступятся имъ сами, съ умолвкою: „что ми хощете дати да азъ вамъ предамъ его". Одинокій голосъ былъ правдивъ и въ немъ въ одномъ болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ слышалось настоящаго пониманія дѣла и настоящей любви къ родной церкви; но онъ было заглушенъ пустымъ блеяніемъ „невѣгласовъ". Они твердили и еще готовы твердить объ одномъ многоправномъ въ церковныхъ дѣлахъ „міранинѣ", тогда какъ цѣлая масса случаевъ, подобныхъ тому, о которомъ мы бесѣдовали, свидѣтельствуютъ о добровольномъ приниженіи владыкъ даже передъ такими міранами, которые не имѣютъ ни какихъ правъ давать имъ какія бы то ни было указанія въ церковномъ дѣлѣ.

Кто можетъ защитить носителей высшаго духовнаго сана отъ этой ихъ слабости?

Кажется никто, кромѣ ихъ самихъ. По крайней мѣрѣ извѣстная классическая фраза гласитъ такъ: „тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ себѣ,—въ немощи своего духа носитъ своего врага".

Толки и перетолки о „полномочномъ міранинѣ", можетъ быть годны только для „отвода очесъ" отъ настоящей причины бѣдствія церкви... Жалобы на прокурорскую помѣху,—употребляя сравненіе однаго краснорѣчиваго церковнаго писателя, есть „смоковничье лист-

віе, коимъ остается прикрывать свою наготу тѣмъ, кому становится стыдно предстать передъ Богомъ, ходящимъ и глаголящимъ: гдѣ ты"?

## XIV.

Но что же съ добрынскимъ приходомъ послѣ отбытія оттуда учредителя обще-дворянскаго бунта, поклепъ которымъ, кажется, долженъ бы быть обиднымъ и для всей губерніи?

Однажды разбѣжавшееся приходское дворянство, по мужичьему выраженію „разсыпалось" и болѣе не собралось. Приходъ омужичѣлъ. „Дворянскаго званія" осталось одно лицо, именно самъ г. Анцыферовъ, да и тотъ бываетъ рѣдко, наѣздомъ, „для эксплоатаціи рудъ". По господскимъ домикамъ засѣлъ разночинецъ, — преимущественно купецъ и однодворецъ.

Въ разсѣяніи своемъ, отбѣжавшее дворянство долго не могло понять ясно, какъ это все оборотилось, что о. Илларіонъ и сумашедшій да „предназначенъ", или не сумашедшій, да не судимъ? Да и кто могъ понять это? Толковали, что все обернулось такъ, ибо преосвященный Поликарпъ себѣ новую звѣзду желалъ и потому уступилъ губернаторскому желанію оставить клеветника священникомъ. Такъ они думали и въ такомъ убѣжденіи остались; но можетъ быть это совсѣмъ не справедливо. Гораздо болѣе вѣроятно, кажется, то, что еп. Поликарпъ былъ бѣденъ и зналъ, что съ пустыми руками и архіерею плохо ждать защиты.

Зналъ и покорился, и я думаю что это вѣрно. Провѣрить же все это было нечѣмъ, потому что пр. Поликарпъ скончался въ 1867 году и ни какая новая звѣзда не успѣла снизойдти на его грудь.

Дворяне ни собраніемъ, ни въ лицѣ самихъ постоянныхъ представителей, за кинутый на нихъ поклепъ не вступились. Они только радовались что Богъ принялъ отъ нихъ гр. Левашова, и думали, что это они его „сдвинули". Такой радости стало имъ почти на годъ, пока губернаторствовалъ кн. Лобановъ-Ростовскій, а затѣмъ опять Богъ имъ даровалъ Михаила Николаевича Лонгинова. Этотъ консерваторъ и аристократъ, по странной игрѣ крайностей, впадалъ въ единомысліе съ Герценомъ и находилъ, что на всѣмъ свѣтѣ нѣтъ ни чего смѣшнѣе какой-бы то ни было оппозиціи русскаго дворянства— въ чемъ, кажется, онъ и былъ правъ. Впрочемъ, задушевныя мысли Лонгинова мало извѣстны, такъ какъ изъ всѣхъ русскихъ литераторовъ только одному ему ни одинъ органъ печати не захотѣлъ напечатать никакого некролога...

Самочинства Лонгинова въ Орлѣ еще интереснѣе и совсѣмъ въ другомъ родѣ, но о нихъ за то и въ другое время.

Какъ же перенесли бунтъ мужики, какъ они отнеслись къ смѣшнымъ распоряженіямъ губернскихъ набольшихъ о Варивонѣ?

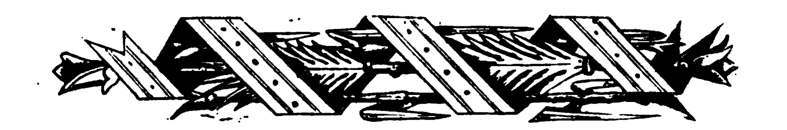
Никакъ. Новаго попа приняли „все единственно“, и разсуждали такъ:

— Намъ, кто ни попъ—тотъ батька. Намъ лучше бы не требовается какъ въ родаю отца Василія—что іонъ бунтовъ никогда не сказывалъ, и въ губерню за него не тревожили, а что трезвый, что пьяненькій, хрестьянъ не понуждалъ и былъ для насъ весьма преподобенъ.

И этотъ добрынскій приходъ по мнѣ точно микрокозмъ всей земской Руси:—„не тревожь, да не понуждай, и про бунты намъ не сказывай, а самъ живи какъ знаешь и будешь „для насъ весьма преподобенъ“.

Н. Лѣсковъ.





# ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ БУТКОВЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Въ числѣ литераторовъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться во время сотрудничества въ петербургскихъ журналахъ, былъ, между прочими, Яковъ Петровичъ Бутковъ, авторъ разсказовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Петербургскія вершины“, и нѣсколькихъ повѣстей, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ сороковыхъ годахъ сочиненія эти пользовались успѣхомъ и вполнѣ того заслуживали. Въ нихъ видна была замѣчательная наблюдательность, знакомство съ бытомъ и насущными радостями и печалями того бѣднаго класса столичнаго населенія, которому можно присвоить названіе чиновнаго и умственнаго пролетаріата. Самый уголъ зрѣнія автора на эту мелкую среду отличался оригинальностью, а въ манерѣ и тонѣ его разсказа наивное добродушіе соединялось съ какимъ-то своеобразнымъ юморомъ. Одно то уже говорило въ пользу самобытнаго дарованія этого человѣка, что языкъ его легко можно было узнать по нѣсколькимъ строкамъ разсказа. Но самая личность автора была едва ли не интереснѣе его сочиненій.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Буткова въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“. Это было утромъ. Въ кабинетѣ издателя засталъ я человѣкъ пять или шесть сотрудниковъ журнала, у которыхъ шелъ довольно живой разговоръ объ итальянской оперѣ. Въ сторонѣ отъ другихъ, не принимая никакого участія въ сужденіяхъ и спорахъ, молча и какъ-то неловко, сидѣлъ молодой человѣкъ, въ поношенномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верха на порыжѣвшія пуговицы, въ сапогахъ, къ которымъ, очевидно, нѣсколько недѣль не прикасалась щетка. Большая голова, съ рѣзко выдающимися скулами, неправильными чертами лица и подъ гребенку остриженными волосами, съ перваго взгляда производила впечатлѣніе не совсѣмъ пріятное, но

оно скоро изглаживалось при видѣ кроткихъ, умныхъ глазъ и красиваго очертанія рта, какъ будто ежеминутно готоваго улыбнуться.

Мнѣ показалось, что этому молодому человѣку было какъ будто неловко, оттого ли, что онъ не могъ принять участія въ разговорѣ, или находилъ себя не на мѣстѣ въ большомъ кабинетѣ, посреди эластическихъ дивановъ и мягкихъ ковровъ. По крайней мѣрѣ замѣтно было, что онъ какъ-то неуклюже сидѣлъ на стулѣ и неловко поджималъ ноги. Я спросилъ, кто этотъ господинъ, и мнѣ назвали Буткова.

Нѣкоторыя обстоятельства его жизни были уже мнѣ извѣстны. Онъ былъ мѣщанинъ изъ какого-то уѣзднаго города, помнится Саратовской губерніи, не получилъ почти никакого образованія, и принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ самородковъ, которые почти безъ всякаго ученія воспитывались и развивались на одномъ только чтеніи. Частію пѣшкомъ, а отчасти съ случайными попутчиками, добрался онъ до Петербурга, поселился въ углу на какой-то изъ глухихъ вершинъ и успѣлъ найти доступъ въ редакцію журнала, гдѣ въ представленныхъ имъ литературныхъ опытахъ умѣли подмѣтить дарованіе. Но скоро встрѣтилось обстоятельство, которое могло надолго, а можетъ быть и навсегда, отвлечь его отъ литературы. Объявленъ былъ рекрутскій наборъ и ему по званію и семейному положенію необходимо было идти въ солдаты. Къ счастію, его спасъ отъ этого А. А. Краевскій: онъ купилъ ему рекрутскую квитанцію, съ тѣмъ, чтобы Бутковъ выплачивалъ за нее вычетомъ части гонорара за статьи, помѣщаемыя въ „Отечественныхъ Запискахъ“. При трудолюбіи и особенно при той умѣренной жизни, какую велъ этотъ литературный пролетарій, это было бы не очень трудно; но онъ писалъ не много и, сколько я знаю, далеко не выплатилъ своего долга.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ Бутковымъ, и я заговорилъ съ нимъ о послѣдней его повѣсти, только-что напечатанной тогда въ журналѣ; но онъ слушалъ меня потупя глаза, не то съ смущеніемъ, не то съ неудовольствіемъ, и не показывалъ, повидимому, ни малѣйшей охоты къ сближенію. Отвѣчалъ онъ мнѣ отрывисто, сухо, даже нѣсколько грубо, и когда я обратился къ кому-то изъ бывшихъ въ кабинетѣ—чудакъ быстро и незамѣтно исчезъ. На замѣчаніе мое о такой странности, мнѣ сказали, что это настоящій дикарь, который ни съ кѣмъ не сближается и всѣхъ подозрѣваетъ въ гордости и презрѣніи къ нему. Можетъ быть онъ былъ въ этомъ отношеніи и правъ, потому что мнѣ самому случалось видѣть, что нѣкоторые изъ пишущей братіи, далеко ниже его по способностямъ, относились къ нему свысока.

Но какъ ни тяжелъ былъ Бутковъ на сближеніе, мы однакожъ познакомились. Въ ту же зиму я встрѣтилъ его у М. М. Достоевскаго, который также участвовалъ въ то время въ журналѣ А. А. Краевскаго, а впослѣдствіи самъ былъ издателемъ и редакторомъ журнала

„Время“. На этотъ разъ Бутковъ какъ-то разговорился со мной и даже оказался словоохотнымъ. Но къ удивленію моему, когда черезъ нѣсколько дней послѣ того мы опять встрѣтились въ редакціи, онъ по-прежнему оставался несообщительнымъ, сидѣлъ молча и незамѣтно ускользнулъ. И это потомъ повторялось не разъ. Однажды мнѣ удалось однако выдти вмѣстѣ съ нимъ, и дорогой я спросилъ: отчего онъ какъ будто стѣсняется чѣмъ-то въ редакціи?

Бутковъ, прежде чѣмъ отвѣчать, оглянулся назадъ, точно хотѣлъ увѣриться, не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь, и сказалъ:

— Нельзя... начальство-съ.

— Какое начальство?

— Литературные генералы... Маленькимъ людямъ надо это помнить.

— Что за пустяки! А со мной-то отчего же вы тамъ не говорите?

— При начальствѣ неловко-съ. Я мелкота.

— Полноте: развѣ вы не такой же литераторъ, да еще даровитѣе многихъ.

— Что тутъ даровитость! Я вѣдь кабальный.

— Съ чего вы это взяли?

— Вѣрно-съ.

— Зачѣмъ же вы туда ходите, если вамъ это непріятно?

— Нельзя не являться: къ непочтенію и строптивости нрава отнесутъ. Могутъ гнѣваться-съ.

И я не могъ добиться ничего больше.

Мало по малу Бутковъ перестлъ меня чуждаться, и однажды мнѣ удалось даже затащить его къ себѣ. Мы довольно долго говорили съ нимъ о литературныхъ новостяхъ, и послѣ того онъ изрѣдка сталъ заходить ко мнѣ, большею частью утромъ; но я никакъ не могъ заманить его въ тотъ день, когда по вечерамъ собирались у меня пріятели. Въ передней онъ обыкновенно спрашивалъ, нѣтъ ли у меня кого нибудь, и ежели въ это время я былъ не одинъ, то онъ совсѣмъ и не входилъ. Если же случалось, что при немъ кто нибудь приходилъ ко мнѣ, даже изъ людей ему извѣстныхъ — онъ тотчасъ же убѣгалъ, отговариваясь какими нибудь спѣшными дѣлами. Нѣсколько разъ приглашалъ я его обѣдать и къ себѣ, и въ ресторанъ, но чудакъ всегда отказывался. Когда мы съ Бутковымъ выходили вмѣстѣ изъ редакціи, онъ провожалъ меня по Невскому проспекту и всегда не далѣе Пассажа, куда исчезалъ, торопливо попрощавшись со мною. На вопросъ о его квартирѣ, онъ всегда отвѣчалъ какъ-то уклончиво и неопредѣленно. Мнѣ говорили, что онъ нанималъ маленькую комнату въ верхней галереѣ Пассажа, но почему не говорилъ объ этомъ, не знаю. Въ желаніи скрывать свою бѣдность его нельзя было заподозрить.

Однажды, когда мы такимъ образомъ на пути изъ редакціи дошли до обычнаго мѣста нашего разставанья, я сказалъ, что хочу

тоже пройтись по Пассажу. Бутковъ промолчалъ, но только-что мы поднялись на ступени къ первой площадкѣ, онъ остановился и сказалъ:

— Вы часто звали меня къ хлѣбу-соли, такъ вотъ если теперь не прочь посидѣть да потолковать — зайдемъ тутъ закусить чего нибудь.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я и хотѣлъ уже подняться по лѣстницѣ къ ресторану, но Бутковъ остановилъ меня.

— Знаете, я въ эти кулинарные храмы не люблю ходить-съ, проговорилъ онъ: тамъ литературные генералы устрицы глотаютъ да англійскій эль пьютъ, а вотъ тутъ есть маленькое заведеньице попроще, такъ ужъ мы лучше туда.

— Гдѣ же это?

— А внизу, въ катакомбахъ, православная пирожная лавочка открылась: чай китайскій и казалетовское пиво есть. Зайдемте, хорошо: большихъ комфортовъ нѣтъ, а очень любезно — и дешево и привольно-съ!

Мы спустились въ длинный, полутемный и довольно душный подвалъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тянулись какія-то кладовыя и между ними не запертыя еще лавченки. Въ одну изъ этихъ норъ и затащилъ меня Бутковъ. За буфетомъ, уставленнымъ графинами съ водкой и тарелками съ пирожками и бутербродами, стоялъ бородатый старикъ, съ привязаннымъ сверхъ поддѣвки полубѣлымъ фартукомъ. Въ самой лавкѣ и въ примыкавшей къ ней небольшой комнатѣ разставлены были столики, накрытые цвѣтными ярославскими салфетками, и за двумя-тремя сидѣли передъ бутылками и стаканами какія-то неопредѣленныя личности. Съ перваго шага я замѣтилъ, что Бутковъ былъ здѣсь совершенно свой человѣкъ. Онъ оживился, повеселѣлъ, сталъ развязенъ и разговорчивъ. Какъ ни непріятно было сидѣть въ этомъ мрачномъ подвалѣ, похожемъ скорѣе на какую нибудь харчевню, чѣмъ на городской трактиръ, но я не раскаявался, что зашелъ туда.

Въ первый разъ Бутковъ показался мнѣ здѣсь вполнѣ откровеннымъ и очень занимательнымъ. Онъ выпилъ рюмку водки, но не она оживила его, а кажется самое это мѣсто, гдѣ онъ очевидно чувствовалъ себя на родной почвѣ. Къ удивленію моему, онъ самъ заговорилъ о своихъ литературныхъ работахъ, чего прежде никогда не бывало и разговоръ о чемъ онъ обыкновенно отклонялъ съ первыхъ словъ. Теперь онъ, безъ всякаго запроса съ моей стороны, сообщилъ мнѣ, что кромѣ разныхъ мелочей для журнала, занимается сочиненіемъ въ драматическомъ родѣ.

— Что же это такое, Яковъ Петровичъ? спросилъ я.

— Драму началъ-съ: „Взятіе Одессы“.

— Какъ такъ! Да когда же Одесса была взята?

— Въ прошломъ году.

— Вы шутите: кто-же ее бралъ?

— Жиды-съ. Торги были въ Сенатѣ на откупа: іудейская рать пришла съ превосходными силами, три раза городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, на приступъ лѣзли; наши-то не удержались, золотого пороху не хватило, да говорятъ еще, тамъ какая-то Юдиѳь изъ француженокъ секретно дѣйствовала... Ну, и взяли-съ!

Я засмѣялся и замѣтилъ, что заглавіе пьесы оригинально и бойко, но я еще не совсѣмъ понимаю, какая въ этомъ можетъ быть драма. Бутковъ видимо оживился.

— Какъ не понимаете? Да развѣ вы не знаете, что такое откупъ? Вѣдь это золотое руно, неистощимое золотое руно: въ Колхидѣ не было такихъ сокровищъ, какія даютъ наши кабаки; страсти-то въ борьбѣ за нихъ и разыгрываются. А тутъ еще Юдиѳь-съ, или этакая Далила обстригаетъ подъ гребенку нашихъ денежныхъ Самсоновъ — силачей... Гдѣ въ этомъ драма, говорите вы? Мало что драма: трагедія высокая: ликованье откупщиковъ, народъ плачущій хоромъ...

— И вы думаете, цензура пропуститъ такое взятіе Одессы?

— Да, пожалуй не пропустятъ... Я самъ объ этомъ думалъ, да дѣлать нечего: сюжетъ-то мнѣ пришелся по душѣ, хочется писать: пусть запрещаютъ, по-крайности душу отведу... Вотъ только-бы туда не позвали.

— Куда это?

— Да къ самому-съ.

— Къ кому-же?

— Будто не знаете! проговорилъ Бутковъ, нагибаясь ко мнѣ черезъ столъ, такимъ голосомъ, какъ иныя набожныя старушки произносятъ имя врага рода человѣческаго. Онъ назвалъ тогдашняго попечителя петербургскаго округа и предсѣдателя цензурнаго комитета М—а П—а, который, какъ извѣстно, не отличался особенной деликатностью въ сношеніяхъ съ литераторами и третировалъ ихъ иногда какъ какой-нибудь директоръ департамента стараго закала своихъ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ.

— Да что же вы его такъ боитесь? спросилъ я.

— А какъ же не бояться! Вѣдь я былъ у него на расправѣ, въ застѣнкѣ-то... Сохрани Господи и помилуй! Вотъ меня добрые люди отъ красной шапки избавили... да вѣдь, я думаю, никогда солдаты-то не терпѣли того отъ старыхъ бурбоновъ, что я вынесъ... Словно сквозь строй прогналъ-съ.

— Что вы говорите? Разскажите, изъ-за чего и какъ это было.

Бутковъ осмотрѣлся по сторонамъ, всталъ и заглянулъ въ буфетную комнату, потомъ опять присѣлъ за столъ и началъ вполголоса.

— Въ прошломъ году небольшую повѣстушку я написалъ и принесъ въ одинъ журналъ. Взяли безъ гримасъ. Книжка вышла въ срокъ, смотрю: моего разсказца нѣтъ. Прошелъ еще мѣсяцъ, и въ слѣдующей книжкѣ не напечатано. А деньжонки крѣпко были нужны:

билеты кухмистерскіе всѣ вышли, давно ужъ на сухоѣденіи сидѣлъ, ну да тамъ и другія нуждишки по гардеробу. Пошелъ справиться въ редакцію: почему моя повѣсть залежалась. Да, говорятъ, давно набрана, только цензоръ не возвращаетъ корректуръ; рекомендуютъ самому справиться. Крѣпко не хотѣлось мнѣ идти къ блюстителю: тоже вѣдь начальство-съ, а я робокъ съ власть имѣющими и противъ рожна прать не умѣю. Думалъ, думалъ, да нужда заставила — пошелъ. Допустили меня: принялъ. Спрашиваю насчетъ повѣстушки: да я, говоритъ, затрудняюсь пропустить ее безъ разрѣшенія комитета; въ слѣдующее засѣданіе непремѣнно доложу, приходите въ два часа въ такой-то день прямо въ комитетъ — тамъ и узнаете рѣшеніе. Хотѣлъ было я спросить насчетъ затрудненія-то въ одобреніи повѣсти и доложить при этомъ о моей благонамѣренности, да подумалъ какъ бы не разсердить этимъ литературнаго надзирателя — и только почтительнѣйше раскланялся. Больно мнѣ не желалось идти въ ареопагъ-то, а дѣлать нечего-съ: нуждишки тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, и тамъ въ редакіи-то ужъ формируютъ новую книжку журнала — пожалуй, думаю, и въ нее повѣстушка-то моя не попадетъ. Пошелъ я перекрестясь въ комитетъ. У самаго университета мнѣ одинъ знакомый биржевой заяцъ дорогу перебѣжалъ, только головой кивнулъ. Вотъ и не вѣрьте вы народнымъ примѣтамъ-съ! Прихожу, спрашиваю солдата о моемъ цензорѣ; здѣсь, говоритъ, засѣдаютъ, и самъ въ присутствіи, то-есть ханъ-то цензурной орды. Жду я: то на стульчикъ осторожно присяду, то по передней-то на цыпочкахъ пройдусь, то въ окошечко посмотрю на золотой куполъ Исакія. А за дверями иной разъ какъ-будто разговоръ слышенъ, а то словно команда генеральская раздается. Прошло этакъ съ часъ. Вдругъ отверзлись врата, выходитъ мой затрудняющійся цензоръ и говоритъ: „господинъ Бутковъ, пожалуйте сюда“! Маленькій ознобецъ у меня, знаете, по спинѣ-то пробѣжалъ. Вхожу-съ въ святилище цензуры: за столомъ, облаченнымъ зеленымъ покровомъ, на которомъ совершается таинство литературной кастраціи, сидятъ на креслахъ всѣ эти жрецы, а въ переднемъ мѣстѣ возсѣдаетъ самъ первосвященникъ. Я разумѣется отдалъ подобающее поклоненіе.

— Бутковъ? спрашиваетъ верховный судія.

— Яковъ Бутковъ, отвѣчаю я.

— Ты какую повѣсть представилъ?

— Людишки, говорю.

— Людишки! Да ты кого это въ ней людишками-то называешь? А?—загремѣлъ онъ, словно передъ нимъ стоитъ цѣлая бригада, а не одинъ ускользнувшій отъ рекрутства ординарный литераторъ.—Кого, я тебя спрашиваю? Людей въ тысячу разъ лучше тебя, не праздно-шатающихся какихъ-нибудь, а занятыхъ государственной службою, людей дѣловыхъ, да еще чиновныхъ! И это у тебя людишки! Да какъ ты можешь такъ обзывать и позорить тѣхъ, кого правительство при-

знаетъ полезными слугами? Откуда ты набрался такихъ дерзкихъ мыслей? я тебя спрашиваю. И какъ ты рѣшился написать это, да еще въ цензуру представить? Вы что затѣяли? Публику хотите развращать, возбуждать неуваженіе къ чину, смѣяться надъ людьми, допущенными къ государственной службѣ! Вы что-ли своей болтовней служите отечеству? Либералы! Сами ни къ чему дѣльному не способны, такъ и другихъ хотите съ толку сбить? Зависть васъ мучитъ? Развѣ литература для того дозволена правительствомъ, чтобы ваше вредное пустословіе распространять въ народѣ? Людишки! Ты на своего брата посмотри—вотъ тамъ людишекъ найдешь, да и тѣхъ не зачѣмъ напоказъ выставлять. Я посмотрю, что ты будешь писать!

— Вышелъ я изъ цензурнаго святилища, точно изъ торговой бани, продолжалъ Бутковъ: лучше всякаго пара пробрало меня. Поняли теперь, отчего я робости-то передъ нимъ подверженъ? А вѣдь повѣстушка-то моя была не ахти-какъ задорна: не ранги я осмѣивалъ въ ней, а натуришку мелко-чиновную изобразить хотѣлъ, низкопоклонство да раболѣпство. Вотъ и весь либерализмъ! И знаете-ли, какъ генеральская головомойка-то озадачила меня: вѣдь я въ инквизиціонной комнатѣ должно быть съ четверть часа стоялъ, прямо передъ самимъ верховнымъ жрецомъ и кажется въ лицо ему смотрѣлъ, а теперь не помню, какой онъ изъ себя—и встрѣчу гдѣ, такъ вѣрно не узнаю. Стараюсь иной разъ ликъ-то его представить—ничего не выходитъ опредѣленнаго, а вотъ сторожа въ комитетѣ, того и въ сумеркахъ узнаю. Что значитъ начальническое-то распеканье! Психологическая задача-съ.

Мы просидѣли въ подземной трущобѣ больше часу, и при выходѣ мой собесѣдникъ исчезъ какъ-то незамѣтно. Кажется, дѣйствительно, онъ жилъ въ это время въ Пассажѣ.

Иногда видалъ я Буткова довольно часто: то онъ ко мнѣ заходилъ, то встрѣчались мы въ редакціи. Но случалось, что онъ надолго пропадалъ, и никто изъ общихъ знакомыхъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось. Когда послѣ этого бывало встрѣтишь его и спросишь, не болѣнъ-ли онъ былъ—чудакъ обыкновенно съ улыбкой говорилъ: мы люди не богатые, намъ болѣть не полагается-съ! И всегда избѣгалъ онъ положительнаго отвѣта какой-нибудь шуткой. Такъ я не видалъ его цѣлую весну и только случайно встрѣтилъ лѣтомъ въ Парголовѣ. Оказалось, что онъ жилъ тамъ съ какимъ-то своимъ землякомъ на такъ-называемой дачѣ, которая на самомъ дѣлѣ была простая чухонская изба, построенная гдѣ-то на задворьѣ. Мы прошли съ нимъ въ Шуваловскій садъ, и онъ выбиралъ особенно пустынные закоулки, гдѣ нельзя было встрѣтить гуляющихъ. Сперва Бутковъ показался мнѣ мрачнымъ и не сообщительнымъ, что бывало съ нимъ нерѣдко и къ чему я давно уже привыкъ. Но когда мы какими-то окольными аллеями вышли къ озеру, онъ видите оживился.

— Давно мы не видались, замѣтилъ я.

— Давненько-съ. А вы не знаете, что со мной подѣлалось нынче весной-то? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Что такое?

— Опять видѣлъ самого-съ.

— Предсѣдателя цензурнаго комитета?

— Лицомъ къ лицу.

— По какому же случаю? Разскажите, пожалуста.

И вотъ что разсказалъ мнѣ Бутковъ. Написалъ онъ для журнала новую повѣсть, не помню теперь подъ какимъ названіемъ. Въ ней описывалъ онъ, какъ двое пріятелей бѣдняковъ жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ изо дня въ день. Одинъ изъ нихъ перебивался перепиской бумагъ и работой папиросныхъ гильзъ, а другой служилъ въ какомъ-то казенномъ мѣстѣ на крайне нищенскомъ жалованьѣ. Департаментскій докторъ изъ жалости, подъ предлогомъ болѣзни, иногда прописывалъ ему изъ казенной аптеки грудной чай и леденецъ отъ кашля. Въ такихъ случаяхъ пріятели пили цѣлый мѣсяцъ горячее, соблюдая, конечно, при этомъ должную экономію. У каждаго изъ нихъ было по единственной парѣ сапогъ; но среди осени оказалось, что хотя одна изъ этихъ паръ была почти новая, зато другая пришла въ состояніе окончательнаго разложенія. Владѣлецъ этой послѣдней въ одинъ холодный и дождливый день промочилъ ноги, схватилъ страшное воспаленіе, и черезъ нѣсколько сутокъ покончилъ свое жизненное поприще. Когда покойника клали въ убогій гробъ, надѣли на него крѣпкіе сапоги, а осиротѣвшему пріятелю его осталась совсѣмъ истрепанная пара. И вотъ ночью бѣдняка взяло раздумье: ходитъ онъ мимо усопшаго сожителя по комнатѣ въ дырявой обуви, а тотъ лежитъ себѣ конфортабельно въ гробу въ крѣпкихъ, да еще на славу вычищенныхъ сапогахъ. И думаетъ пролетарій: на что покойнику надѣли крѣпкіе сапоги, когда завтра опустятъ ихъ въ могилу и засыплютъ землей, а я долженъ буду пѣшкомъ провожать его въ этихъ безподошвенникахъ, потомъ идти съ кладбища въ должность съ мокрыми ногами—и послѣ-завтра то же, я опять все такъ же? Еслибъ покойный очнулся теперь на минуту, то конечно отдалъ бы мнѣ крѣпкіе сапоги: вѣдь онъ любилъ меня. Да и зачѣмъ ему эта пара: не щеголять въ могилѣ-то! Дай-ко я помѣняюсь съ нимъ, надѣну ему старенькіе. — И вотъ бѣднякъ принялся стаскивать сапогъ съ покойника и ужъ снялъ его до половины, какъ тутъ пришла ему новая мысль. Не грѣхъ ли это будетъ? думалъ онъ. Вѣдь живой человѣкъ, какъ бы ни тяжело ему было, можетъ современемъ поправиться, нажить новые, крѣпкіе сапоги, даже можетъ быть калоши пріобрѣтетъ, а покойнику ужъ негдѣ взять, въ могилѣ не поправишься—въ чемъ положатъ, въ томъ и лежи до скончанія праха. Какъ же это я пріятеля, съ кѣмъ дѣлился послѣдней копѣйкой, который такъ любилъ меня и папиросами угощалъ, отпущу изъ міра сего отрепаннымъ, и явится онъ на по-

слѣдній судъ безъ подметокъ? При этой мысли сожитель покойнаго остановился въ нерѣшимости—помѣняться ли сапогами съ усопшимъ или нѣтъ. Что было дальше въ повѣсти Буткова, я не знаю, да и поводомъ къ новому свиданію его съ грознымъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета было именно то, что я теперь разсказалъ.

— Когда я отдалъ эту повѣсть въ журналъ, говорилъ Бутковъ, меня вскорѣ послѣ того позвали не въ комитетъ уже, а прямо къ самому хану на домъ. Думалъ, что дѣлать?—Сказаться больнымъ? да вѣдь когда нибудь придется же выздоровѣть. Не пойдти? пожалуй черезъ полицію разыщутъ, руки свяжутъ, да приведутъ на веревочкѣ. Убѣжать изъ Петербурга? найдутъ, поймаютъ и Богъ знаетъ, что будетъ. Ну, призвалъ я на помощь царя Давида и всю кротость его—и пошелъ, куда пригласили... Прихожу, какъ сказано, въ одиннадцать часовъ, вытеръ ноги на подъѣздѣ и жду въ передней. Тутъ еще лакей любознательный распрашиваетъ: учитель я что ли, или сочинитель? Жду-жду я, и вотъ отверзлись врата адовы и меня позвали наверхъ. Вхожу въ залу, тамъ еще съ полчаса подождалъ—портреты по стѣнамъ осматривалъ, да глядѣлъ, какъ попугай въ клѣткѣ по мѣднымъ проволокамъ карабкался и на какомъ-то иностранномъ діалектѣ кричалъ на меня. Черезъ залу-то, въ кабинетъ должно быть, шныряли мимо меня, то чиновникъ съ бумагой, то проситель съ умиленной физіономіей—иной выходилъ точно елеемъ помазанный, а другой будто кипяткомъ ошпаренный. Шныряли да и шнырять перестали. Смотрю — отдернулась завѣса, да вдругъ и выходитъ самъ. Помните, я говорилъ вамъ, что послѣ побывки въ комитетѣ совсѣмъ забылъ его обликъ, а тутъ въ одинъ мигъ вотъ такъ вспомнилъ, словно онъ у меня въ мозгу-то отпечатался, и теперь ужъ я никогда не забуду: еслибъ рисовать умѣлъ, сейчасъ бы какъ живого вамъ представилъ. Ну, такъ вышелъ онъ; буттербродъ въ рукѣ, а самъ жуетъ.

— Бутковъ? промычалъ онъ.

— Яковъ Петровъ Бутковъ, отвѣчаю я.

— Ты что это, говоритъ, дѣлаешь? А?

— Ничего-съ, ничего.

— Какъ ничего! Опять какую-то гадость написалъ. Чѣмъ голова-то у тебя набита я спрашиваю? Мертвыхъ обдирать вздумалъ! изъ гробовъ покойниковъ вытаскивать! сапоги съ нихъ снимать! Это что такое? Гдѣ ты видалъ такія мерзости? Развѣ это было когда нибудь? А? Что это?

— Повѣсть... фантазія! прошепталъ я.

— Фантазія! да ты гдѣ видалъ такія дѣла? Развѣ фантазія должна на святотатство обращаться? А цѣль какая у тебя? Скажи мнѣ, какая можетъ быть нравственная цѣль въ твоихъ грязныхъ разсказахъ? Кому нужны такіе отвратительные вымыслы? Натуральную школу выдумали... да развѣ натура-то въ грязи? Тряпичники! только

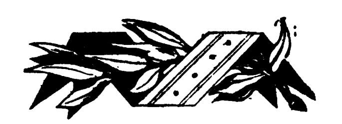
на заднихъ дворахъ сюжетовъ-то ищете. Такъ вы сами любуйтесь ими, а не публикѣ образованной показывайте. Что ты нашелъ интереснаго и нравственнаго въ томъ, что какой-то негодяй стаскиваетъ сапоги съ мертваго?

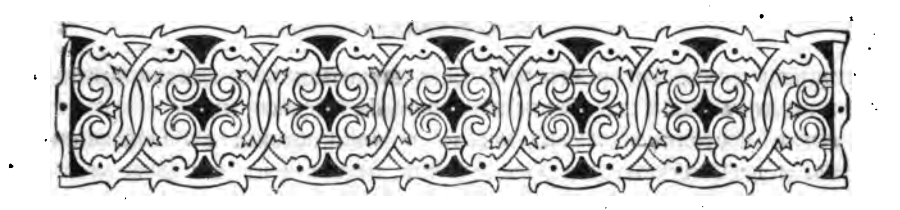
— Ужъ онъ пѣлъ-пѣлъ мнѣ на эту тему, да въ видѣ финала погрозилъ еще не только цензурой, но и полицейскимъ надзоромъ. Право, можно было подумать, что я въ самомъ дѣлѣ пойманъ въ святотатствѣ, могилы разрывалъ, да покойниковъ грабилъ. Слава Богу однакожъ: доѣлъ онъ буттербродъ да и повернулся ко мнѣ спиной. А какъ уходилъ-то я изъ этой инквизиціи, такъ лакей видно угадалъ, какого пріема я сподобился, и съ улыбочкой говоритъ мнѣ: кажись, генералъ-то серчалъ? какъ это ваша братья сочинители не умѣютъ ему потрафить!

Къ сожалѣнію, я не читалъ повѣсти Буткова, которая навлекла на него такую, и по тогдашнимъ нравамъ суровую головомойку. Мнѣ говорили, будто она потомъ гдѣ-то была напечатана въ значительно измѣненномъ видѣ. Читать своихъ сочиненій пріятелямъ онъ не любилъ, да и вообще, какъ я уже замѣтилъ, говорилъ о своихъ литературныхъ работахъ очень не охотно.

Изъ Шуваловскаго сада мы зашли въ какой-то жалкій трактиръ, и потомъ горемыка проводилъ меня до дилижанса. Послѣ этой встрѣчи въ Парголовѣ я не встрѣчалъ больше Буткова, и сколько помнится, его имя послѣ того рѣдко появлялось въ журналахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ обстоятельствахъ дарованіе этого человѣка развернулось бы съ большей самостоятельностью: въ немъ было много задатковъ, обѣщавшихъ ему такую роль въ нашей литературѣ, которая не могла бы быть скоро забыта. Это одинъ изъ печально погибшихъ талантовъ, какими такъ обильны лѣтописи русской литературы.

**А. Милюковъ.**





# МОЙ АРЕСТЪ И ОСВОБОЖДЕНІЕ ВЪ 1839 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке).

## I.

Въ чинѣ подпоручика гренадерскаго сапернаго баталіона, 22 лѣтъ отъ роду, въ 1838 году, я былъ командированъ въ Образцовый пѣхотный полкъ, на годъ, или вѣрнѣе на 15 мѣсяцевъ. Гренадерскій саперный баталіонъ стоялъ тогда въ Курляндской губерніи, въ мѣстечкѣ Иллукштѣ, въ 17 верстахъ отъ Динабурга, а Образцовый пѣхотный полкъ въ Царскомъ Селѣ.

6 сентября я выѣхалъ изъ Динабурга съ командою нижнихъ чиновъ, состоящей изъ трехъ человѣкъ, и 18 сентября 1839 года явился въ Образцовый полкъ. Всѣмъ было извѣстно, что тогдашняя служба въ Образцовомъ полку была невыносимо тяжела и въ нравственномъ отношеніи и по физическому труду, хотя находились офицеры, желавшіе ѣхать въ Образцовый полкъ, для того, чтобы пробыть годъ вблизи Петербурга; но начальство выбирало лишь тѣхъ, которые службу ставили выше всего и жребій палъ на меня. Я прослужилъ въ офицерскомъ званіи всего 4½ года, но былъ любимъ товарищами; они сожалѣли о разлукѣ со мной слишкомъ на годъ и почтили меня прощальнымъ вечеромъ, устроеннымъ 5 сентября. Это на меня сильно подѣйствовало: въ 4½ года много уѣзжало изъ баталіона офицеровъ, далеко старшихъ меня, и уѣзжало совсѣмъ изъ баталіона, но ни для кого еще при мнѣ не было устроено такихъ проводовъ, какими почтили меня, временно уѣзжавшаго изъ баталіона.

Въ Царскомъ Селѣ я нанялъ квартиру въ длинномъ, деревянномъ, одноэтажномъ домѣ по Дворцовой улицѣ, не далеко отъ Прудковъ, принадлежавшемъ какому то мелкому чиновнику, фамилію котораго я забылъ. Квартира была нанята мною вмѣстѣ съ прибывшимъ одновременно со мною въ Образцовый полкъ поручикомъ 2-го сапернаго баталіона

Есимантовскимъ. Товарищъ мой былъ покладливъ, мы жили дружно, хотя взгляды наши на жизнь и службу были различны.

Имѣя постоянно въ виду цѣль командированія въ Образцовый полкъ, я всею душою предался службѣ, всякій день два раза ходилъ въ казармы на ученье, не только никогда не опаздывалъ, но являлся однимъ изъ первыхъ и скоро заслужилъ въ полку извѣстность, какъ ретивый, усердный офицеръ. Меня видимо отличали передъ другими офицерами и командиръ полка, генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Жерковъ, и баталіонный командиръ, всегда суровый и грубый, полковникъ Фроловъ, и ротный командиръ капитанъ Паскинъ.

Служба была не легка; но не столько физическій трудъ былъ тягостенъ, какъ нравственное униженіе, нравственное направленіе въ тогдашнемъ Образцовомъ полку. Все основано было на искательствѣ, на низкопоклонствѣ передъ кадровымъ или старшими офицерами въ полку, которые числились по гвардіи, составляли силу и имѣли рѣшительное вліяніе на участь офицеровъ перемѣняющагося состава. А эти представители тогдашняго военнаго искуства, въ большинствѣ были жалкою посредственностью, заботились только о наилучшемъ вытягиваніи носка и о снаровкахъ, чтобы ловко дѣлать ружейные пріемы. Они любили разсказывать анекдоты изъ жизни Образцоваго полка, какъ напримѣръ солдатъ спотыкнулся на учебномъ шагу и вывихнулъ себѣ ногу, какъ другой солдатъ сломалъ курокъ при взбрасываніи ружья на плечо, какъ у третьяго лопнулъ ремень на смотру, отъ несоблюденія того-то, и проч. Не много лицъ изъ тогдашняго состава кадровыхъ составляли отрадное исключеніе: командиръ полка генералъ Жерковъ, командиръ 1-го баталіона полковникъ Штегельманъ, командиръ роты капитанъ Веселитскій, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, безъ руки, и молодой офицеръ, предназначавшійся въ кадръ, Адольфъ Васильевичъ Вольскій, впослѣдствіи директоръ Кіевскаго кадетскаго корпуса.

Кромѣ представленія непосредственнымъ своимъ начальникамъ, полковому, баталіонному и ротному командирамъ, я не знакомился ни съ кѣмъ изъ остальныхъ кадровыхъ офицеровъ, или, говоря по тогдашнему, никому изъ нихъ не представлялся, какъ это дѣлали всѣ другіе офицеры, временно прибывавшіе въ полкъ; но не смотря на то, мнѣ скоро удалось заслужить репутацію дѣльнаго и исправнаго офицера.

Осенью и зимою въ Царскомъ Селѣ было не выносимо скучно. Близость Петербурга и удобство сообщенія дѣлали особенно не сносным то затрудненіе, съ которымъ были сопряжены поѣздки въ Петербургъ. Для каждой поѣздки не только нужно было испросить дозволеніе начальства, но еще получить билетъ. Если ѣдешь въ Петербургъ на одинъ день, то чрезъ ротнаго командира надобно было спросить разрѣшенія баталіоннаго командира и отъ него получить билетъ. Для поѣздки на два дня надобно было по командѣ испросить

разрѣшеніе полковаго командира и получить билетъ изъ полковой канцеляріи чрезъ полковаго адъютанта. Но баталіонный командиръ всякій разъ, въ грубой формѣ, давалъ неумѣстныя нравоученія, а надутый полковый адъютантъ, Быковъ, былъ болѣе чѣмъ необходителенъ и смотрѣть то на него было непріятно. По возвращеніи въ Царское Село, надобно было явиться къ тому, кто разрѣшилъ отпускъ. Если же просишься въ Петербуръ на 3 и болѣе дней, то, кромѣ полученія билета отъ полковаго командира, надобно было въ самомъ Петербургѣ записаться въ штабѣ гвардейскаго корпуса и представляться самому великому князя.

Частыя поѣздки изъ Царскаго Села на короткій срокъ были обременительны для кармана; частыя спрашиванія разрѣшеній на поѣздку были несносны; были при этомъ и косвенные расходы, въ видѣ повременныхъ платежей писарямъ по синенькой бумажкѣ, т. е. по пяти рублей ассигнаціями, иначе можно было рисковать, что билетъ, подписанный сегодня, получишь завтра и день отпуска пропадетъ; поѣздки безъ разрѣшенія были рискованы, а потому выгоднѣе было ѣздить на болѣе продолжительный срокъ, хотя и приходилось представляться великому князю. Такъ я и дѣлалъ и ѣздилъ не чаще одного раза въ мѣсяцъ, но въ третью поѣздку великій князь изволилъ мнѣ сказать:

— Слишкомъ часто ѣздишь, лучше бы сидѣлъ дома, да учился фронту.

Эти слова великаго князя, при его памяти, такъ меня озадачили, что я почти пересталъ ѣздить въ Петербургъ.

При первомъ представленіи моемъ великому князю, по пріѣздѣ въ Образцовый полкъ, временно командовавшій тогда полкомъ полковникъ Шлегельманъ, переврaлъ мою фамилію. Но великій князь узналъ меня, самъ вспомнилъ фамилію и былъ восхищенъ тѣмъ, что я очень выросъ. Его высочество тогда съ особымъ удовольствіемъ говорилъ окружающимъ:

— Вотъ какъ мои то (воспитанники) ростутъ; я его пустилъ на службу такимъ (показывая рукою), а онъ является этакимъ (опять показывая рукой).

Въ Царскомъ Селѣ, между служебными занятіями, какъ и въ Иллукштѣ, я много читалъ и о каждой прочтенной книгѣ записывалъ свое мнѣніе, также дѣлалъ много выписокъ, иногда выписывалъ десятки страницъ, когда находилъ что нибудь особенно интересное. Получалъ я кромѣ того много частныхъ писемъ отъ своихъ товарищей изъ баталіона и знакомыхъ изъ окрестности по стоянкѣ баталіона и на каждое письмо отвѣчалъ длиннымъ письмомъ. Въ числѣ писемъ отъ знакомыхъ получилъ два письма и отъ Туснельды. Прекрасная Туснельда, дѣвица баронеса фонъ-деръ-Бринкенъ, была первымъ предметомъ моей любви, она писала, что всей ея семьѣ, а ей особенно, замѣтно мое отсутствіе, что всѣ они, а она въ особенности, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего возвращенія.

Прошла зима, еще скорѣе прошли весна и лѣто съ лагеремъ и маневрами подъ Краснымъ Селомъ, и мы, т. е. я и Есимантовскій радовались наступленію сентября, когда начались приготовленія къ обратной отправкѣ насъ въ свои саперные баталіоны.

Въ это время, около 19 или 20 сентября 1839 года, въ Образцовомъ полку пронеслась молва, что великій князь и самъ государь недовольны полкомъ, что въ полку затѣялся какой то заговоръ между офицерами и что будетъ слѣдствіе.

Нисколько не боясь лично за себя, я былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ, какъ общею непріятностью, могущею повредить всему полку.

21 сентября, я поѣхалъ въ Петербургъ, съ разрѣшенія баталіоннаго командира, на одинъ день, до вечера 22 числа. Въ Петербургѣ я останавливался у брата, служившаго тогда письмоводителемъ при Главномъ Инженерномъ училищѣ и имѣвшаго казенную квартиру въ Инженерномъ замкѣ.

Утромъ 22 сентября, пошелъ я въ саперныя казармы къ полковнику л.-гв. сапернаго баталіона Юсту, преже служившему въ гренадерскомъ саперномъ баталіонѣ. Въ скоромъ времени по приходѣ моего туда, неожиданно пріѣхалъ за мной на извощикѣ посланный отъ брата, который на словахъ передалъ, чтобы я скорѣе возвращался домой, что къ брату пріѣзжалъ полковой командиръ, генералъ Жерковъ, которому очень нужно меня видѣть. Я тотчасъ же возвратился къ брату.

Братъ мнѣ передалъ, что у него былъ Жерковъ и сказалъ, что я прозѣвалъ великаго князя на улицѣ, что великій князь этимъ очень недоволенъ и приказалъ мнѣ ту же минуту возвратиться въ Царское Село, почему Жерковъ проситъ, чтобы я ѣхалъ въ Царское село по часовой машинѣ.

Хотя я былъ и очень внимателенъ на улицахъ, но прозѣвать великаго князя было дѣломъ возможнымъ. Признаюсь, я не много струсилъ и поспѣшилъ отправиться на извощикѣ въ Царскосельскій воксалъ. Помню, что на Загородномъ проспектѣ, въ извощичьихъ дрожкахъ сломилось подо мной колесо и я перемѣнилъ извощика. Въ воксалѣ я взялъ билетъ и вошелъ въ общее зало.

Жерковъ былъ тамъ; завидя меня, онъ подошелъ ко мнѣ и сказаäъ:

— Вы уже взяли билетъ, отдайте его назадъ, вы кстати въ мундирѣ, время еще есть, поѣдемъ къ великому князю.

Я конечно повиновался, но меня озадачилъ экипажъ Жеркова; онъ всегда ѣздилъ въ коляскѣ, а тутъ подана извощичья карета и Жерковъ не сказалъ кучеру куда именно ѣхать, а просто: „пошелъ туда, откуда я сюда пріѣхалъ“. Сѣвъ въ карету, Жерковъ задернулъ занавѣски у оконъ.

Дорогою, послѣ нѣкотораго молчанія, Жерковъ спросилъ меня пишу ли я стихи? Я отвѣтилъ: нѣтъ! Полагаю, что я сказалъ правду,

потому что хотя по тогдашнему романическому настоенію молодежи и я писалъ стихи, или маралъ бумагу стихами, воспѣвалъ слезы любви, разлуку съ милой, о бѣдности и трудѣ, какъ о друзьяхъ, а не врагахъ любви и проч., но никогда не издавалъ своихъ стиховъ и даже читая ихъ товарищамъ, не говорилъ, что это собственное мое произведеніе. Далѣе Жерковъ спросилъ: знаю ли я какія нибудь стихи противъ правительства? Я отвѣчалъ, что знаю наизусть много такихъ стиховъ, которыхъ нѣтъ въ печати. Жерковъ продолжалъ вопросы: „не распускали ли вы въ полку какихъ-нибудь стиховъ противъ правительства?" Тогда дѣло мнѣ стало ясно; я отвѣчалъ, что въ полку не распускалъ, но читалъ и переписалъ своею рукою одни стихи для поручика Газенкампфа. Жерковъ, передъ въѣздомъ въ какіе-то ворота, успѣлъ только сказать мнѣ:

— Жаль мнѣ васъ, вы хорошо служили, не знаю чѣмъ все кончится.

Карета остановилась; мы вошли въ незнакомый мнѣ домъ и вскорѣ очутились въ большомъ залѣ, гдѣ насъ встрѣтилъ также незнакомый мнѣ полковникъ. Жерковъ что то ему шепнулъ, полковникъ холодно сказалъ мнѣ: „пожалуйте вашу шпагу и посидите здѣсь". Жерковъ ушелъ, а минутъ черезъ пять вошелъ плацъ-адъютантъ, котораго я узналъ по мундиру, и тогда догадался, что полковникъ должно быть плацъ-маіоръ, флигель-адъютантъ баронъ Зальца. Полковникъ сказалъ плацъ-адъютанту, чтобы тотъ отвелъ меня въ № 3. Я отправился за плацъ-адъютантомъ по длинному ряду коридоровъ, черезъ нѣсколько двориковъ, и по весьма темной лѣстницѣ поднялся въ указанный мнѣ казематъ. По сдѣланному распоряженію за мною слѣдовали ефрейторъ съ часовымъ.

Меня ввели въ казематъ, плацъ-адъютантъ тотчасъ удалился, дверь захлопнули, заперли большимъ висячимъ замкомъ, а за дверями поставили часоваго; въ дверяхъ же было окошечко съ желѣзною рѣшеткою.

Я остался одинъ по среди каземата, въ мундирѣ, безъ шпаги, безъ шинели и со шляпою въ рукѣ.

Трудно описать то состояніе духа, въ которомъ я находился въ ту минуту.

Стало смеркаться; я присматривался къ своему каземату.

Казематъ былъ длиною 6 шаговъ, шириною 4 шага, имѣлъ плоскій не сводчатый потолокъ такой высоты, что я короткими своими волосами, какъ щеткою, вытиралъ пыль съ потолка, а если, забывшись, поспѣшно брался рукою за голову, то ушибалъ руку о потолокъ. Одно окошечко давало свѣтъ; оно было такъ мало и такъ высоко отъ пола, а стѣны такъ толсты, что изъ окна нельзя было хорошо видѣть неба, и даже разсмотрѣть пасмурная ли или ясная погода. Три стѣны были каменныя или штукатуаенныя, а четвертая, ведущая въ коридоръ, деревянная, и состояла изъ 16 толстыхъ досокъ. Странно:

я совершенно машинально сосчиталъ число досокъ въ стѣнѣ и самъ себѣ сказалъ: „вѣрно мнѣ придется пробыть здѣсь 16 дней".

Казематъ былъ совершенно пустъ, не было ни стола, ни скамейки, ни даже камня подъ голову.

Стало темнѣть; скоро показался огонекъ въ коридорѣ за дверью и самый слабый свѣтъ началъ проникать въ казематъ черезъ дверное окошечко.

Я долго и медленно ходилъ изъ угла въ уголъ, усталъ, присѣлъ на полу, прислонясь къ углу каземата. Нѣсколько крысъ явились около меня; я ихъ не трогалъ, но всталъ и опять долго ходилъ изъ угла въ уголъ.

Наконецъ въ корридорѣ раздались шаги, двери каземата раскрылись съ большимъ шумомъ и солдаты внесли кровать изъ лазарета арестанскаго отдѣленія, съ арестанскою постелью, и маленькій деревянный не крашеный столъ.

Когда все утихло, я опять принялся шагать по каземату, скоро усталъ, прилегъ на кровать, какъ былъ въ мундирѣ, застегнутый.

Кто то изъ коридора въ дверное окно спросилъ, не хочу ли я чаю или ужинать? Я поблагодарилъ, сказавъ, что ничего не хочу.

Всю ночь я не спалъ, безпрестанно вставалъ и ходилъ по каземату; часовые зорко слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ и кто то ночью, наципочкахъ, подходилъ къ дверямъ и черезъ окно смотрѣлъ, что я дѣлаю.

Многое было передумано мною; но какъ я не могъ считать себя измѣнникомъ государю, то главная моя мысль останавливалась на томъ, преступникъ ли я? и если преступникъ, то чѣмъ можетъ кончиться судьба моя! Я тогда думалъ, что лучше расчитывать на худшее и допускалъ, что меня разжалуютъ въ рядовые и сошлютъ въ сибирскіе линейные баталіоны. И тутъ я задавалъ себѣ вопросъ, что буду тогда дѣлать? При тогдашнемъ настроеніи духа быстро рѣшалъ и этотъ вопросъ, припомнивъ разсказъ учителя своего по артиллеріи генералъ-маіора Дядина, впослѣдствіи генерала отъ артиллеріи; когда онъ, во времена Аракчеева, былъ разжалованъ въ рядовые, то написалъ наставленіе для артиллерійскихъ офицеровъ и подписалъ „сочиненіе рядоваго Дядина". Это меня занимало и я уже мечталъ о томъ, что, при отправленіи въ Сибирь, выпрошу себѣ такія то руководства и займусь составленіемъ наставленія для саперныхъ офицеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опишу и сибирскій край.

Съ разсвѣтомъ 23 сентября мнѣ принесли чай и кофе на большомъ серебряномъ подносѣ съ богатою обстановкой, я отказался и сказалъ, что не только ничего не хочу, но и смотрѣть не могу на все это.

Скоро вошелъ плацъ-маіоръ снять съ меня первый вопросъ.

Но остановлюсь на первомъ допросѣ и опишу сущность дѣла.

## II.

Въ апрѣлѣ, или въ началѣ мая, 1839 года, великій князь былъ недоволенъ ученьемъ л.-гв. саперннаго баталіона и прислалъ оттуда большую команду нижнихъ чиновъ учиться въ Образцовый полкъ. При этой командѣ находились два офицера, прапорщики Шарыгинъ и фонъ-Фитингофъ-Шель. Шарыгинъ, впослѣдствіи полковникъ, отставной генералъ и вологодскій губернскій предводитель дворянства, а Фитингофъ скоро вышелъ въ отставку, сдѣлался помѣщикомъ одной изъ великороссійскихъ губерній и былъ убитъ умышленно или нечаянно. Оба они были моими товарищами и оба остановились въ Царскомъ Селѣ у меня на квартирѣ, и тогда на квартирѣ было насъ четверо.

Въ то же время отчисленъ былъ обратно къ Образцовому полку, состоявшій временно при лейбъ-гвардіи саперномъ баталіонѣ, собственно для исполненія караульной службы, Азовскаго пѣхотнаго полка поручикъ Газенкампфъ. Ему, какъ знакомому съ Шарыгинымъ и Фитингофомъ, хотѣлось втереться въ саперный кружокъ; онъ поселился въ одномъ съ нами домѣ, но на отдѣльной квартирѣ, и чрезъ Шарыгина и Фитингофа познакомился со мной и съ Есимантовскимъ. Къ Газенкампфу пріѣхала мать съ хорошенькою его сестрою; мы познакомились, нѣсколько разъ видѣлись и помогали госпожѣ Газенкампфъ раздавать лотерейные билеты,—она нуждалась въ деньгахъ и разыгрывала какія то свои вещи.

Кажется наканунѣ отъѣзда изъ Царскаго Села Шарыгина и Фитингофа была очень дурная погода; мы всѣ четыре сапера, не смотря на лѣтнее время, вечеромъ сидѣли дома и къ намъ зашелъ Газенкампфъ. Разговоръ скоро обратился на литературу, на поэзію, и положено было, чтобы каждый декламировалъ стихи, такіе, которые менѣе извѣстны. Шарыгинъ и Фитингофъ сказали какіе то водевильные стишки, передѣланные для холостой кампаніи или для вакханальной пѣсни. Есимантовскій сказалъ польскій стишекъ, составленный послѣ взятія Варшавы въ 1831 году, въ которомъ укоряютъ полекъ за то, что онѣ, на балахъ Паскевича, танцуютъ съ русскими офицерами, съ убійцами ихъ отцевъ, мужей, братьевъ и жениховъ. А я сказалъ то стихотвореніе Пушкина или приписываемое Пушкину, которое не было въ печати и за которое будто бы Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга.

Газенкампфу очень понравились польскіе стишки, сказанные Есимантовскимъ и онъ просилъ написать ихъ для него, что Есимантовскій тутъ же и исполнилъ. Когда же кончилась моя декламація, то Газенкампфъ пришелъ въ неописанный восторгъ и умолялъ меня продиктовать ему эти стихи; но, взявшись за перо, сдѣлалъ маленькую оговорку, что онъ тихо пишетъ и самъ не съумѣетъ проставить знаки

препинанія, а потому проситъ руководить его. Вызвался было Шарыгинъ, но чтобы скорѣе покончить дѣло, я, спроста, сказалъ:—„давайте, я самъ напишу",—и переписавъ все стихотвореніе, отдалъ Газенкампфу на свою бѣду.

Въ моихъ выпискахъ, которыя я привезъ съ собою изъ Иллукшты и которыя дополнилъ въ Царскомъ Селѣ, хранилась копія этихъ стиховъ, которая была написана не моею рукою, а рукою ближайшаго товарища, и по воспитанію, и по службѣ, гренадерскаго сапернаго баталіона подпоручика Дроздовскаго; въ самомъ же концѣ этого стихотворенія, другой товарищъ мой, того же баталіона поручикъ Раутенфельдъ, уже отъ себя и своею рукою, прибавилъ одну сточку. Дроздовскій, толстякъ, болѣе спокойный, чѣмъ энергичный, недавно умеръ, въ чинѣ отставнаго генералъ-маіора. Энергичный и предпріимчивый Раутенфельдъ рано вышелъ въ отставку и по наслѣдству отъ отца принялъ въ аренду казенное имѣніе Бушгофъ, въ Курляндіи.

Въ послѣдствіи обнаружилось, что Газенкампфъ, какъ польскіе стихи, такъ и отъ меня полученные, передалъ матери своей; что мать его служила въ тайной полиціи; что передъ тѣмъ она, тайнымъ доносомъ, погубила мужа своего и отца своихъ дѣтей, служившаго гдѣто городничимъ или полиціймейстеромъ; что дочерью своею она торговала, чтобы легче было втираться въ холостые дома и что она, въ донесеніи своемъ бывшему шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, исказила дѣло, заявивъ, что я, съ помощію Есимантовскаго, сочиняю стихи противъ правительства и нарочно раздаю ихъ въ Образцовомъ полку, чтобы они разошлись по всей арміи. Бенкендорфъ доложилъ государю и по высочайшему повелѣнію мнѣ назначенъ арестъ и за тѣмъ слѣдствіе.

Передъ разсвѣтомъ 22 сентября, въ тотъ день, когда меня арестовали въ Петербургѣ, Жерковъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ пріѣзжали на мою квартиру въ Царскомъ Селѣ, арестовали Есимантовскаго и Газенкампфа, осмотрѣли всю квартиру и забрали всѣ мои бумаги и письма.

Но обратимся къ первому допросу.

## III.

Почтенный баронъ Зальца заговорилъ со мной такъ мягко, съ такимъ участіемъ, что я и не подозрѣвалъ, что дѣлается форменный допросъ по порученію великаго князя. Я сказалъ Зальцу все, какъ было, какъ описано здѣсь. Зальца невольно воскликнулъ:

— Ну, слава Богу, дѣло выходитъ пустое, а мнѣ насказано Богъ знаетъ что.

Потомъ Зальца продолжалъ:

— Ну, теперь скажите откровенно, откуда вы узнали эти стихи?

Я отвѣчалъ, что не помню, и дѣйствительно не помнилъ, но прибавилъ, что зналъ ихъ давно, еще въ корпусѣ.

Въ урочные часы приносили завтракъ, обѣдъ, чай, опять при великолѣпной обстановкѣ, но я и во второй день не только ничего не могъ ѣсть, но даже не могъ ни на что смотрѣть и только просилъ параднаго лакея, чтобы скорѣе все уносили отъ меня.

На третій день, 24 сентября, во 2-мъ часу дня, вошелъ ко мнѣ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, и передалъ мнѣ, что его прислалъ великій князь успокоить меня. Ростовцевъ объяснилъ, что дѣло мое уже извѣстно и я дѣйствительно могу быть покоенъ. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Зачѣмъ вы сказали, что стихи знали еще въ корпусѣ? но вы вѣрно это сказали въ первую минуту, подъ вліяніемъ неожиданности своего положенія; вы, поуспокоившись, обдумаете дѣло, можете дополнить, разъяснить первое показаніе; можно сказать, что вы узнали эти стихи не собственно въ корпусѣ, а на службѣ отъ корпуснаго товарища; но конечно слѣдуетъ щадить и товарища.

Смекнувъ дѣло, я отвѣчалъ Ростовцеву, что его ласковый разговоръ освѣжилъ мнѣ память, что я сознательно припоминаю, что стихи получилъ не въ корпусѣ, но на службѣ отъ корпуснаго товарища Гласко, который съ годъ назадъ утонулъ въ Финскомъ заливѣ.

— Ну вотъ это такъ натурально, сказалъ Ростовцевъ, естественно,—и уходя повторилъ:—Такъ вы покажете, что стихи получили отъ Гласко. Хорошо, хорошо, будьте покойны, любезный Кренке, не сокрушайтесь; это маленькая тучка, которая пройдетъ и за нею солнце еще ярче будетъ сіять.

Часа черезъ два послѣ Ростовцева, вошелъ опять баронъ Зальца и объявилъ:

— Ваши бумаги разсмотрѣны; тамъ нашли эти стихи, но они написаны не вашею рукою. Скажите прямо кто писалъ? вѣдь понятно, что писалъ кто нибудь изъ вашихъ близкихъ товарищей, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ, съ которыми вы въ перепискѣ; руку сличатъ; скажите лучше прямо.

Я и сказалъ правду, что писалъ Дроздовскій по моей диктовкѣ.

— А не припомнили ли вы, продолжалъ Зальца, отъ кого въ первый разъ узнали эти стихи?

Я отвѣчалъ, что хорошо припомнилъ, что узналъ ихъ не въ корпусѣ, а отъ корпуснаго товарища Гласко, служившаго прежде со мною въ одномъ баталіонѣ, а потомъ переведеннаго въ учебный саперный баталіонъ и утонувшаго въ Финскомъ заливѣ.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ ту же минуту былъ посланъ фельдъегерь въ Иллукшту за Дроздовскимъ, арестъ котораго страшно напугалъ тамъ всѣхъ.

И на третій день я ничего не могъ ѣсть. На четвертый день, 25 сентября, приходитъ опять Зальца. Не спавъ и ничего не ѣвши

три дня, должно быть я очень перемѣнился въ лицѣ. Зальца безпокоился обо мнѣ, но все таки долженъ былъ исполнить свою обязанность.

— Еще одинъ вопросъ, сказалъ онъ:—кто написалъ послѣднюю строку въ томъ листѣ, который написанъ Дроздовскимъ? рука не его и не ваша.

Я прямо сказалъ, что поручикъ Раутенфельдъ и послѣ узналъ, что тотчасъ былъ посланъ въ Иллукшту второй фельдъегерь за Раутенфельдомъ. Арестъ его уже такъ напугалъ всѣхъ въ Иллукштѣ, что каждый готовился подвергнуться той же участи и всѣ офицеры, начиная съ баталіоннаго командира полковника Ясона Ивановича Малофѣева, привели въ порядокъ свои дѣла, уничтоживъ все лишнее. Въ томъ числѣ и другой братъ мой, тоже подпоручикъ гренадерскаго саперваго баталіона, сжегъ всѣ имѣвшіеся у него стихи, которыхъ была цѣлая кипа; тогда, при строгости цензуры, рукописные стихи были въ большомъ ходу; сочиненія или „Думы" Рылѣева были необходимою принадлежностью каждаго, сколько нибудь интересовавшагося русскою литературою.

Я еще не зналъ, что по моей уликѣ Дроздовскій и Раутенфельдъ были арестованы, но глубоко сознавалъ, что предательски поступилъ относительно ихъ и говорилъ о томъ Зальцу. Увѣреніе его, что по своеобразному почерку ихъ, они были бы обнаружены и безъ моего указанія, мало утѣшали меня; я метался въ казематѣ отъ угрызенія совѣсти и въ какомъ то изнеможеніи падалъ на кровать.

На четвертый же день, во 2-мъ часу дня, великій князь прислалъ ко мнѣ корпуснаго доктора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нагумовича, успокоить меня и если нужно оказать медицинскую помощь. Нагумовичъ прописалъ какую то микстуру и совѣтовалъ ѣсть вареный черносливъ; то и другое было скоро принесено. Нагумовичъ передалъ мнѣ, что великій князь былъ въ хорошемъ расположеніи духа и посылая его ко мнѣ, шутя сказалъ ему:

— А я тебя за то вознагражу концертомъ.

Когда Нагумовичъ спросилъ великаго князя, какимъ концертомъ, то его высочество, въ полголоса, сказалъ что-то такое, чего Нагумовичъ не разобралъ.

Столикъ съ черносливомъ стоялъ у кровати; въ сумерки я прилегъ, постоянно въ мундирѣ, протянулъ руку, чтобы взять черносливенку и въ руку попалась мышь; я нисколько не прибавляю, это истина; я поднялся, отодвинулъ столикъ и опять прилегъ.

Въ тотъ же день, около 8 часовъ вечера, вошелъ плацъ-адъютантъ и сообщилъ, что плацъ-маіоръ проситъ меня къ себѣ (я содержался въ секретномъ отдѣленіи ордонансъ-гауза) и если я не могу идти, то онъ ко мнѣ придетъ. Я отвѣчалъ, что могу идти и пошелъ за плацъ-адъютантомъ.

— Будьте покойны, сказалъ Зальца, встрѣчая меня, дѣло ваше

уже рѣшено великимъ княземъ, но государю еще не можетъ быть доложено; вамъ разрѣшено имѣть при себѣ человѣка, разрѣшено читать газеты и вотъ онѣ къ вашимъ услугамъ.

Зальца спросилъ, гдѣ мой человѣкъ; я отвѣчалъ, что его можно найти черезъ брата моего, живущаго въ инженерномъ замкѣ и туда было послано. Я пилъ чай у Зальца, причемъ онъ разсказалъ мнѣ свое горе, что у него, кажется изъ 7 дѣтей, остался одинъ, остальные умерли, въ теченіи мѣсяца, одинъ за другимъ, отъ скарлатины.

Впослѣдствіи я узналъ, что докладъ государю задержанъ былъ оттого, что ожидали Дроздовскаго и Раутенфельда, что очень сожалѣли о томъ, что послали за ними, но какъ уже было послано, то надобно было и ожидать ихъ.

На 6-й день, утромъ 26 сентября, пришелъ ко мнѣ мой старикъ деньщикъ Степанъ Гурьяновъ и, какъ теперь помню, старикъ обливался слезами отъ радости, что увидѣлъ меня. Когда онъ осмотрѣлся, то вновь заплакалъ оттого, что меня содержатъ въ такомъ казематѣ; особенно его смущала кровать моя. Дѣйствительно, кровать и постель представляли что-то ужасное. Грубый холщевой мѣшокъ, набитый соломой и замѣняющій матрасъ и грубая наволочка, также набитая соломой вмѣсто подушки не смущали меня, — у меня и дома тогда была такая же постель,—но постель, принесенная мнѣ изъ арестанскаго лазарета, была отвратительно неопрятна, отъ нее воняло невыносимо и она унизана была всѣми возможными насѣкомыми. Гурьяновъ былъ не только деньщикомъ, но какъ бы другомъ моимъ; я постоянно дѣлился съ нимъ чаемъ и сахаромъ, когда и то и другое бывало у меня, а онъ еще чаще дѣлился со мной обѣдомъ изъ солдатскаго котла. Деньщику разрѣшено было приходить ко мнѣ въ казематъ два раза въ день: утромъ съ разсвѣтомъ и вечеромъ въ 9-мъ часу. Только на 6-й день вечеромъ я умылся и на 1/2 часа снялъ мундиръ. Вообще я сталъ покойнѣе, возвратились сонъ и апетитъ, мнѣ стали давать свѣчу и по вечерамъ я читалъ газеты. Завтракъ и обѣдъ приносили мнѣ роскошные и за все содержаніе мое въ казематѣ впослѣдствіи удержано было изъ моего жалованья 50 рублей.

На 11-й или 12-й день заключенія, меня потребовали въ слѣдственную коммисію. Это меня вновь напугало. Я полагалъ, что все уже кончено, а по видимому дѣло только начиналось. Ужъ не помню о чемъ меня вновь спрашивали и что читали мнѣ; помню только, что предсѣдатель коммисіи дежурный штабъ офицеръ гвардейскаго корпуса полковникъ Никифоровъ, потомъ генералъ лейтенантъ и генералъ кригсъ-коммисаръ, показывалъ мнѣ гдѣ подписываться и я, бывши подпоручикомъ, два раза написалъ по—по. Никифоровъ замѣтилъ, что довольно и одного раза по и сказалъ:

— Ну ужъ не подправляйте, пусть такъ останется.

Въ коммисіи этой, кромѣ Никифорова и Зальца, сидѣли два жандармскихъ штабъ офицера.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ коммисію, вслѣдъ за мной, призывали по одиночкѣ Есимантовскаго, Газенкампфа, Дроздовскаго, Раутенфельда, Шарыгина и Фитингофа; что Есимантовскій и Газенкампфъ содержались подъ арестомъ также въ ордонансъ-гаузѣ, а Дроздовскій, Раутенфельдъ, Фитингофъ и Шарыгинъ въ инженерномъ замкѣ, на верху, гдѣ помѣщались кондукторы инженернаго корпуса.

Позднѣе отъ барона Зальца я узналъ, что великій князь въ мнѣніи своемъ на заключеніе коммисіи написалъ, что никого изъ насъ не признаетъ виновнымъ, что донось былъ искаженъ и что его высочество всеподданнѣйше просить разрѣшенія прекратить дѣло безъ всякихъ послѣдствій. Что три начальника штабовъ его высочества, гвардейскаго, генералъ адъютантъ Веймарнъ старшій, инженернаго, генералъ адъютантъ Геруа и военно-учебныхъ заведеній Ростовцевъ, единогласно говорили великому князю, что если кто нибудь изъ насъ виноватъ, то нѣтъ ни одного человѣка въ Россіи совершенно праваго, что если взять внезапно бумаги, то у каждаго найдутся какіе нибудь стихи, какія нибудь замѣтки, которыхъ нѣтъ въ печати, а Веймарнъ, болѣе приближенный къ великому князю, прямо сказалъ, что „и у вашего высочества вѣроятно найдется что нибудь непозволительное" а великій князь на это отвѣтилъ:—„Да ты ужъ не подложилъ ли мнѣ чего нибудь"; что государь совершенно согласился съ мнѣніемъ великаго князя и высочайшая резолюція получена была великимъ княземъ вечеромъ 7 октября.

8-го октября, на 16-й день моего заключенія, только что ушелъ мой деньщикъ, на окно каземата, съ наружной стороны, сѣлъ голубь; и только что я успѣлъ сказать самъ себѣ: „16 дней, 16 досокъ и голубь—вѣстникъ освобожденія",—вошелъ плацъ-адъютантъ и объявилъ:

— Мнѣ поручено предупредить васъ, что къ вамъ будетъ присланъ цирюльникъ брить и стричь васъ, а вечеромъ въ 7 часовъ вы поѣдете къ великому князю.

Если бы отдали меня подъ судъ, то не звали бы къ великому князю; вѣрно будетъ что нибудь другое, думалъ я и безпрестанно поглядывалъ на часы. Признаюсь, ни одинъ день въ жизни не казался мнѣ столь длиннымъ, какъ день 8 октября 1839 года. Канунъ Шипкинскаго боя, 8 августа 1877 года, когда Сулейманъ паша на глазахъ нашихъ дѣлалъ приготовленія чтобы сломить на другой день нашъ Шипкинскій отрядъ, ничтожный въ сравненіи съ его полчищами, и тотъ день показался мнѣ гораздо короче.

Наконецъ настала желанная минута. Я вошелъ въ пріемную великаго князя, и—о радость,—тамъ находились Дроздовскій и Раутенфельдъ. Они вскрикнули, я также, и нами овладѣлъ истерическій смѣхъ, отъ котораго мы не могли удержаться и я даже теперь не знаю какъ объяснить этотъ смѣхъ. Здѣсь же были также Есиман-

товскій и Газенкампфъ. Стали являться начальники штабовъ; передъ самымъ великимъ княземъ вошелъ Веймарнъ и отведя Газенкампфа нѣсколько въ сторону, сказалъ ему:

— Вамъ самимъ должно быть совѣстно стоять рядомъ съ этими господами.

Наконецъ, вышелъ великій князь, въ артиллерійскомъ сюртукѣ, безъ эполетъ и, ставъ передъ нами и опустя глаза, сказалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ничего нѣтъ серьезнаго во всей этой исторіи, и, слава Богу, очень радъ, что убѣдился въ томъ. Но, господа, вы должны понять, что всегда надобно быть осторожнымъ, и можетъ быть эта исторія кончилась бы для васъ очень худо, если бы вы попались въ другія руки. Однако, разобравъ все дѣло, я нахожу болѣе всѣхъ виновнымъ васъ, г. Кренке.

Затѣмъ, обратясь къ тремъ начальникамъ штабовъ, его высочество прибавилъ:

— Прошу гг., чтобы эта исторія никогда и никому изъ нихъ не ставилась въ укоръ, а ихъ, прямо отсюда, отправить по своимъ командамъ.

Съ полнымъ вниманіемъ я ловилъ каждое слово великаго князя, смотрѣлъ въ опущенные его глаза, хорошо понялъ значеніе словъ и глубоко, глубоко сознавалъ величіе души великаго князя; но не могу до сихъ поръ понять, почему тогда мнѣ было такъ смѣшно, что я едва сдерживался и чтобы не расхохотаться щипалъ себя и крѣпко щипалъ.

Впослѣдствіи, когда передъ отъѣздомъ въ Иллукшту, я былъ у барона Зальца, благодарилъ его за вниманіе, оказанное мнѣ во время моего заключенія, Зальцъ объяснилъ мнѣ, почему великій князь называлъ меня главнымъ виновникомъ. Изъ всѣхъ лицъ, попавшихся въ этой исторіи, великій князь во мнѣ принималъ наибольшее участіе [1]) и когда я въ глазахъ его высочества былъ оправданъ, то для спасенія другихъ офицеровъ: Есимантовскаго, Дроздовскаго, Раутенфельда, Шарыгина и Фитингофа, великому князю о нихъ докладывали просто, какъ о товарищахъ моихъ, состоявшихъ подъ нѣкоторымъ нравственнымъ моимъ вліяніемъ. Далѣе Зальца говорилъ:

— Когда перебирали ваши выписки, ваши замѣтки, то всѣ, начиная съ великаго князя, удивлялись, что вы, съ небольшимъ въ четыре года, такъ много написали своею рукой; другой и въ 40 лѣтъ того не напишетъ.

При этомъ я сказалъ Зальцу, что 160 частныхъ писемъ, полученныхъ мною въ Образцовомъ полку, мнѣ возвратили, за исключеніемъ

---

[1]) При выпускѣ изъ корпуса со мной была тоже исторія, въ которой ужъ не я былъ виноватъ, а корпусное начальство. Великій князь тогда зналъ все подробно и нѣсколько разъ изъявлялъ мнѣ свое участіе. Эта исторія можетъ быть будетъ разсказана мной въ другой статьѣ.

двухъ, въ которыхъ подробно описывались дуэли между курляндскими помѣщиками; но выписокъ и замѣтокъ моихъ мнѣ не возвратили, а я очень хотѣлъ бы получить ихъ обратно.

— Ну, ужъ въ этомъ отношеніи не могу пособить вамъ, сказалъ Зальца,—даже не знаю, кого и просить о томъ.

Задержаніе этихъ выписокъ отняло у меня охоту продолжать занятія въ этомъ родѣ, или вѣрнѣе выписки мои ограничились инженерною и вообще военною частью и преимущественно по сельско-хозяйственной части.

Изъ дворца великаго князя, я и Есимантовскій поѣхали прямо въ Царское Село. Войдя въ свою квартиру, мы невольно воскликнули: „какъ хорошо здѣсь, это сущій рай". Этому повѣритъ тотъ, кто испыталъ передрягу, подобную нашей. Цѣлую ночь сидѣли мы въ мундирахъ, какъ бы желая торжественно провести ночь освобожденія, сами наставляли самоваръ, и покуда Есимантовскій ходилъ за двумя своими товарищами, не далеко отъ насъ жившими, артиллерійскими офицерами, состоявшими при образцовой пѣшей батареи, я варилъ кофе. По приходѣ артиллеристовъ у насъ завязалась самая оживленная бесѣда.

Деньщикъ мой, не зная, что я уже освобожденъ, по обыкновенію, въ 9-мъ часу вечера, пришелъ въ казематъ, но послѣдній оказался пустымъ и куда меня отправили никто ему не могъ сказать. Сторожа при ордонансъ-гаузѣ, изъ участія къ моему старику, шопотомъ, передали ему, что отсюда въ Сибирь отправляютъ обыкновенно ночью, такъ что утромъ никто и не знаетъ куда дѣвался такой-то господинъ. Деньщикъ передалъ брату моему то, что слышалъ отъ сторожей, а братъ тотчасъ сообщилъ роднымъ и знакомымъ и меня уже всѣ считали сосланнымъ; только Дроздовскій и Раутенфельдъ, содержавшіеся въ инженерномъ замкѣ, вывели всѣхъ изъ заблужденія, а деньщики наши утромъ 9 октября явились въ Царское Село.

Рано утромъ, 9 октября, мы пошли явиться полковому командиру. Генералъ Жерковъ былъ уже предупрежденъ о нашемъ освобожденіи и о томъ, чтобы насъ никто и никогда не укорялъ въ несчастной исторіи. Жерковъ ласково принялъ насъ и сказалъ, чтобы мы шли отъ него прямо въ манежъ, что тамъ собираются всѣ чины, подлежащіе нынѣ возвращенію изъ Образцоваго полка въ свои части.

Мы пришли въ манежъ. Всѣ нижніе чины, подлежащіе отправкѣ въ свои части, въ составѣ огромнаго баталіона, были выстроены вдоль стѣнъ манежа, а офицеры, числомъ до 80-ти, стояли посрединѣ. Мы подходили къ офицерамъ, здоровались, но никто намъ не отвѣчалъ, видимо всѣ боялись насъ, боялись даже обнаружить, что когда-нибудь знались съ нами; господа кадровые первые показывали этому примѣръ. Я дернулъ Есимантовскаго за рукавъ и мы стали отдѣльно, по-одаль, къ той сторонѣ манежа, откуда долженъ былъ войти Жерковъ. Онъ пришелъ и подойдя къ намъ сказалъ:—„Что же вы стоите

отдѣльно“? Я напрямикъ отвѣтилъ, что мы подходили ко всѣмъ, но, начиная съ кадровыхъ, всѣ насъ боятся. Жерковъ подалъ намъ руку и громко наговорилъ разныхъ любезностей. Надобно было видѣть, какъ усердно всѣ стали намъ кланяться и привѣтствовать съ освобожденіемъ, особенно кадровые.

Съ 9 октября до половины ноября, было очень много занятій по службѣ. Ежедневныя ученья начинались съ разсвѣтомъ и оканчивались въ сумерки и даже при наступленіи темноты. По вечерамъ я едва успѣвалъ составлять служебныя выписки: о перемѣнахъ въ уставѣ, о снаровкахъ при исполненіи нѣкоторыхъ уставныхъ правилъ; о внутреннемъ порядкѣ службы; о пригонкѣ и чисткѣ амуниціи; о постройкѣ и кройкѣ мундирной одежды.

Команды, отправлявшіяся изъ Образцоваго полка, обыкновенно представлялось на смотръ государю, а передъ тѣмъ великому князю. Смотръ великаго князя былъ страшнѣйшій. На этомъ смотру великій князь жестоко распекъ меня. Прошло болѣе 40 лѣтъ, но и теперь страшно вспомнить. Вотъ подробности: хотя я былъ и подпоручикомъ, но, какъ болѣе твердый и надежный по фронту, былъ назначенъ командиромъ 8 взвода, постъ весьма важный при движеніи баталіона лѣвымъ флангомъ, а тогда всѣ построенія слѣва были въ модѣ, и у меня во взодѣ стояло 9 офицеровъ, всѣ старше меня чиномъ, былъ даже капитанъ линейнаго баталіона Сверчковъ. На репетиціяхъ смотра было расчитано на какое окно въ манежѣ и даже на который край окна направлять движенія баталіона, чтобы всѣ возможныя построенія совершались безъ замѣшательства. На смотру великаго князя, при движеніи баталіона рядами на лѣво, команда о построеніи отдѣленій застала въ тотъ моментъ, когда дирекціональный флангъ не былъ въ направленіи на указанную перекладину окна и я по немногу сталъ принимать въ сторону, чтобы вступить на указанную линію. Великій князь это замѣтилъ, остановилъ баталіонъ и громко сказалъ:—„Подпоручикъ Кренке пожалуйте сюда“. Я быстро подбѣжалъ, конечно, съ опущенною шпагою. Великій князь громко, на весь манежъ, сказалъ:—„Какъ вы ходите! Какъ вы ходите!“ отнялъ у меня взводъ, поставилъ вмѣсто меня слѣдующаго офицера, капитана Сверчкова, и громко же приказалъ Жеркову, чтобы ко мнѣ приставленъ былъ кадровый унтеръ-офицеръ учить меня маршировкѣ. Но когда Сверчковъ, при первомъ же построеніи, что то навралъ, то великій князь распекъ и Сверчкова и тутъ только замѣтилъ, что Сверчковъ капитанъ. Такой знатокъ фронта и всѣхъ тогдашнихъ условій, какъ великій князь, тотчасъ сообразилъ, что вѣрно же я былъ признанъ лучшимъ, когда помимо старшихъ офицеровъ мнѣ дали взводъ, и по окончаніи смотра, послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній, изволилъ сказать:—„Я замѣтилъ кое-что и относительно Кренке, но въ немъ видно большое стараніе“. Жерковъ при этомъ шепнулъ

мнѣ:—„Повѣрьте, что великій князь на васъ не сердится". И на высочайшемъ смотру я опять командовалъ взводомъ.

Наконецъ минулъ и мнѣ срокъ пребыванія въ Образцовомъ полку и я 21 ноября, 1839 г. былъ отправленъ обратно къ своему баталіону въ Иллукшту.

За время пребыванія въ Образцовомъ полку, офицерамъ обыкновенно давали награду и я былъ представленъ отъ полка, но великій князь не удостоилъ меня награды и я не только не былъ огорченъ этимъ, но, напротивъ, былъ доволенъ, что за свою неосторожность, кромѣ нравственнаго наказанія, получилъ еще и дѣйствительное служебное наказаніе.

Однако великій князь окончательно простилъ мнѣ описанную мною несчастную исторію только въ 1842 году.

Въ маѣ этого года гренадерскій саперный баталіонъ былъ переведенъ изъ Иллукшты на лѣто въ Петербургъ, а за тѣмъ на зиму на постоянныя квартиры въ Новгородъ. Все лѣто баталіонъ стоялъ лагеремъ при деревнѣ Тентелевой съ гвардейскимъ и учебнымъ саперными баталіонами и участвовалъ на маневрахъ, смотрахъ и парадахъ вмѣстѣ со всѣми войсками гвардіи; но такъ какъ гренадерскій саперный баталіонъ по фронту замѣтно отставалъ отъ всѣхъ войскъ гвардіи, то великій князь, по окончаніи Красносельскаго лагеря, весь гренадерскій саперный баталіонъ, до отправленія въ Новгородъ, прикомандировалъ на два мѣсяца къ Образцовому пѣхотному полку, подчинилъ Жеркову и расположилъ въ деревнѣ Кузьмино, вблизи Царскаго Села, причемъ гренадерскій саперный баталіонъ, въ общей очереди съ царскосельскимъ гарнизономъ, долженъ былъ отправлять и караульную службу въ Царскомъ Селѣ. Я былъ тогда поручикомъ и баталіоннымъ адъютантомъ и, вмѣстѣ со всѣми адъютантами частей царскосельскаго гарнизона, обязанъ былъ всякій день являться въ Павловскъ къ великому князю съ рапортомъ о состояніи баталіона. 8 адъютантовъ тогда ѣздили въ павловскій дворецъ: лейбъ-гусарскій, кирасирскій, образцовыхъ кавалерійскаго и пѣхотнаго полковъ, пѣшей и конной батарей, учебнаго сапернаго баталіона и я.

Въ продолженіе лагеря, на маневрахъ, на смотрахъ, великій князь не удостоивалъ меня даже взглядомъ. Когда я ѣздилъ въ Павловскъ съ рапортомъ, великій князь, ласковый съ другими адъютантами, ко мнѣ не обращался ни съ однимъ вопросомъ, и не смотря на меня, принималъ рапортъ.

Такъ продолжалось до 18 августа, до дня рожденія великой княжны Александры Александровны. Въ этотъ день караулъ въ Царскомъ Селѣ занималъ гренадерскій саперный баталіонъ; назначено было молебствіе и всѣмъ офицерамъ находившимся въ Царскомъ Селѣ приказано было собраться въ дворцовую церковь. Въ то время, по порученію баталіоннаго командира, на мнѣ лежала обязанность зорко слѣдить за своими караулами въ Царскомъ Селѣ и я, осмотрѣвъ караулъ и

часовыхъ, первымъ вошелъ въ церковь. По неопредѣлительности приказанія, всѣ офицеры царскосельскаго гарнизона нѣсколько опоздали и когда великій князь вошелъ въ церковь, то, за исключеніемъ должностныхъ придворныхъ лицъ, я одинъ стоялъ тамъ и его высочество впервые ласково взглянулъ на меня. Скоро церковь наполнилась офицерами, и я, расчитывая, что личность одного незамѣтна, вышелъ изъ церкви до окончанія службы, чтобы успѣть еще разъ осмотрѣть караулъ и повѣрить тѣхъ часовыхъ въ коридорахъ, мимо которыхъ можетъ пройти великій князь. Когда я заставлялъ одного часового нѣсколько разъ продѣлывать „на караулъ" великій князь неожиданно и незамѣтно вышелъ изъ боковой двери, увидѣлъ это, и сзади, слегка, два раза ударилъ меня по плечу, говоря:—„Дѣльно, дѣльно". Тутъ подбѣжали Жерковъ, Малофѣевъ; караулъ въ порядкѣ отдалъ честь; великій князь былъ очень доволенъ и, садясь въ экипажъ, обратился къ Жеркову и Малофеѣву съ слѣдующими словами:

— Странная у меня привязанность къ моимъ воспитанникамъ; вотъ и на него (указывая на меня) я постоянно смотрю, какъ на своего кровнаго.

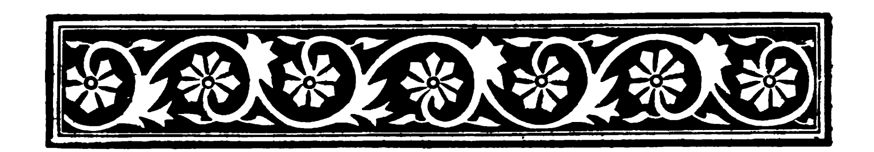
На другой день, по обыкновенію, я былъ въ Павловскѣ съ рапортомъ; великій князь шутя сталъ повѣрять, знаю ли я состояніе баталіона, и когда я наизусть сказалъ всѣ цифры, какъ написано въ рапортѣ, то его высочество, обратясь ко всѣмъ, сказалъ:

— Вѣдь я его давно знаю, память его вѣроятно далеко загоняетъ мою, а пишетъ онъ такъ скоро, что въ 4 дня напишетъ столько, сколько другому и въ 40 дней не написать.

Послѣ этого великій князь уже всякій день чѣмъ нибудь выражалъ мнѣ свое вниманіе, свой привѣтъ.

**В. Кренке.**





# НАБАТНЫЙ КОЛОКОЛЪ.

ВЪ МОСКВѢ, на кремлевской стѣнѣ, возлѣ Спасской башни, существуетъ еще и теперь небольшая, красивая сквозная башенка, носившая названіе **набатной**, отъ набатнаго колокола, который висѣлъ на ней въ прежнее время, перелитый, въ 1714 году, изъ стараго набатнаго же колокола.

Въ 1803 году, стѣны и башни московскаго кремля во многихъ мѣстахъ начали разваливаться и московская кремлевская экспедиція озаботилась ихъ исправленіемъ. Между прочимъ, главноуправляющій кремлевскою экспедиціею, Петръ Степановичъ Валуевъ, командировалъ одного чиновника въ набатную башню, съ приказаніемъ снять осторожно колоколъ и сдать его въ экспедицію для храненія въ кладовой, впредь до исправленія башни. Все шло благополучно: рабочіе сняли колоколъ, спустили къ подножію кремлевской стѣны, и только что хотѣли везти его въ кладовую, какъ явился офицеръ съ солдатами и заявилъ, что комендантъ приказалъ оставить колоколъ на площади и тотъ же офицеръ, по приказанію коменданта, приставилъ къ колоколу двухъ часовыхъ. Сконфуженный чиновникъ явился къ Валуеву съ донесеніемъ объ арестѣ колокола.

Главноуправляющій кремлевской экспедиціи, отличавшійся во все время своего служенія непомѣрнымъ самолюбіемъ, взбѣсился, и опять этого же чиновника послалъ къ коменданту съ требованіемъ на словахъ, отъ имени его, Валуева, немедленно возвратить колоколъ. Комендантъ заявилъ чиновнику желаніе свое получить такое требованіе не на словахъ, а письменно. Чиновникъ доложилъ объ этомъ Валуеву. Письменное требованіе полетѣло къ коменданту въ слѣдующемъ содержаніи: „что экспедиція дѣйствуетъ на основаніи высочайше конфирмованнаго штата и по инструкціи, которую онъ, Валуевъ, преподалъ сей экспедиціи; что онъ выражаетъ свое удивленіе къ дѣйствіямъ коменданта и проситъ его увѣдомить не имѣетъ ли онъ ко-

мендантъ на задержаніе колокола особаго повелѣнія, а если такого не имѣетъ, то чтобъ возвратилъ колоколъ немедленно".

Комендантъ нашолъ тонъ письма да и самое требованіе немного оскорбительнымъ и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову. Главнокомандующій, вѣроятно, тоже не совсѣмъ довольный тѣмъ, что Валуевъ обратился къ коменданту помимо его, въ тотъ же день увѣдомилъ Валуева „что онъ находитъ дѣйствія коменданта совершенно законными и проситъ въ подобныхъ случаяхъ обращаться къ нему главнокомандующему и содержать коменданта въ томъ вниманіи, какого онъ заслуживаетъ по отличному усердію и исправности въ толиколѣтнемъ прохожденіи важнаго служенія своего оказанными".

Валуеву стало понятно, что онъ сдѣлалъ ошибку, погорячился и что главнокомандующій можетъ довести объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія, а главнокомандующій и Валуевъ, какъ два медвѣдя въ берлогѣ, жили не въ ладу, и Валуевъ поспѣшилъ искать покровительства въ любимцѣ императора, Трощинскомъ, мимо котораго, въ случаѣ жалобы графа Салтыкова, дѣло это не могло пройти.

„Опасаясь, что главнокомандующій представитъ о дѣлѣ своимъ маннеромъ на высочайшее усмотрѣніе, доношу вашему высокопревосходительству (писалъ Валуевъ къ Трощинскому) яко единственному благотворителю, о встрѣтившейся непріятности отъ коменданта и главнокомандующаго, душащими меня попеременно пустыми отношеніями.

„По понятію моему о пользѣ казны и славѣ моихъ государей, истребилъ я, безъ огласки, прошедшимъ лѣтомъ два застѣнка, яко памятники временъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ, употребя изъ оныхъ матеріялы на исправленіе древностей, заслуживающихъ быть обереженными въ позднѣйшія времена и что этимъ оправдалъ я ваше покровительство, снискалъ всеобщую жителей московскихъ эстиму и заслужилъ монаршее благоволеніе. Руководствуясь таковымъ же подвигомъ спрятанъ у меня давно языкъ извѣстнаго колокола служащаго возвѣстителемъ всѣхъ возмущеній стрѣлецкихъ и возмущенія во время чумы въ царствованіе Екатерины премудрой".

Послѣ такого напоминанія о своихъ заслугахъ, оказанныхъ государю и отечеству и московскимъ жителямъ, Валуевъ въ письмѣ къ Трощинскому разсказываетъ, какъ комендантъ арестовалъ колоколъ и оставилъ его подъ карауломъ на площади „гдѣ прохожіе, можетъ быть, дѣлаютъ о томъ разные толки и заключенія, а главнокомандующій, не осмотрѣвъ мѣста и не распросивъ о томъ у меня, пишетъ ко мнѣ отношеніе, которое я оставилъ безъ отвѣта, какъ для избѣжанія дальнѣйшихъ исторій, такъ и по тому, что отвѣтствуя, обязанъ бы я былъ объяснить его сіятельству, что колоколъ имъ уважаемый, есть памятникъ золъ россійскихъ, заслуживающій быть забытъ всѣми благомыслящими отечества сынами, памятникъ безславія

покойнаго отца его, который, будучи главнокомандующимъ, отъ чумы и возмущенія укрылся въ подмосковную, за что и былъ отставленъ и дана преемнику его инструкція, въ которой упомянуто о его побѣгѣ".

Изливши свою злость на главнокомандующаго и даже на его покойнаго отца, Валуевъ принялся за коменданта:

„Комендантъ говоритъ, что безъ начальства колокола отдать не можетъ. Буде колокола принадлежатъ къ военной дисциплинѣ и аккуратности, почему же не воспрепятствовалъ мнѣ прошедшимъ лѣтомъ разбирать колокола на башняхъ Спасской и Троицкой?

„Обязанъ я былъ объяснить ему (главнокомандущему), что въ моемъ чинѣ, служа непорочно 50 лѣтъ, разумѣть я долженъ, кому какія давать уваженія, не погрѣшая противъ коменданта, о которомъ онъ самъ отзывался, что онъ пьяница и знаетъ только службу капральскую".

Вступивъ на дорогу сплетней и злорѣчія, Валуевъ не остановился на самыхъ ничтожныхъ мелочныхъ объясненіяхъ Салтыкова и коменданта:

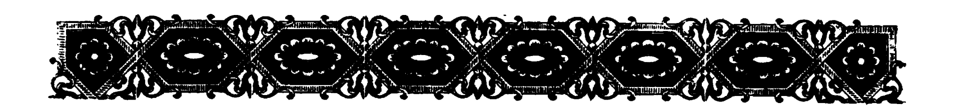
„Злоба коменданта происходитъ отъ того, что не удовлетворяются его пустыя требованія о снабженіи его дома неимовѣрнымъ числомъ дворцовыми мебелями, о набитіи льдомъ его погребовъ и пр. и пр., понеже домъ его не въ вѣдомствѣ экспедиціи; злоба главнокомандующаго отъ неблагорасположенныхъ ко мнѣ окружающихъ его зятя Уварова и правителя канцеляріи Карпова".

Какъ ни старался Валуевъ въ глазахъ Трощинскаго, который могъ донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующаго, не постыдившись даже, по случаю колокола, вызвать тяжелыя воспоминанія фамиліи графовъ Салтыковыхъ о поступкѣ одного изъ ихъ семейства во время чумы въ Москвѣ 1771 года, какъ ни льстилъ Трощинскому разными подобострастными и лакейскими фразами, но графъ Салтыковъ остался цѣлъ и невредимъ и 28 мая 1803 г. сообщилъ Валуеву, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: „набатный колоколъ сохранять навсегда на своемъ мѣстѣ (т. е. на той башнѣ, гдѣ онъ висѣлъ), въ случаѣ же починки башни сохранять колоколъ въ надежномъ мѣстѣ до исправленія ея, а по исправленіи опять вѣшать на свое мѣсто".

Валуеву осталось, впрочемъ, утѣшеніе, что въ рѣшеніи ничего не было упомянуто о спрятанномъ имъ языкѣ отъ колокола.

Колоколъ этотъ, о которомъ такъ много было прерѣканій и неудовольствій между двумя главными начальствующими въ Москвѣ, сохраняется и теперь и съ языкомъ и показывается посѣтителямъ, въ московской оружейной палатѣ.

Г. Есиповъ.



# НѢМЕЦКАЯ ПАРТІЯ ВЪ РУССКОЙ АКАДЕМІИ.

ЕТЕРБУРГСКАЯ академія наукъ въ послѣднее время заставила много говорить о себѣ, и въ печати и въ обществѣ; но имя этого храма науки, упоминалось не съ уваженіемъ, а съ негодованіемъ. Рѣчь шла собственно о посторонних наукѣ и ея интересамъ помѣхахъ, затрудняющихъ притокъ свѣжихъ силъ въ сферу академической дѣятельности, о цѣховой исключительности академиковъ нѣмцевъ, которая особенно выказалась на выборахъ профессора Д. И. Менделѣева въ ряды петербургскаго ученаго персонала. Двери академіи должны бы, кажется, широко раствориться передъ заслугами этого ученаго, имя котораго служитъ украшеніемъ русской науки. Тутъ представлялась неоспоримая выгода самой академіи достойно вознаградить утрату, понесенную ею съ кончиною академика Зинина, и въ то же время воздать должное трудамъ профессора Менделѣева. Такъ и понимали кандидатуру г. Менделѣева, академики Бутлеровъ, Чебышевъ, Овсянниковъ и Кокшаровъ, внесшіе свое предложеніе объ избраніи его членомъ физико-математическаго отдѣленія академіи наукъ.

И дѣйствительно, что могло бы помѣшать такому избранію? Профессоръ Менделѣевъ первенствуетъ въ русской химіи и, слѣдовательно ему по праву принадлежитъ мѣсто въ „первенствующемъ ученомъ сословіи Россійской имперіи". Принявъ въ свою среду г. Менделѣева, петербургская академія безъ сомнѣнія, почтила бы тѣмъ русскую науку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя самое, „какъ ея верховную представительницу". Но, быть можетъ, такое мнѣніе принадлежитъ только русскимъ ученымъ, и для академіи оно необязательно, ибо многіе изъ членовъ ея и говорить-то не умѣютъ по-русски, а тѣмъ паче справляться съ мнѣніями русскаго общества и русскихъ ученыхъ. Иное дѣло—слава европейская, извѣстность, пріобрѣтенная за-границей, особливо въ Германіи. Тутъ господа академики должны быть вполнѣ компетентны. Во-

первыхъ, труды ихъ издаются на иностранныхъ языкахъ и разсчитаны на оцѣнку въ Европѣ; а съ другой стороны болѣе трети всего состава избирателей, балотировавшихъ г. Менделѣева, носитъ не русскія фамиліи. Такимъ образомъ, необходимые, по уставу, двѣ трети голосовъ въ пользу избранія въ члены петербургской академіи, трудно было бы обезпечить за г. Менделѣевымъ, если-бъ научные заслуги его не находили блестящей и высокой оцѣнки въ средѣ европейскихъ ученыхъ. Но въ томъ-то и суть, что изслѣдованія и открытія г. Менделѣева въ области химіи пользуются европейской извѣстностью, признаются вездѣ, какъ это видно, между прочимъ изъ отзывовъ иностранныхъ ученыхъ о его открытіяхъ, приведенныхъ въ запискѣ академиковъ, предлагавшихъ академіи его изобраніе. Какъ извѣстно, ему удалось предугадать и впослѣдствіи дѣйствительно подтвердить свои предсказанія, относительно существованія свойствъ цѣлаго ряда простыхъ тѣлъ, до него ни кѣмъ незамѣченныхъ. Чтобы понять значеніе такого открытія, достаточно сослаться на приговоръ объ этомъ Лотара Мейера: „Предсказаніе свойствъ элементовъ еще неизвѣстныхъ, представляетъ одну изъ самыхъ заманчивыхъ, но за то и труднѣйшихъ задачъ химіи, говоритъ онъ;—она имѣетъ нѣкоторое сходство съ вычисленіемъ еще неоткрытыхъ планетъ, вызывающимъ общее изумленіе и неученаго міра". Само собою разумѣется, подняться на подобную высоту научнаго синтеза,—двинуть науку на такой исполинскій шагъ впередъ—удѣлъ немногихъ.

Ясно отсюда, что, съ какой стороны ни смотрѣть на академическую кандидатуру г. Менделѣева, ее было бы трудно отвергнуть въ интересахъ русской науки и успѣховъ ея въ нашемъ отечествѣ, другими словами, въ интересахъ самой же академіи. На дѣлѣ, однако, вышло иначе. Изъ восемнадцати членовъ академіи, принимавшихъ участіе въ балотированіи г. Менделѣева, половина положила десять черныхъ шаровъ. Кто же эти безсмертные судьи и строгіе критики? Президентъ академіи графъ Литке почтилъ труды и заслуги г. Менделѣева двумя черными шарами; остальные восемь ученыхъ положили по одному каждый: это — непремѣнный секретарь г. К. Веселовскій, академики Вильдъ, Гадолинъ, Гельмерсенъ, Максимовичъ, Шмидтъ, Шренкъ и Штраухъ. Безъ сомнѣнія, не маловажность научныхъ заслугъ неизбраннаго кандидата служила имъ оправданіемъ. Такое объясненіе было бы болѣе курьезно, чѣмъ серьезно, ибо объ этомъ ни одинъ изъ безсмертныхъ девяти мужей, даже и судить-то не въ состояніи, такъ какъ въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного спеціалиста по химіи, нѣтъ ни одного имени, которое получило бы такую же извѣстность въ наукѣ, какою пользуется по праву имя г. Менделѣева.

Вотъ, напримѣръ, оцѣнка заслугъ и ученой дѣятельности г. Менделѣева, публично заявленная профессорами физикоматематическаго факультета московскаго университета, въ виду исхода академическихъ выборовъ:

„Рядъ принадлежащихъ вамъ изслѣдованій, говорятъ московскіе профессора въ своемъ письмѣ, адресованномъ на имя Д. И. Менделѣева, и ученолитературныхъ трудовъ, отличающихся глубиною и оригинальностью основной мысли, съ давнихъ поръ уже обратилъ на себя вниманіе русскихъ ученыхъ и заставилъ признать васъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся научныхъ дѣятелей Россіи. Ваши „Основы химіи“ стали настольною книгою всякаго русскаго химика, и русская наука гордится трактатомъ, не имѣющимъ себѣ равнаго даже въ богатой западной литературѣ. На ряду съ многочисленными сочиненіями, долголѣтняя и плодотворная профессорская ваша дѣятельность, а также участіе въ изслѣдованіи минеральныхъ богатствъ Россіи, дѣлаютъ ваше имя однимъ изъ самыхъ почтенныхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

„Въ послѣдніе годы вашъ законъ періодичности химическихъ элементовъ, столь блистательно оправданный открытіемъ „предсказанныхъ“ вами металловъ, напоминающихъ открытіе Нептуна, доставилъ вамъ почетное мѣсто въ кругу ученыхъ всего міра. „Это — по выраженію Вюрца—могучій синтезъ, который отнынѣ необходимо имѣть въ виду всякій разъ, когда желаемъ взглянуть на предметъ химіи съ высоты и въ полномъ его объемѣ“. Дальнѣйшая экспериментальная разработка „Закона Менделѣева“, безъ сомнѣнія, еще болѣе покажетъ, какъ широко обнимаетъ онъ свойства вещества, и окончательно упрочитъ за вами славу первоклассного ученаго мыслителя.

„Между тѣмъ, мы узнаемъ, что находящаяся въ С.-Петербургѣ академія наукъ, при недавно происходившихъ выборахъ, не приняла васъ въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ.

„Для людей, слѣдившихъ за дѣйствіями учрежденія, которое по своему уставу, должно быть „первенствующимъ ученымъ сословіемъ“ Россіи, такое извѣстіе не было вполнѣ неожиданнымъ. Исторія многихъ академическихъ выборовъ съ очевидностью показала, что въ средѣ этого учрежденія голосъ людей науки подавляется противодѣйствіемъ темныхъ силъ, которыя ревниво затворяютъ двери академіи предъ русскими талантами.

„Много разъ слышали и читали мы о такихъ прискорбныхъ явленіяхъ въ академической средѣ и говорили про себя: „quousque tandem?“. Но пора сказать прямое слово, пора назвать недостойное недостойнымъ. Во имя науки, во имя народнаго чувства, во имя справедливости, мы считаемъ долгомъ выразить наше осужденіе дѣйствію, несовмѣстному съ достоинствомъ ученой корпораціи и оскорбительному для русскаго общества. Такое дѣйствіе вызоветъ, безъ сомнѣнія, строгій приговоръ и за предѣлами Россіи,—вездѣ гдѣ уважается наука“.

Не менѣе характерно заявленіе, напечатанное по тому же поводу въ „Голосѣ“ спеціалистами по химіи, профессорами нашихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній [1]:

---

[1]) Подъ этимъ заявленіемъ значатся слѣдующія подписи: ординарный профессоръ кіевскаго университета П. П. Алексѣевъ; ординарный профессоръ харьковскаго университета Н. Н. Бекетовъ; академикъ и ординарный профессоръ медико-хирургической академіи А. П. Бородинъ; ординарный профессоръ кіевскаго университета Н. А. Бунге; ординарный профессоръ новороссійскаго университета А. А. Вериго; исправляющій должность доцента варшавскаго университета В. А. Гемиліанъ; ординарный профессоръ петровской академіи Г. Г. Густавсонъ; ординарный профессоръ казанскаго университета А. М. Зайцевъ; доцентъ новороссійскаго университета Е. Ф. Клименко; профессоръ московскаго техническаго училища А. А. Колли; ординарный профессоръ харьковскаго университета Г. И. Лагермакъ; профессоръ лѣсного института П. А. Лачиновъ; ординарный про-

„Физикоматематическое отдѣленіе академіи наукъ, въ засѣданіи 11-го ноября 1880 года, забалотировало Д. И. Менделѣева, который былъ предложенъ въ члены отдѣленія на мѣсто покойнаго Н. Н. Зинина. Безспорность заслугъ кандидата, которому равнаго химія въ Россіи представить не можетъ, извѣстность его заграницей, дѣлаютъ совершенно необъяснимымъ его забалотированіе. Въ виду повторяющихся неизбраній въ физикоматематическое отдѣленіе академіи наукъ лучшихъ русскихъ ученыхъ, мы считаемъ нужнымъ обратить на это общественное вниманіе.

Но о невѣдѣніи и недоразумѣніяхъ на счетъ ученыхъ заслугъ г. Менделѣева не могло быть рѣчи еще и потому, что гг. Бутлеровъ, Овсянниковъ, Чебышевъ и Кокшаровъ, въ вышеупомянутой обстоятельной запискѣ познакомили своихъ ученыхъ коллегъ съ открытіями и трудами г. Менделѣева. Остается допустить, значитъ, что вопросъ тутъ былъ не въ заслугахъ, не въ научной извѣстности, а въ чемъ-то иномъ. Тутъ имѣлись въ виду какія-то „заднія цѣли", особыя, исключительныя стремленія, понятныя только посвященнымъ и избраннымъ.

Какія же это „заднія цѣли" могутъ быть достойны представителей „первенствующаго въ Россіи ученаго сословія?" Вопросъ, до крайности любопытный. Къ счастью, или несчастью, но отвѣта на него не нужно долго искать. Стоитъ лишь сопоставить съ разбираемымъ фактомъ еще нѣсколько случаевъ изъ недавняго прошлаго академіи, гдѣ ей приходилось имѣть дѣло съ кандидатурами изъ русскихъ ученыхъ. Такъ, за послѣднее время не были избраны въ члены академіи профессора Коркинъ и Сѣченовъ, а раньше этого Карамзинъ даже вовсе не былъ предложенъ въ академики. Но всего характернѣе обрисовались отношенія академіи къ русскимъ ученымъ силамъ, въ то время, когда возникъ вопросъ о кандидатурѣ покойнаго С. М. Соловьева. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Устрялова въ III отдѣленіи академіи открылась свободная историческая каѳедра. Болѣе видныхъ кандидатовъ на нее, кромѣ Соловьева, не представлялось тогда. Но въ составѣ упомянутаго отдѣленія засѣдали одни только нѣмцы, конечно, не считая „непремѣннаго секретаря", который всегда дѣйствуетъ въ угоду нѣмецкой партіи. По уставу, и нынѣ еще остающемуся въ силѣ, требовалось, чтобы предложеніе кандидатуры исходило, по крайней мѣрѣ, отъ трехъ ординарныхъ академиковъ. Но изъ среды академиковъ-нѣмцевъ не обрѣлось ни одного, кто рѣшился бы взять на себя иниціативу. Соловьевъ даже не былъ предложенъ по III отдѣленію. Чтобы спасти честь „первенствующаго въ Россіи ученаго сословія", Соловьева избрало II отдѣленіе, т. е. отдѣ-

---

фессоръ петербургскаго университета Н. А. Меншуткинъ; доцентъ новороссійскаго университета В. Петріевъ; ординарный профессоръ варшавскаго университета А. Н. Поповъ; доцентъ казанскаго университета Ф. М. Флавицкій, адъюнктъ-профессоръ николаевской инженерной академіи А. Р. Шуляченко ординарный профессоръ московскаго университета В. В. Морковниковъ.

леніе языка и словесности. Такимъ образомъ, **историкъ** поневолѣ попалъ въ спеціалисты по **языку и словесности**.

Сопоставляя вмѣстѣ приведенные факты, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, когда поднимается рѣчь о русскомъ кандидатѣ на званіе академика, въ нѣмецкой партіи обнаруживается стремленіе охранять привилегіи и монополію на исключительное значеніе въ дѣлахъ академіи, а съ другой стороны—какъ будто опасеніе выпустить изъ своихъ рукъ бразды академическаго правленія, начиная отъ печатанія ученыхъ трудовъ на казенный счетъ и кончая ученымъ опочиваніемъ на лаврахъ съ хорошимъ гонораромъ. Откуда же, спрашивается, возникли подобныя привилегіи? На чемъ онѣ держатся и какъ отзываются въ практикѣ самой академіи? Краснорѣчивый отвѣтъ на вопросъ можетъ дать только исторія петербургской академіи.

Начать съ того, что вызванная къ жизни правительствомъ, академія, со времени своего основанія, должна была пополняться иностранными учеными силами; безъ сомнѣнія и иностранцы могли принести пользу Россіи,—нужно было только ознакомиться съ ея нуждами и потребностями въ дѣлѣ просвѣщенія. А потребности эти были очень велики. Русское общество того времени не только не было подготовлено къ какимъ бы то ни было изслѣдованіямъ чисто научнаго свойства, но въ его средѣ не было еще ни правильнаго обученія, ни уваженія къ знанію. Вотъ почему главнѣйшая обязанность принятыхъ академиковъ должна была состоять преимущественно въ содѣйствіи педагогическому развитію страны. Имъ предстояло прежде всего заняться изданіемъ учебниковъ, организовать курсы, воспитать въ странѣ классъ учителей и педагоговъ. Такъ понималъ задачу новаго учрежденія Петръ Великій, по мысли котораго она основана; того же ожидали отъ него русскіе люди. Но какъ же исполняли это сами академики? Ничего нѣтъ страннаго, да иначе и быть не могло, что русскіе, призывая иностранцевъ для того, чтобы научиться у нихъ, надѣялись современемъ перестать въ нихъ нуждаться и избавиться отъ огромныхъ издержекъ, какія шли на ихъ содержаніе. Иностранцы же, поселясь въ Россіи, по замѣчанію В. И. Ламанскаго, желали свою силу и значеніе упрочить, передать въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. „Исполненныя чувства собственнаго превосходства, понимая свою необходимость, иностранцы не могли охотно согласиться на обидную для нихъ роль орудій народа, ими не высоко цѣнимаго; напротивъ, желали быть дѣятелями самостоятельными, пріобрѣсти голосъ и вліяніе въ странѣ, на ихъ глаза еще варварской“. Отсюда искали они всячески случаевъ подкрѣплять себя свѣжими силами изъ за-границы и мало по малу въ академіи успѣла сформироваться плотная однородная корпорація изъ національности нѣмецкой. Отсюда же о пользахъ и нуждахъ Россіи не было и помину. Въ трудахъ ихъ мы видимъ только одно стремленіе обогатить заграничную литературу, не взирая на то, выиграетъ ли отъ того русское общество и русское го-

сударство, тратившія столько на содержаніе нѣмецкихъ ученыхъ. Два важныя предписанія Петра I были, между прочимъ, вовсе оставлены безъ исполненія академиками, въ ущербъ юной русской образованности. Академики ни чуть не заботились о составленіи извлеченій изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, ни курсовъ по своимъ наукамъ. Небезъинтересно также отмѣтить и отношенія пришлыхъ ученыхъ къ русскимъ студентамъ. Тутъ царило всецѣло „цѣховое направленіе", напоминавшее отношеніе нѣмецкихъ мастеровъ къ русскимъ ученикамъ. Отъ этого направленія, издавна охарактеризованнаго народною поговоркою—„нѣмецъ шить научить, а кроить никогда",—не были свободны самые лучшіе изъ нашихъ иностранныхъ академиковъ. Такъ, извѣстный Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, постоянно отговаривалъ Гмелина обучать русскихъ студентовъ, и Гмелинъ давалъ уроки Крашенинникову и другимъ, тайкомъ отъ Миллера.

Это стремленіе нанятыхъ ученыхъ отдѣлаться мало по малу отъ предписанныхъ имъ въ условіяхъ обязанностей, и отъ всякой заботливости о народномъ просвѣщеніи и знакомства съ потребностями страны, составляетъ характеристическую черту и въ дальнѣйшей ихъ дѣятельности. Отъ того-то послѣдняя совершалась безъ всякаго отношенія къ жизни и потребностямъ русскаго общества. Оттого же идея академіи въ томъ видѣ, какъ была она задумана Петромъ I, постепенно съуживалась, мельчала, и въ учрежденіи, въ которомъ хотѣли бы видѣть „зданіе къ возращенію наукъ и художествъ", водворились нѣмецкіе цеховые порядки, вѣчные распри, взаимная вражда за власть, а вмѣстѣ съ ними дурное управленіе и полнѣйшее господство произвола. Какой нибудь интриганъ, въ родѣ Шумахера, деспотически обращался съ ученымъ собраніемъ, не выдавалъ профессорамъ жалованья по цѣлымъ мѣсяцамъ, обносилъ ихъ передъ президентомъ и дворомъ, выставляя ихъ то въ смѣшномъ видѣ, то какъ людей безпокойныхъ, заводилъ между ними распри, причемъ особенно пользовался иностраннымъ студентомъ Ф. Г. Миллеромъ, котораго и посадилъ съ собою въ канцелярію.

Въ самый разгаръ такого порядка вещей въ академію вступаетъ Ломоносовъ. Между нимъ и нѣмецкой партіей завязывается упорная и продолжительная борьба за самобытность науки въ Россіи, за ея независимость отъ непотизма, кумовства и казнокрадства. Исторія этой борьбы тѣмъ болѣе поучительна, что она указываетъ и на тогдашнія средства и препятствія къ тому, чтобы „видѣть россійскую академію изъ сыновъ россійскихъ состоящую". На первыхъ же порахъ послѣ назначенія Ломоносова въ адъюнкты, онъ успѣлъ близко ознакомиться съ состояніемъ академіи и управленіемъ Шумахера, и не прошло мѣсяца, какъ уже въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ по случаю коронаціи (1742 г.), была послана жалоба на Шумахера изъ 38 пунктовъ, подписанная одинадцатью доносителями.

Въ этомъ „доношеніи", какъ полагаютъ, написанномъ Ломонсовымъ,

впервые заявляло русское общество свои требованія отъ петербургской академіи. Нарядили коммиссію для производства слѣдствія надъ Шумахеромъ, который, не смотря на всѣ его злоупотребленія, былъ оправданъ вполнѣ. Нартова, друга Ломоносова, возившаго въ Москву жалобу, удалили отъ службы въ академической канцеляріи; противъ академика Делиля, подписавшаго жалобу, Шумахеръ поднялъ все профессорское собраніе, причемъ ему особенно помогали академики Винсгеймъ, его близкій пріятель, и Крафтъ, его родственникъ. Но Шумахеру надо было сломить главнаго виновника этого дѣла, Ломоносова; какъ это сдѣлать? И вотъ нѣмцы-академики, вѣчно враждовавшіе съ Шумахеромъ, на этотъ разъ соединяются съ нимъ тѣмъ съ большей готовностью, что въ академической дѣятельности Ломоносова они не безосновательно видятъ напоръ русской силы. Прежде всего они оправдываютъ Шумахера отъ возведенныхъ на него обвиненій, а затѣмъ представляютъ въ вышеупомянутую слѣдственную коммиссію, вмѣстѣ съ обвиненіемъ Делиля въ клеветахъ, и жалобу на Ломоносова, требуя чтобъ имъ „учинили праведную сатисфакцію". Ломоносовъ хотѣлъ удаленія Шумахера, преобразованія академіи, учрежденія настоящаго университета съ правомъ производить въ ученыя степени, и полагалъ нужнымъ, чтобъ академія предприняла русскія изданія. Онъ подалъ въ коммисію записку „нижайшее доказательство о томъ, что при академіи нѣтъ университета". Его посадили подъ караулъ, гдѣ онъ и находился до начала 1744 года. Любопытно замѣтить, что тѣже самые нѣмцы, очернившіе своего коллегу Делиля, когда снова пришлось имъ разсориться съ Шумахеромъ, не поцеремонились въ жалобѣ на него сенату (7 августа 1745 г.), въ подтвержденіе своихъ словъ, сослаться на доношеніе Делиля 1742 г. Шумахеръ тѣмъ не менѣе продолжалъ царить въ академіи, раздавая мѣста въ канцеляріи свойственникамъ и родственникамъ, и разводя при академіи цѣлыя фабрики и мастерскія, изготовляя на нихъ заказы и подарки разнымъ знатнымъ лицамъ, устроивая разныя починки и передѣлки, особенно послѣ страшнаго пожара (1747 г.), истребившаго значительную часть зданія и музеевъ академіи, который современники приписывали умышленности Шумахера. Нужно ли прибавлять, что Ломоносовъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ постоянно встрѣчалъ систематическое противодѣйствіе въ Шумахерѣ и въ Таубертѣ, который былъ зятемъ Шумахера и его помощникомъ по канцеляріи, а равно и во всѣхъ академикахъ, ладившихъ съ сими господами. Не говоря уже о постоянныхъ доносахъ на Ломоносова, враги его не переставали нападать даже на мысли, какія высказывались въ его сочиненіяхъ. Съ какими интригами и недоброжелательствомъ къ дѣятельности русскаго ученаго относились „непріятели наукъ россійскихъ", какъ Ломоносовъ называлъ товарищей—иностранцевъ и завидовавшихъ ему русскихъ, „которые не давали возростать свободно насажденію Петра Великаго", показываетъ между прочимъ слѣдующій фактъ, переданный имъ самимъ въ „Исторіи о

поведеніи академической канцеляріи“. Дѣло идетъ объ изданіи русской грамматики Ломоносова на нѣмецкомъ языкѣ. „Чтобы пресѣчь изданіе Ломоносова грамматики на нѣмецкомъ языкѣ, даны всѣ способы Шлецеру, чтобъ онъ, обучаясь русскому языку по его грамматикѣ, переворотилъ ее инымъ порядкомъ и въ свѣтъ издалъ, и для того всячески останавливать печатаніе оныя, а Шлецерову ускоряли печатать въ новой типографіи скрытно, которой уже и отпечатано много (девять) листовъ, исполненныхъ смѣшными излишествами, погрѣшностями, какъ еще отъ недалеко знающихъ россійскій языкъ ожидать должно, купно съ грубыми ругательствами“.

Борьба, какую пришлось вести Ломоносову съ нѣмецкой академической партіей, принесла свои плоды. Послѣ его смерти русскій элементъ уже не могъ отсутствовать въ средѣ академиковъ. Во первыхъ, и между „варварами“ т. е. русскими, оказался человѣкъ, заслужившій уваженіе лучшихъ европейскихъ ученыхъ того времени, и между ними нашлись способные возрощать науки и художества, а съ другой стороны и русское общество стало интересоваться академіею и смотрѣть на нее, какъ на свое учрежденіе. Подъ конецъ жизни Ломоносова, она служитъ уже предметомъ частныхъ разговоровъ и печатныхъ разсужденій. Сумароковъ зло нападаетъ на „невскихъ блохъ, которыя въ началѣ Петербурга завелися“. Шлецеръ говоритъ, что въ это время русское общество негодовало на академію за то, что она тратила огромныя суммы совершенно непроизводительно для народа: „русскіе громко говорили, что Россія можетъ быть благодарна академіи только за календари“. Порошинъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича, проводитъ слѣдующій характерный отзывъ объ академіи, сдѣланный графомъ Н. И. Панинымъ: „Она (академія) оставлена безъ всякаго попеченія; нижнихъ школъ для воспитанія юношества и приготовленія его къ академическимъ ученіямъ у насъ нѣтъ, что такія школы для распространенія наукъ необходимо нужны. И въ самомъ дѣлѣ, какая изъ того польза и у разумныхъ людей слава отечеству пріобрѣтена быть можетъ, что 10 или 20 человѣкъ иностранцевъ, созванные за великія деньги, будутъ писать на языкѣ, весьма немногимъ извѣстномъ? Еслибъ крымскій ханъ двойную далъ цѣну и къ себѣ такихъ людей призвалъ, они бъ и туда поѣхали и тамъ писать бы стали, а со всѣмъ тѣмъ татары все бы прежними невѣжами остались“. Вотъ какіе взгляды уже стали высказываться въ то время. Вступленіе русскихъ въ среду академіи послужило къ тому, что академія начала выполнять свое главное назначеніе — служить Россіи, русскому просвѣщенію. Она начала обогащать русскую литературу изданіями многихъ прекрасныхъ переводовъ съ древнихъ и съ новыхъ языковъ, она же предприняла русскія повременныя изданія, въ которыхъ наиболѣе, если не исключительно, трудились отечественные ученые. Въ періодъ президенства Н. Н. Новосильцева былъ составленъ особый „регламентъ академіи“, уже во многомъ отвѣчавшій идеямъ Ломоно-

сова. „Академія, — гласилъ этотъ, регламентъ — должна образовать опредѣленное число молодыхъ людей изъ россійскихъ подданныхъ, которые будутъ составлять первую степень во всѣхъ наукахъ, дабы современемъ сдѣлать ихъ достойными принятія въ число адъюнктовъ". А чѣмъ же заявляла о себѣ нѣмецкая партія? Помимо изданія на русскія деньги сочиненій, обогащавшихъ германскую литературу, помимо изданія календарей, они занимались взаимными пререканіями, починкой и украшеніемъ квартиръ. Въ этомъ отношеніи небезъинтересно заявленіе С. С. Уварова, назначеннаго президентомъ въ 1818 г. По его словамъ, „на починку и украшеніе квартиръ академическихъ чиновниковъ (въ 1817 г.) академіею употреблено было 18,049 руб., а на кунсткамерѣ крыша течетъ и болѣе 15 лѣтъ не крашена". „Квартиры академиковъ такъ расположены, что иныя имѣютъ до десяти покоевъ, даже и тѣ, которыя занимаются холостыми". „Неуваженіе къ общему мнѣнію, частныя ненависти и пріязни, личности всякаго рода, произвели издавна совершенный недостатокъ единодушія и прекратили всю дѣятельность академіи". Такое состояніе академіи вызывало необходимость ея преобразованія, и со времени президентства С. С. Уварова и до послѣдняго времени наше правительство старалось не только поощрять труды академиковъ—иностранцевъ, но въ особенности обезпечить свободный и широкій доступъ въ первенствующее ученое сословіе россійской имперіи русскимъ ученымъ силамъ. Такъ, по нынѣ дѣйствующему уставу, на открывающіяся мѣста академиковъ и адъюнктовъ, при равныхъ достоинствахъ, ученый русскій предпочитается иноземцу. Уставъ требуетъ также, чтобы академія, когда откроется вакансія адъюнкта, „открывала конкурсъ объявленіемъ въ вѣдомостяхъ, чтобъ всякій изъ русскихъ ученыхъ, чувствующій себя къ дѣлу способномъ, впродолженіи шести мѣсяцевъ, прислалъ, въ доказательство своихъ знаній, или напечатанную книгу, или диссертацію, имъ сочиненную. „Выписывать же иностранныхъ ученыхъ допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда никто изъ русскихъ не явится на конкурсъ. Правила, опредѣляющія порядокъ выборовъ, одинаково не мѣшаютъ русскимъ ученымъ вступать въ академію. Но, извѣстное дѣло, уставами ничего не подѣлаешь, если они не поддерживаются личною силою исполнителей ихъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: уставъ остается безъ результата; онъ самъ по себѣ, а исполнители его сами по себѣ. Всѣми дѣлами заправляетъ „непремѣнный секретарь", а вершаетъ ихъ президентъ, назначаемый изъ „особъ первыхъ четырехъ классовъ", внѣ всякаго контроля ученой коллегіи, пользующійся широкими полномочіями „доносить въ случаѣ нарушенія порядка и внутренняго устройства", или о достойныхъ повышенія и наградъ, „наказывать виновныхъ" и избирать мѣры, соотвѣтственныя законамъ, важности самаго „случая вызывающаго на мѣропріятія по обстоятельствамъ". Выходитъ такимъ образомъ, что академія будто и коллегіальное учрежденіе, ибо ученыя дѣла рѣшаются въ собраніи акаде-

миковъ большинствомъ голосовъ, что предполагаетъ и свободу мысли и слова, а въ дѣйствительности эта свобода всегда можетъ столкнуться съ „правами“ ни отъ кого независимаго пожизненнаго начальника академіи и съ соображеніями также пожизненнаго „непремѣннаго секретаря.“ Есть ли тутъ какое-нибудь ручательство, что самый подробный уставъ въ состояніи обезпечить правильность выборовъ и соблюденіе существенныхъ интересовъ учрежденія? Мы сомнѣваемся.

Такова въ общихъ чертахъ исторія петербургской академіи; таково устройство ея. Мы видѣли, что люди, которыхъ правительство наше призывало чтобы двигать науку впередъ, не хотѣли сдѣлать насъ самихъ участниками этого движенія. Они обнаруживали только притязаніе эксплоатировать неподготовленность русскаго общества къ ученымъ изслѣдованіямъ въ собственную пользу. Смотря же на все русское съ высоты своего нѣмецкаго величія, пришлые культуртрегеры не съумѣли и возвысить своего эгоизма надъ инстинктами наживы и удовлетворялись только притѣсненіями русскихъ же. Русскому элементу они не давали ни ходу, ни средствъ къ пріобрѣтенію знаній. Въ дѣлахъ самой академіи, для нѣмцевъ, квартирный вопросъ затмилъ всѣ вопросы науки, а личные интересы стали выше научныхъ. Владѣвшіе умѣньемъ обдѣлывать дѣла и дѣлишки, являлись полными распорядителями въ средѣ первенствующаго въ Россіи ученаго состоянія. Формировались между ними особенныя личности, которыя, по самому свойству своего принципа, обыкновенно искали связей и протекцій и, находя ихъ сверху, брали верхъ. Соплеменники-нѣмцы мало по малу сплачивались въ одну корпорацію и такимъ образомъ постепенно въ русской академіи утвердилось потомственное господство иностранцевъ.

Понятное дѣло, никакого соприкосновенія съ обществомъ въ своей дѣятельности они не имѣли, напротивъ, на каждомъ шагу проявлялось полное отчужденіе, которое, вмѣстѣ съ цѣховой исключительностью, оставило и труды ихъ безъ всякаго вліянія на успѣхи наукъ въ Россіи. Но движенія науки нельзя замкнуть въ стѣнахъ академіи, а тѣмъ болѣе въ предѣлахъ интересовъ ученой касты, на какихъ бы началахъ она ни держалась, корпоративныхъ, бюрократическихъ и пр. Когда обществу удалось выдвинуть изъ среды своей людей мысли и знанія, оно не могло уже оставаться безъучастнымъ къ ихъ дѣятельности; оно должно было оказать имъ содѣйствіе и поддержку. Познанія ученыхъ, заслуги ихъ въ наукѣ, вліяніе ихъ на общество, теперь ужъ не пропадутъ даромъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ отношеніе русскаго общества къ выходкѣ академическихъ нѣмцевъ по поводу оцѣнки заслугъ профессора Д. И. Менделѣева. Въ этомъ же должны убѣдиться и наши рутинеры нѣмецкаго гелертерства, обратившіе академическія каѳедры въ „кормленіе“ себя. Не говоримъ ужъ о нашихъ ученыхъ, какъ ни малочисленны еще ряды ихъ; своимъ единодушнымъ протестомъ противъ упомянутой выходки, они показали ясно,

что сознаютъ себя силою и тѣмъ большей, чѣмъ крѣпче ихъ связь между собою. И никакимъ партіямъ не разрушить этой связи, которая крѣпка надеждою на сочувствіе и содѣйствіе общества въ стремленіи нашихъ ученыхъ освободить развитіе русской науки отъ фаворитизма, кумовства и синекуръ непрошенныхъ культуртрегеровъ.

**Ѳ. Булгаковъ.**





# КЛЕРИКАЛЬНАЯ НѢМЕЦКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

(Janssen. Geschichte des deutschen Volks seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. I—II. 1880).

Рѣдкое произведеніе исторической науки въ послѣдніе годы пользовалось такимъ успѣхомъ, какой выпалъ на долю „Исторіи нѣмецкаго народа" Янсена. Въ 1876 г. вышло первое изданіе; въ 1880 г. потребовалось уже шестое. Все сочиненіе Янсена разсчитано на шесть томовъ; изданы еще только два. Первая мысль объ этомъ трудѣ возникла у автора еще въ 1854; съ 1857 г. онъ приступилъ къ собиранію матеріала и занимался этимъ въ теченіе 20 лѣтъ. Архивы: Франкфурта, Трира, Майнца, Люцерна, Цюриха, Вертгейма и др. дали ему огромную массу новыхъ, еще неизданныхъ матеріаловъ. На основаніи этихъ матеріаловъ и существующей уже литературы, авторъ задался цѣлью написать популярную исторію нѣмецкаго народа съ конца среднихъ вѣковъ, обращая главное вниманіе на культурное развитіе народа и стараясь избѣгнуть какой бы то ни было тенденціи. Сущность своей работы авторъ сводитъ къ простому изложенію исторической правды, насколько она познается изъ источниковъ. Отсюда вытекаютъ характеризующія Янсена особенности изложенія: онъ говоритъ преимущественно словами источниковъ; масса цитатъ наполняетъ его книгу отъ первой страницы до послѣдней. Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ мысли автора освободить свой трудъ отъ малѣйшей примѣси субъективнаго элемента. Субъективизмъ въ разработкѣ исторіи принадлежитъ къ числу вымирающихъ направленій и въ интересахъ науки положительно вреденъ. Создавая столкновенія личныхъ симпатій и антипатій въ оцѣнкѣ того или другого историческаго дѣятеля или событія, фантастическія картины и портреты,

онъ представляетъ одну изъ причинъ, задерживающихъ развитіе исторической науки, ея движеніе къ классификаціи фактовъ и изслѣдованію управляющихъ ими законовъ. Устранить подобный элементъ изъ своего изслѣдованія Янсенъ имѣлъ полное право, но онъ зашелъ слишкомъ далеко: вмѣстѣ съ субъективными ощущеніями, вызываемыми дѣятельностію лица или событіемъ, онъ иногда изгоняетъ и то, что составляетъ содержаніе всякой научной работы—характеристику факта и установленіе его причинной связи съ другими. Первое впечатлѣніе, которое производитъ книга Янсена на читателя, заключается въ томъ, что авторъ ограничилъ свою работу механическимъ подборомъ фактовъ, предоставляя ихъ анализъ и обобщенія читателю: такъ мало замѣтно въ ней присутствіе анализирующей мысли. Впечатлѣніе радикально измѣняется, когда мы обратимъ вниманіе на подборъ и группировку фактовъ, на встрѣчающіяся мѣстами соображенія историка; анализъ того и другого приводитъ къ убѣжденію, что намѣреніе Янсена избѣжать тенденціозности нашло себѣ мѣсто только въ предисловіи, въ книгѣ-же проводится рѣзко опредѣленная тенденція. Изъ двухъ вышедшихъ томовъ, „Исторіи нѣмецкаго народа“ первый заключаетъ въ себѣ характеристику умственнаго, экономическаго и политическаго состоянія Германіи во второй половинѣ XV вѣка,—наканунѣ реформаціи; второй — религіозное, соціальное и политическое броженіе первой четверти XVI вѣка. Такъ какъ первый томъ представляетъ въ сущности только обширное введеніе къ второму и послѣдующимъ, то читатель вправѣ ожидать, чтобы въ немъ были изложены обстоятельно тѣ условія, которыя вызвали могучее возбужденіе, захватившее всѣ стороны народной жизни; на дѣлѣ мы встрѣчаемъ другое. Періодъ отъ половины XV вѣка до появленія враждебныхъ церкви младшихъ гуманистовъ, Янсенъ разсматриваетъ, какъ одну изъ плодотворнѣйшихъ эпохъ нѣмецкой исторіи. Это была, по его воззрѣнію, эпоха здороваго умственнаго развитія на твердой почвѣ христіанской религіи и церковнаго міровоззрѣнія, когда любовь къ церкви вызывала стремленія мирно преобразовать ея недостатки и злоупотребленія, любовь къ родинѣ, горячее одушевленіе идеей священной римской имперіи — оппозицію партикулярнымъ стремленіямъ князей и имперскихъ сословій, когда господство ученія объ оправданіи посредствомъ добрыхъ дѣлъ возбуждало умственную жизнь, содѣйствовало развитію искусства и породило безчисленныя филантропическія учрежденія. Таковъ взглядъ на эпоху, выраженный авторомъ въ введеніи. Съ этой точки зрѣнія онъ дѣлаетъ затѣмъ характеристику умственнаго, экономическаго и политическаго положенія Германіи въ XV вѣкѣ.

Народное образованіе составляло одну изъ важнѣйшихъ заботъ церкви. Въ катехизисахъ XV вѣка, въ числѣ обязанностей родителей по отношенію къ дѣтямъ, указывается на то, что они должны посылать своихъ дѣтей, въ школы. Общество не оставалось глухо къ пред-

писаніямъ церкви; въ нѣкоторыхъ городахъ учителя начальныхъ школъ жаловались, что они не могутъ съ существующимъ количествомъ помощниковъ управляться съ массой учениковъ. Учителя находились на содержаніи общинъ, получая отъ нихъ квартиру, садикъ, провизію натурой и нѣсколько гульденовъ деньгами; сверхъ того каждый школьникъ платилъ ежемѣсячно извѣстную плату. Воспитаніе и образованіе дѣтей, по воззрѣніямъ современныхъ представителей церкви, должно было начаться въ семействѣ; отъ дурного направленія его зависятъ всѣ темныя стороны общественной жизни. Какъ семейство, такъ и школа, должны были приготовить ребенка къ пониманію религіозныхъ истинъ, нроповѣдуемыхъ церковью. Какъ широко распространена была проповѣдь церковная, между прочимъ видно изъ того, что до 1500 г. проповѣди доминиканца Іоганна Герольта выдержали 41 изданіе, каждое изъ 40,000 экземпл. Почти также распространены были и книги св. писанія; передъ разрывомъ съ римскою церковью, въ Германіи было до 14 переводовъ Библіи на народный языкъ; отдѣльныя части Библіи, какъ Евангеліе и Посланія, выдержали въ нѣмецкомъ переводѣ до 1518 года около 25 изданій. 11—12-лѣтніе школьники читали ежедневно съ учителями отрывки изъ Вѣтхаго и Новаго завѣта. Среднія школы, большая часть которыхъ была обязана своимъ происхожденіемъ такъ называемымъ „Brüder vom hemeinsamen Leben“, имѣли огромное количество учениковъ: въ Цволле 800—1,000, въ Алькмаорѣ 200, въ Герцогенбушѣ 1,20, въ Девентерѣ 2,200. Греческіе и латинскіе классики служили однимъ изъ главныхъ предметовъ школьнаго обученія, но, въ отличіе отъ позднѣйшаго гуманизма, они служили только средствомъ для христіанскаго развитія, для болѣе глубокаго пониманія христіанскаго ученія; вотъ почему старые нѣмецкіе гуманисты не казались схоластическимъ богословамъ и философамъ опасными новаторами. Во главѣ педагоговъ, сдѣлавшихъ классицизмъ средоточіемъ образованія, стояли Гегій, вестфальцы Лангенъ, Дрингенбергъ, Кемнеръ. Число учениковъ, изучавшихъ латынь, достигало въ Эммерихѣ 450, въ Ксантенѣ и Везелѣ 230; даже въ маленькихъ городкахъ, въ родѣ Франкенберга въ Гессенѣ, число учениковъ среднихъ классическихъ школъ доходило до 180 человѣкъ. 11—12-лѣтніе мальчики читали подъ руководствомъ учителя Энеиду и Цицерона. Рядомъ съ чтеніемъ классиковъ въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ напр. въ Шлеттстадтской „Perle des Elsasses“, шло преподаваніе отечественной исторіи. На образованіе юношества замѣчательные педагоги эпохи возлагали всѣ свои надежды. Отъ развитія юношества, по мнѣнію Вимпфелинга, нужно было ожидать реформъ въ области церкви, законодательства и общественной жизни; изъ него должно вытекать благосостояніе семьи и общества. Темной стороной тогдашняго школьнаго образованія была система жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Розги играли видную роль въ обученіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣтомъ

устраивались торжественные походы школьниковъ за розгами въ ближайшій лѣсъ; во главѣ маленькихъ аргонавтовъ стоялъ учитель, въ аррьергардѣ тянулась половина любопытнаго городского населенія. Пропорціонально низшему и среднему образованію развивалось и высшее. Вторая половина XV вѣка была эпохой высшаго развитія средневѣковыхъ университетовъ, представлявшихъ собою не просто только свѣтскія, но и высшія церковныя школы. Они были организованы въ церковномъ духѣ, находились подъ покровительствомъ папъ, достигли высшаго процвѣтанія въ эпоху религіознаго единства, и за немногими исключеніями остались на сторонѣ церкви во время разрыва Германіи съ Римомъ. Составляя вполнѣ самостоятельныя корпораціи, они были независимы отъ правительства. Свобода ученія и преподаванія, отсутствіе сословныхъ различій, составляли ихъ характеристическую особенность, давшую имъ право на званіе цитаделей свободы. Корпорація не опредѣляла возрастъ слушателей; здѣсь были двѣнадцатилѣтніе мальчики (астрономъ Іоганнъ Мюллеръ) и взрослые мужчины, занимавшіе уже государственныя должности, аббаты, священники, князья и принцы. Строгаго различія между преподавателями и слушателями не существовало. Одно и то же лицо часто было преподавателемъ и слушателемъ (въ высшемъ факультетѣ). Число слушателей достигало въ нѣкоторыхъ университетахъ огромныхъ размѣровъ: въ Кельнѣ къ концу XV вѣка было до 2,000 студентовъ, въ другихъ университетахъ оно колебалось между 300 и 400 человѣкъ; соотвѣтственно числу слушателей. было и число преподавателей; въ Вѣнѣ въ 1453 году на философскомъ факультетѣ было 82 доктора, въ 1478 г.—105. Характеристикѣ отдѣльныхъ представителей университетской науки Янсенъ посвящаетъ 72—132 стр. перваго тома своей исторіи. Она служитъ подтвержденіемъ еще прежде высказаннаго положенія (I, 7), что во главѣ умственнаго движенія второй половины XV вѣка стояли личности, мудрость которыхъ покоилась на страхѣ Божіемъ, личности, проникнутые любовью къ церкви, вѣрные христіане, съ твердыми, несокрушимыми характерами.

Переходя къ памятникамъ искусства избранный имъ эпохи, Янсенъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что и здѣсь также, какъ въ области науки, церковь полновластно царила надъ умами (I, 133). Архитекторы, живописцы, музыканты, работали въ одномъ и томъ-же религіознымъ духѣ (I, 134). Искусство держалось на недосягаемой высотѣ, пока сохраняло религіозно-народную основу, и стало клониться къ паденію, потеряло творческую силу, лишь только наслѣдственная вѣра и наслѣдственныя преданія стали предметомъ презрѣнія (135).

Мы обойдемъ тѣ главы „нѣмецкой исторіи", которыя посвящены архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и остановимся только на характерныхъ страницахъ, гдѣ Янссенъ опредѣляетъ значеніе юмора въ искусствѣ XV вѣка и характеризуетъ направленіе поэзіи. Юмористическое направленіе онъ находитъ вполнѣ согласнымъ съ духомъ

христіанскаго искусства и литературы (I, 191); оно возможно только во времена твердой вѣры, крѣпости мысли и воли; юморъ нѣмецкаго искусства былъ только тогда и свѣжъ, когда личная, семейная и общественная жизнь, покоилась на почвѣ христіанства, когда церковь была душой и объединяющимъ началомъ средневѣкового организма. Онъ долженъ былъ пасть въ эпоху невѣрія, ибо вообще такова судьба юмора. Церковь была далека отъ того, чтобы стѣснять его развитіе, хотя имѣла возможность сдѣлать это очень легко. Юморъ XV вѣка переходилъ иногда въ уничтожающую сатиру, но и въ этихъ случаяхъ въ немъ чувствовалось постоянно стремленіе къ истинѣ, сознаніе ничтожества всякаго земного величія, убѣжденіе въ постоянной борьбѣ, происходящей внутри человѣка; даже въ такихъ случаяхъ онъ помогалъ церкви, потому что направленъ былъ противъ злоупотребленій современности, противъ возраставшаго стремленія къ чувственнымъ наслажденіямъ. Исходя изъ такихъ воззрѣній, Янсенъ называетъ „Дурацкій корабль" Себастіана Брандта чисто религіознымъ произведеніемъ, а творца его ни сатирикомъ, ни моралистомъ, но глубоко религіознымъ поэтомъ. Съ другими произведеніями сатирической литературы онъ не могъ произвести подобной метаморфозы и потому или только ограничивается нѣсколькими ничего не значащими словами какъ о „Рейнеке", или вовсе умалчиваетъ о нихъ, какъ напримѣръ о сочиненіяхъ Бебеля. Между произведеніями народной поэзіи онъ отмѣчаетъ пѣсни противъ лжеучителей (I, 222), но лишь мелькомъ упоминаетъ о такихъ, въ которыхъ осмѣиваются злоупотребленія духовенства, приводя только одинъ очень скромный по содержанію отрывокъ (I, 221).

Нарисовавъ блестящую картину развитія науки и искусства на почвѣ христіанской религіи, Янсенъ замѣчаетъ, что на одинаковой ступени процвѣтанія находилось и экономическое положеніе народа въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Любопытны выводы Янсена о экономическомъ благосостояніи низшихъ классовъ народа. Нѣмецкіе крестьяне въ концѣ XV вѣка, по своему богатству и комфорту жизненныхъ условій, превосходили современное дворянство; многіе изъ нихъ имѣли болѣе средствъ, чѣмъ десять дворянъ вмѣстѣ, пили и одѣвались гораздо лучше своихъ господъ; ихъ утонченная кухня возбуждала зависть потомковъ. Въ относительно одинаковомъ положеніи находились поденьщики, работники и служанки; безземельные наймиты никогда, ни прежде, ни послѣ, не были такъ матеріально обезпечены, какъ въ періодъ отъ конца XIV до начала XVI вѣка. Аугсбурскій поденщикъ въ XV вѣкѣ могъ на свой дневной заработокъ купить фунтъ мяса, мѣру вина, приготовить нужное количество хлѣба, отложивъ половину на оплату квартиры, одежду и другія потребности. Въ Саксоніи, по распоряженію герцоговъ Эрнста и Альберта (1484 г.) работникамъ кромѣ платы полагалось давать обѣдъ и ужинъ изъ 4-хъ, а въ праздникъ изъ 5 блюдъ. Мясо, сдѣ-

лавшееся въ XVI вѣкѣ предметомъ роскоши для богатыхъ, въ XV вѣкѣ составляло обыкновенную пищу низшаго класса; не имѣть его за столомъ или имѣть плохое, считалось признакомъ особенной бѣдности. Содержаніе, получаемоое работникомъ, было достаточно не только для него лично, но и для содержанія семьи; прилежный работникъ могъ даже отложить кое-что на черный день. Благопріятное экономическое положеніе мастерового люда Янсенъ доказываетъ тѣмъ, что отъ него поступали богатыя пожертвованія на церковныя учрежденія и что правительство не разъ должно было вооружаться запрещеніями противъ чрезмѣрной роскоши ремесленниковъ въ одеждѣ. Цехи, какъ религіозныя корпораціи по существу, благотворно дѣйствовали на положеніе ремесленниковъ. Изъ внутренней связи ихъ съ религіей вытекали взаимная помощь, братская любовь членовъ, равенство въ распредѣленіи труда и его продуктовъ. Отношенія колоновъ къ своимъ господамъ, по изображенію Янсена, не оставляли желать ничего лучшаго. Повинности колоновъ были весьма умѣренны, иногда даже чрзвычайно малы; если они не представлялись въ опредѣленный срокъ, то налагался ничтожный штрафъ и весьма рѣдко отнимался земельный участокъ.

Коротенькое извлеченіе изъ перваго тома „Исторіи нѣмецкаго народа“ Янсена, навѣрно, привело читателя къ заключенію, что въ XV вѣкѣ Германія наслаждалось идеальнымъ счастьемъ: благоденствовали колоны, поденьщики, крестьяне, благоденствовалъ ремесленный людъ, процвѣтали искусство и наука, дѣятели эпохи были украшены всевозможными добродѣтелями. Естественно возникаетъ вопросъ, чѣмъ же обусловливается измѣненіе, совершившееся въ XVI вѣкѣ, чѣмъ вызваны были соціальныя бури, разрушившія это благоденствіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Янсенъ начинаетъ еще въ первомъ томѣ. Уже въ XV вѣкѣ онъ усматриваетъ два явленія, которыя неминуемо должны были сократить золотой вѣкъ Германіи: чрезмѣрное развитіе торговли и введеніе въ практику римскаго права. Свои экономическія теоріи о значеніи торговли Янсенъ заимствуетъ у проповѣдниковъ и моралистовъ XV вѣка, которые видѣли въ чрезмѣрномъ развитіи ея источникъ изнѣженности и роскоши, страсти къ пріобрѣтенію, порождающей забвеніе Бога и церкви. Большей самостоятельностью и оригинальностью отличаются воззрѣнія Янсена на римское право въ его отношеніи къ церковно-каноническому и „проникнутому церковнымъ духомъ“ нѣмецкому праву. По ученію церковнаго и нѣмецкаго права, единственный собственникъ всего на землѣ — Богъ; человѣкъ только пользуется принадлежащимъ ему, не имѣя на него неограниченнаго права собственности. Въ вопросѣ о пріобрѣтеніи собственности путемъ труда нѣмецкое право также вполнѣ согласно съ церковнымъ. По ученію церкви, собственность есть продуктъ труда; трудъ единственное благо богобоязненнаго человѣка и только онъ даетъ право на пользованіе благами земли. Сообразно такому воз-

зрѣнію, каноническое право является покровителемъ труда, придаетъ ему значеніе и силу. Нѣмецкое право также придаетъ почетное значеніе и покровительствуетъ труду. Оно признаетъ право пользованія плодами за тѣмъ, кто приложилъ свой трудъ къ ихъ пріобрѣтенію. Каноническое право между всѣми видами труда отдаетъ предпочтеніе сельско-хозяйственному, земледѣлію, затѣмъ ремесламъ, и менѣе сочувственно относится къ торговлѣ, абсолютно возставая противъ всякихъ видовъ ростовщичества; нѣмецкое право вполнѣ гармонировало съ нимъ и въ этомъ отношеніи экономическое развитіе общества совершалось правильно, пока прочны были основы каноническаго и вытекавшаго изъ него германскаго права; потрясеніе ихъ разрушило благосостояніе рабочаго класса и создало пролетаріатъ новаго времени. Это потрясеніе было произведено при помощи римскаго права, экономическое ученіе котораго стоитъ въ полной противоположности съ христіанско-германскимъ. Римское право предоставляетъ индивидууму полную свободу стремиться къ исключительно личной выгодѣ, не взирая на общее благо и интересы ближняго; оно понимаетъ собственность, какъ обусловленное волею индивидуума физическое обладаніе вещью. Это право не признаетъ трудъ основою собственности, не знаетъ цѣны свободнаго труда; ему извѣстны только угнетенные рабы и владѣющіе, наслаждающіеся классы. Чѣмъ глубже проникаетъ въ нѣмецкую почву эта юридическая система языческаго, рабовладѣльческаго государства, тѣмъ сильнѣе становится злоупотребленіе собственностью, тѣмъ быстрѣе совершается паденіе рабочаго класса и экономическій регрессъ цѣлаго народа. Своимъ безнравственнымъ ученіемъ о собственности римское право разрушило чувство солидарности, породило безмѣрную жажду пріобрѣтенія; своимъ презрѣніемъ къ свободному труду оно разрушило промышленность и остановило развитіе земледѣльческаго класса. Но губительное вліяніе его не ограничилось экономической сферой. Оно проникло въ церковную и политическую жизнь; покровительствуя княжескому абсолютизму, содѣйствуя угнетенію народа, оно разрушило основы нѣмецкаго права и нѣмецкаго государственнаго устройства, погубило древнюю народную свободу. Въ области соціальной введеніе его было ознаменовано рядомъ крестьянскихъ возстаній. Къ концу XV вѣка слагаются уже условія, вызвавшія катастрофу XVI вѣка. Равновѣсіе различныхъ отраслей труда было нарушено преобладающимъ положеніемъ, которое заняла торговля; эксплоатація капиталистами рабочаго класса достигла широкихъ размѣровъ; всюду начинаютъ слышаться жалобы на всеобщее вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ; капиталисты, выставляя на показъ свою утонченную роскошь, дѣлаютъ для неимущихъ чувствительнѣе противоположность между давящей ихъ нуждой и избыткомъ богачей. Среди такихъ условій истиннымъ благодѣяніемъ было ученіе церкви объ оправданіи посредствомъ добрыхъ дѣлъ; проникнутое имъ общество создало рядъ фи-

лантропическихъ учрежденій, въ которыхъ могли найдти себѣ пріютъ жертвы нужды и бѣдности. Но этому ученію не долго оставалось господствовать надъ умами. Церковный авторитетъ и религіозность народа пали подъ ударами младшихъ гуманистовъ, которые воспользовались нестроеніями церкви. Въ этомъ и заключается различіе между старшими и младшими гуманистами. Первые также нападали на злоупотребленія въ области церковной, но они никогда не поднимали руки на авторитетъ церкви съ ея земнымъ главою, ни на вѣру. Младшіе, напротивъ, нападали на христіанство и церковь, на требованія нравственности; вмѣсто неумолимой христіанской морали они хотѣли ввести распущенную жизненную философію древнихъ. Они произвели гражданскую войну въ области духа и погубили всѣ плоды реформаціонной эпохи (XV в. по Янсену). Личныя качества этихъ людей вполнѣ соотвѣтствовали характеру ихъ дѣятельности. Эразмъ Роттердамскій былъ большой любитель крѣпкихъ винъ, которыя и свели его въ могилу: признавая недостойнымъ свободнаго человѣка собираніе милостыни нищенствующими монахами, онъ не считалъ оскорбительнымъ для своего достоинства выпрашивать пенсіи у графовъ, князей и прелатовъ, и платить имъ за это льстивыми сочиненіями; это качество, равно какъ и излишнее самовосхваленіе, свойственное Эразму, перешло и къ младшему поколѣнію гуманистовъ. Неоспоримо, что онъ былъ многосторонне образованный человѣкъ, прекрасный стилистъ; но его умъ былъ не глубокъ, онъ не способенъ былъ къ основательнымъ изслѣдованіямъ. Любимой литературной формой его была сатира; какъ въ жизни, такъ и въ произведеніяхъ его не видно твердости характера, теплоты чувства, любви къ отечеству, самопожертвованія. Холодный эгоизмъ былъ его отличительнымъ качествомъ. Эразмъ не понималъ родного народа, презиралъ нѣмецкій языкъ и безжалостно смѣялся надъ благочестивымъ настроеніемъ народа. Какъ богословскій мыслитель, онъ дѣйствовалъ губительно на современное общество, подвергая сомнѣнію основные догматы христіанства, требуя духовнаго, аллегорическаго пониманія св. писанія, потому что въ противномъ случаѣ не будетъ разницы между „книгами царствъ“ и исторіей Ливія. Въ „Похвалѣ глупости“ Эразмъ выступилъ не противъ церковныхъ злоупотребленій, но противъ самаго принципа; здѣсь впервые встрѣчаются страстныя нападенія на папу, впервые подверглись такой насмѣшкѣ творцы св. книгъ Ветхаго и Новаго завѣта. „Похвала глупости“ была прологомъ къ богословской трагедіи XVI вѣка. Презрѣніе къ среднимъ вѣкамъ, къ схоластической наукѣ, перешло отъ Эразма и къ младшей школѣ гуманистовъ, равно какъ и одностороннее увлеченіе классической древностью. Изученіе классическихъ произведеній было несравненно легче и пріятнѣе для представителей этой школы, чѣмъ логическихъ и діалектическихъ формулъ схоластики, требовавшихъ большого вниманія и углубленія ума. Со второго десятилѣтія XVI вѣка сильнѣе и сильнѣе раздаются жалобы на

безнравственную жизнь младшихъ гуманистовъ и на ихъ презрѣніе къ философскимъ занятіямъ. Увлеченіе классицизмомъ вредно подѣйствовало на молодежь, не имѣвшую основательнаго научнаго образованія; оно произвело легкомысліе и распущенность жизни; младшіе гуманисты были вообще рабами Вакха и Венеры. Бредя классической древностью, они старались забыть свою національность; нѣмецкія имена превратились у нихъ въ латинскія: Фишеръ превратился въ Piscator'а Шнейдеръ въ Sartorius'а. Но все это увлеченіе было поверхностно; въ произведеніяхъ этихъ гуманистовъ нѣтъ ни внутренней правды, ни творческой силы; онѣ отличаются пустотой и безвкусіемъ, особенно тѣ, которыя имѣютъ христіанскіе сюжеты. Въ практической жизни они довели до крайности эмансипацію отъ обязанностей, налагаемыхъ религіей; всѣ они были горькіе пьяницы и въ этомъ отношеніи далеко опередили своихъ итальянскихъ собратовъ. Съ презрѣніемъ къ церкви у нихъ, какъ у Муціана, Цельтеса и др., соединялась безграничная нравственная разнузданность и такой цинизмъ, предъ которымъ эротическая поэзія древности можетъ показаться воплощеніемъ скромности. Результатомъ такого направленія было то, что многіе благомыслящіе люди стали положительно враждебно относиться къ всякому „поэтическому образованію"; но толпа литературныхъ паразитовъ, враждебныхъ церкви и духовенству, отъ этого не убавилась. Самымъ страстнымъ представителемъ муціановскаго кружка гуманистовъ былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Развратная жизнь въ ранней молодости привела его къ „французской болѣзни". Это былъ человѣкъ, лишенный всякой внутренней сдержки; все его значеніе заключается въ разрушеніи. Онъ изо всѣхъ силъ стремился къ уничтоженію всего того, что стояло въ противорѣчіи съ создавшимся въ его воображеніи неопредѣленнымъ, туманнымъ фантомомъ свободы. Никогда не возбуждала его какая бы то ни было великая идея. Въ кружкѣ эрфуртскихъ гуманистовъ онъ научился насмѣхаться надъ церковью и ея ученіемъ; языческія, противохристіанскія воззрѣнія развились въ немъ еще въ ранней молодости. Какъ революціонный дѣятель, Гуттенъ былъ враждебно настроенъ относительно князей, но въ интересахъ своей партіи онъ старался извлечь изъ нихъ пользу, воспѣвая въ честь новыхъ „Августовъ и Меценатовъ" хвалебные гимны. Написанныя имъ при сотрудничествѣ Крота Рубіана „Письма темныхъ людей" по своему существенному содержанію тождественны съ „Похвалой глупости" Эразма, съ той разницей, что направлены противъ личностей. Они направлены, строго говоря, не противъ кельнскихъ ученыхъ, а противъ папства. Эразмъ не принималъ участія въ ихъ сочиненіи, даже не одобрялъ ихъ тонъ, но онъ вызвалъ ихъ появленіе своей „Похвалой глупости" и долженъ назваться духовнымъ отцемъ этой ядовитой книженки. Худшее въ „Письмахъ" составляетъ насмѣшка надъ св. писаніемъ; авторы „Писемъ" заставляютъ монаховъ цитатами изъ писанія оправдывать неприглядныя дѣянія; не

лучше и искусственныя сравненія Христа съ Вакхомъ, Дѣвы Маріи съ Семелой. „Тріумфъ Рейхлина“, вышедшій вскорѣ за „Письмами“ заключаетъ уже въ себѣ существенныя черты „поэзіи ненависти и мести“, которую Гуттенъ ввелъ въ нѣмецкую литературу. Не одно увлеченіе классической литературой было опасно для Германіи. Опасности были и въ изученіи еврейскаго языка, распространенномъ въ Германіи Рейхлиномъ. Рейхлинъ воспользовался своимъ знаніемъ еврейскаго языка только для того, чтобы проникнуть въ таинственное каббалистическое ученіе, о которомъ съ увлеченіемъ отзывался Пикусъ-де-Мирандола. Своими сочиненіями „De Verbo mirifico“ и „De arte cabbalistica“ Рейхлинъ положилъ начало философіи, отличающейся на половину супранатуралистическимъ, на половину раціоналистическимъ характеромъ. Своей философской системой Рейхлинъ не думалъ вредить церкви и христіанству, онъ думалъ даже при помощи еврейскихъ книгъ уяснить пониманіе христіанства, но его воззрѣнія годились только для того, чтобы приводить въ заблужденіе умы. Его книги вызвали опроверженіе доминиканца Гохстратена, обусловленное основательнымъ опасеніемъ, что Рейхлинъ вводитъ юдаизмъ. Въ это время былъ уже въ полномъ разгарѣ споръ изъ-за антихристіанскихъ еврейскихъ книгъ, преимущественно изъ-за Талмуда, уничтоженія котораго особенно горячо требовалъ крещеный жидъ Пфеффенкорнъ. 15 августа 1509 г. вышло распоряженіе императора Максимиліана, чтобы евреи всей Германіи выдали свои противохристіанскія книги Пфеффенкорну для уничтоженія. Въ коммиссію для оцѣнки ихъ значенія назначенъ былъ и Рейхлинъ, но его мнѣніе оказалось благопріятнымъ для еврейскихъ книгъ. Рейхлинъ высказался въ пользу сохраненія Талмуда, потому что онъ можетъ быть источникомъ для подкрѣпленія истинъ христіанства, но его мнѣніе не встрѣтило сочувствія среди представителей университетской науки. Полемическія брошюры Рейхлина, написанныя по этому поводу, были распространены между евреями, которые были очень довольны тѣмъ, что такой ученый защищаетъ ихъ антихристіанскія книги. При защитѣ своихъ воззрѣній Рейхлинъ осыпалъ своихъ противниковъ оскорбленіями. Къ чести Пфеффенкорна нужно сказать, что онъ не отвѣчалъ Рейхлину такими же оскорбленіями, а передалъ свое дѣло на судъ князя въ Штуттгартъ.—Старшіе гуманисты, какъ Брандтъ и Вимпфелингъ, были несогласны съ Рейхлиномъ; за то молодые изъ школы Муціана выразили ему горячее сочувствіе и воспользовались его дѣломъ для борьбы противъ церковнаго авторитета и схоластической науки. Подъ ихъ вліяніемъ достойный ученый измѣнилъ свое положеніе и тонъ, и употребилъ противъ своихъ кельнскихъ противниковъ такое оружіе, которое далеко не гармонировало съ его характеромъ. Съ самымъ пылкимъ энтузіазмомъ отнесся къ дѣлу Рейхлина Гуттенъ. „Мужайся, писалъ онъ ему 13 января 1517 года, — большая часть твоего бремени перешла на наши плечи; долго подготовлялся пожаръ; не да-

леко уже время, когда онъ вспыхнетъ". Пророческія слова скоро оправдались. Въ 1517 г. начались проповѣди объ отпущеніи, имѣвшія задачей расположить народъ къ покупкѣ индульгенцій. Противъ этой проповѣди выступилъ Мартинъ Лютеръ.

Сынъ крестьянина, который за убійство долженъ былъ покинуть родину и сдѣлаться рудокопомъ въ Эйслебенѣ, Лютеръ до 17 лѣтъ испытывалъ страшную нужду. 17-ти лѣтъ онъ былъ въ Эйзенахѣ принятъ въ домъ молодой знатной дамы (Котты); здѣсь онъ узналъ жизнь съ другой стороны, сталъ упражняться въ пѣніи и игрѣ на флейтѣ; здѣсь услыхалъ онъ, что нѣтъ на землѣ вещи пріятнѣе женской любви, если кому она досталась на долю. До 20 лѣтъ, по его собственнымъ словамъ, онъ не видалъ даже библіи; 21 года онъ былъ уже въ монастырѣ. Лютеръ сдѣлался монахомъ не по дѣйствительному призванію, а въ силу внезапнаго рѣшенія подъ вліяніемъ болѣзненнаго внутренняго раздвоенія. Ни монашескіе обѣты, ни аскетизмъ, не дали ему внутренняго мира, такъ какъ онъ хотѣлъ только личными усиліями сдѣлаться свободнымъ отъ грѣховъ и достигнуть блаженства (чего не требуетъ и не признаетъ христіанская религія). Онъ нашелъ внутренній миръ, бросившись въ другую крайность. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что человѣкъ можетъ достигнуть блаженства безъ личнаго содѣйствія, что человѣкъ въ силу первороднаго грѣха погрязъ во злѣ, не имѣетъ свободной воли, что всякое дѣйствіе его, даже направленное ко благу, есть выраженіе его злой воли и предъ судомъ Бога—смертный грѣхъ, что только тому, кто съ твердой вѣрой предаетъ себя Христу, за его вѣру прощаются всѣ грѣхи. За долго до начала спора объ отпущеніи, Лютеръ былъ уже несогласенъ съ церковнымъ ученіемъ о благодати, оправданіи и свободѣ воли. Его воззрѣнія въ 1516 г. господствовали уже въ виттенбергскомъ университетѣ. Съ 31 октября 1517 г. они начали распространяться по Германіи, такъ какъ были развиты въ извѣстныхъ тезисахъ (что они были прибиты къ церковнымъ дверямъ, въ этомъ нѣтъ ничего замѣчательнаго и особенно смѣлаго). Съ перваго дебюта Лютеръ сталъ считать свое дѣло дѣломъ Божіимъ. Когда его упрекали въ гордости, онъ отвѣчалъ, что безъ гордости и страсти въ борьбѣ не можетъ быть проведено никакое нововведеніе. Съ этихъ поръ Лютеръ сталъ подписываться въ письмахъ „Martinus Eleutherius" (освободитель). Онъ выражаетъ въ своихъ письмахъ убѣжденіе, что его устами говоритъ самъ Богъ, что онъ—новый Павелъ; подчиниться церкви и папѣ онъ соглашался только въ томъ случаѣ, если его личныя воззрѣнія будутъ признаны истинными, такъ какъ никто не можетъ достигнуть блаженства, не принявъ его ученія. Это убѣжденіе привело его къ положенію гусситовъ, что папа—антихристъ, а церковь находится въ вавилонскомъ плѣненіи. На диспутѣ съ Эккомъ Лютеръ отрицалъ еще свою солидарность съ гусситами и рѣшительно заявилъ, что онъ не одобряетъ и никогда не будетъ одобрять схизмы,

но уже въ февралѣ 1520 года его мнѣнія насчетъ гусситовъ измѣнились. Онъ получилъ отъ двухъ предводителей гуссистовъ (3 окт. 1519 г.) письма, призывавшія его къ движенію впередъ на избранномъ пути, продолжать дѣло Гусса, хотя бы церковь грозила ему отлученіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ писемъ, Лютеръ писалъ въ февралѣ 1520 года Спалатину: „всѣ мы гусситы... Гуссъ—великій мученикъ Христа“. Симпатіи Лютера къ Гуссу обусловливаются замѣчательнымъ сходствомъ между ними обоими. Объявивъ себя гусситомъ, Лютеръ на первыхъ порахъ не гнушался употреблявшимися ими насильственными средствами для распространенія своего ученія. „Не думай, писалъ онъ въ февралѣ 1520 года Спалатину, чтобы Евангеліе могло распространиться безъ бури. Изъ меча нельзя сдѣлать перо, изъ войны—миръ, а слово Божіе есть мечь, война, разрушеніе“...

Первыми союзниками Лютера сдѣлались гуманисты, которые вступились за него въ тѣхъ же разсчетахъ, что ранѣе за Рейхлина. Лютеръ еще раньше находился въ сношеніяхъ съ Муціаномъ, Рейхлиномъ, Эразмомъ. Теперь они привѣтствуютъ его, какъ надежду вѣка, его борьбу противъ Рима, какъ зарю прекраснаго будущаго. Сочиненія гуманистовъ (Эразма) дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на Лютера, укрѣпляя въ немъ рѣшимость продолжать начатое дѣло; Лютеръ съ своей стороны повліялъ на гуманистовъ, возбудивъ въ нихъ интересъ къ богословскимъ вопросамъ. Безчисленное множество людей склонилось на сторону Лютера не изъ сочувствія къ его религіознымъ воззрѣніямъ, а только потому, что считали его возстановителемъ свободы, подъ которой понимали устраненіе всего, что имъ лежало поперекъ пути. Самымъ страстнымъ анархистомъ изъ послѣдователей Лютера былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Чуждый богословскимъ вопросамъ, Гуттенъ на первыхъ порахъ только радовался церковному раздору. Когда одинъ монахъ разсказалъ ему о событіяхъ въ Саксоніи, онъ отвѣчалъ: „грызитесь, можетъ вы поѣдите другъ друга. Дай Богъ, чтобы наши враги яростнѣе боролись между собою“. Тогда онъ не думалъ еще, что движеніе, возбужденное Лютеромъ, будетъ содѣйствовать его цѣли, которая состояла въ потрясеніи политическихъ отношеній въ пользу дворянства. Въ 1519 году онъ писалъ Эразму, что онъ скоро увидитъ всю Германію въ броженіи; въ томъ же году онъ вошелъ въ тѣсныя отношенія съ Сикингеномъ, усмотрѣвъ въ немъ человѣка, годнаго быть предводителемъ движенія. Въ 1520 г. Гуттенъ и Сикингенъ вступаютъ въ сношенія съ Лютеромъ. Въ іюлѣ 1519 г. Сикингенъ предлагалъ Рейхлину свое содѣйствіе для разрѣшенія вопроса о еврейскихъ книгахъ и обѣщался разнести Кельнъ, если доминиканцы не дадутъ Рейхлину удовлетворенія. Рейхлинъ отказался отъ предложеній воинственнаго богослова. Теперь Сикингенъ предлагаетъ свою помощь Лютеру, если ему будетъ угрожать что нибудь серьезное. „Сообщи Лютеру о предложеніи Сикингена, писалъ Гуттенъ одному изъ своихъ друзей,—но, скажу на ушко, я

вовсе не желаю, чтобъ кто либо зналъ о моемъ вмѣшательствѣ въ это дѣло. У Франца онъ будетъ въ полной безопасности отъ всѣхъ своихъ враговъ. Большіе и чрезвычайно важные планы преслѣдуемъ мы съ Сикингеномъ". Гуттенъ и другіе заговорщики хотѣли сообща дѣйствовать на Лютера, чтобы подвинуть его къ рѣшительному шагу противъ Рима и употребить какъ орудіе для церковно-политическаго переворота. На сближеніе Лютера съ Сикингеномъ оказалъ вліяніе болѣзненный страхъ преслѣдованія и убійства, который мучилъ Лютера. Еще въ апрѣлѣ 1520 г. Лютеръ писалъ Спалатину, что докторъ медицины, умѣющій посредствомъ колдовства дѣлаться невидимымъ, посланъ убить его. Гуттенъ запугалъ его еще больше. Впослѣдствіи страхъ преслѣдованія превратился у Лютера въ мономанію. Уступая убѣжденіямъ Крота, Лютеръ вступилъ въ переписку съ Гуттеномъ и Сикингеномъ. Около этого времени ему обѣщалъ уже свое покровительство рыцарь Шаумбургъ. Гуттенъ писалъ въ отвѣтъ Лютеру: „Будь мужественъ и непоколебимъ. Во мнѣ ты во всякомъ случаѣ найдешь приверженца. На будущее время довѣряй мнѣ всѣ твои планы. Мы должны вмѣстѣ бороться за свободу и освободить такъ долго находящееся въ рабствѣ отечество. Сикингенъ приглашаетъ тебя къ себѣ, будетъ обходиться съ тобой сообразно твоему достоинству и храбро защищать отъ всѣхъ твоихъ враговъ". Послѣ этого письма переходъ Лютера къ революціонной партіи сталъ совершившимся фактомъ. „На Сикингена, писалъ онъ Гуттену, я надѣюсь болѣе, чѣмъ на кого либо изъ князей". Теперь Лютеръ почувствовалъ смѣлость окончательно разорвать связь съ Римомъ. „Шаумбургъ и Сикингенъ освободили меня отъ всякаго страха", пишетъ Лютеръ Спалатину. Въ другомъ письмѣ Лютера къ товарищу по ордену мы читаемъ: „Францъ Сикингенъ предложилъ мнѣ чрезъ Гуттена свою защиту. Тоже сдѣлалъ Шаумбургъ съ франконскимъ дворянствомъ. Теперь я ничего болѣе не боюсь и уже выпускаю книгу на нѣмецкомъ языкѣ противъ папы; въ ней я самымъ горячимъ образомъ нападаю на папу, чисто какъ на Антихриста". Эта книга была „Посланіе къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи"—военный манифестъ Лютеро-Гуттеновской революціонной партіи. Въ ней Лютеръ предъявляетъ требованія, которыя имѣли цѣлью разрушеніе существующаго порядка. Исходя изъ гусситскаго ученія о всеобщемъ священствѣ, онъ признаетъ за общиной исключительное право назначенія священниковъ; въ характеристикѣ Рима онъ копируетъ языкъ Гуттена. Чтобы привлечь на свою сторону нѣмецкихъ епископовъ, преимущественно архіепископа Майнцскаго и нѣмецкое дворянство, онъ проектируетъ назначить нѣмецкаго примаса, вмѣсто папы, съ общей консисторіей, раздать аббатства подъ наблюденіе младшихъ сыновей дворянъ; императора онъ привлекаетъ планомъ уничтоженія папскаго владычества въ Неаполѣ. Вслѣдъ за этимъ сочиненіемъ, онъ издаетъ направленную противъ его ученія книгу „De juridica et irrefragibili veritate Romanae

ecclesiae" съ своими примѣчаніями. Въ заключеніи книги онъ формально провозглашаетъ религіозную войну. „Императору, королямъ и князьямъ, нужно силой оружія уничтожить на землѣ эту язву (папство); дѣло должно рѣшиться не словами, а желѣзомъ; намъ нужно омыть руки въ крови этихъ содомитянъ". „Мы убѣдились, пишетъ Лютеръ Ланге, что папство есть тронъ истиннаго Антихриста; для сокрушенія его, для спасенія души, позволительны всѣ средства". Одинъ изъ современниковъ (Эмсеръ) приписываетъ Лютеру слова, что Христосъ освободилъ людей отъ всѣхъ человѣческихъ законовъ и изъ послѣднихъ не можетъ выйдти ничего путнаго. Въ „Вавилонскомъ плѣненіи церкви" Лютеръ развиваетъ неслыханное ученіе о бракѣ; онъ требуетъ допущенія брака между христіанами и нехристіанами; въ случаѣ неспособности мужа къ супружеской жизни признаетъ за женой право, не прибѣгая къ формальному разводу, вступить въ связь съ деверемъ или съ постороннимъ человѣкомъ, но тайно, чтобы дѣти считались принадлежащими мужу". Эти мысли онъ развивалъ впослѣдствіи въ проповѣди: „Если я могу ѣсть, пить, имѣть торговыя сношенія съ язычникомъ, туркомъ, жидомъ, еретикомъ, то также могу вступать и въ брачныя отношенія. Не обращай вниманія на дурацкіе законы, которые это запрещаютъ. Язычники такіе же мужчины и женщины, какъ св. Петръ и св. Луція". Въ качествѣ новаго евангелиста Лютеръ прилагаетъ съ 1520 г. къ своимъ сочиненіямъ гравюры, на которыхъ онъ изображенъ съ сіяніемъ вокругъ головы или съ Св. Духомъ въ видѣ голубя. Въ обществѣ распространились слухи, что Лютеръ угрожаетъ при содѣйствіи 7 провинцій, саксовъ и другихъ сѣверныхъ нѣмцевъ и 30,000 чеховъ, вторгнуться въ Италію и Римъ. Гуттенъ въ своихъ сочиненіяхъ призывалъ народъ къ вооруженному возстанію противъ церкви. Его приверженцы пропагандировали мысль о божественномъ посланничествѣ Лютера и Гуттена. Жижка въ сочиненіяхъ Гуттена рисуется, какъ идеалъ освободителя. Сикингенъ выразилъ желаніе послѣдовать его примѣру. Онъ проектировалъ вовлечь въ свои планы императора, но рѣшился вести дѣло на свой страхъ, если бы тотъ и отказался.

Среди такихъ условій открылся Вормскій сеймъ. Никогда еще до сихъ поръ не было выражено и церковной и свѣтской властью такъ искренно желаніе произвести мирную реформу; но уже во время засѣданій сейма все было готово для возстанія и войны. Жизнь Алеандера подвергалась опасности; онъ не могъ выйдти на улицу, не встрѣтивъ оскорбленій черни; Лютера, напротивъ, привѣтствовали, какъ новаго Моисея. При такомъ положеніи дѣлъ Лютеру не нужно было особеннаго мужества предпринять свое путешествіе въ Вормсъ. Здѣсь совершился его разрывъ съ церковью, который отвлекъ отъ него многихъ изъ прежнихъ поклонниковъ особенно изъ гуманистовъ. Въ Вартбургѣ самъ Лютеръ началъ испытывать колебаніе и сомнѣніе въ предпринятомъ дѣлѣ. „Какъ часто, пишетъ онъ къ одному

изъ своихъ друзей,—говорило мнѣ сердце: неужели ты одинъ мудръ? Неужели всѣ заблуждаются и заблуждались такъ долго? Что если самъ ты заблуждаешься и вовлекаешь въ гибельное заблужденіе другихъ". Душевная борьба и глубокое уныніе вызывали у него порой сожалѣніе, что онъ выступилъ передъ публикой съ своими сочиненіями. Въ минуты отчаянія онъ придумывалъ средства разсѣять свое печальное настроеніе духа; самое лучшее средство, говорилъ онъ, обращаться къ Христу, но можно употребить и другія средства: пить, играть, плясать; сатанинскія мысли можно изгонять другими мыслями, напр. мечтами о хорошенькой дѣвушкѣ, или приводить себя въ состояніе сильнѣйшаго гнѣва. Лютеръ предпочелъ послѣднее. Къ этому ремени душевной борьбы относятся самыя страстныя его полемичекія сочиненія противъ церкви и папства, вызывавшія своимъ крайне неумѣреннымъ тономъ изумленіе современниковъ. Онъ проповѣдуетъ неумолимую борьбу противъ папства, противъ всѣхъ противниковъ, противъ жидовъ, которыхъ совѣтуетъ убивать около ихъ разрушенныхъ жилищъ. Лютеръ не знаетъ мѣры, говорилъ одинъ изъ его приверженцевъ, въ своихъ выраженіяхъ; его примѣръ дурно отражается на послѣдователяхъ; другой выражаетъ опасенія, что подобныя проповѣди могутъ, раздражая народъ, подвергнуть Германію непоправимому несчастію. Въ это время уже появились проэкты соціальныхъ и политическихъ реформъ. Въ 1521 г. Эберлинъ предлагалъ сдѣлать всѣ государственныя должности, начиная съ королевской, избирательными, дать равныя права на участіе во всѣхъ совѣщательныхъ учрежденіяхъ крестьянамъ и дворянству, освободить отъ податей всѣхъ, имѣющихъ менѣе 100 гульденовъ, изъ занятій оставить только земледѣліе, не допускать торговыхъ компаній болѣе, чѣмъ изъ 3 человѣкъ, предоставить въ общее пользованіе лѣса, птицъ и рыбу. Тонъ тогдашней полемикѣ давалъ Лютеръ своими Вартбургскими сочиненіями. Въ нихъ развивались мысли, что лучше быть убійцей, чѣмъ попомъ, что университеты—храмы Молоха, орудія дьявола для подавленія вѣры и евангелія, что человѣкъ свободенъ относительно таинствъ, можетъ, напр., по усмотрѣнію креститься или не креститься, что единственный источникъ вѣры есть св. писаніе, но не все, потому что посланіе Іакова не принадлежитъ ни какому апостолу, равно какъ и посланіе къ евреямъ, апокалипсисъ (относительно послѣдняго онъ совѣтуетъ не стѣсняться его мнѣніемъ и положиться на свой разумъ). Вообще Лютеръ училъ тогда, что авторитетъ св. писанія долженъ быть признаваемъ настолько, насколько онъ согласенъ съ духомъ каждаго; въ тоже время онъ убѣждалъ своихъ послѣдователей, что его устами говоритъ самъ Богъ и что всякій, говорящій слово Христа, можетъ быть увѣренъ, что его устами говоритъ Христосъ. Это убѣжденіе раздѣляли явившіеся въ Виттенбергѣ цвиккаускіе пророки и Карльштадтъ, но ихъ дѣятельность не понравилась Лютеру и онъ ссылается въ своихъ проповѣдяхъ на отвергнутое прежде по-

сланіе Іакова, развивая мысль, что вѣра не мыслима безъ любви. Болѣе всего ему обидно было, что новые учители не просили ни его позволенія, ни его содѣйствія. „Слѣдуйте за мной, говорилъ онъ въ проповѣдяхъ; я былъ первый, котораго Богъ поставилъ на этотъ путь, первый, которому онъ сообщилъ свое откровеніе. Вы не хорошо сдѣлали, что начали такую игру безъ моего содѣйствія, даже не спросившись меня“. „Кто учитъ иначе, чѣмъ я, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—тотъ оскорбляетъ Бога“. Въ это время онъ былъ уже убѣжденъ въ ослабленіи папства и разсчитывалъ, что предъ его ученіемъ склонится и свѣтская власть. „Мы побѣдили папство, пишетъ онъ Линку,—которое угнетало королей и князей; тѣмъ легче намъ будетъ побѣдить князей, тѣмъ болѣе права мы имѣетъ презирать ихъ“. Когда онъ узналъ, что герцогъ Георгъ Саксонскій приводитъ въ исполненіе Вормскій эдиктъ относительно послѣдователей новаго ученія, то сказалъ, что если другіе князья послѣдуютъ примѣру Георга, вспыхнетъ возстаніе, которое уничтожитъ по всей Германіи князей и магистраты вмѣстѣ съ клиромъ; народъ прозрѣлъ, но князья ослѣпли; если ихъ ослѣпленіе продолжится, то вся Германія будетъ утопать въ крови. Съ особенной яростью Лютеръ нападалъ теперь на епископовъ. „Лучше разрушить всѣ монастыри, чѣмъ дать погибнуть отъ невѣдѣнія одной душѣ, говорилъ онъ; если они будутъ противиться, возстаніе снесетъ ихъ съ лица земли“. Когда друзья упрекали его за рѣзкость тона, онъ отвѣчалъ: „епископовъ нечего щадить; судьба ведетъ къ уничтоженію ихъ тираніи“. Исполнителемъ воли судьбы явился Сикингенъ; онъ опирался на дворянскій пролетаріатъ, развившійся вслѣдствіе чрезмѣрныхъ раздѣловъ владѣній, обезцѣненія земель, неумѣренной роскоши. Религія служила прикрытіемъ для церковно-политическаго грабежа. Современники думали, что изъ Сикингена выйдетъ новый Цезарь. Католики были убѣждены, что Лютеръ содѣйствуетъ Сикингену. Лютеръ подалъ поводъ къ этому своимъ сочиненіемъ: „О свѣтской власти“... Здѣсь онъ говоритъ, что Богъ ослѣпилъ князей, чтобы покончить съ ними, какъ и съ духовнымъ дворянствомъ. Какого мнѣнія былъ онъ о князьяхъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „Съ сотворенія міра не было птицы болѣе рѣдкой, чѣмъ умный князь; вообще они величайшіе дураки и пьяницы на землѣ. Никто не хочетъ, никто не можетъ болѣе сносить ихъ тираннію. Милые князья, прошло время, когда вы охотились за людьми, какъ за дичью“! Но Лютеръ не вѣрилъ въ успѣхъ Сикингена. „Сикингенъ объявилъ войну Палатину, писалъ онъ Линку; скверное будетъ дѣло“. Дѣло Сикингена было, дѣйствительно, проиграно; но революціонныя идеи не были побѣждены. Церковно-политическая революція спустилась въ низшіе слои народа и между проповѣдниками крестьянскаго возстанія противъ князей было много дворянъ.

Религіозное броженіе вызвало паденіе умственной жизни. Университетская молодежь бросила научныя занятія и предалась богослов-

скимъ спорамъ; нравственность ея упала. На паденіе университетской жизни повліяли направленныя противъ высшихъ школъ проповѣди Лютера, въ которыхъ онъ рекомендовалъ превратить ихъ въ прахъ. Эти слова были подхвачены его послѣдователями. Какое значеніе имѣли эти проповѣди, можно видѣть изъ того, что въ Эрфуртѣ въ 1523—24 г. было только 30 имматрикулированныхъ студентовъ, тогда какъ въ 1520—21 болѣе 300. Паденію научной дѣятельности соотвѣтствовало паденіе книжной торговли, народныхъ школъ. Религіозные вопросы исключительно занимали всѣ умы, отодвигая на задній планъ другіе духовные интересы.

Въ каждой общинѣ кипѣли богословскіе споры, вслѣдствіе предоставленнаго Лютеромъ каждой общинѣ права произносить приговоръ надъ религіозными ученіями, призывать или смѣщать учителей, каждому христіанину проповѣдывать слово Божіе. Возбужденное Лютеромъ броженіе обратилось противъ него самого. Исходя изъ лютеровскаго ученія о правѣ каждаго христіанина оцѣнивать проповѣдуемое ему ученіе и проповѣдывать самому, Ѳома Мюнцеръ объявилъ ученіе Лютера неправильнымъ и себя посланникомъ Божіимъ для его исправленія; тоже сдѣлалъ и Карльштадтъ. Лютеръ потребовалъ, чтобы послѣдній доказалъ свое божественное посланничество чудомъ, хотя въ отношеніи себя онъ не считалъ этого прежде нужнымъ. Въ началѣ 1525 года Лютеръ долженъ былъ сознаться, что въ Германіи столько сектъ, сколько головъ; но это было естественнымъ продуктомъ его собственной дѣятельности, его, или точнѣе заимствованнаго имъ у Гусса, ученія о всеобщемъ священствѣ. Пропагандированный Лютеромъ гусситизмъ, произвелъ и въ Германіи тѣже движенія въ области соціальной, что и въ Богеміи.

Современники убѣждены были, что соціальныя идеи, управлявшія крестьянской войной, перешли въ Германію изъ Богеміи и коренились въ ученіи Гусса. Гуссъ дѣйствительно нанесъ ударъ свѣтской и духовной власти ученіемъ, что человѣкъ, совершившій смертный грѣхъ, не можетъ быть ни свѣтскимъ владѣтелемъ, ни служителемъ церкви; онъ объявилъ далѣе войну всему общественному порядку утвержденіемъ, что кто употребляетъ свое владѣніе вопреки божескимъ заповѣдямъ, не имѣетъ на него права. Эти основныя положенія Гусса были развиты его послѣдователями и произвели соціальную революцію въ Богеміи и волновали Германію въ XV вѣкѣ. Соціальныя идеи гусситизма были развиты въ „Реформаціи императора Сигизмунда“, которая вышла въ свѣтъ въ 1476 году и выдержала нѣсколько изданій. Соціальное движеніе 1525 г. не было непосредственнымъ результатомъ проповѣди Лютера и его послѣдователей; подъ вліяніемъ религіознаго броженія оно получило только характеръ всеобщности. Его причина заключается въ охватившей всѣхъ страсти къ роскоши и наслажденіямъ, во всеобщемъ повышеніи цѣнъ на жизненныя потребности и экспуатаціи всѣхъ сословій купеческими компаніями, въ

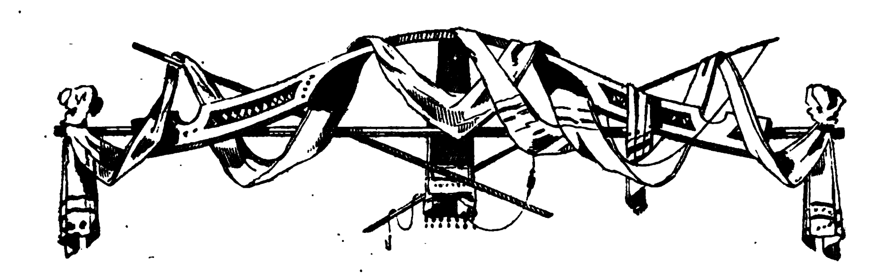
паденіи промышленности, вслѣдствіе разложенія цеховъ, въ преобладаніи капитала надъ трудомъ, въ происшедшей отъ всего этого ненависти неимущихъ къ имущимъ, въ измѣнившемся подъ вліяніемъ римскаго права положеніи крестьянъ относительно землевладѣльческаго дворянства и духовенства. Когда революція началась, когда разрушительныя стремленія направились противъ монастырей и церковныхъ владѣній, противники реформы провозгласили Лютера виновникомъ всего этого, ссылаясь на его проповѣди и сочиненія. Лютеръ не могъ отпереться отъ своихъ словъ. Въ опроверженіе взводимыхъ на него обвиненій и для возстановленія мира, Лютеръ выпустилъ особое сочиненіе относительно 12 пунктовъ швабскихъ крестьянъ, но оно только подлило масло въ огонь. Лютеръ обращается въ немъ къ князьямъ и крестьянамъ. Первыхъ онъ убѣждаетъ склониться предъ словомъ Божіимъ (т. е. предъ своимъ ученіемъ). „Если вы не сдѣлаете этого по доброй волѣ, говоритъ онъ, васъ заставятъ не эти крестьяне, такъ другіе. Богъ хочетъ вашего наказанія и вы будете наказаны. Не крестьяне противъ васъ, господа, а Богъ, самъ Богъ". „Не боритесь съ ними, продолжаетъ онъ, потому что вы не знаете, что ожидаетъ васъ въ концѣ". Въ обращеніи къ крестьянамъ онъ говоритъ: „Я признаю, что князья заслужили сопротивленіемъ евангельской проповѣди и притѣсненіемъ народа, чтобы Богъ свергнулъ ихъ". Такой тонъ не могъ, конечно, успокоить страсти и повести къ миру. Вскорѣ взглядъ Лютера на дѣло измѣнился; онъ сталъ уже требовать, чтобы крестьянъ били, какъ бѣшеныхъ собакъ. Эта перемѣна поразила его приверженцевъ; нѣкоторые стали утверждать, что духъ Божій покинулъ его. Лютеръ толковалъ свою суровость, какъ повелѣніе Бога и называлъ своихъ обвинителей бунтовщиками. По его настоящему взгляду власти должны изъ этой войны научиться, что крестьянами на будущее время слѣдуетъ управлять со строгостью. Въ послѣдствіи онъ признавался, что кровь крестьянъ лежитъ на немъ, но оправдывался тѣмъ, что Богъ внушилъ ему такія суровыя рѣчи. Черезъ 2 года послѣ возстанія, Лютеръ въ проповѣдяхъ ратовалъ уже въ пользу введенія рабства въ томъ видѣ, какъ оно существовало у евреевъ въ древности, и въ пользу безусловнаго повиновенія властямъ. Революція, которой измѣнили ея вожди, кончилась; ея наслѣдство раздѣлили между собою князья, дворянство и городскія власти.

Наше извлеченіе далеко не исчерпываетъ содержанія „Исторіи нѣмецкаго народа" Янсена, состоящей изъ 2-хъ томовъ почти въ 1200 стр. убористаго шрифта; мы взяли изъ нея только то, что характеризуетъ направленіе автора и можетъ послужить матеріаломъ для опредѣленія того, на сколько авторъ сдержалъ свое обѣщаніе написать чуждое всякой тенденціи произведеніе. Читатель могъ убѣдиться, что для Янсена вторая половина XV и первая четверть XVI вѣка— эпохи діаметрально противоположныя по своему характеру и содержанію. Первая—миръ, благоденствіе, процвѣтаніе науки и искусства

на почвѣ религіознаго единства, пора могучихъ характеровъ, великихъ добродѣтелей; вторая—внутренняя борьба, упадокъ экономическій и духовный, пора распущенности нравственной, мелкихъ характеровъ, мелкихъ умовъ. Основная мысль, тенденція автора выступаетъ предъ читателемъ весьма рельефно: авторъ хочетъ доказать, что борьба съ церковнымъ авторитетомъ разрушила благоденствіе Германіи, похоронила ея блестящую культуру, привела къ торжеству абсолютизма и крѣпостничества. Изъ этой тенденціи вытекаютъ основные недостатки труда Янсена. Отсюда неестественное распредѣленіе свѣта и тѣней; отсюда искусственное разсѣченіе эпохъ, связанныхъ между собою органически; отсюда пристрастный выборъ источниковъ, въ силу котораго, напримѣръ, положеніе крестьянъ и ремесленниковъ въ XV вѣкѣ обрисовывается на основаніи законодательныхъ по существу памятниковъ, которые говорятъ о томъ, что должно быть, а не о томъ, что есть,—событія же реформаціонной эпохи на основаніи главнымъ образомъ враждебныхъ движенію источниковъ. Сообразно основной тенденціи, авторъ выбираетъ и распредѣляетъ матеріалъ своего труда. Реформація является у Янсена, какъ актъ злой воли нѣсколькихъ человѣкъ; авторъ совершенно умалчиваетъ о причинахъ ея; даже о ближайшихъ поводахъ къ ней—нравственной распущенности духовенства и безобразной торговлѣ индульгенціями авторъ едва упоминаетъ. Характеры реформаціонныхъ дѣятелей освѣщены односторонне: Лютеръ представленъ напримѣръ человѣкомъ неуклонно идущимъ по разъ избранному пути; о его колебаніяхъ, нерѣшительности, готовности идти на компромиссъ, нѣтъ и помина. Крестьянское движеніе представлено какъ непосредтсвенный результатъ введенія въ практику римскаго права и распространенія соціальныхъ идей гусситизма. О печальномъ положеніи крестьянъ въ средніе вѣка, о связи движенія 1525 года съ Жакеріей, возстаніемъ англійскихъ крестьянъ въ XIV вѣкѣ и др. аналогичными явленіями Янсенъ также совершенно умалчиваетъ.

Мы не считаемъ нужнымъ приводить другихъ доказательствъ тенденціозности Янсена и имѣемъ полное основаніе сказать, что его „Исторія...“—многотомный памфлетъ, прекрасно обрисовывающій настроеніе партій въ странѣ Kulturkampf'а. Не даромъ появленіе его въ 1876 г. было встрѣчено барабаннымъ боемъ въ лагерѣ ультрамонтановъ. Въ этомъ памфлетѣ, правда, есть интересныя страницы: Лютеръ обрисованъ напримѣръ такими чертами, о которыхъ неохотно говорятъ протестантскіе историки; но эти страницы не искупаютъ недостатковъ цѣлаго, которое вызываетъ невольное сожалѣніе о той наукѣ, гдѣ ученый растрачиваетъ талантъ и энергію цѣлой жизни на то, чтобы создать завѣдомо тенденціозное произведеніе, гдѣ великія задачи науки приносятся въ жертву Молоху субъективизма и партіализма.

**Н. Смирновъ.**



# КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

---

**Сборникъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ I. Москва. 1880.**

Достопочтенный директоръ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Бюлеръ, издалъ первый выпускъ „Сборника Московскаго Главнаго Архива минист. иностранныхъ дѣлъ". Въ этомъ выпускѣ помѣщено на французскомъ языкѣ довольно подробное свѣдѣніе объ образованіи, устройствѣ и положеніи русскихъ архивовъ, преимущественно же Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, служащее отвѣтомъ иностраннымъ посольствамъ на ихъ вопросы о нашихъ русскихъ архивахъ. Свѣдѣнія эти полезны для каждаго занимающагося, или желающаго заниматься въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а изъ всѣхъ, кто серьезно посвящалъ себя русской исторіи, едва ли найдется хоть одинъ, кто бы не просиживалъ дни и недѣли въ этой неисчерпаемой сокровищницѣ матеріаловъ русской прошедшей жизни. Здѣсь мы узнаемъ, что Архивъ этотъ заключаетъ въ себѣ всѣ старыя дѣла бывшаго посольскаго приказа, переименованнаго при царѣ Иванѣ IV изъ возникшей при великомъ князѣ Иванѣ III посольской избы. Въ 1614 году, послѣ вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, въ первый разъ накопившіяся тамъ дѣла приведены были въ каталогическій порядокъ. Съ учрежденіемъ Петромъ Первымъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, замѣнившей посольскій приказъ, дѣла эти перешли въ эту коллегію, а съ окончательнымъ преобразованіемъ иностранной коллегіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ, уже при императорѣ Николаѣ, всѣ дипломатическія дѣла до 1801 года хранятся въ Москвѣ въ упомянутомъ Архивѣ отдѣльно отъ другихъ дѣлъ позднаго времени, хранящихся въ Санктпетербургѣ. Въ настоящее времи, Московскій Главный Архивъ министерства иностранныхъ

дѣлъ составляетъ четырнадцать отдѣловъ, находящихся въ залахъ и корридорахъ и помѣщенныхъ въ 882 понумерованныхъ шкафахъ. Дѣла хранятся въ картонахъ, которыхъ число простирается до 17,000, а для нихъ реестровъ или каталоговъ—370. Кромѣ того, въ архивѣ находится болѣе тысячи переплетенныхъ книгъ рукописныхъ и до 9,000 свитковъ. Шесть отдѣловъ обнимаютъ дѣла собственно дипломатическія, отдѣлъ же 7 — 13 включительно — дѣла внутреннія, а 14-й отдѣлъ заключаетъ метрики польскія и литовскія, перевезенныя сюда изъ Варшавы въ 1794 году.

При Главномъ Архивѣ состоятъ: 1) Коммисія для печатанія актовъ и договоровъ. Для ея изданій, которыхъ насчитывается только шестьнадцать, и для храненія матеріяловъ, назначенныхъ къ послѣдующимъ изданіямъ, отведено въ архивѣ сорокъ два шкафа. 2) Библіотека съ 28,000 томовъ, рукописей, картъ и эстамповъ, помѣщающихся въ 149 шкафахъ и шести витринахъ, гдѣ въ числѣ книгъ обращаютъ на себя вниманіе 164 тома старопечатныхъ славянскихъ книгъ. 3) Складъ древнихъ хартій и печатей, хранящихся въ Кремлѣ во дворцѣ, и помѣщающихся въ четырнадцати шкафахъ, восьми бронзовыхъ ящикахъ и двѣнадцати витринахъ.

Послѣ свѣдѣнія, котораго главную суть мы здѣсь изложили, въ первомъ выпускѣ новоизданнаго сборника помѣщается числительный перечень книгъ, связокъ и картоновъ, совмѣщающихъ дипломатическіе документы, относящіеся къ сношеніямъ съ италіанскими государствами, нѣкогда существовавшими, съ Франціею, Австріею, Великобританіею, Пруссіею, Даніею и Швеціею, съ болѣе подробными свѣдѣніями относительно нѣкоторыхъ. Затѣмъ, тамъ же печатается одинъ изъ каталоговъ временъ управленія архивомъ А. Ѳ. Малиновскимъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ первомъ выпускѣ „Сборника“ идетъ какъ бы другая его половина, состоящая изъ ученыхъ изслѣдованій о разныхъ историческихъ предметахъ, составленныхъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь статью г. Путяты „Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіею“, гдѣ разсматриваются подробно и съ приведеніемъ въ текстѣ изслѣдованія многихъ подлинныхъ писемъ и документовъ, сношенія Петра Перваго съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ эпоху Сѣверной войны, когда Пруссія достаточно показала какой можетъ быть съ нею дружественный союзъ, котораго такъ желалось Петру Первому. Пруссія, какъ извѣстно, и какъ особенно ясно высказывается изъ напечатаннаго изслѣдованія, колебалась между двумя врагами, выжидая чья сторона возьметъ верхъ, сближалась съ Карломъ XII и только послѣ пораженія послѣдняго, опять стала дружить съ Россіею (стр. 81—138). Это изслѣдованіе было уже напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1877 года. Два слѣдующія въ „Сборникѣ“ изслѣдованія: „Янтарная комната царскосельскаго дворца“ г. Шученка (стр. 139—143) и „Русскіе великаны въ прусской службѣ“, С. Пуцилло (стр. 147—173), также были уже напечатаны прежде, въ томъ же „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 1877 и 1878 годахъ, но ихъ настоящая перепечатка не умаляетъ ихъ достоинства, такъ какъ все таки эти ученыя спеціальныя изслѣдованія болѣе умѣстны въ издаваемомъ „Сборникѣ“, чѣмъ въ періодическомъ изданіи. Наконецъ, слѣдуетъ послѣднее изслѣдованіе, составленное г. Рачинскимъ: „Первые русскіе гардемарины за границею въ XVIII столѣтіи“. Изъ этой статьи (стр. 177—205) мы узнаемъ, что въ 1774 году, по повелѣнію испанскаго короля Карла III, директоръ морского кадетскаго корпуса въ Кадиксѣ обращался къ русскому посланнику Зиновьеву съ желаніемъ узнать о дальнѣйшей

служебной карьерѣ двадцати двухъ кадетовъ этого корпуса, русскихъ по происхожденію, присланныхъ царемъ Петромъ Первымъ для полученія спеціальнаго воспитанія. Это обращеніе было сдѣлано въ видахъ увѣковѣчить, посредствомъ портретовъ, память воспитанниковъ этого кадетскаго корпуса. Отсюда начались розыски въ дѣлахъ русскихъ коллегій, и результатомъ такихъ розысковъ были свѣдѣнія, касавшіяся обстоятельствъ отправки царемъ Петромъ юношей для обученія морскому искусству, а о дальнѣйшей судьбѣ нѣкоторыхъ открылось, что царь послалъ ихъ на службу венеціанской республикѣ въ войнѣ противъ турокъ, а по окончаніи войны, отправилъ изъ Голландіи въ Испанію, гдѣ они пребываніемъ были вообще недовольны, потому что ихъ не обращали къ служебнымъ занятіямъ, а учили математикѣ (которой при незнаніи языка и при не слишкомъ уже молодыхъ лѣтахъ возраста учиться было очень трудно), шпажному искуству и танцованію, притомъ содержали ихъ слишкомъ скудно. По ихъ жалобамъ, государь велѣлъ послать имъ по 50 ефимковъ на человѣка для возвращенія въ отечество. Въ числѣ ихъ былъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, котораго любопытный дневникъ былъ напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года.

Въ заключеніе, въ этомъ же первомъ выпускѣ (стр. 207 — 211) помѣщено г. Шученко извѣстіе объ участіи главнаго архива въ съѣздѣ оріенталистовъ въ 1876 году въ С.-Петербургѣ. Это участіе состояло въ томъ, что посланные архивомъ делегаты представили съѣзду указатели хранящимся въ архивѣ дѣламъ по сношеніямъ Россіи съ Азіею, и устроили выставку болѣе 80 географическихъ картъ, преимущественно рукописныхъ, относящихся до различныхъ частей Азіи.

Остается пожелать увидѣть скорѣе слѣдующіе выпуски „Сборника“ и понадѣяться, что просвѣщенный любитель отечественной старины, директоръ Архива баронъ Бюлеръ, постарается познакомить ученый міръ съ наиболѣе важными и рѣдкими сокровищами своего неоцѣненнаго древлехранилища.

**Н. Костомаровъ.**

---

## Жизнь Державина, соч. Я. Грота. (Т. VIII академическаго изданія сочиненій Державина). Спб. 1880 г.

Біографіею поэта еще не вполнѣ заканчивается монументальное изданіе его сочиненій, съ такимъ неутомимымъ усердіемъ вынесенное на своихъ плечахъ многоуважаемымъ Я. К. Гротомъ. Впереди еще IX т., куда войдутъ разныя дополнительныя примѣчанія и приложенія, а равно и державинская библіографія. Вспоминая о сожалѣніи С. Т. Аксакова, что не только перлы державинской поэзіи, но и всякій ея балластъ можетъ быть напечатанъ „для удовлетворенія празднаго любопытства публики“, г. Гротъ указываетъ на то, что при изданіи всѣхъ вообще сочиненій Державина академія наукъ „имѣла въ виду историческое изученіе всей эпохи, для чего даже и слабыя произведенія Державина часто представляютъ цѣнный матеріалъ“ (стр. 967). Послѣ этого, если и можно на что посѣтовать, то никакъ не на полноту изданія и снабженіе его всевозможнымъ дополнительнымъ матеріаломъ, а только на его излишнюю роскошь и увѣсистость.

Біографія поэта (1042 стр.), который, по выраженію г. Грота, „послѣ глубокаго нравственнаго паденія въ растлѣвающей средѣ, гдѣ ему пришлось прожить большую часть молодости *), внезапно возстаетъ изъ грязи порока съ твердымъ намѣреніемъ вступить на путь правды и чести“, (стр. 1022) любопытна уже по самымъ фактамъ долгаго его вѣка, принадлежащаго пяти царствованіямъ (1743—1816). Послѣ продолжительной казарменной жизни въ качествѣ простого солдата, будущему министру юстиціи представился случай выдвинуться въ годину Пугачевщины, когда, по выраженію его біографа, „смертныя казни и тѣлесныя кары для обузданія народа были въ общемъ планѣ распоряженій правительства (это необходимо имѣть въ виду, продолжаетъ онъ, при тѣхъ наказаніяхъ, которыя въ эту эпоху не разъ приходилось совершать и Державину, (стр. 98)“. Постепенное восхожденіе пѣвца Фелицы по лѣстницѣ служебныхъ отличій съ различными задержками на ней, а затѣмъ опять ускореннымъ ходомъ, отчасти при помощи „пѣснопѣнія“, составляетъ предметъ извѣстныхъ „Записокъ“ самого Державина, тщательно провѣренныхъ его біографомъ на основаніи документовъ. Далекій отъ всякой излишней идеализаціи, г. Гротъ представляетъ намъ Державина, какимъ онъ дѣйствительно былъ со всѣми его достоинствами и слабостями. Оказывается, что если „ея величеству трудно было обвинить автора оды „къ Фелицѣ“ (стр. 577), то его въ сущности и не за что было обвинить послѣ его губернаторства въ Тамбовѣ, выказавшаго, можетъ быть, его неуживчивость, но никакъ не отсутствіе въ немъ административныхъ способностей, а тѣмъ менѣе честности. Если „Изображеніе Фелицы“, при сближеніи съ Пл. Зубовымъ, несомнѣнно содѣйствовало поправленію карьеры Державина, то ставъ кабинетскимъ секретаремъ Екатерины онъ возстановилъ противъ себя свою „Фелицу“ докучливымъ приставаніемъ къ ней съ дѣлами, чтобы добиться торжества правды. Если Державинъ, по замѣчанію г. Грота, „посвятилъ нѣсколько куплетовъ и Платону Зубову, то въ нихъ мы вовсе не находимъ похвалъ высшимъ достоинствамъ, какихъ у этого фаворита не было“. Съ другой стороны біографъ справедливо напоминаетъ о томъ, что еще Бѣлинскій замѣтилъ: „судя по могуществу Потемкина, можно бы предположить, что большая часть стихотвореній Державина посвящена его прославленію; но Державинъ при жизни Потемкина очень мало писалъ въ честь его“ (стр. 596—597). Раздраживъ императора Павла такимъ же обращеніемъ съ нимъ, какое не вполнѣ выносилось и Екатериной, Державинъ пытается, по прежнимъ удачнымъ опытамъ при ней, возвратить себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта—и ода на новый 1797 г. дѣйствительно достигаетъ цѣли (стр. 714). Но тотъ же Державинъ пишетъ оду на возвращеніе изъ Персіи Вал. Зубова, не смотря на то, что онъ попалъ при Павлѣ въ полную опалу, пишетъ потому, что по выраженію своего біографа „способенъ былъ независимо отъ обстоятельствъ хвалить тѣхъ, кого считалъ достойнымъ того“ (стр. 766). При Александрѣ, повидиму, предоставлялся большій просторъ служебной правдивости Державина и менѣе должно бы быть спросу на „прикладное значенье его поэзіи“. Но вотъ Державинъ ревностно принимается за дѣло калужскаго губернатора Лопухина, занявшаго 20,000 рублей и потомъ угрозою ссылки въ Сибирь за мнимое преступленіе принудившаго кредитора возвратить векселя, въ пьяномъ видѣ разбивавшаго по улицамъ окна и ѣздившаго въ губернскомъ правленіи „верхомъ на раздья-

*) Державинъ сдѣлался при этомъ „отъявленнымъ шулеромъ“ (стр. 77).

конѣ“. И что же? Не смотря на доказанность его преступленій и безчинствъ, Лопухинъ, по связямъ, не понесъ, къ огорченью Державина, никакого наказанія (стр. 788). Однажды, разгнѣванный возраженіями поэта-министра, Александръ ему сказалъ: „ты меня всегда хочешь учить; я самодержавный государь и такъ хочу“. Самимъ же Александромъ назначенный министромъ юстиціи, Державинъ, уже въ 1803 г., былъ смѣщенъ за то, что „слишкомъ ревностно служитъ“ (стр. 832).

Послѣ всего этого нельзя не признать вѣрнымъ толкованіе біографомъ извѣстныхъ стиховъ Державина:

За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

„Онъ сознается тутъ, по мнѣнію г. Грота, что въ стихахъ своихъ иногда позволялъ себѣ лесть и тѣмъ заслужилъ упрекъ строгаго критика, но въ дѣлахъ своихъ остался безукоризненъ, т. е. не кривилъ душой изъ угодливости“ (стр. 765).

Державинъ, конечно, думалъ не „кривить душой“ и тогда, когда не контрасигновалъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, и вообще высказывался противъ освобожденія крестьянъ, хотя и признавалъ, что „по древнимъ законамъ права владѣльцевъ на рабство крестьянъ нѣтъ“ (стр. 823), а на дѣлѣ часто поступалъ въ пользу крестьянъ, наприм., когда взялъ бѣло-русское имѣнье Огинскаго въ опеку (стр. 733) и высказывался такимъ образомъ: „удивительно, что сенатъ благоволитъ давать откупщикамъ милліоны, а народу—ничего!“ (стр. 782). Замѣчательно при этомъ, что въ первоначальномъ проэктѣ его завѣщанія выражена была воля, чтобы послѣ смерти его жены „всѣ подвластные ему крѣпостные люди и крестьяне обращены были въ свободные хлѣбопашцы“ (стр. 1007). Въ этомъ отношеніи Державинъ въ принципѣ и Державинъ на дѣлѣ напоминаетъ ту же двойственность въ отношеніи къ крѣпостному праву А. С. Шишкова.

Въ объясненіе (не оправданіе) крѣпостничества Державина въ принципѣ. біографъ его указываетъ на соотвѣтственное недомысліе многихъ выдающихся его современниковъ при Екатеринѣ и Александрѣ. Можно бы припомнить при этомъ и „умѣренность и аккуратность“ по отношенію къ нашему крѣпостному народу либеральнаго воспитателя Александра Лагарпа (на что давно указано въ монографіи о немъ М. И. Сухомлинова, такъ мало у насъ къ сожалѣнію извѣстной), а равно и то, что еще болѣе „постепеновцемъ“ оказался относительно польскихъ крестьянъ самъ Ж. Ж. Руссо (на котораго и опирался у насъ Болтинъ). Въ послѣднее время новый подходящій сюда документъ былъ найденъ въ Архивѣ Вольно-Экономическаго Общества В. И. Семевскимъ. Это отвѣтъ Вольтера на извѣстную задачу Общества (по почину, какъ полагаютъ, самой Екатерины II) о крестьянскомъ вопросѣ—съ подобающимъ фернейскому мудрецу либеральнымъ девизомъ: „Si populus dives, rex dives“ (богатъ народъ, богатъ и царь). Въ концѣ-концовъ тутъ доказывается, что „нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить сеньёровъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по своему собственному усмотрѣнію... Они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны“. По мнѣнію Вольтера „нужны люди, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли... они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность“ *).

---

*) Статья В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II“ въ „Отеч. Запискахъ“ 1879 г.

Конечно, ни чей (хотя бы Вольтеровъ) лишній авторитетъ не можетъ вполнѣ оправдать Державина въ глазахъ его безпристрастнаго біографа. „Потомство должно, говоритъ онъ, принимать во вниманіе смягчающія обстоятельства, но нельзя не скорбѣть, что пѣвецъ Фелицы, такъ хорошо оцѣнившій человѣколюбивыя стремленія Екатерины... не умѣлъ стать выше понятій своего времени". (стр. 825). Слова эти въ устахъ ученаго біографа служатъ тѣмъ большею уликою тѣмъ, кто любитъ подъ часъ, злоупотребляя такъ называемою „историческою точкою зрѣнія", проповѣдывать невмѣняемость такихъ мнѣній, которыя въ сущности оказываются преступными поступками. Да и были же при Державинѣ люди, которые далеко умѣли однако то, что называется „опередить свой вѣкъ". Біографу Державина удалось снять съ него обвиненіе въ доносѣ на Радищева, но онъ не могъ не сознаться, что „по своему образу мыслей Державинъ не былъ расположенъ къ Радищеву и строго осуждалъ его сочиненіе" — то, въ которомъ онъ требовалъ освобожденія съ землею, т. е. „опережалъ свой вѣкъ".

Но трудно понять, къ чему, когда дѣло идетъ о крестьянскомъ вопросѣ, ссылаться на „человѣколюбивыя стремденія Екатерины", которыя стало быть были все же не вполнѣ поняты пѣвцомъ Фелицы! Не она ли, при всѣхъ этихъ „стремленіяхъ", довела у насъ крѣпостное право до высшей точки его развитія?

Какая странная иронія въ томъ, что пѣвецъ Фелицы въ концѣ-концовъ сошелся въ сужденіи о ней со своимъ—конечно далеко не единомышленникомъ Радищевымъ! Разочарованіе Державина въ Фелицѣ хорошо извѣстно по его запискамъ. Но оно окончательно подтверждается воспоминаніями о послѣдней порѣ поэта племянницы его П. Н. Львовой, приводимыми въ концѣ труда г. Грота: „Она мнѣ показалась существомъ сверхъестественнымъ, вспоминалъ про свою Фелицу старикъ Державинъ, но теперь, какъ все это поразмыслю, долженъ сознаться, что она... мастерски играла свою роль и знала, какъ людямъ пыль въ глаза пускать" (стр. 990). Тоже въ сущности высказываетъ у Радищева Прямовзоръ въ описаніи видѣннаго имъ сна.

И такъ—публицистъ, сосланный въ Сибирь, и „эхо славныхъ дѣлъ Фелицы" сошлись въ ея развѣнчаніи. Пора, кажется, обратить на это вниманіе, пора понять, что и относительно свободы должна соблюдаться заповѣдь: „не пріимеши имени ея всуе".

**Ор. Миллеръ.**

---

## Өеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Петра Морозова. С.-Петербургъ. 1880 г.

Хотя мы давно уже имѣемъ нѣсколько ученыхъ трудовъ, касающихся Өеофана Прокоповича и его времени, изъ которыхъ важнѣйшіе принадлежатъ покойному Ю. Ө. Самарину („Стефанъ Яворскій и Өеофанъ Прокоповичъ") и г. Чистовичу („Өеофанъ Прокоповичъ и его время"), тѣмъ не менѣе до сихъ поръ никѣмъ еще не было сдѣлано сколько-нибудь подробнаго обзора литературныхъ произведеній этого замѣчательнаго дѣятеля. Г. Морозовъ взялъ на себя трудъ восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей научной литературѣ и „на основаніи фактовъ литературной дѣятельности Өеофана опредѣлить его мѣсто

и значеніе въ исторіи русской литературы въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ ходомъ ея развитія" (стр. 2). Въ видѣ введенія къ своему изслѣдованію, авторъ говоритъ о состояніи русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII вѣкахъ, о дѣятельности кіевскихъ ученыхъ и отношеніи къ нимъ Петра; затѣмъ излагаетъ содержаніе и дѣлаетъ оцѣнку литературныхъ трудовъ Ѳеофана—его богословскаго курса, трагедо-комедіи „Владиміръ", проповѣдей, духовнаго регламента, учебниковъ; въ заключеніе же указываетъ, въ чемъ состояло вліяніе Ѳеофана на Кантемира и Татищева и опредѣляетъ значеніе его литературной дѣятельности. Трудъ г. Морозова въ своей главной части, гдѣ излагаются и объясняются произведенія Ѳеофана, не оставляетъ почти желать ничего лучшаго: авторъ добросовѣстно воспользовался всѣмъ, что только было до него напечатано о Ѳеофанѣ (за исключеніемъ лишь статьи г. Червяковскаго „Введеніе въ Богословіе Ѳеофана Прокоповича", напечатанной въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1876 года) и иногда, гдѣ нужно, и рукописями (Императорской Публичной Библіотеки), и, пока держится на фактической почвѣ, совершенно самостоятеленъ. Но въ тѣхъ частяхъ, которыя посвящены общимъ положеніямъ и выводамъ и касаются древне-русской, до петровской литературы, его изслѣдованіе нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Представимъ въ доказательство нѣсколько примѣровъ.

При опредѣленіи значенія тѣхъ идей, которыя нашли себѣ выраженіе въ произведеніяхъ Ѳеофана, и при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности, въ высшей степени важно правильное рѣшеніе вопроса—насколько эти идеи были новы для Московской Руси. Г. Морозовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ своимъ обзоромъ состоянія русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII вѣкахъ. Здѣсь онъ приводитъ только тѣ факты, которые указываютъ на невѣжество и религіозный формализмъ русскихъ людей этого времени, но не сообщаетъ ни одного факта, который могъ бы указать на существованіе въ русскомъ обществѣ и свѣтлыхъ исключеній. Такъ, онъ не упоминаетъ ни о Нилѣ Сорскомъ, который еще въ концѣ XV вѣка проповѣдывалъ важность „умной", или внутренней молитвы, ни о заволжскихъ старцахъ, Вассіанѣ Патрикѣевѣ и другихъ, стремившихся положить границу между свѣтскимъ элементомъ и духовнымъ, и требовавшихъ отъ правительства отобранія монастырскихъ вотчинъ въ казну. Г. Морозовъ не придаетъ никакого значенія протесту пытливаго ума противъ религіозной исключительности и формализма, выразившемуся въ цѣломъ рядѣ ересей XV и XVI вѣковъ, и несправедливо полагаетъ, что „загражденіе устъ" было противъ него дѣйствительнымъ средствомъ (стр. 19): свободная мысль и въ XVII вѣкѣ продолжала не только существовать, но и пріобрѣтать себѣ большее и большее число сторонниковъ, которые, наконецъ, имѣя во главѣ Петра, и добились желаемой реформы русской жизни. Идеи Ѳеофана, случайно совпадавшія съ идеями Петра и его помощниковъ въ дѣлѣ реформы не были поэтому новостью для великорусской публики, и въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается причина, почему онѣ не прошли въ Россіи безслѣдно. Такимъ образомъ необходимо совершенно устранить мысль г. Морозова о томъ, что кіевскіе ученые—„предшественники реформы" (стр. 4).

Со взглядомъ г. Морозова на значеніе кіевскихъ ученыхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣсно связанъ его взглядъ на ходъ этого послѣдняго. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, говоритъ нашъ авторъ, духовенство „все болѣе и болѣе утрачивало образованность, становилось все болѣе и болѣе невѣжественнымъ, грубымъ и своекорыстнымъ" (стр. 12); „все то, противъ чего воз-

ставали наши проповѣдники въ продолженіи шестисотъ лѣтъ, продолжало существовать нерушимо въ своемъ прежнемъ видѣ и, можетъ быть, еще болѣе усиливалось" (стр. 14) и т. п. Изъ этихъ цитатъ ясно, что г. Морозовъ смотритъ на ходъ русской образованности, какъ на регрессъ, т. е. точь въ точь такъ же, какъ смотрѣли на него въ XVI вѣкѣ отцы Стоглаваго собора; но онъ напрасно не обратилъ вниманія на работу этихъ послѣднихъ о просвѣщеніи: она одна (не говоримъ о множествѣ другихъ фактовъ) указываетъ, что уже въ XVI вѣкѣ явилось у насъ ясное сознаніе необходимости просвѣщенія, — сознаніе, котораго до XVI вѣка мы совсѣмъ почти не встрѣчали въ Россіи.

Только вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ древне-русскою литературою г. Морозовъ могъ сказать, что „послѣ смерти митрополита Фотія (1430) единственнымъ видомъ проповѣди дѣлаются поучительныя посланія" (стр. 15), потому что проповѣдь существовала въ Московской Руси и послѣ Фотія и въ первой половинѣ XVI вѣка нашла себѣ представителя въ лицѣ митрополита Даніила. Только вслѣдствіе того-же обстоятельства онъ могъ въ своемъ изслѣдованіи придти къ такому конечному выводу, что Ѳеофанъ былъ „первымъ представителемъ новаго движенія — секуляризаціи русской мысли" (стр. 402), такъ какъ даже поверхностное знакомство съ тѣми переводными и оригинальными свѣтскими повѣстями (каковы напримѣръ, такъ называемыя „смѣхотворныя повѣсти", повѣсть о бражникѣ, вошедшемъ въ рай, исторія о Фролѣ Скобѣевѣ), которыхъ явилось у насъ въ XVII вѣкѣ не мало, — заставило бы его признать первыми представителями секуляризаціи русской мысли переводчиковъ и авторовъ этихъ повѣстей.

Многихъ важныхъ вопросовъ г. Морозовъ или вовсе не коснулся, или разработалъ ихъ недостаточно полно. Онъ признаетъ, напримѣръ, наклонность Ѳеофана къ протестантизму, но не указываетъ, какимъ образомъ Ѳеофанъ, вовсе ее не скрывавшій и прямо указывавшій на „нѣмецкіе города", какъ на мѣсто, гдѣ можно найти удовлетворительный отвѣтъ на всякаго рода религіозные вопросы, — могъ не только быть терпимъ въ Кіевѣ, но и занимать такія значительныя должности, каковы должности преподавателя богословія и префекта кіевской коллегіи, и почему Ѳеофилактъ Лопатинскій и Гедеонъ Вишневскій только тогда рѣшились открыто выступить противъ него, когда онъ оставилъ Кіевъ. Г. Морозовъ не опредѣляетъ какъ много общаго было въ идеяхъ Ѳеофана съ идеями другихъ кіевскихъ ученыхъ въ родѣ Іосифа Туробойскаго, Ѳеодосія Яновскаго, Ѳеофила Кролина, Гавріила Бужинскаго, Симона Кохановскаго, и чѣмъ обусловливалось сочувствіе этихъ лицъ Петру и его реформѣ. Точно также онъ не касается вовсе значенія литературной дѣятельности Ѳеофана во время перваго, кіевскаго періода, и отношенія его произведеній къ произведеніямъ предшествующихъ и послѣдующихъ южно-русскихъ писателей, а равно отношенія идей Ѳеофана къ идеямъ современныхъ ему великорусскихъ писателей, въ особенности къ идеямъ Посошкова. Между тѣмъ безъ надлежащаго разъясненія этихъ вопросовъ, не можетъ быть, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрно опредѣлено и оцѣнено значеніе Прокоповича, какъ русскаго литературнаго дѣятеля.

Не смотря на указанные недостатки, изслѣдованіе г. Морозова заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся русскою историческою наукою и составляетъ значительный вкладъ въ нашу не богатую научную литературу.

**А. С—скій.**

## Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Томъ III. Рига. 1880.

Этотъ новый выпускъ названнаго изданія отличается тѣми же достоинствами, какъ и первые два тома. Въ составъ настоящаго тома вошли во первыхъ, матеріалы и статьи по древней исторіи Ливоніи и во вторыхъ, такіе же матеріалы и статьи по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Къ первой категоріи относятся: „Реформація въ Ливоніи", „Ливонская хроника Рюссова", „Ливонская лѣтопись Франца Ніенштедта" и наконецъ „Условія подчиненія между священнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и Готтардомъ Кетлеромъ, министромъ Тевтонскаго ордена въ Ливоніи, заключенныя въ Вильнѣ, 28 сентября 1561 года". Всѣ эти статьи являются не только точнымъ переводомъ оригиналовъ, но и снабжены подробными примѣчаніями переводчика, какъ по русскимъ источникамъ, каковы лѣтописи, такъ и параллельными ссылками на свидѣтельство другихъ источниковъ по исторіи края, что очень важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность отнестись критически къ освѣщенію извѣстнаго факта, представляемому лѣтописцемъ.

Статья д-ра Брахмана „Реформація въ Ливоніи" заимствована изъ 5-го тома „Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv- Ehst- und Kurland's", издаваемыхъ обществомъ исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній 1850 года и представляетъ очеркъ постепеннаго распространенія и утвержденія лютерова ученія въ Прибалтійскомъ краѣ въ теченіи 1520—1554 годовъ, когда протестантство было окончательно уравнено въ правахъ съ католичествомъ рѣшеніемъ ландтага въ Вольмарѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что статья рисуетъ лишь чисто внѣшнюю форму реформаціоннаго движенія и преимущественно притомъ въ высшихъ правящихъ классахъ. Это обстоятельство, конечно, имѣетъ свое историческое объясненіе въ томъ фактѣ, что масса туземнаго населенія, т. е. эсты и латыши, оставались чуждыми реформъ и какъ ранѣе были плохими католиками, такъ же равнодушно стали и плохими протестантами.

Изъ „Ливонской хроники" Бальтазара Рюссова въ составъ III тома вошли послѣднія двѣ части (первыя двѣ помѣщены въ предыдущихъ выпускахъ), изъ которыхъ третья обнимаетъ время съ 1561 по 1577 годъ (до похода Іоанна Грознаго въ Ливонію), а четвертая описываетъ событія до 1783 года, т. е. до окончательнаго вытѣсненія русскихъ изъ Ливоніи. Что касается „Ливонской лѣтописи" Франца Ніенштедта, то напечатанная въ этомъ томѣ часть, относящаяся къ древнему періоду исторіи Ливоніи, особеннаго значенія не имѣетъ, такъ какъ представляетъ обработку болѣе древнихъ лѣтописей Гейнриха Латыша и Рюссова. Гораздо болѣе цѣнный историческій матеріалъ представляетъ переводъ съ латинскаго подлинника „Условій подчиненія между священнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и Готтардомъ Кетлеромъ, министромъ Тевтонскаго ордена въ Ливоніи, заключенныхъ въ Вильнѣ 28-го ноября 1561 года". Эти условія, или такъ называемыя „виленскія привиллегіи" составляютъ основу тѣхъ привиллегій и „автономныхъ своеобразностей", о сохраненіи которыхъ прибалтійское дворянство хлопочетъ до сихъ поръ. Большая часть пунктовъ этихъ условій и привиллегій вошли и въ дѣйствующій до нынѣ сводъ мѣстныхъ узаконеній остзейскихъ губерній.

Вторая половина настоящаго тома „Сборника" посвящена, какъ мы сказали уже, матеріаламъ и статьямъ по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII,

я XIX столѣтіяхъ. Здѣсь, прежде всего, помѣщены рескрипты и указы императора Петра I къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ за время съ 1717 по 1724 годъ. Указы касаются, впрочемъ, болѣе хозяйственныхъ дѣлъ государства, распоряженій о препровожденіи прибывающихъ изъ-за границы поселенцевъ, но есть и имѣющіе политическій характеръ. Таковъ, напримѣръ, указъ отъ 24-го февраля 1720 года, въ которомъ царь пишетъ: „высокошляхетнымъ урожденцамъ и благоискуснымъ бургомистрамъ и райцамъ, что такъ какъ у нихъ въ избраніи магистратскихъ и иныхъ чиновъ, такъ и въ судахъ, чинятся неисправленіе, то мы (т. е. царь) заблагоразсудили дать указъ нашъ, по новоучиненнымъ въ государствѣ нашемъ регламентамъ, помянутому генералъ-губернатору нашему, дабы онъ того смотрѣлъ, чтобы у васъ какъ то избраніе въ чины по достоинству, такъ и судъ по справедливости и правамъ безъ всякаго замедленія чинились, дабы изъ того подданнымъ нашимъ не было обиды". Другіе указы говорятъ о разныхъ распоряженіяхъ военнаго характера по случаю тогдашнихъ войнъ. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ вошли въ „Полное Собраніе Законовъ", другіе же, и притомъ большинство, публикуются въ первый разъ и являются матеріаломъ для исторіи не одного только Прибалтійскаго края.

Изъ матеріаловъ по исторіи позднѣйшаго времени, обращаютъ вниманіе матеріалы для исторіи православія Прибалтійскаго края, а именно „Записки священника Андрея Петровича Полякова объ Эйхенангерскомъ приходѣ Вольмарскаго благочинія", описывающія движеніе эсто-латышскаго народа въ пользу присоединенія къ православію въ сороковыхъ годахъ и, какъ извѣстно, имѣвшее результатомъ присоединеніе болѣе 150,000 душъ къ православію. Записки снабжены обширнымъ предисловіемъ издателя о положеніи туземнаго крестьянскаго населенія въ первой половинѣ текущаго столѣтія, отношеніяхъ духовенства къ паствѣ, возникновеніи протестантскихъ сектъ и другихъ обстоятельствъ, подготовившихъ почву для движенія въ пользу православія. Какъ на фактъ, характеризующій нынѣшнее положеніе провинціальной печати, нельзя не указать, что предисловіе это подверглось со стороны мѣстной цензуры рѣшительнымъ урѣзкамъ, что ясно видно изъ прерванной нумераціи страницъ и обилія многорѣчій. Наконецъ, остается упомянуть еще, о помѣщенныхъ въ концѣ разсматриваемаго тома „Сборника" „Воспоминаніяхъ Владиміра Ивановича Левенштерна", занимавшаго въ разное время выдающіяся посты въ русской арміи, участвовавшаго въ войнѣ съ французами и умершаго въ Петербургѣ въ 1858 году. Напечатанная часть (съ 1777 по 1806 годъ) заключаетъ описаніе дѣтства и юности автора „Записокъ", которыя для исторіи края могутъ быть разсматриваемы какъ матеріалъ для знакомства съ тогдашнимъ настроеніемъ остзейскаго дворянства и образомъ его жизни. Остальная часть трактуетъ о дѣйствіяхъ нашей арміи съ 1799 по 1809 годъ.

**Р. П—въ.**

---

## Ежегодникъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Т. III. Владиміръ. 1881 г.

Какой неисчерпаемый матеріалъ для историка, этнографа и археолога, могутъ представлять труды нашихъ статистическихъ комитетовъ, при внимательномъ ихъ отношеніи къ дѣлу изученія мѣстнаго края, показываетъ настоящій „Ежегодникъ". Это обширная и непочатая область фактовъ, свѣдѣній,

цифръ, наблюденій. Достаточно, впрочемъ, перечислить названіе статей, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Къ числу статистическихъ матеріаловъ принадлежатъ географическо-статистическое описаніе муромскаго уѣзда г. Добрынкина; затѣмъ слѣдуютъ: обозрѣніе заводовъ и фабрикъ въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ въ началѣ XIX-го столѣтія, составленное г. Лядовымъ; статья г. Горелина о началѣ и возрожденіи промышленности бывшаго села Иванова въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ; описаніе села Борисоглѣбскаго Волохова въ александровскомъ уѣздѣ, составленное г. Стромиловымъ; топографическое описаніе Володимірской, Суздальской, Переславской-Залѣсской и Юрьевской польской провинціи городовъ въ 1760 г. и, сообщенное г. Лядовымъ, описаніе города Владиміра въ 1877 г. Субботина. По этнографіи небезъинтересны всѣ три статьи,— одна, г. Голышева, знакомитъ съ обычаями и языкомъ офеней, въ другой, г. Горелина, сообщаются старинныя преданія старожиловъ о бывшемъ селѣ Ивановѣ, а въ третьей, которая принадлежитъ г-жѣ Добрынкиной, приведены народныя дѣтскія пѣсенки въ муромскомъ уѣздѣ. По части исторіи и археологіи въ „Ежегодникѣ" помѣщены статьи г. г. К. Н. Тихонравова и Артлебена; а именно: „Памятники зодчества древней Суздальской области", „Борьба при рѣкѣ Колокшѣ на горѣ Прусковой въ 1177 г." Тихонравова; его же „Синодикъ суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря" и г. Артлебена описаніе деревянной церкви XVII-го в. въ селѣ Драчевѣ, меленковскаго уѣзда. Сверхъ того, въ третій томъ вошли и нѣсколько старинныхъ актовъ, найденныхъ въ мѣстномъ краѣ; они обнимаютъ собою періодъ времени съ 1595 и по 1790 годъ. Небезполезны также и приложенія; кромѣ офиціальныхъ документовъ о дѣятельности Владимірскаго комитета, тутъ напечатаны статистическія таблицы о губерніи за 1876 г. и имѣющій большую важность для справокъ указатель мѣстныхъ статей, помѣщенныхъ въ неофиціальной части Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостей въ 1878 и 1879 годахъ. Редакція этого „Ежегодника" начата была неутомимымъ секретаремъ комитета К. Н. Тихонравовымъ и теперь, за смертью его, перешла въ надежныя руки г. Артлебена.

**Ѳ. В.**

---

## Kniazowie i szlachta między Janem, Wieprzem, Bugiem, Prypetią, Dnieprem, Siniuchą, Dniestrem i północnemi stokami Karpat osiedleni. Opowiadania historyczne, heraldiczno-genealogiczne i obyczajowe W. Rulikowskiego i Z. L. Radziminskiego. Krakow. 1880.

Появившаяся подъ такимъ громкимъ заглавіемъ книга (пока первая часть I-го тома) состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ частей. Первая заключаетъ въ себѣ очеркъ древнѣйшаго быта славянъ (составленный преимущественно на основаніи Шафарика), очеркъ быта и исторіи скандинавовъ и древнюю исторію Русскихъ княжествъ (по Ипатіевской лѣтописи), доведенную пока до начала XIII в. Вторая часть сочиненія должна содержать исторію княжескихъ родовъ южной Руси; въ вышедшей пока первой части I-го тома начата исторія князей Острожскихъ и Заславскихъ.

Авторъ монографіи о князьяхъ Острожскихъ подвергаетъ тщательному разбору вопросъ о происхожденіи этого княжескаго рода. Родъ Острожскихъ

издавна (еще со времень Стрыковскаго) выводили отъ Рюриковичей, считали ихъ потомками Даніила Романовича Галицкаго, или его брата Василька. Авторъ старается доказать неправильность этого мнѣнія, котораго однако долго придерживались польскіе писатели и обращается затѣмъ къ установившемуся въ русской исторической литературѣ мнѣнію Максимовича (Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ Блудовой, см. соч. т. I).

Максимовичъ производилъ, какъ извѣстно, князей Острожскихъ отъ князей Туровскихъ; основывалъ онъ это мнѣніе на памятникѣ Кіево-Печерской лавры, гдѣ былъ записанъ родъ князей Острожскихъ, вскорѣ послѣ погребенія тамъ князя Константина Ивановича Острожскаго (въ 30-хъ годахъ XVI в.), и на памятникѣ Дубенской церкви, гдѣ тѣ же князья названы князьями Гуровскими (по Максимовичу ошибкой вмѣсто Туровскіе). Родоначальникомъ этихъ князей Максимовичъ считалъ Владиміра, князя Пинскаго, или лучше сына его, Юрія или Георгія, имя котораго стоитъ первымъ въ памятникахъ.

Критику мнѣнія Максимовича въ разбираемой книгѣ нельзя назвать удачной; авторъ не приводитъ никакихъ новыхъ фактовъ въ опроверженіе указанной теоріи, а ограничивается сомнѣніемъ, правильно ли Максимовичъ прочелъ Туровскіе вмѣсто написаннаго въ памятникѣ—Гуровскіе, и опровергаетъ генеалогическое значеніе порядка, въ которомъ князья Острожскіе записаны въ памятникѣ; но и здѣсь авторъ ставитъ одни только теоретическія возраженія. Многіе и теперь вносятъ въ церковныя книги имена своихъ усопшихъ предковъ для поминовенія, но при этомъ мало заботятся о генеалогическомъ порядкѣ въ ихъ записи. Возраженіе это уже потому мало имѣетъ силы, что такой родъ, какъ родъ князей Острожскихъ, конечно гордился своимъ прошлымъ и не могъ поэтому не вести точнаго списка своимъ предкамъ.

Не соглашаясь съ производствомъ князей Острожскихъ отъ князей Туровскихъ, авторъ монографіи считаетъ болѣе вѣроятнымъ происхожденіе ихъ отъ князей Пинскихъ, но не имѣя для доказательства этой гипотезы никакихъ фактовъ, предлагаетъ новую, совершенно голословную гипотезу: онъ предлагаетъ производить князей Острожскихъ отъ норманскихъ конунговъ, прибывшихъ въ Русь вмѣстѣ съ Рюрикомъ и его братьями, отъ какой нибудь боковой линіи Рюрика!

**И. Л.**

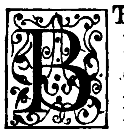




# ИЗЪ ПРОШЛАГО.

---

## Привидѣніе въ Преображенскомъ дворцѣ.



Ъ 1709 ГОДУ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ селѣ, жила любимая Петромъ Великимъ единокровная сестра его царевна Наталья Алексѣевна. Дворовыя ея боярыни и комнатныя дѣвушки жили тутъ же въ хоромахъ, своею однообразною, замкнутою, старинною жизнію.— Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, спокойствіе ихъ житья-бытья было внезапно нарушено страннымъ и страшнымъ для нихъ событіемъ. Подъ окнами дворцовыхъ боярынь, ровно въ полночь, начало являться привидѣніе въ бѣломъ одѣяніи; оно проходило тихими шагами и изчезало. Въ дворовой прислугѣ распространился говоръ—что это ходитъ „смерть". Никто изъ женской прислуги не осмѣливался выходить изъ дому—и даже часовые не рѣшались приближаться къ страшному гостю. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ, одинъ храбрый сторожъ подкрался сзади, и, перекрестившись, схватилъ „смерть". На его крикъ набѣжали часовые—и „смерть" къ крайнему ихъ изумленію предалась имъ въ руки, безъ всякаго сопротивленіи, и съ громкимъ хохотомъ. „Смертью" оказался переодѣтый Преображенскій солдатъ Иванъ Н е к л ю д о в ъ. Ходилъ онъ въ слѣдующемъ костюмѣ: на немъ была шуба баранья, черная, на выворотѣ до пояса, а съ головы до пояса бѣлое полотно; голова была также повязана бѣлымъ платкомъ.

Часовые привели Неклюдова въ Преображенской приказъ. Онъ объявилъ на допросѣ, что х о д и л ъ с т р а щ а т ь с п р о с т а; но этому объясненію не повѣрили—явилось сомнѣніе не ходилъ ли онъ одѣтый смертью, чтобъ стращать часовыхъ, которые стояли у колодничьихъ избъ, съ цѣлію освободить какого-либо арестанта. Несчастному шутнику пришлось оправдываться подъ батогами; и только благодаря особенному снисхожденію князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, его освободили черезъ нѣсколько дней, оставивъ по прежнему на службѣ въ Преображенскомъ полку.

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

---

## Собственноручныя записочки императрицы Екатерины II къ С.-Петербургскому оберъ-полицiймейстеру Н. И. Рылѣеву *).

1.

По оглѣнись не у графа-ли Строгонова пристало чего ищешь. Понавѣдайся безъ огласки.

2.

Бельзюись дѣйствительно велѣлъ слугу навѣдаться уѣхала-ли я въ Царское село, а дуракъ слуга не нашелъ лучшаго способа, какъ о семъ спросить въ краулну; вы можете его отпустить.

3.

Объ херсонскомъ коммисiонерiе похожево на Бассавиля, прикажи спросить давно ли въ Херсонь прiѣхалъ, откудова, гдѣ родился, привезъ ли рекомендательныхъ писемъ кому и отъ кого, куда адресованы.

4.

Какъ сказываютъ, что у васъ извѣстной по смертоубiйству Андреевъ ушолъ изъ полицiя или тюрьмы, то дайте знать какъ и когда? и прикажите его непремѣнно отыскать, дабы сновь не напроказилъ, также почему часовой виноватъ когда онъ сидѣлъ на верху тутъ гдѣ и окошки были безъ рѣшетки; о семъ о всемъ донесите мнѣ въ пятомъ часу сегодня послѣ обѣда.

5.

У церкви Воскресенiя, гдѣ образъ Всѣмъ Скорбящимъ, сходятся ежедневное великое число праздношатающихся нищихъ, въ томъ числѣ и сумашедшiй 15-ти лѣтъ, сей едва не Кузминской ли слободы житель, прикажи съ ними учинить какъ вамъ предписано, а частному приставу прикажи напоминать должность.

6.

Никита Ивановичь! дни два барка съ дровами стоитъ посреди Невы противъ косы Васильевскаго Острова, пошлите спросить ради какой причины она тутъ остановилась.

7.

Подъ моими окошками ежедневно шатается мужикъ одинъ въ сѣромъ кафтанѣ и синяя шапка на головѣ; когда шапку сниметъ, тогда голова у него подвязана платкомъ съ низу вверхъ; онъ сказывается работникомъ и будто въ Царскомъ Селѣ, упавъ съ лѣсовъ, ушибся, я ему единожды и дала не помню сколько, но какъ онъ ежедневно паки приходитъ, то прикажи его прибрать, такъ, что буде заподлинно боленъ, прикажи его въ городовой гошпиталь вылѣчить, буде же тунеядецъ, то прикажи его отослать, буде помѣщичiй къ помѣщику, буде Государевъ въ селенiе, а буде годится въ службу куда способенъ.

8.

У моихъ конюшенъ по Мойкѣ строятъ новаго деревяннаго берега и великiя кучи на льду накинуты щепки, такъ что когда ледъ потопитъ тогда и Мойку и устье Екатерининскаго канала замелѣютъ. Прикажи смотрѣть чтобъ мое повелѣнiе исполнено было, а я приказала конюшеннымъ сказать, чтобъ щепки свезли.

---

*) Генералъ-маiоръ Никита Ивановичъ Рылѣевъ исполнялъ должность С.-Петербургскаго оберъ-полицiймейстера въ теченiи десяти лѣтъ, съ 1784 по 1794 г.

9.

Скажи театральной дирекціи, что я тебѣ запретила допустить на деревянномъ театрѣ играть новыя комедіи, трагедіи и всякія такія зрѣлища въ коихъ быть можетъ великой и необыкновенной съѣздъ множества людей, и чтобъ таковыя зрѣлища представлены были въ каменномъ театрѣ.

10.

Никита Ивановичъ! Смотри и вели смотрѣть, чтобъ хлѣбная продажа по сегоднишнимъ разпоряженіямъ не остановилась нигдѣ и не на часъ.

11.

Чево вы смотрите? къ Эрмитажу ни съ которой стороны пріѣзда и проѣзда нѣтъ, для чего вы не требуете, какъ отъ конторы строеній, такъ и отъ Карадыкина, чтобъ строили не заваля берега пешаходна и улицу, по крайной мѣрѣ чтобъ проѣздъ остался.

12.

Противъ Эрмитажа на изломленой баркѣ пять человѣкъ, посмотри не можно ли къ нимъ подойти ботикомъ или суденошкомъ и снять ихъ; отъ Адмиралтейства близко.

13.

Ажіе былъ порукъ махеръ Баронесь Строгонова, потомъ учитель въ Академіи, теперь ростовщикъ, и неубогъ; живетъ въ домѣ Глебова возлѣ оберъ-маршала Орлова.

Міошъ купецъ живетъ въ Садовой улицѣ Лѣтняго дворца въ домѣ патеръ католицкихъ, возлѣ братіи Ливіо.

Куине Дарбель былъ комедіантъ при дворѣ французскомъ.

Надлежитъ ихъ самихъ и бумаги ихъ взять и отослать ихъ въ крѣпость.

14.

Я приказала къ вамъ паки послать того истопника, которой изъ церковниковъ, допросите его противъ показанія Фурьера, которое вамъ отдано ген: м: Турчениновымъ.

15.

(Неизвѣстной руки).

Государыня повелѣвать изволитъ, естьли найдете того человѣка, о коемъ сей часъ вамъ приказывала, то если сыщутся при немъ склянки, или порошки, то съ оными поступать осторожнѣе, сохранить оные и стараться какъ бы нечаянно не разбить или не разсыпать оныхъ, а паче же, чтобы ни кто не открывалъ, ибо можетъ быть вредно.

16.

Благодарствую за вѣсти. Боже помоги.

17.

Никита Ивановичъ, прикажите частнымъ приставамъ и квартальнымъ надзирателямъ, чтобъ съ прилежаніемъ смотрѣли, дабы экипажи и ливреи были какъ манифестъ мой повелѣваетъ и гдѣ усмотрятъ тому противное, чтобъ приходили вамъ сказать.

18.

(Неизвѣстной руки).

Фрейлинское платье покрадено Преображенскимъ солдатомъ и непремѣнно въ Лѣтнемъ дворцѣ-

19.

Какъ зовутъ придворнаго истопника и въ которой комнатѣ?

20.

На Фонтанкѣ, между Семеновскаго моста и Аничковскаго, множество замерзло барокъ, остереги чтобъ ужо при вскрытіе водъ со льдомъ не потонули; испортятъ вычищенную недавно рѣку.

21.

Что по утру я съ тобою говорила, не приводи въ исполненіе, не переговоря завтра по утру со мною.

22.

Прикажи гарлановъ человѣкъ десять взять подъ краулъ изъ толпы и отдай ихъ подъ судъ, чтобъ ихъ выселили за сборище.

23.

Прикажи выправиться, много ли здѣсь офицеръ живетъ безъ дѣлъ или въ отпуску или по полковымъ дѣламъ.

24.

Я вижу, что начали чистить улицъ, но обывательскіе домы, отъ того что возлѣ стѣнъ кладутъ грязь съ улицы, въ выигрышѣ не будутъ, также и пѣшимъ ходить будетъ не гдѣ, а класть грязь можно въ кучи на улицы возлѣ большихъ пѣшеходныхъ каменьевъ.

25.

По полученіи сей записки Никитѣ Ив. Рылѣеву пріѣхать въ Царское Село.

26.

Близь хлѣбнаго магазина осмотрѣть должно деревянной мостъ, по бокамъ коего есть дыры, которыя велите задѣлать какъ можно наискорѣе, ибо въ ночное время можетъ отъ того случиться несчастіе.

27.

Никита Ивановичъ, скажите Медицинской Коллегіи президенту Закревскому, что я читала его письмо ко мнѣ писанное марта 21-го дня, а инаго отвѣта дать не могу, окромѣ того, чтобъ повиновался Сенатскому вѣленію, а справедливость каждому возданно будетъ по ислѣдованію дѣла.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

---

## Анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II *)

Когда Франція подверглась жестовимъ слѣдствіямъ революціи и внутреннихъ неустройствъ всякаго рода, когда осторожная Екатерина прервала и на морѣ и на сушѣ всякое съ нею сношеніе, въ то время возвратился изъ Парижа молодой Будбергъ, русскій камеръ-юнкеръ, бывшій въ послѣдствіи ревельскимъ губернаторомъ. Екатерина, вникавшая въ причины всякихъ дѣйствій, любила въ то время распрашивать подробно пріѣзжающихъ изъ этого государства; она пожелала и его видѣть.

*) Анекдотъ этотъ записанъ покойнымъ М. Е. Лобановымъ со словъ статсъ-дамы графини Ю. П. Строгоновой и сохранился въ бумагахъ его, переданныхъ въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ П. Я. Дашковымъ.

Милостиво ею принятый и обласканный, онъ удовлетворялъ любопытство императрицы, разсказывая о своихъ путешествіяхъ.

— Скажите, пожалуйте,—спросила она,—отъ чего это во Франціи такія волненія?

— Да какъ и не быть волненіямъ, — рѣзко и живо отвѣчалъ онъ въ какомъ-то разсѣяніи, забывши о лицѣ, съ которымъ говорилъ,—самовластіе тамъ дошло до такой степени, что сдѣлалось несноснымъ.

Выговоривши это, онъ опомнился, смутился, потупилъ глаза и стоялъ какъ вкопанный.

— Правда твоя, мой другъ, — замѣтила Екатерина, — надобно стараться несносное дѣлать сноснымъ.

Другой разъ, разговаривая объ этомъ же предметѣ съ графомъ Н. П. Румянцовымъ, возвратившимся также изъ чужихъ краевъ и бывшимъ въ послѣдствіи государственнымъ канцлеромъ, она сожалѣла о затруднительномъ положеніи французскаго короля Людовика XVI, о неустройствахъ и волненіяхъ во Франціи, и между прочимъ сказала:

— Чтобы хорошо править народами, государямъ надобно имѣть нѣкоторыя постоянныя правила, которыя служили бы основою законамъ, безъ чего правительство не можетъ имѣть ни твердости, ни желаемаго успѣха. Я составила себѣ нѣсколько такихъ правилъ, руководствуюсь ими, и, благодаря Бога, у меня все идетъ не дурно.

Румянцевъ осмѣлился спросить:

— Ваше величество, позвольте услышать хотя одно изъ этихъ правилъ.

— Да вотъ, напримѣръ, — отвѣчала Екатерина, — надобно дѣлать такъ, чтобы народъ желалъ того, что мы намѣрены предписать ему закономъ.

Сообщено **П. Я. Дашковымъ.**

---

## Рескриптъ императора Александра I рязанскому губернатору Шишкову *).

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, рязанскій гражданскій губернаторъ Шишковъ! Дошло до свѣдѣнія моего, что судится въ Рязани рязанскій голова Истоминъ за произнесеніе имъ въ пьянствѣ, что онъ рязанскій государь. Я повелѣваю прекратить сіе дѣло и Истомина отъ суда учинить свободнымъ, но отъ должности рязанскаго головы за невоздержанное и нетрезвое его поведеніе отрѣшить, а на мѣсто его избрать другого достойнѣйшаго.—Въ С.-Петербургѣ, февраля 22-го дня 1803 года. Александръ. Скрѣпилъ министръ юстиціи Державинъ.

Сообщено **П. И. Костылевымъ.**

---

*) Подлинный рескриптъ находится въ дѣлахъ канцеляріи рязанскаго губернатора; печатаемая здѣсь копія съ него обязательно прислана намъ предсѣдателемъ елецкаго окружнаго суда П. И. Костылевымъ.



# СМѢСЬ.

**Экспедиція Н. М. Пржевальскаго.** 7-го января возвратился наконецъ, въ Петербургъ давно ожидавшійся нашъ знаменитый путешественникъ Н. М. Пржевальскій. Встрѣча, ему устроенная, была самая восторженная. Русское географическое общество и общество естествоиспытателей поднесли путешественнику дипломъ на званіе почетнаго члена, не говоря объ оффиціальныхъ наградахъ, назначенныхъ какъ самому руководителю экспедиціи, такъ и всѣмъ участникамъ въ ней. Эта экспедиція, дѣйствительно, заслуживаетъ общественнаго вниманія. Результаты ея самые удачные; за то труды и лишенія, испытанные г. Пржевальскимъ и его спутниками, превосходятъ всякія описанія. Имъ приходилось совершать огромные переходы лѣтомъ при зноѣ до 48° въ тѣни и 60° въ почвѣ по Цельсію, а зимою часто замерзала ртуть. Если къ этому присоединить безводіе, безкормицу, бураны и враждебное настроеніе населенія, то можно себѣ представить картину той обстановки, въ которой находились наши безстрашные путешественники. Вотъ вкратцѣ общій очеркъ результатовъ этой экспедиціи.

Въ теченіи послѣдней экспедиціи отъ Зайсанскаго Поста на Булунтахой, на Хами, Сайдуну, Хлассу, Санину къ источникамъ Желтой Рѣки, Николаемъ Михайловичемъ исполнена съемка на протяженіи болѣе 7,000 верстъ, опредѣлена астрономически и барометрически, сдѣланы метеорологическія наблюденія (по четыре въ день), видѣны три новые первоклассные снѣжные хребта, названные имъ хребтами Гумбольдта, Риттера и Ньютона, составлена превосходная зоологическая, ботаническая, минералогическая и астрономическая коллекція, въ которой, между прочимъ, находятся рѣдкіе виды животныхъ, еще неизвѣстныхъ наукѣ. Эта коллекція, безъ сомнѣнія, составитъ одинъ изъ богатѣйшихъ вкладовъ въ музей академіи наукъ.

Цѣль экспедиціи была—изслѣдованіе плато Тибета и Монголіи. Благодаря широкимъ матеріальнымъ средствамъ, предоставленнымъ въ распоряженіе экспедиціи, результаты, достигнутые ею, далеко превосходятъ результаты двухъ первыхъ.

Экспедиція состояла изъ самого г. Пржевальскаго, двухъ офицеровъ, гг. Раборовскаго и Эклани, пяти казаковъ, четырехъ солдатъ и одного переводчика монгола; въ распоряженіи экспедиціи было 35 верблюдовъ и нѣсколько лошадей подъ верхъ офицерамъ. Каждый изъ членовъ экспедиціи былъ вооруженъ берданкой, двумя револьверами Смитъ-Вессона, имѣя при себѣ по 100 патроновъ, что въ общей сложности составляло 1,300 пуль; сверхъ того, до 10,000 патроновъ везлось на вьюкахъ.

Выступивъ изъ Зайсанскаго Поста въ холодную страну, экспедиція перевалила Тяньшанскій хребетъ и по абсолютной пустынѣ, населенной только дикими яками, куланами, направилась черезъ Булунтахой къ Хами. Мѣстность эта лишена всякой растительности и представляетъ сплошную острую гальку

и песокъ, съ тощими на разстояніи 30 — 50 верстъ колодцами, способными дать нѣсколько ведеръ сносной воды. Путь по рѣкѣ Булунгой былъ нѣсколько лучше и замѣтны были признаки осѣдлости; здѣсь послѣ стужи рѣзко наступилъ такой зной (до 60° Цельзія въ почвѣ), что путешествіе можно было продолжать только ночью.

Пріемъ, сдѣланный губернаторомъ Хами, главнокомандующимъ арміей, назначенной дѣйствовать противъ насъ, Чин-Сой-Менг-Чунъ, относительно былъ довольно хорошъ; но на предложеніе полковника Пржевальскаго дать проводниковъ въ оазисъ Сучеу, отдѣляющійся пустынею, путь черезъ которую, по выраженію китайцевъ, устланъ трупами людей и верблюдовъ, положительно отказалъ. Положеніе критическое: обходъ въ 3,400 верстъ, прямая дорога черезъ пустыню около 300 верстъ. Г. Пржевальскій рѣшился идти прямо, освѣщая путь разъѣздами, въ которыхъ и самъ принималъ участіе. Переходъ былъ страшно труденъ. Днемъ жаръ до 68° въ почвѣ; воды нѣтъ; пески, гальки, трупы, хотя и не такъ много, какъ разсказывали китайцы. Наконецъ, когда на горизонтѣ показались снѣговыя вершины Алтыншана, путники вздохнули свободнѣе. Оазисъ Сучеу, орошаемый рѣкою Данхе, послѣ перенесенныхъ невзгодъ, показался нашимъ путешественникамъ настоящимъ раемъ. Пріемъ, сдѣланный въ Санчеу, подъ вліяніемъ инструкцій изъ Пекина, далеко не былъ такъ любезенъ, какъ въ Хами; губернаторъ наотрѣзъ отказался дать проводника — пришлось взять силой. Насильно взятый проводникъ повелъ такими трущобами, что нельзя было ѣхать—шли пѣшкомъ, а дальше и пѣшкомъ нельзя было идти и рѣшено было вернуться въ Санчеу; но, къ счастью, попались монголы, которые за плату помогли экспедиціи перевалить черезъ хребетъ Алтыншанъ, гдѣ въ прекрасно орошенной долинѣ, у ключа, который Н. М. Пржевальскій назвалъ Благодатнымъ, экспедиція провела іюль, въ теченіи котораго дѣлались наблюденія и Н. М. Пржевальскимъ нанесены вновь на карту два первокласные хребта, названные именами Риттера и Ньютона. Изслѣдованные ледники имѣли до 150 верстъ.

Дальнѣйшее движеніе къ Тибету было весьма тяжело по затрудненной мѣстности и враждебности мѣстныхъ жителей; пришлось удвоить ночью караулы и даже не разъ употреблять въ дѣло берданки.

Во время перевала черезъ одинъ изъ хребтовъ, составляющихъ продолженіе Куэнлюнъ, въ экспедиціи случился весьма непріятный эпизодъ: унтеръ-офицеръ Егоровъ, увлекшись преслѣдованіемъ подстрѣленнаго имъ яка, пропалъ и не являлся пять дней; поиски посланныхъ разъѣздовъ были тщетны, на сигнальные выстрѣлы отвѣта не было. На шестой день, потуживъ о пропавшемъ товарищѣ, экспедиція тронулась въ дальнѣйшій путь. Во время одного подъема, казаки замѣтили спускающееся съ горы какое-то четвероногое животное. Къ счастью, г. Пржевальскій въ бинокль разсмотрѣлъ, что это животное имѣетъ человѣческую фигуру, которая оказалась пропавшимъ унтеръ-офицеромъ Егоровымъ, но въ ужасномъ видѣ. Радость экспедиціи была безгранична; бѣднягѣ Егорову дали водки и черезъ двѣ недѣли онъ былъ почти здоровъ. Разсказъ Егорова чрезвычайно интересенъ; погнавшись за якомъ, онъ попалъ въ ледникъ, откуда едва выбравшись, заблудился, два дня питался ревенемъ, а на третій увидѣлъ нѣсколько коровъ; убить не рѣшился—чужія; хотѣлъ подоить молока, не оказалось. Въ первые два дня онъ износилъ сапоги, послѣ чего обернулъ ноги остатками штановъ, но эта обувь скоро оборвалась о гальки, и бѣдный Егоровъ не могъ ужь двигаться иначе, какъ на четверенькахъ. Огонь доставалъ онъ, стрѣляя въ шапку; на это онъ истратилъ семь патроновъ, пули отъ которыхъ онъ сохранилъ и представилъ, какъ казенную собственность.

Путь до Сайдуна былъ труденъ; встрѣченный пріемъ еще хуже, чѣмъ въ Санчеу; князь, старый знакомый и даже пріятель Н. М. Пржевальскаго по первой экспедиціи, наотрѣзъ отказалъ въ проводникѣ и, послѣ многихъ просьбъ, далъ въ провожатые почти идіота. Прошедши Голубую Рѣку въ сентябрѣ, экспедиція вступила въ городъ Тибетъ. Выпалъ снѣгъ; четырнадцать дней шли по горнымъ равнинамъ Тибета, покрытымъ легковатыми болотами, поросшими такою острою травою (мото-шереи), что верблюды, благополучно совершившіе путь по острымъ галькамъ, накололи себѣ пятки и сдѣлались почти негодны. Проводника, оказавшагося совершеннымъ идіотомъ, прогнали. Ужасное положеніе! Безжизненная пустыня, дороги нѣтъ; посланные въ раз-

ныхъ направленіяхъ разъѣзды не принесли утѣшительныхъ извѣстій, а впереди грозный хребетъ Танлой (продолженіе Куэньмои, отдѣляющаго Тибетъ отъ Монголіи). Къ счастью, не задолго прошелъ караванъ монгольскихъ богомольцевъ въ Хлассу, оставивъ едва замѣтную тропинку. По слѣдамъ, оставленнымъ этимъ караваномъ, экспедиція направилась къ хребту и послѣ 150-тиверстнаго перехода очутилась на высшей его точкѣ. Барометръ показалъ 16,000. Радость была безгранична. Не смотря на экономію въ патронахъ, казаки дали залпъ изъ ружей и трижды прокричали „ура". До Хлассы оставалось всего 300 верстъ. Послѣ испытанныхъ затрудненій при подъемѣ, спускъ былъ относительно легкій. Вскорѣ явились тунгуты (еграи), принеся на продажу масло; во время переговоровъ, вдругъ одинъ изъ нихъ ударилъ саблей казака, а другой ранилъ пикой солдата; бывшіе на готовѣ берданки моментально были пущены въ дѣло: четыре разбойника повалились убитыми, а остальные обратились въ поспѣшное бѣгство. Затруднительное положеніе экспедиціи обострилось до крайности; непріятель хотя и не осмѣливался подойти близко, но могъ задавить числомъ—передъ глазами экспедиціи постоянно было не менѣе 1,000 человѣкъ. Дорогу пришлось прокладывать берданками, а на ночь усиливать караулы.

За семь переходовъ изъ Хлассы прибыла депутація, умолявшая начальника экспедиціи не ходить въ Хлассу и не приносить несчастья. Молва разнесла вѣсть, что Н. М. Пржевальскій идетъ съ цѣлью похитить главу буддійской вѣры Далайламу, что для трусливыхъ тибетцовъ при видѣ атлетической фигуры Н. М. Пржевальскаго и его спутниковъ, вооруженныхъ такимъ невиданнымъ оружіемъ, не казалось дѣломъ невѣроятнымъ. Положительно можно сказать, что появленіе 13-ти европейскихъ чертей янгуйли (общее имя всѣмъ европейцамъ въ Китаѣ) произвело панику въ святомъ городѣ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ.

Депутація держала себя униженно и сконфуженно, даже предлагала какую угодно контрибуцію, лишь бы Пржевальскій измѣнилъ свое рѣшеніе войти въ городъ. Н. М. Пржевальскій сначала-было рѣшился, вопреки всѣмъ просьбамъ депутатовъ, идти въ Хлассу, но потомъ, разсчитавъ, что пройти туда на верблюдахъ нѣтъ возможности, а дикіе яки не даются вьючить европейцамъ и не видя цѣли въ осмотрѣ города, а, можетъ быть, опасаясь потерять обаяніе, произведенное горстью европейцовъ на сотни тысячъ монголовъ, когда они присмотрятся, сдался на ихъ просьбы и объявилъ, что готовъ идти назадъ, но требуетъ письменнаго удостовѣренія, что власти города, вопреки приказаніямъ изъ Пекина, отказались пустить русскихъ въ Хлассу.

Получивъ требуемый документъ, Н. М. Пржевальскій отправился тѣмъ же путемъ назадъ. На обратномъ пути всѣ выходы и тѣсныя ущелья заняты были тунгутами, но берданки прочистили дорогу.

Обратный путь до Сайдуна (800 верстъ) былъ особенно тяжелъ: изъ 35-ти верблюдовъ экспедиціи пали 24; холода и снѣжныя бури донимали страшно; проводниковъ нѣтъ. Люди питались горстью жареной муки, разболтанной въ водѣ; на одномъ, особенно трудномъ переходѣ одинъ изъ разъѣздовъ, посланный для отысканія пути, набрелъ случайно на двухъ монголовъ, которые оказались спасителями экспедиціи, хотя это спасеніе и досталось путемъ угрозъ. Монголы повели г. Пржевальскаго другою дорогой. Перешедши вновь Голубую Рѣку, путешественники вскорѣ открыли знакомыя вершины Бурхонбуда, откуда уже съ относительно меньшими затрудненіями добрались до города Сининъ, близъ озера Куконоръ.

Встрѣча г. Пржевальскаго въ Сининѣ, обставленная китайскими церемоніями, хотя и была парадна, но неискренняя; амбань наотрѣзъ отказался дать проводниковъ для изслѣдованія источниковъ, неизвѣстныхъ даже китайцамъ, источниковъ Жолтой Рѣки, отысканіе которыхъ для китайскихъ географовъ имѣло такое же значиніе и послѣдствія, какъ для европейскихъ открытіе источниковъ Нила — нѣсколько экспедицій погибло!

Желая во что бы ни стало отклонить Н. М. Пржевальскаго отъ его предпріятія, губернаторъ заявилъ, что тамъ живутъ людоѣды; на возраженіе г. Пржевальскаго, что тѣмъ лучше, что это-то еще болѣе укрѣпляетъ его въ намѣреніи изслѣдовать этихъ новыхъ людей, амбань, видя, что послѣднее его средство не поколебало европейскаго янгуйли (чорта), согласился, наконецъ, дать проводника экспедиціи, взявъ предварительно съ начальника ея росписку,

что весь рискъ за предстоящее путешествіе и всѣ послѣдствія онъ беретъ на себя.

Переваливъ черезъ хребетъ, составлявшій рамку озера Куконоръ (10,300'), экспедиція пустилась на долину Жолтой рѣки; погода (мартъ) была весенняя, дорога ровная, но жители бѣжали отъ приближенія янгуйли, и страна казалась почти необитаемою; только ночью на горахъ виднѣлись сигнальные костры, предупреждавшіе о приближеніи европейскихъ варваровъ.

Мѣстность, по которой слѣдовала экспедиція, отличалась чрезвычайнымъ разнообразіемъ растительности и животнаго царства. Въ глубокихъ, коридорообразныхъ ущельяхъ росли густые, давно невиданные путниками лѣса (въ Тибетѣ вовсе нѣтъ деревьевъ), а на плато масса ревеня, котораго никто не собираетъ [1]). Особенно поражало обиліе птицъ, и между ними голубого фазана, ростомъ съ глухаря, но красоты оперенія поразительной.

Дальнѣйшее движеніе было невозможно; часто путь экспедиціи преграждали страшные отвѣсные обрывы до 1,000 футовъ, въ глубинѣ которыхъ неслись бурные потоки съ горъ, а при дальнѣйшемъ слѣдованіи встрѣтилась положительно отвѣсная стѣна громаднаго горнаго ребра, сквозь проломъ котораго съ бѣшенымъ шумомъ неслась Жолтая Рѣка; дальше слѣдовать было невозможно, и экспедиція вернулась на Куконоръ, въ Сининъ, откуда уже черезъ пустыни Монголіи, на Ургу и Кяхту, достигла Сибири.

Въ послѣднемъ движеніи экспедиція, помимо всѣхъ трудностей, встрѣтила особенное неудобство въ томъ, что нельзя было взять верблюдовъ, такъ какъ на пастбищахъ долины Гоанго попадаются ядовитыя травы, причиняющія смерть верблюдамъ, неумѣющимъ отличать ядовитыхъ травъ отъ годныхъ; взятые же въ Сининѣ мулы не могли вынести путешествія, да, притомъ, казаки не привыкли обращаться съ ними, а туземцовъ нанять было нельзя.

**Л. А. Сѣряковъ.** 2-го января, послѣ тяжкой, многолѣтней болѣзни (чахотки), скончался въ Ниццѣ, на югѣ Франціи, знаменитый русскій граверъ Лаврентій Аксентичъ Сѣряковъ.

Со смертью Сѣрякова, русская академія художествъ потеряла одного изъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ-самородковъ. Жизнь его и упорная борьба со всевозможными невзгодами, имъ самимъ разсказанная на страницахъ „Русской Старины“, въ высшей степени поучительна“ [2]).

Отецъ Сѣрякова былъ крѣпостной крестьянинъ Костромской губерніи и сданъ въ солдаты по злобѣ помѣщика. Мать—крестьянка той же губерніи. Отецъ самоучкою, уже бывши солдатомъ, сдѣлался слесаремъ, часовщикомъ и даже рѣзчикомъ. Лаврентій Сѣряковъ родился на походѣ полка, въ которомъ служилъ его отецъ солдатомъ; родился въ оврагѣ, куда скатились сани, на которыхъ ѣхала за полкомъ его мать († въ 1878 году). Семилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ кроваваго мятежа военныхъ поселянъ въ Новгородской губерніи. Въ 1836 году, опредѣленъ онъ въ кантонисты, а потомъ прошелъ по всѣмъ мукамъ тогдашней кантонистской и солдатской службы въ армейскомъ полку. Въ 1843 году, Сѣряковъ, за отличіе въ поведеніи и граматности, вытребованъ графомъ Клейнмихелемъ въ департаментъ военныхъ поселеній въ писаря.

Два года, однако, прошло прежде, чѣмъ Сѣряковъ былъ отличенъ въ толпѣ писарей, тянувшихъ тяжелую лямку. Полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, замѣтивъ какъ писарь-солдатъ Сѣряковъ бойко рисуетъ, выхлопоталъ о переводѣ его въ топографы. Въ 1846 году, по пріѣздѣ къ нему матери, Сѣряковъ пожелалъ жить внѣ казармъ; а такъ какъ жить было нечѣмъ, то онъ нанялся въ дворники, въ одинъ домикъ, на Пескахъ, откуда и ходилъ, по исполненіи обязанностей дворника, на службу въ штабъ. Случайно увидѣвъ лоскутокъ съ политипажемъ изъ французскаго иллюстрированнаго изданія „Тысяча одна ночь“, Сѣряковъ перочиннымъ ножичкомъ сталъ вырѣзать какой-то рисунокъ на обрубкѣ березы.

То была первая гравюра его рѣзца, а мастерскою будущаго академика служила дворницкая.

Въ 1847 году, счастливый случай сдѣлалъ Сѣрякова извѣстнымъ князю В. Ѳ. Одоевскому, который ввелъ его въ кругъ литераторовъ и художниковъ.

---

[1]) Одинъ изъ корней, средней величины, выкопанный г. Пржевальскимъ, вѣсилъ 27 фунтовъ въ сыромъ видѣ, а высушенный 9.

[2]) Сентябрь, октябрь и ноябрь за 1875 годъ.

Въ 1874 году, Сѣряковъ уже помѣщалъ свои самодѣльныя гравюры въ „Иллюстраціи“, издававшейся тогда Н. В. Кукольникомъ. При его посредствѣ, по докладу военнаго министра графа Чернышева, топографъ Сѣряковъ, въ 1847 году, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ въ академію художествъ.

Императоръ Николай Павловичъ не только повелѣлъ принять Сѣрякова въ академію, но и интересовался его успѣхами. Такъ, однажды, государь, по представленіи ему нѣсколькихъ гравюръ Сѣрякова, щедро наградилъ художника.

Въ 1853 году, Сѣряковъ получилъ званіе свободнаго художника за гравюру на деревѣ: онъ исполнилъ великолѣпно голову старика въ профиль, этюдъ Рембрандта.

Гравюра эта вызвала всеобщія похвалы. Августѣйшій покровитель талантливаго художника, посѣтивъ выставку и увидѣвъ на ней произведеніе Сѣрякова, прямо сказалъ: „Надо его поддержать“.

Талантъ перваго въ Россіи, по времени и художественному мастерству, гравера на деревѣ былъ признанъ всѣми окончательно. Онъ получилъ программу на званіе академика и блистательно выполнилъ ее. То былъ вновь рисунокъ съ Рембрандта: „Невѣріе св. апостола Ѳомы“ Сѣряковымъ исполненный и имъ же награвированный.

Лаврентій Аксентичъ былъ сдѣланъ пансіонеромъ академіи и посланъ, въ 1858 году, на казенный счетъ, за границу. Пять лѣтъ проведены были имъ въ неустанномъ трудѣ въ мастерскихъ лучшихъ граверовъ въ Парижѣ, а затѣмъ въ путешествіи по Европѣ. Въ сентябрѣ 1864 года, возвратившись въ Петербургъ, художникъ выставилъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ, исполненныхъ заграницей, и, „въ уваженіе искусства и отличныхъ познаній въ художествѣ“ единогласно признанъ академикомъ по гравированію на деревѣ. Это былъ первый случай въ Россіи, когда за гравированіе на деревѣ дали званіе академика. Послѣ того и до нынѣшнихъ дней случай этотъ болѣе не повторялся.

Съ 1864 года Сѣрякова завалили заказами и въ Россіи, и изъ-за границы. Въ 1865 году, онъ поступилъ преподавателемъ гравированія на деревѣ въ школу для приходящихъ, помѣщавшуюся въ зданіи биржи и основанную „Обществомъ поощренія художниковъ“.

На ряду съ преподаваніемъ, Сѣряковъ трудился съ необыкновенною быстротою и успѣхомъ. Множество иллюстрированныхъ изданій, вышедшихъ въ тѣ годы въ Россіи (1864—1876 годахъ), начиная отъ научныхъ изданій и кончая дѣтскими книгами, украшены гравюрами, вышедшими изъ мастерской академика Сѣрякова.

Въ 1866 г. за художественно-исполненный на деревѣ портретъ нынѣ царствующаго государя, Сѣряковъ получилъ званіе „гравера его величества“ съ причисленіемъ къ императорскому Эрмитажу.

Во всю свою трудовую жизнь Сѣряковъ не получалъ жалованья, а добывалъ хлѣбъ и содержаніе исключительно отъ частныхъ заказовъ. На сбереженія, впрочемъ, крайне ограниченныя и скоро истощившіяся, Л. А. Сѣряковъ водворился съ женою (рожденная Любовь Александровна Тицъ) въ Ниццѣ, куда долженъ былъ переселиться вслѣдствіе тяжкой грудной болѣзни. Какъ ни слабы уже были его силы, онъ все-таки, продолжалъ работать и, достойно замѣчанія, послѣднею его работою былъ другой портретъ горячо любимаго имъ государя императора. Окончивъ эту гравюру, 30-го января 1880 года, Л. А. Сѣряковъ не имѣлъ уже силъ оттиснуть ее и отослалъ доску въ журналъ „Русская Старина“, при февральской книгѣ которой въ 1880 году и появился этотъ превосходно исполненный портретъ.

Тогда же Сѣряковъ слегъ окончательно въ постель и только лишь благодаря нѣжному уходу за нимъ его супруги и искусству мѣстнаго отличнаго врача, г. Якобія, борьба больного со смертью продлилась столь долго.

Сколько намъ извѣстно, передъ смертью Л. А. очень желалъ видѣться съ любимымъ своимъ ученикомъ Маттэ, который находился въ то время въ Парижѣ у Панемакера. Вызванный по телеграфу къ умирающему учителю, Маттэ поспѣшилъ отправиться въ Ниццу. Ему, однако, не удалось застать въ живыхъ Сѣрякова, но онъ нашелъ духовное завѣщаніе, по которому Л. А. подарилъ ему на память о себѣ всѣ свои инструменты.

Сѣряковъ оставилъ послѣ себя жену и двухъ малолѣтнихъ сыновей, безъ всякихъ средствъ къ жизни; но академія художествъ уже возбудила ходатайство о назначеніи семейству его пенсіи.

благодаренъ ему и обыскавъ карманы, съ отчаяніемъ замѣтилъ пропажу письма. Но къ счастью оно скоро нашлось, равно какъ и лошадь, которая была привязана по близости у дерева. Тогда посланный вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Флоріо, что на него напали случайно, принявъ за кого нибудь другого. Простившись дружески со своимъ освободителемъ, онъ отправился въ Бретань, благословляя судьбу, что такъ счастливо отдѣлался отъ разбойниковъ.

Флоріо вернулся въ Блуа въ то время, когда въ королевскомъ замкѣ распространилось извѣстіе, что Лотрекъ пріѣхалъ въ Роморантенъ съ другими военачальниками. Говорили что онъ въ отчаяніи, но вовсе не боится свиданія съ королемъ и обѣщаетъ открыть нѣкоторыя обстоятельства, которыя объяснятъ причину его пораженія и приведутъ въ трепетъ недобросовѣстныхъ слугъ короля. Одна особа въ Блуа лучше чѣмъ кто нибудь понимала значеніе этой угрозы. Это была мать короля, герцогиня Ангулемская. Она тотчасъ послала за главнымъ интендантомъ финансовъ Жакомъ де Бонъ, сеньёромъ де Семблансэ, и спросила его: сохранилъ ли онъ росписку въ 400,000 экю, которую она дала ему въ концѣ прошлаго года.

— Ваше королевское величество вѣроятно говоритъ о суммѣ, предназначенной для итальянской арміи?—спросилъ интендантъ, простой, но крайне точный, дѣловой человѣкъ, высокаго роста, худощавый, съ неловкими манерами, посѣдѣвшій и сгорбившійся на службѣ.

— Да разумѣется! покажите мнѣ квитанцію.

— Она въ цѣлости, ваше королевское величество.

— Я прошу васъ показать мнѣ ее.

Семблансэ былъ хорошо знакомъ съ матерью короля и не рѣшался довѣрить ей такой важный документъ и былъ слишкомъ честный человѣкъ, чтобы согласиться на послѣдовавшее затѣмъ предложеніе герцогини представить какія нибудь поддѣльныя доказательства, что 400,000 экю были посланы въ Италію.

Герцогиня втайнѣ присвоила себѣ эту сумму и могла ожидать, что Лотрекъ объяснитъ неудачу своего похода недостаткомъ денегъ, такъ какъ ему не была послана обѣщанная сумма, и что по этому дѣлу будетъ произведено строгое слѣдствіе. Бѣдный Семблансэ не подозрѣвалъ, что въ подобныхъ случаяхъ честность и чистая совѣсть не могутъ служить достаточной защитой и что онъ поступаетъ неблагоразумно, отказываясь такъ открыто отъ сообщничества съ матерью короля!

Герцогиня простилась съ нимъ крайне немилостиво и послала за Дюпра, который въ это время представлялъ высшую инстанцію въ управленіи внутренними дѣлами государства и никогда не останавливался ни передъ какимъ окольнымъ путемъ. Герцогиня могла смѣло разсчитывать, что Дюпра дастъ ей хорошій совѣтъ въ ея затруднительномъ положеніи.

Они долго бесѣдовали на единѣ и когда ушелъ Дюпра, герцогиня немедленно отправилась къ королю и пожаловалась ему, что Семблансэ чрезвычайно неаккуратно выплачиваетъ ей деньги. Впрочемъ—добавила она—Дюпра также недоволенъ имъ съ нѣкотораго времени. Богъ знаетъ что случилось съ этимъ старикомъ; у него замѣтно начинаютъ слабѣть умственныя способности и память.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь—возразилъ Францискъ, папа̀ Семблансэ всегда былъ отличнымъ и надежнымъ слугой.

— Но я увѣряю тебя, что съ нѣкотораго времени онъ совсѣмъ переродился; часъ тому назадъ, онъ упорно доказывалъ, что заплатилъ мнѣ большую сумму денегъ, а потомъ долженъ былъ сознаться, что у него нѣтъ никакой квитанціи.

Вошелъ Шабо де Бріонъ и доложилъ, что Лотрекъ пріѣхалъ въ Блуа и былъ торжественно встрѣченъ за нѣсколько миль отъ города бретанскими и нормандскими сеньёрами, во главѣ которыхъ былъ графъ Шатобріанъ. Повидимому, раздраженные сеньеры Бретани и Нормандіи хотѣли сгруппироваться около военачальника, бывшаго въ немилости у правительства, чтобы заявить этимъ свой протестъ противъ короля.

Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что сеньёры не спѣшились въ городѣ, какъ это дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, а ѣдутъ верхами на гору въ полномъ вооруженіи, въ запыленномъ дорожномъ платьѣ.

Все это имѣло видъ грозной демонстраціи: обширный дворъ замка скоро наполнился всадниками. Сеньеры сошли съ лошадей и подъ предводительствомъ Лотрека вошли цѣлой толпой въ караульную залу. Это было какъ бы намѣренное нарушеніе формальностей, установленныхъ Францискомъ: никто изъ нихъ не просилъ доложить о себѣ, они отталкивали отъ себя дворянъ, находившихся въ этотъ день на службѣ у короля, не удостоивая отвѣчать на ихъ вопросы. Лотрекъ казался спокойнѣе всѣхъ; онъ молча шелъ среди дворянъ съ строгимъ и серіознымъ выраженіемъ лица. Это былъ стройный человѣкъ, средняго роста, съ смуглымъ, загорѣлымъ лицомъ и съ черными блестящими глазами. Въ каждомъ его движеніи сказывалась твердость и обдуманная рѣшимость. Родъ Фуа, происходящій изъ живописной пиринейской мѣстности того же имени, далъ цѣлый рядъ выдающихся личностей. Гастонъ де Фуа во времена Людовика, былъ первымъ военнымъ героемъ Франціи; его смерть при Равеннѣ была принята народомъ какъ бѣдствіе, постигшее всю страну. Младшій изъ трехъ Фуа, служившихъ Франциску, Андре Фуа, умеръ геройской смертью при Наваррѣ въ 1521-мъ году; средній изъ братьевъ Фуа, въ званіи маршала, прославился своей храбростью, сражаясь въ Италіи подъ начальствомъ старшаго брата Лотрека.

Самъ Лотрекъ, до своего послѣдняго несчастнаго похода, какъ военачальникъ пользовался общимъ уваженіемъ за свою осторожность и умѣніе распорядиться во время военными силами. Между тѣмъ въ

этомъ походѣ выказалась небывалая для французскаго войска медленность, вслѣдствіе чего упущены были благопріятные случаи для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ. Многіе приписывали это тому обстоятельству, что изъ Франціи не было послано обѣщаннаго подкрѣпленія и что вслѣдствіе этого военачальникъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ желали узнать, что скажетъ Лотрекъ въ свое оправданіе и кого онъ станетъ обвинять въ неудачѣ похода. Быть можетъ любопытство играло не малую роль въ демонстраціи сеньеровъ противъ деспотичнаго короля и заставляло ихъ подниматься съ такой поспѣшностью по лѣстницѣ замка.

На верхней площадкѣ, передъ входомъ въ главную залу, вышелъ къ нимъ на встрѣчу Шабо де-Бріонъ и спросилъ именемъ короля что можетъ означать подобное нашествіе безъ доклада?

— Для сеньеровъ страны, молодой человѣкъ, отвѣтилъ Шатобріанъ, двери короля и леннаго властителя Франціи были открыты во всѣ времена и чины государства никогда не докладывали о своемъ прибытіи черезъ слугъ!

— Значитъ вы явились сюда въ качествѣ представителей Норманділ и Бретани? спросилъ громко Бонниве, выходя изъ залы.

Вопросъ этотъ смутилъ сеньеровъ; они нерѣшительно перешептывались между собой.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Бонниве—не угодно ли будетъ сенешаламъ обѣихъ провинцій выступить впередъ; я доложу о нихъ королю.

Никто не двинулся съ мѣста; но Лотрекъ, обратившись къ Бонниве, сказалъ.

— Если это входитъ въ число обязанностей вашей службы, господинъ адмиралъ, то прошу васъ доложить о моемъ приходѣ и сказать королю, что Лотрекъ де Фуа явился сюда, чтобы дать ему отчетъ о французской арміи въ Италіи.

— Ты говоришь неправду, Лотрекъ де Фуа! сказалъ король, неожиданно появившійся въ створчатыхъ дверяхъ залы, отворенныхъ настежь.

— Де Фуа никогда не лжетъ, король Франціи! отвѣтилъ Лотрекъ гордо поднявъ голову.

— Развѣ въ Италіи осталась французская армія, военачальникъ безъ войска! Она не существуетъ больше; ты допустилъ ея уничтоженіе. А теперь ты являешься въ мой домъ, окруженный дворянами, которые ворвались сюда неприличнымъ образомъ и неизвѣстно для чего! Ихъ присутствіе только можетъ помѣшать твоему оправданію, а не облегчить его.

— Я не приглашалъ сеньеровъ сопровождать меня...

— Нѣтъ, король Францискъ, мы сами рѣшили прійти съ нимъ, воскликнулъ графъ Шатобріанъ, не помня себя отъ ярости. Развѣ мы не видимъ, какъ погибаютъ самые благородные люди Франціи, а

какіе нибудь выскочки безъ имени пользуются почестями. Всѣмъ этимъ вы довели Бурбона до послѣдней крайности и черезъ ваше неприличное обхожденіе съ пэрами Франціи, вы...

— А я долженъ сказать тебѣ, бретанскій графъ, что ты ведешь себя здѣсь въ Блуа самымъ неприличнымъ образомъ, относительно своего короля и господина! Ты отправишься тотчасъ-же въ Парижъ и явишься передъ парламентомъ; пусть онъ объяснитъ тебѣ твои права и обязанности.

— Парижскій парламентъ не можетъ судить меня; у насъ свой судъ! отвѣтилъ Шатобріанъ.

Но король не слушалъ его и обращаясь къ Лотреку сказалъ:

— Ты Лотрекъ останешься въ этомъ городѣ пока я не потребую отъ тебя отчета. А вы сеньеры Бретани и Нормандіи не стоите того, чтобы съ вами совѣщался вашъ король и господинъ, потому что вы поднялись противъ него въ тотъ моментъ, когда обнаружилась самая гнусная измѣна противъ короля Франціи и когда всякій порядочный дворянинъ долженъ вдвойнѣ выказать ему свою покорность! Вы уѣдете изъ Блуа до заката солнца и будете ждать въ вашихъ замкахъ, чѣмъ рѣшитъ относительно васъ, вашъ король, который больше не намѣренъ спрашивать вашего мнѣнія.

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ громкимъ повелительнымъ голосомъ, король удалился. Двери залы закрылись за нимъ.

---

— Ты правъ Гилльомъ! сказалъ король на слѣдующій день, обращаясь къ Бюде, когда ему доложили, что графиня Шатобріанъ находится въ часовомъ разстояніи отъ Блуа и что Лотрекъ черезъ нѣсколько минутъ явится къ нему на судъ—мы, люди, представляемъ собой величайшую загадку. Нѣмецкіе монахи слишкомъ много берутъ на себя, думая разъяснить религію и сказать о ней послѣднее слово. Жизнь потеряетъ для меня всякую прелесть, если я вполнѣ пойму, что творится въ моей душѣ. Ты долженъ повѣрить мнѣ, Бюде, что я самъ не знаю, какъ это случилось, что я извлекъ пользу изъ вчерашней исторіи. Клянусь моей честью, что я безъ всякаго предвзятаго намѣренія выгналъ отсюда Шатобріана передъ самымъ пріѣздомъ его жены и отложилъ судъ надъ Лотрекомъ до сегодняшняго дня, такъ что братъ и сестра могутъ встрѣтиться въ моемъ домѣ. Можетъ быть такого рода соображеніе явилось у меня въ какомъ нибудь затаенномъ уголку моего черепа, но я не сознавалъ этого и подобный разсчетъ не руководилъ моими дѣйствіями. Но что съ тобой, Бюде, у тебя такой печальный и серьезный видъ?

— Меня безпокоитъ, что ваша королевская милость станетъ обходиться съ этимъ удивительнымъ созданіемъ, какъ съ обыкновенной любовницей, хотя я...

— Знаешь, Бюде, изъ тебя вышелъ бы отличный проповѣдникъ.

— Это дѣло кажется мнѣ настолько серьезнымъ, какъ я и прежде докладывалъ вамъ, что, рискуя навлечь на себя вашъ гнѣвъ, я посовѣтую графинѣ тотчасъ-же вернуться домой.

— Глупый человѣкъ, развѣ я отрекаюсь отъ моихъ словъ! Если эта женщина произведетъ на меня то впечатлѣніе, которое я ожидаю, то ты увидишь, насколько я серьезно буду относиться къ ней.

Король подозвалъ къ себѣ Бонниве, стоявшаго въ почтительномъ отдаленіи отъ него, и сказалъ:

— Я передумалъ. Когда пріѣдетъ сюда графиня и, встревоженная отсутствіемъ мужа, бросится отыскивать своего брата, ты не долженъ показываться ей на глаза, потому что ты можешь испортить все дѣло своимъ легкомысліемъ и только напугаешь ее. Пусть ее встрѣтитъ Бюде и отведетъ къ моей сестрѣ.

Во время этого разговора, происходившаго въ полдень въ большей залѣ замка Блуа, королю подали письма, заключавшія печальныя извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій, которыя дурно отозвались на его расположеніи духа. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ большими шагами и, повидимому, не замѣтилъ Лотрека, который былъ введенъ въ залу Шабо де-Бріономъ.

Лотрекъ молча поклонился и остановившись среди залы слѣдилъ глазами за расхаживающимъ королемъ. Лицо его оставалось спокойнымъ и серьезнымъ.

Король нѣсколько разъ прошелъ мимо него и наконецъ остановился.

— Не тебя ли Лотрекъ де-Фуа я послалъ въ Италію съ отборнымъ войскомъ?

— Да, я былъ посланъ вами въ Италію.

— Гдѣ мое войско?

— Оно погибло.

— Гдѣ мой наслѣдственный Миланъ?

— Онъ уже не принадлежитъ вамъ.

— Кто же виноватъ въ этомъ, несчастный человѣкъ?

— Не я.

— Какъ смѣешь ты говорить это! Не ты ли потерялъ Миланъ?

— Ты самъ потерялъ его, король, потому что оставилъ насъ на произволъ судьбы.

— Какимъ образомъ? спросилъ король возвысивъ голосъ.

— Войску необходимо жалованье, потому что оно состоитъ не изъ дворянъ; войску необходимо продовольствіе. Но ни о томъ, ни о другомъ не позаботились во Франціи. Вспомните, король, что я не хотѣлъ уѣзжать отсюда, пока мнѣ не выдадутъ деньги для веденія войны. Вы сказали мнѣ тогда: „уѣзжай спокойно, деньги будутъ высланы!“ Я уѣхалъ—чѣмъ же это кончилось? Жандармы прослужили

восемнадцать мѣсяцевъ, не получивъ ни одного денара [1]), также какъ и швейцарцы, которые служатъ только изъ-за денегъ. Большинство ихъ наконецъ бросило меня, а тѣ которые остались, принудили меня дать битву у Бикокка при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Они надѣялись поживиться добычей и обратились въ бѣгство при первомъ натискѣ.

— Какъ можешь ты жаловаться на недостатокъ денегъ, когда мнѣ извѣстно, что ты получилъ сполна обѣщанныя 400,000 экю?

— Ты мнѣ не высылалъ ихъ.

— Это наглая ложь!

— Удержись, король Франціи! Лотрекъ Фуа уже нѣсколько лѣтъ предводительствуетъ твоими войсками и не позволитъ тебѣ обращаться съ нимъ такимъ способомъ. Фуа не лжетъ! Я дѣйствительно получилъ твое королевское письмо, въ которомъ ты извѣщалъ меня о посылкѣ денегъ, но онѣ не были высланы мнѣ.

— Бріонъ, позови Семблансэ!

Король опять принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ казался еще въ большемъ волненіи, чѣмъ при началѣ разговора. Когда вошелъ Семблансэ, король съ горячностью спросилъ его:

— Развѣ я не приказалъ тебѣ послать 400,000 экю въ итальянскую армію?

— Точно такъ, ваше величество.

— Ты исполнилъ мое приказаніе?

— Деньги уже были приготовлены къ отправкѣ, но ея королевское высочество герцогиня Ангулемская потребовала всю сумму къ себѣ.

— Развѣ ты мнѣ не слуга и не считаешь себя обязаннымъ исполнять мои приказанія?

— Я противился насколько это было возможно противъ матери моего короля, но ваше величество было въ отсутствіи и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ заручиться формальной квитанціей...

— А мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ отправить тебя на висѣлицу за твою глупость! Понимаешь ли ты свой нелѣпый поступокъ, старый дуракъ?.. Бріонъ, попроси сюда герцогиню Ангулемскую!.. Ну скажи, пожалуйста, на что мнѣ эта бумага? Ты кажется потерялъ всякую совѣсть?..

— Моя совѣсть совершенно спокойна, а эта бумага—формальная квитанція герцогини въ полученіи 400,000 экю.

— Давай ее сюда.

Король внимательно прочелъ росписку. Конвульсивное движеніе на минуту исказило его лицо; онъ смѣрилъ взглядомъ съ головы до ногъ несчастнаго интенданта и затѣмъ молча смотрѣлъ на дверь,

[1]) Во Франціи въ средніе вѣка и позже до учрежденія регулярной арміи жандармами (отъ слова gents d'armes) назывались люди, служившіе въ королевскомъ войскѣ по найму.

черезъ которую должна была войти герцогиня. Онъ почти раскаивался въ томъ, что долженъ будетъ сдѣлать допросъ своей матери при свидѣтеляхъ.

Когда вошла герцогиня, онъ вышелъ къ ней на встрѣчу и подойдя съ нею къ Семблансэ сказалъ вѣжливымъ голосомъ:

— Герцогиня, этотъ человѣкъ утверждаетъ, будто онъ выдалъ вамъ по вашему приказанію 400,000 экю.

— Чѣмъ же онъ можетъ доказать это?

— Вотъ этимъ, отвѣтилъ король, показывая ей росписку, собственноручно подписанную ею.

Герцогиня ожидала этой критической минуты и, посовѣтовавшись съ Дюпра, приготовилась къ ней. Она внимательно прочла квитанцію и сказала равнодушнымъ голосомъ:

— Да, это моя квитанція. Я получила деньги и дала росписку въ полученіи ихъ. Что же въ этомъ удивительнаго мой сынъ?

— Какъ! Развѣ вы не знаете, что взявъ эту сумму вы лишили меня войска и моихъ итальянскихъ владѣній?

— Боже меня избави отъ этого, мой сынъ! Зачѣмъ вы тогда не потребовали отъ меня этихъ денегъ. Я охотно пожертвовала бы ихъ на содержаніе войска, хотя онѣ были собраны мною цѣной большихъ лишеній.

— Что это значитъ? спросилъ король.

— Герцогиня! что вы говорите! воскликнулъ Семблансэ, у котораго на лбу выступили крупныя капли пота при мысли о той опасности, которая грозила ему, такъ какъ онъ сразу догадался къ какой уловкѣ хочетъ прибѣгнуть герцогиня.

Король не понялъ восклицанія старика и, принявъ его за просьбу о пощадѣ, сталъ настаивать, чтобы ему объяснили въ чемъ дѣло. Герцогиня, какъ бы не хотя, уступила желанію своего сына и разсказала, что у ней скопилась сумма въ 400,000 экю, которую она отдала на храненіе Семблансэ и что эти деньги не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыя были предназначены для итальянскаго войска.

— Могъ ли я ожидать этого отъ тебя, Семблансэ! воскликнулъ король.—Сколько лѣтъ я вѣрилъ въ твою честность, старый сѣдой грѣшникъ! Какъ искусно обманывалъ ты меня!

Семблансэ положилъ руку на сердце и хотѣлъ повторить свои прежнія показанія, но герцогиня прервала его съ первыхъ же словъ.

— «Если французскій король, сказала она,—позволяетъ обвинять свою мать во лжи, то, онъ долженъ, по крайней мѣрѣ дѣлать это въ приличной формѣ. Пусть этотъ человѣкъ будетъ призванъ къ суду и дѣло изслѣдовано надлежащимъ образомъ; я не желаю объясняться съ обманщикомъ и унижать этимъ мое достоинство.

— Да, мы слишкомъ испорчены и не достойны владѣть такой прекрасной страной, какъ Италія! воскликнулъ король, взглянувъ съ сомнѣніемъ сперва на мать, а потомъ на Семблансэ.

Въ это время къ королю подошелъ Бонниве и шепнулъ ему что-то на ухо. Король поспѣшно бросился къ окну, отворилъ его и взглянувъ на дворъ, подозвалъ къ себѣ Бюде.

— Сойди внизъ, Гилльомъ, сказалъ онъ медленно и съ удареніемъ,—и прими гостя какъ я тебѣ приказывалъ.

— Займитесь Лотрекомъ, ваше величество! сказалъ вполголоса Бонниве, онъ стоитъ одинъ среди залы; если онъ подойдетъ къ окну и увидитъ свою сестру, то разумѣется возьметъ ее подъ свое покровительство; тогда намъ будетъ очень трудно выполнить нашъ планъ, если онъ только не будетъ окончательно разстроенъ, что всего вѣроятнѣе.

Но король не слушалъ его. Онъ былъ весь поглощенъ тѣмъ, что дѣлалось на дворѣ. Молодая графиня въѣхала на дворъ на бѣломъ иноходцѣ; разгоряченная верховой ѣздой, немного сконфуженная при видѣ множества незнакомыхъ ей людей, она остановилась въ нерѣшимости и съ любопытствомъ осматривалась кругомъ. Наконецъ она замѣтила Бюде, который вышелъ къ ней на встрѣчу изъ замка, съ радостью протянула ему обѣ руки и, опираясь на его плечо, граціозно соскочила на землю.

— Вы были совершенно правы, сказалъ король, обращаясь къ Бонниве.—Это дѣйствительно прелестное созданіе!

— Если ваше величество не займетъ чѣмъ-нибудь Лотрека, то вы больше не увидите ее! Вотъ герцогиня идетъ къ одному окну, Лотрекъ къ другому; только Семблансэ замеръ среди залы, какъ несчастная жертва, которую ведутъ на закланіе...

Король поспѣшно отошелъ отъ окна и, подозвавъ Лотрека, увелъ его на другой конецъ залы, гдѣ окна выходили на лугъ, который видѣнъ былъ изъ комнаты герцогини.

— Можешь ли ты дать мнѣ честное слово, Лотрекъ, спросилъ вполголоса король, что только недостатокъ средствъ былъ причиной нашей неудачи?

— Нѣтъ, король, не это одно повредило намъ. Я держался слишкомъ осторожнаго способа дѣйствій и не пользовался тѣмъ, что составляетъ лучшее преимущество нашихъ дворянъ и жандармовъ на войнѣ, а именно быстротою натиска, то, что итальянцы зовутъ furia francese. Это помѣшало успѣху, а недостатокъ въ деньгахъ довершилъ остальное.

— Значитъ, не смотря на потерю, мы получили урокъ, которымъ мы можемъ воспользоваться?

— Я убѣжденъ въ этомъ.

— Если такъ, то еще не все потеряно! Теперь представляется случай исправить дѣло! Ты долженъ немедленно ѣхать на мѣсто военныхъ дѣйствій... разумѣется въ томъ случаѣ, если ты простилъ мнѣ мою горячность, мой милый Лотрекъ! Дай мнѣ руку. Твоя откровенность душевно порадовала меня; мы только тогда можемъ исправить

наши ошибки, когда будемъ искренно сознаваться въ нихъ. Въ слѣдующій разъ, когда окажется нужнымъ, мы соединимъ смѣлость съ осторожностью и достигнемъ цѣли... Миланъ будетъ опять въ моихъ рукахъ, не такъ ли? Г-нъ канцлеръ Дюпра, примите мѣры чтобы этотъ несчастный Семблансэ былъ призванъ къ строгой отвѣтственности передъ судомъ парижскаго парламента за утайку 400,000 экю.

— Я не виновенъ въ этомъ, ваше величество!

— Мы увидимъ!

---

## ГЛАВА V.

Планъ Бонниве относительно графини удался вполнѣ потому, что она очутилась одна въ домѣ короля, безъ всякой защиты. Послѣ долгихъ и настойчивыхъ разспросовъ, ей сообщили наконецъ, что ея мужъ нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ изъ Блуа, а братъ за нѣсколько часовъ до ея пріѣзда. Ей доказывали самымъ краснорѣчивымъ образомъ, что графъ Шатобріанъ вѣроятно вернется въ самомъ непродолжительномъ времени, потому что иначе онъ не вызвалъ бы ее въ Блуа и во всякомъ случаѣ оставилъ бы ей письмо. Слѣдовательно графиня можетъ быть совершенно спокойна, а нѣсколько дней пройдутъ для нея незамѣтно въ обществѣ обходительной герцогини Маргариты.

Тѣмъ не менѣе графиня до извѣстной степени напоминала собой запуганную лань. Еслибы она чувствовала почву подъ своими ногами и строгій супругъ хотя чѣмъ-нибудь заявилъ о своемъ существованіи, то она была бы вполнѣ счастлива, что вмѣсто однообразной жизни въ бретанскомъ замкѣ очутилась неожиданно въ такомъ веселомъ обществѣ. Пока съ нею былъ Бюде, къ которому она относилась съ полнымъ довѣріемъ, то, не смотря на мучившую ее неизвѣстность, на лицѣ ея по временамъ появлялась свѣтлая улыбка, и она съ любопытствомъ распрашивала его объ обитателяхъ замка. Но Бюде не могъ постоянно оставаться съ нею; Маргарита осыпала ее любезностями; адмиралъ Бонниве приказалъ спросить не можетъ ли онъ чѣмъ нибудь услужить ей; даже король послалъ ей привѣтствіе; но все это настолько смутило ее, что она, заливаясь слезами, удалилась въ свою комнату подъ предлогомъ болѣзни.

Она не знала, что ожидаетъ ее, но при всей своей неопытности, догадывалась, благодаря тому своеобразному инстинкту, который является иногда у женщинъ, что въ жизни ея наступаетъ кризисъ. Мы не знаемъ, прирожденное ли это свойство или навѣянное воспитаніемъ; но вопреки всему тому, что говорятъ защитники женской эмансипаціи,—женщина въ большинствѣ случаевъ, даже при свобод-

номъ выборѣ, готова лучше выносить самое тяжелое существованіе, чѣмъ отважиться на какую-нибудь перемѣну. Молодая графиня, живя въ одинокомъ бретанскомъ замкѣ, не разъ горько плакала отъ грубости своего мужа, который съ презрѣніемъ относился къ ея лучшимъ духовнымъ стремленіямъ и въ то же время выказывалъ къ ней какую-то полусознательную наружную нѣжность. Эта нѣжность со стороны мужчины всегда кажется навязчивой женщинѣ и возбуждаетъ ея неудовольствіе, если она не въ состояніи отвѣчать на его страсть. Графиня никогда не чувствовала ни малѣйшей привязанности къ своему мужу, но, получивъ вполнѣ женское воспитаніе, она скоро свыклась съ супружескимъ гнетомъ и даже не замѣчала того отвращенія, которое внушалъ ей графъ. Мы выносимъ иногда такимъ образомъ годами величайшія непріятности и не сознаемъ этого, потому что у насъ не было случая для сравненія или сопоставленія. У графини, въ первые дни ея пребыванія въ королевскомъ замкѣ Блуа, не было другого стремленія какъ вырваться скорѣе изъ этого блестящаго міра, ненавистнаго ея мужу и вернуться въ замокъ Шатобріанъ. Она знала, что графъ встрѣтитъ ее грубыми упреками за ея невольное пребываніе при дворѣ, но она готова была лучше выслушать его выговоръ и упреки, нежели переносить возрастающія мученія совѣсти. Хотя она была слишкомъ умна, чтобы придавать большое значеніе банальнымъ фразамъ о нравственности, которыя она такъ часто слышала отъ своего супруга, тѣмъ не менѣе эти фразы, при ея полной неопытности въ жизни, были для нея пока единственнымъ нравственнымъ кодексомъ. Она безпрестанно повторяла себѣ, что должна уѣхать изъ Блуа, но съ каждымъ днемъ это становилось для нея труднѣе. Причина такой нерѣшительности заключалась не въ томъ, что графиня увлеклась которымъ-либо изъ красивыхъ и блестящихъ кавалеровъ двора Франциска I, но она подчинилась несравненно болѣе опасному для нея вліянію. Герцогиня Маргарита была вполнѣ подходящей личностью, чтобы заслужить довѣріе молодой женщины при ея угнетенномъ состояніи духа и незамѣтно вывести ее на новый путь. Сестра короля была сама несчастна въ супружествѣ; ей также приходилось бороться съ посредственностью и искать исхода; при этомъ она была живого характера и богато одарена умомъ. Несмотря на искреннее стремленіе къ добродѣтели, она понимала прелесть существованія, богатаго наслажденіями, а тамъ, гдѣ дѣло касалось любимаго брата, она была подчасъ болѣе снисходительна, нежели того требовала ея совѣсть. Волокитство было тогда въ модѣ; оно шло рука объ руку съ возрожденіемъ искусствъ и находило себѣ оправданіе въ пробудившемся стремленіи возстановить прославленное средневѣковое рыцарство съ его заманчивыми приключеніями. При этихъ условіяхъ можно легко себѣ объяснить, почему сочинительница веселой новеллы „Исторія счастливаго любовника", не пренебрегла никакими средствами, чтобы убѣдить графиню въ несостоятельности

ея провинціальныхъ понятій о нравственности. Между тѣмъ эта опасная искусительница, характеръ которой трудно опредѣлить въ точности, никогда не покровительствовала распутству своего брата; и самъ Францискъ тщательно скрывалъ отъ нея свои мимолетныя любовныя приключенія, потому что она называла ихъ „тривіальными" и очень строго относилась къ нимъ. Рыцарскіе романы были любимымъ чтеніемъ Маргариты и привели ее къ своеобразному міросозерцанію, отраженіе котораго, по мнѣнію знатоковъ французской исторіи, до сихъ поръ замѣтно въ духѣ и нравахъ современнаго французскаго общества, не смотря на его разнообразные фазисы развитія и всѣ тѣ перемѣны, которымъ оно подверглось въ теченіи трехъ столѣтій. Согласно этому миросозерцанію, герцогиня пришла къ убѣжденію, что самоотверженная дружба должна была сдѣлаться основой всякихъ сношеній даже между лицами различныхъ половъ, потому что только при этомъ условіи возможно полное и наивное довѣріе людей другъ къ другу. Она изобрѣла такъ называемыя „alliances", въ которыхъ друзья разнаго пола считались братомъ и сестрой. Имъ предоставлялось открыто выражать свою взаимную любовь, основанную на духовномъ влеченіи, и этимъ уничтожилась всякая возможность порицанія или осужденія. Такого рода союзы Маргарита уже ввела при своемъ маленькомъ дворѣ въ Алансонѣ и она стремилась теперь распространить ихъ при дворѣ брата. Само собою разумѣется, что эти союзы на дѣлѣ далеко не оказались такими невинными, какими воображала ихъ учредительница, но тѣмъ не менѣе изъ нихъ выработались извѣстныя формы и отношенія общежитія, которыя въ значительной мѣрѣ способствовали смягченію нравовъ. Въ данномъ случаѣ видѣнъ любопытный контрастъ между шестнадцатымъ и нынѣшнимъ столѣтіемъ. Такъ называемыя „alliances" временъ Франциска I были возобновлены во Франціи въ девятнадцатомъ вѣкѣ сенъ-симонистами и соціалистами и проникли въ среднее сословіе; и то, что прежде представляло собою не болѣе какъ форму, должно было превратиться здѣсь въ серіозный основный законъ для свободныхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Маргарита сочувственно относилась къ кальвинизму и даже впослѣдствіи увлеклась имъ; еслибы сенъ-симонисты появились въ ея время, то она вѣроятно приняла бы и ихъ ученіе и до извѣстной степени старалась бы примѣнить его на практикѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Маргарита представляла рѣзкій контрастъ съ своимъ братомъ, не смотря на кажущееся сходство ихъ характеровъ. Францискъ, какъ эгоистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, никогда не задавался мыслью о благѣ человѣчества и, не признавая никакой обязательной системы, находилъ прелесть жизни въ контрастахъ и случайныхъ удовольствіяхъ.

Неизвѣстно, насколько Францискъ посвятилъ сестру въ тайну своихъ намѣреній относительно графини Шатобріанъ. Вѣроятно, ихъ объясненіе ограничилось общими мѣстами въ родѣ того, что слѣдовало-бы

вырвать молодое богато одаренное существо изъ рукъ суроваго сеньера, который не умѣетъ цѣнить доставшееся ему сокровище. Но этого было вполнѣ достаточно, чтобы возбудить участіе Маргариты и желаніе оказать содѣйствіе брату въ такомъ добромъ дѣлѣ. Король, какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ, держался совершенно въ сторонѣ, такъ что Маргарита, тронутая его сдержанностью, сама доставила ему случай присмотрѣться ближе къ прекрасной Францискѣ. Герцогиня считала неудобнымъ пригласить короля въ свою комнату, потому что молодая женщина была бы слишкомъ стѣснена его присутствіемъ, и предложила ему сѣсть у окна въ сосѣдней комнатѣ, дверь которой была открыта и гдѣ Францискъ могъ видѣть въ зеркалѣ всю фигуру графини и слышать каждое ея слово. Графиня Шатобріанъ держала себя совершенно просто и непринужденно съ сестрой короля, которая внушала ей полное уваженіе, тѣмъ болѣе, что изъ всего королевскаго семейства, одна Маргарита пользовалась общимъ уваженіемъ за свою нравственную жизнь.

— Если вы считаете неприличнымъ, чтобы я вернулась въ замокъ Шатобріанъ, сказала графиня, то я готова покориться вашему рѣшенію, но мнѣ кажется необходимымъ написать моему мужу...

— Я все таки не теряю надежду убѣдить васъ, возразила Маргарита. Вашъ мужъ приказалъ вамъ пріѣхать сюда и, не заботясь, ни о вашей репутаціи, ни о вашемъ удобствѣ и безопасности, уѣхалъ изъ Блуа. Развѣ онъ заслуживаетъ какого либо вниманія съ вашей стороны послѣ такого нерыцарскаго поступка! Поймите, что мужчины обращаются съ нами такъ, какъ мы поставимъ себя относительно ихъ. Они страстны, грубы, себялюбивы до нелѣпости, и относятся крайне невнимательно къ намъ, вслѣдствіе вкоренившагося въ нихъ самообольщенія, что они принадлежатъ къ избранному полу, который одинъ имѣетъ значеніе для человѣчества. Мы должны систематически изобрѣтать извѣстныя формы, чтобы ежедневно напоминать имъ, что мы не хуже ихъ; при этомъ намъ слѣдуетъ поставить себѣ за правило, что каждая изъ насъ, въ своихъ хорошихъ и дурныхъ отношеніяхъ къ тому или другому мужчинѣ, должна имѣть въ виду общую пользу. Это было бы полезно даже лучшему изъ мужей, потому что они безгранично пользуются очарованіемъ женской красоты и уничтожаютъ тяжеловѣсными однообразными отношеніями всякую возможность перемѣны, всю прелесть счастья, которое мыслимо только до тѣхъ поръ, пока мы не увѣрены въ немъ.

— Но женщина не должна прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя подрываютъ власть мужчинъ, такъ какъ даже религія учитъ насъ, что мужъ глава въ домѣ.

— Позвольте вамъ замѣтить графиня, что это совершенно старосвѣтскія понятія.

— Развѣ можетъ устарѣть религія?

— Само собою разумѣется, что могутъ устарѣть способы какими объясняютъ религію.

— Я не стану спорить противъ этого. Но мнѣ кажется, что если мы будемъ держаться извѣстной системы въ супружеской жизни, то предстоитъ другого рода опасность—постоянно лгать и притворяться. Между тѣмъ въ моемъ воспитаніи все было направлено къ тому, чтобы я всегда говорила прямо то, что думаю и никогда не отступала отъ истины, такъ какъ это единственный способъ остаться добродѣтельной и сохранить спокойную совѣсть. Неужели я должна намѣренно играть роль передъ человѣкомъ, которому отдали меня душой и тѣломъ? Какъ совмѣстить подобныя противорѣчія?

— Вы до сихъ поръ остались невинной дѣвочкой! Неужели вы думаете, что наше воспитаніе имѣетъ какое либо значеніе! При первомъ вступленіи въ свѣтъ вы встрѣчаете рядъ грубыхъ противорѣчій и не можете справиться съ ними, пока опытъ не научитъ васъ различать вещи и у васъ мало по малу составится собственное сужденіе. Молодой, неопытный человѣкъ, являясь въ общество, представляетъ собою больного, который не можетъ ходить безъ помощи костылей; онъ опирается на нихъ, пока чувствуетъ свою несамостоятельность, и потомъ отбрасываетъ ихъ отъ себя.

— Но я еще не чувствую себя самостоятельной и вообще не увѣрена составляетъ ли это назначеніе женщины?

— Такое сомнѣніе само по себѣ преступленіе, потому что Богъ создалъ насъ такими-же совершенными, какъ и мужчинъ.

— Можетъ быть, но только это совершенство должно проявиться въ иномъ кругѣ дѣятельности, а не тамъ, гдѣ требуется физическая сила, мужество и всѣ преимущества самостоятельности. Для чего-же существуетъ различіе половъ, если каждый изъ нихъ можетъ и долженъ жить независимо одинъ отъ другого? Этому противорѣчатъ наши собственныя чувства и материнскія обязанности, возложенныя на насъ природой для продолженія человѣческаго рода. Нѣтъ, женщинѣ не слѣдуетъ добиваться самостоятельности и брать ее своимъ девизомъ!

— Браво! воскликнула съ улыбкой Маргарита, обнимая свою гостью, у которой выступила яркая краска на лицѣ, вы положительно превосходите всѣхъ нашихъ придворныхъ дамъ умомъ и зрѣлостью своихъ взглядовъ. Но что заставило васъ такъ рано задумываться надъ серіозными вопросами жизни? Не счастливое ли супружество и мирное существованіе въ комфортабельномъ бретанскомъ замкѣ?

— Нѣтъ, я никогда не была счастлива—отвѣтила съ смущеніемъ графиня.

— Я въ этомъ была увѣрена. Счастье не способствуетъ размышленію, возразила Маргарита.

— Не знаю. Но въ вашихъ словахъ, я нашла подтвержденіе моихъ сомнѣній, которыя часто являлись у меня, хотя они быть мо-

жетъ совершенно неумѣстны. Такъ, напримѣръ, я много разъ спрашивала себя: неужели мы женщины не можемъ облагородить мужчинъ и сдѣлать ихъ лучше и честнѣе? Еслибы это было достижимо для насъ, то я вполнѣ помирилась бы съ мыслью, что сила и власть всегда останется на ихъ сторонѣ.

— Моя милая графиня, какъ вы стараетесь скрыть тѣ страданія, которыя вы испытывали отъ неразвитости и суроваго обращенія вашего мужа! Не противорѣчьте мнѣ, вы могли убѣдиться по опыту, какъ тяжело мыслящей женщинѣ зависѣть отъ произвола мужчины, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ они не стоятъ той власти, которой пользуются.

— Не всѣ же они грубы и необразованы! Развѣ мы не удивляемся ихъ геніальнымъ произведеніямъ! Какой поразительный возвышенный міръ открывается намъ въ картинахъ, привезенныхъ изъ Италіи, которыя я видѣла проѣздомъ въ Фонтенбло! Въ нѣмомъ восторгѣ стояла я передъ картинами Рафаэля: св. Михаиломъ и изображеніемъ св. Семейства. Тутъ только я поняла, что можетъ дать намъ сочетаніе силы, величія и нѣжности, высокаго художественнаго полета и простоты. Съ этихъ поръ я уже не могла отрѣшиться отъ мысли, что подобное совершенство можетъ произвести только геній мужчины, а мы женщины не способны создать что либо, требующее такого могущества и разнообразія таланта. Развѣ мы не видимъ передъ собою примѣръ монарха, который, благодаря своему необычайному уму, поставилъ искусство на неслыханную высоту? Онъ щедро вознаграждаетъ художника, и, что еще важнѣе, возбуждаетъ его энергію оказаннымъ ему почетомъ. Мы видѣли тогда въ Монтаржи шествіе вышедшее изъ Ліона на встрѣчу картинѣ, которую принимали съ тѣмъ же почетомъ какъ самыя важныя мощи изъ святой земли. При громкихъ звукахъ музыки, со всею праздничною пышностью и великолѣпіемъ, которое такъ дѣйствуетъ на наше воображеніе, онъ велѣлъ снять покрывало съ картины, которая тогда въ первый разъ предстала глазамъ зрителей. Такая смѣлая мысль могла явиться только мужчинѣ, потому что онъ сознаетъ свои права и не боится нововведеній, какъ женщины.

— Кого вы восхваляете, графиня?

— Вашего брата, короля Франциска.

— Если вы такъ высоко цѣните его, то почему вы избѣгаете всякой бесѣды съ нимъ.

— Боже мой, о чемъ могу я говорить съ нимъ при томъ неловкомъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь.

Король при послѣднихъ словахъ поспѣшно всталъ съ своего мѣста и, пожавъ руку стоявшему возлѣ него Бюде, сказалъ вполголоса:—„благодарю тебя Гилльомъ; ты былъ правъ. Эта женщина достойна раздѣлить со мной престолъ!

Затѣмъ, не обращая никакого вниманія на просьбы канцлера,

который сдѣлалъ даже попытку удержать его за руку, Францискъ бросился къ двери и вошелъ въ гостинную своей сестры.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ! сказалъ онъ подходя къ графинѣ и цѣлуя ея руку. Вы поняли меня лучше, чѣмъ кто либо изъ моихъ придворныхъ. Я былъ случайнымъ свидѣтелемъ вашего разговора съ моей сестрой, потому что остановился на минуту передъ дверью изъ боязни помѣшать вамъ. Но я не выдержалъ, добавилъ онъ улыбаясь, когда услышалъ такую преувеличенную похвалу себѣ и рѣшился войти. Теперь мнѣ остается только просить у васъ извиненія за мой невольный проступокъ.

---

Король своимъ неожиданнымъ появленіемъ разрушилъ всѣ планы Маргариты. Графиня холодно отвѣчала на его любезности, и не могла скрыть своего смущенія, потому что видѣла въ его подслушиваніи какой-то преднамѣренный и непонятный для нея разсчетъ. Хотя въ глубинѣ души она была польщена вниманіемъ короля и многое нравилось ей въ блестящемъ придворномъ обществѣ, но сознаніе долга и робость удерживали ее отъ соблазна и гнали назадъ въ печальное уединеніе бретанскаго замка. Она предвидѣла, что ей дорого обойдется ея невольное пребываніе въ Блуа, но она обладала тѣмъ пассивнымъ мужествомъ, благодаря которому женщина спокойно идетъ на встрѣчу ожидающимъ ее непріятностямъ. До настоящаго момента она почти безропотно покорялась кроткой власти герцогини, и только теперь у ней явилось сознаніе настоятельной необходимости написать мужу. Вѣрная служанка Луизонъ, которая изъ преданности къ молодой графинѣ послѣдовала за нею изъ Пиринеевъ въ Бретань вызвалась отправить гонца къ графу Шатобріану. Хотя всѣ говорили графинѣ, что ея мужъ неожиданно уѣхалъ въ Парижъ по какому-то настоятельному дѣлу и что онъ скоро вернется въ Блуа, но она не вѣрила этому и хотѣла чтобы ея посланный, побывавъ въ Парижѣ, отправился въ Бретань.

Между тѣмъ на дѣлѣ это оказалось не такъ легко, какъ воображала Луизонъ. Она скоро отыскала человѣка, который согласился отвезти письмо графини, но Флоріо, получившій хорошую плату за свои труды, внимательно слѣдилъ за дальнѣйшимъ ходомъ интриги и былъ не менѣе своего господина заинтересованъ въ ея успѣхѣ. Онъ расположился въ комнатѣ привратника, черезъ которую должны были проходить всѣ выходившіе изъ замка и гдѣ собирались люди, ожидавшіе случайныхъ порученій. Такимъ образомъ Флоріо не стоило особеннаго труда подкараулить Луизонъ и выманить у ней письмо. Но итальянцу не удалось вполнѣ обмануть догадливую служанку; она тотчасъ сообщила своей госпожѣ, что по нѣкоторымъ соображеніямъ не считаетъ вѣрной отправку письма и совѣтуетъ написать другое. Графиня, еще болѣе взволнованная этимъ новымъ доказатель-

ствомъ какихъ-то тайныхъ козней противъ нея, рѣшилась отправить свое второе письмо необычайнымъ способомъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ ея дѣтской наивности и незнанію жизни.

Послѣ неожиданнаго визита короля, графиня уже не имѣла никакого предлога отказываться отъ мужского общества, собиравшагося по вечерамъ у Маргариты. Король, по совѣту сестры, вовсе не показывался въ первые дни, и графиня чувствовала себя довольно свободно среди ученыхъ и художниковъ, тѣмъ болѣе, что тутъ былъ и канцлеръ Бюде, къ которому она относилась съ искреннимъ довѣріемъ. Но вскорѣ на вечерахъ герцогини стали появляться веселые любимцы короля; въ числѣ ихъ были Бонниве и Шабо де Бріонъ, самый юный и самый красивый изъ придворныхъ Франциска I. Онъ велъ себя очень скромно относительно графини и выказывалъ ей полное уваженіе, тогда какъ Бонниве не могъ устоять въ своей первоначальной рѣшимости и въ первый же вечеръ смѣло принялся ухаживать за молодой женщиной, хотя лучше чѣмъ кто нибудь зналъ о тайныхъ намѣреніяхъ короля. Свободное обращеніе адмирала, представлявшее рѣзкій контрастъ съ сдержанностью остальныхъ кавалеровъ, понравилось графинѣ при ея возбужденномъ состояніи. Она не боялась открытаго нападенія и съ простодушною веселостью поддалась на игру словъ, пикантныхъ намековъ и удивила всѣхъ своимъ остроуміемъ и находчивостью. Но во время оживленнаго разговора съ Бонниве, когда графиня, повидимому, совершенно забыла о своемъ затруднительныхъ положеніи, она успѣла замѣтить человѣка искренно расположеннаго къ ней и рѣшила обратиться къ его помощи. Это былъ Шабо де-Бріонъ. Она была убѣждена, что скорѣе можетъ довѣрить ему отправку письма, нежели Бюде, который казался ей слишкомъ трусливымъ и нерѣшительнымъ въ важныхъ дѣлахъ. Врядъ ли кому нибудь кромѣ женщины могла прійти мысль обратиться съ подобной просьбой къ одному изъ молодыхъ любимцевъ короля. Самый преданный другъ не осмѣлился бы посовѣтывать этого графинѣ, хотя также какъ и она замѣтилъ бы то поэтическое влеченіе, которое чувствовалъ къ ней Шабо де-Бріонъ.

Но графиня слѣпо вѣрила своему инстинкту, потому что онъ рѣдко обманывалъ ее. Она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ когда очутилась наединѣ съ Шабо де-Бріономъ въ нишѣ окна и разсказала ему въ общихъ чертахъ о своемъ затруднительномъ положеніи и желаніи написать мужу. Не упоминая ни слова Бріону о довѣріи, которое онъ внушалъ ей, графиня прямо попросила его взять на себя отправку письма. Бріонъ, какъ человѣкъ не испорченный, былъ очень польщенъ ея довѣріемъ и не задумываясь обѣщалъ послать графу письмо, которое должна была передать ему Луизонъ.

Съ этой минуты графиня почувствовала себя довольной и счастливой; застѣнчивость ея окончательно исчезла и она приняла дѣя-

тельное участіе въ общемъ разговорѣ. Герцогиня не знала радоваться ли такой перемѣнѣ, потому что приписывала ее ухаживанію красиваго Бонниве, чѣмъ разрушалась ея затаенная мечта, что графиня подчинится вліянію ея брата.

Когда общество разошлось и онѣ остались вдвоемъ, то Маргарита не могла скрыть своего неудовольствія и сказала графинѣ:

— Если не ошибаюсь, красивые мужчины приводятъ васъ въ лучшее настроеніе духа, нежели умные.

— Разумѣется! возразила со смѣхомъ графиня. Развѣ можетъ что нибудь производить на насъ болѣе пріятное впечатлѣніе, какъ красота!

Герцогиня тотчасъ замѣтила, что выразилась не совсѣмъ удачно, потому что всѣ считали короля красивымъ и статнымъ и поспѣшила поправить свой промахъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, сказала она—неужели вы предпочитаете внѣшній лоскъ осмысленной красотѣ?

— Да, если вопросъ идетъ о хорошемъ расположеніи духа. Но какое можетъ это имѣть значеніе сравнительно съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое можетъ и долженъ произвести на насъ человѣкъ на всю нашу жизнь. Я убѣждена что красавецъ никогда не въ состояніи возбудить глубокой и прочной привязанности. Безупречная красота, которую изображаютъ въ картинахъ, производитъ на насъ мимолетное впечатлѣніе; но если мы почувствуемъ склонность къ человѣку съ своеобразной, хотя и некрасивой физіономіей, то его образъ навсегда запечатлѣвается въ нашей душѣ.

Это объясненіе еще менѣе показалось утѣшительнымъ сестрѣ короля, чѣмъ первое беззаботное восклицаніе графини, которая съ этого вечера сдѣлалась неразрѣшимой и вслѣдствіе этого еще болѣе интересной загадкой для всего двора. Ея застѣнчивость исчезла и проявлялась только въ тѣ моменты, когда къ ней подходилъ король. Но чѣмъ труднѣе и невозможнѣе казалась побѣда надъ загадочной молодой женщиной, тѣмъ сильнѣе волновался король и хотѣлъ добиться своей цѣли. Въ немъ заговорила ревность прежде, чѣмъ явилась малѣйшая надежда на успѣхъ; и эта страсть была тѣмъ мучительнѣе для него, избалованнаго женщинами, что онъ никогда не испытывалъ ее прежде. Необдуманная фраза, сказанная имъ канцлеру Бюде сгоряча и не совсѣмъ искренно, относительно своего желанія возвести на престолъ графиню Шатобріанъ, сдѣлалось для него серьознымъ намѣреніемъ. Въ случаѣ неудачи, онъ готовъ былъ дать и это обѣщаніе графинѣ Шатобріанъ, хотя зналъ, что ея согласіе на бракъ не будетъ ручательствомъ привязанности къ нему, и можетъ быть вызвано стремленіемъ занять высокое положеніе въ свѣтѣ.

---

Прошла недѣля. Въ королевскомъ дворцѣ ничто не измѣнилось: всѣ были убѣждены, что Бонниве пользуется особеннымъ расположе-

ніемъ графини, потому что съ нимъ она охотнѣе говорила чѣмъ съ другими, и ему чаще всѣхъ удавалось вызвать ея веселый смѣхъ. Что же касается Бріона, то онъ могъ прямо упрекнуть ее въ неблагодарности; она рѣдко обращалась къ нему съ какимъ нибудь замѣчаніемъ и видимо избѣгала сколько нибудь серьозныхъ и продолжительныхъ разговоровъ съ нимъ. Но со всѣми художниками графиня была въ наилучшихъ отношеніяхъ; у ней самой были большія способности къ живописи, она удачно копировала эскизы, которые попадались ей подъ руку. Ласкарисъ и Бюде знакомили ее съ содержаніемъ пѣсенъ Гомера и она цѣлыми часами внимательно слушала ихъ. Не менѣе интересовали ее разсказы стараго грека объ умственной и религіозной жизни древней Греціи и длинныя разсужденія Бюде, когда тотъ распространялся о церковной реформѣ, совершавшейся тогда въ Германіи и Швейцаріи. Но если въ этихъ случаяхъ къ нимъ подходилъ Клеманъ Маро и съ комическою важностью разспрашивалъ канцлера о спорныхъ пунктахъ церковной реформы, то графиня сразу кончала серьозный разговоръ какой нибудь шуткой и просила Маро научить ее французскому стихосложенію, или составленію девизовъ, которые были тогда въ большой модѣ.

Однажды послѣ обѣда король неожиданно присоединился къ кружку, образовавшемуся около молодой графини, и просилъ позволенія принять участіе въ общемъ разговорѣ. Графиня тотчасъ же сдѣлалась молчаливою и сдержанною, такъ что король опять не могъ убѣдиться дѣйствительно ли она такъ талантлива и умна, какъ говорили его придворные. Но развѣ подобныя соображенія могутъ остановить влюбленнаго! Для короля они также не имѣли никакого значенія, хотя онъ былъ убѣжденъ, что всѣ увѣренія Бюде, Маро и другихъ господъ, относительно необыкновеннаго ума графини, не болѣе какъ любезности, которыя хотятъ оказать его гостьѣ и красивой женщинѣ. На этотъ разъ онъ рѣшилъ отложить всякое ухаживанье и свелъ разговоръ на серьозные предметы, въ надеждѣ, что графиня почувствуетъ себя менѣе стѣсненной въ его присутствіи. Разсчетъ оказался вѣрнымъ.

Францискъ не чувствовалъ никакой склонности къ ученымъ спорамъ и многостороннему изслѣдованію предмета, но онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ обобщенія, благодаря которому рисовалъ передъ своими слушателями величественную картину, иногда преувеличенную, но всегда полную ума и художественно выполненную въ частностяхъ. Слушая его, казалось, что не только Франція, но и вся Европа, должна была получить по его иниціативѣ совсѣмъ иной видъ. Но въ сущности, всѣ его широкіе планы сводились къ видоизмѣненію стараго; онъ не хотѣлъ радикальнаго преобразованія или уничтоженія существующихъ порядковъ, и даже тотъ новый элементъ, который онъ стремился внести въ міръ, онъ искалъ не въ будущемъ, а въ

прошлой исторіи человѣчества и преимущественно въ средневѣковыхъ традиціяхъ.

— Еслибы вы знали, графиня, сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи, вставая съ мѣста и дѣлая знакъ рукою, чтобы всѣ удалились, какую тяжелую борьбу мнѣ приходится вести съ рутиной! Ничто не подготовлено и я теряю дорогое время на разныя приготовленія, нерѣдко забывая свою главную задачу среди мелкихъ повседневныхъ заботъ. Около меня нѣтъ ни одного человѣка, который бы съ любовью проводилъ мои планы, не смотря на препятствія, встрѣчающіяся на пути, и поддержалъ-бы меня въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ.

— А ваша сестра? возразила графиня, которая слушала короля съ замираніемъ сердца, такъ какъ ей казалось, что она видитъ передъ собою тотъ идеалъ мужской силы и всеобъемлющаго ума, которому она поклонялась въ душѣ. Только ему могъ быть доступенъ широкій кругъ творческой дѣятельности, о которой онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ. Погруженная въ новый міръ, неожиданно открывшійся передъ нею, она въ первый разъ не обратила вниманія на то, что ее оставили наединѣ съ королемъ.

— Моя сестра! сказалъ печально король, взволнованный темой разговора и отчасти кокетничая своимъ душевнымъ разстройствомъ. Пытливый умъ Маргариты стремится къ точному изслѣдованію и утомляетъ меня своимъ постоянныхъ анализомъ, чуждымъ творчества. Наконецъ у каждаго изъ насъ свои интересы; у ней есть мужъ и цѣлый міръ помимо меня. Совмѣстная дѣятельность возможна только тамъ, гдѣ люди соединены другъ съ другомъ душой и тѣломъ...

Францискъ умолкъ; графиня ничего не отвѣтила ему. Былъ теплый осенній вечеръ; она стояла въ бѣломъ платьѣ, облокотившись на спинку кресла; голова ея наклонилась впередъ. Задумчиво и съ участіемъ смотрѣла она на мужественное, красивое лицо короля, глаза котораго были устремлены на коверъ.

— Помогите мнѣ! воскликнулъ онъ, стремительно вставая съ своего мѣста и взявъ ее за обѣ руки.

Графиня вздрогнула и проговорила чуть слышнымъ голосомъ:

— Кккую помощь могу я оказать вашему величеству?

— Королева при смерти; будьте моей женой!

Графиня окончательно смутилась.

— Вашему величеству извѣстно сказала она, что я жена графа Шатобріана.

— Онъ не достоинъ васъ! Вы призваны играть болѣе видную роль!

— Воля родителей и церковь связали меня съ нимъ...

— Церковь можетъ развязать васъ... Съ этой стороны не будетъ никакихъ препятствій!.. Вы отворачиваетесь отъ меня и не только не отвѣчаете на мою любовь, но какъ будто боитесь меня.

— Да, мнѣ страшно оставаться съ вами, сказала графиня, заливаясь слезами, отпустите мою руку. Если вы дѣйствительно расположены ко мнѣ, то не мучьте меня!.. Благодарю васъ.

Говоря это, она прикоснулась дрожащими губами къ рукѣ короля и поспѣшно вышла изъ комнаты. Франциск не рѣшился удерживать ее, не смотря на всю свою смѣлость съ женщинами; слезы и испугъ графини Шатобріанъ смутили его, потому что онъ совершенно не ожидалъ подобнаго исхода.

---

На слѣдующій день былъ назначенъ праздникъ въ королевскомъ замкѣ по случаю окончанія построекъ. Король послалъ Шабо-де-Бріона спросить графиню: не угодно ли будетъ ей сдѣлать ему честь и явиться къ столу и, что въ случаѣ ея отказа, праздникъ будетъ отложенъ до того времени, пока она не изъявитъ своего согласія.

Бріонъ не особенно охотно взялся за это порученіе, тѣмъ болѣе, что долженъ былъ сообщить графинѣ не совсѣмъ пріятныя вѣсти. Онъ засталъ ее въ печальномъ настроеніи духа. Выслушавъ приглашеніе короля, она объявила наотрѣзъ, что не явится оффиціально ко двору до пріѣзда мужа.

— Графъ Шатобріанъ, возразилъ Бріонъ, будетъ въ Блуа въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Боже мой!..

— Гонецъ, отправленный мною съ вашимъ письмомъ, привезъ мнѣ извѣстіе, что онъ всего на нѣсколько минутъ опередилъ вашего мужа. Вдобавокъ, я долженъ сообщить вамъ, что графъ въ высшей степени недоволенъ вашимъ пребываніемъ въ королевскомъ замкѣ и бросилъ ваше письмо, не дочитавъ его.

— Еще этого не доставало! проговорила съ отчаяніемъ графиня, закрывъ лицо руками.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги, если вы имѣете поводъ опасаться необдуманной горячности вашего мужа. Я выѣду къ нему на встрѣчу и объясню какимъ образомъ вы попали сюда... Хотя мнѣ ничего неизвѣстно, но я догадываюсь какъ это случилось... Если ему не угодно будетъ обратить вниманія на мои слова, то я могу принудить его со шпагой въ рукѣ къ приличному обхожденію съ благородной женщиной.

— Ради Бога, не дѣлайте этого, Бріонъ; это еще больше усилитъ его гнѣвъ... или лучше сказать его неудовольствіе и вы только ухудшите мое положеніе!.. Во всякомъ случаѣ благодарю васъ отъ всего сердца!..

При этихъ словахъ графъ Шатобріанъ неожиданно вошелъ въ комнату. Онъ былъ сильно разстроенъ; потъ струился по его лицу, покрытому мертвенною блѣдностью; онъ держалъ въ рукѣ обнаженную шпагу обрызганную кровью, такъ какъ за минуту передъ тѣмъ ра-

нилъ и сбилъ съ ногъ Флоріо, который стоя у входа въ комнаты герцогини Алансонской, хотѣлъ было остановить его.

— Извините, я кажется помѣшалъ вамъ, воскликнулъ онъ, увидя жену свою въ оживленной бесѣдѣ съ Бріономъ.

— А! это вы графъ! сказала графиня тономъ, въ которомъ слышался скорѣе испугъ, нежели радость свиданія. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Да, за вами пріѣхалъ вашъ мужъ, отвѣтилъ онъ, сердито схвативъ ее за руку, вы должны тотчасъ же послѣдовать за мною! Торопитесь, пока еще нѣтъ никакихъ препятствій! Впрочемъ, все это вздоръ! кто можетъ помѣшать графу Шатобріану увезти свою жену изъ дома насилія!

При этихъ словахъ Бріонъ поспѣшно подошелъ къ графу и, взявъ его за руку, сказалъ рѣшительнымъ, хотя сдержаннымъ тономъ:

— Это домъ короля, а не домъ насилія, графъ Шатобріанъ! Вы отвѣтите передъ королемъ и всѣми нами за свое неприличное поведеніе въ королевскомъ замкѣ и за насиліе, которое вы позволяете себѣ съ дамой, пользующейся общимъ уваженіемъ.

— Молодой дворянинъ, тебѣ, какъ искателю приключеній, слѣдуетъ знать, что не всѣ приключенія кончаются удачей. Эта дама моя жена и ты не смѣешь ни оскорблять ее, ни хвалить, или играть роль покровителя. Я одинъ имѣю право считать себя ея господиномъ!

— Умоляю васъ Бріонъ, оставьте насъ! воскликнула графиня. Если вы хотите оказать мнѣ услугу, то поспѣшите впередъ и позаботьтесь, чтобы никто не помѣшалъ намъ.

Бріонъ молча поклонился графинѣ и вышелъ изъ комнаты.

Но графъ отъ этого пришелъ еще въ большую ярость и такъ сильно сжалъ руку своей женѣ, что она застонала.

— Вы кажется со всѣми перезнакомились здѣсь, недостойная женщина! крикнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства. Вы запятнали мое имя и честь! Мнѣ слѣдовало бы убить васъ въ этихъ комнатахъ, которыя были свидѣтелями вашего позора, чтобы ваша смерть послужила назидательнымъ примѣромъ для современниковъ и потомства!

— Вы напрасно обвиняете меня графъ; я не совершила никакого преступленія!

— Негодная женщина!

— Я пріѣхала сюда по вашему приказанію...

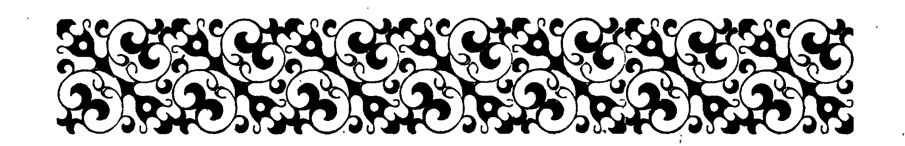
— Какъ ты нагло выучилась лгать и въ такое короткое время! воскликнулъ графъ, и съ такою силою оттолкнулъ ее отъ себя, что она упала на полъ въ обморокѣ.

Въ это время отчаянные крики Флоріо подняли на ноги весь замокъ. Бріонъ, выйдя въ переднюю, засталъ здѣсь цѣлую толпу слугъ, сбѣжавшихся съ разныхъ сторонъ; черезъ нѣсколько секундъ явился и Бонниве во главѣ дворянъ, находившихся въ этотъ день на службѣ въ замкѣ. Красивый адмиралъ казался встревоженнымъ; взявъ Бріона

подъ руку, онъ почти насильно заставилъ его вернуться въ комнаты герцогини. Они вошли въ тотъ моментъ, когда графиня упала безъ чувствъ къ ногамъ своего мужа. Не помня себя отъ негодованія, оба дворянина бросились на графа, который встрѣтилъ ихъ бранью съ поднятой шпагой: но они скоро обезоружили его.

— Король! Король! послышалось на лѣстницѣ; и прежде, чѣмъ кто нибудь успѣлъ подать помощь графинѣ, лежавшей на полу безъ малѣйшихъ признаковъ жизни, король Францискъ вошелъ въ комнату.

Конецъ первой части.



# Часть вторая.

## ГЛАВА I.

Прошло полгода послѣ вышеописанной сцены между графомъ и графиней Шатобріанъ въ Блуа.

Въ послѣднихъ числахъ марта, король сидѣлъ на южной сторонѣ замка Фонтенбло и слѣдилъ за разсадкой растеній и земляными работами, которыя производились въ этомъ мѣстѣ для устройства обширнаго цвѣтника. Постройки въ Фонтенбло занимали тогда сравнительно небольшое пространство. Король Францискъ, котораго можно считать первымъ строителемъ замка, передѣлалъ бывшій здѣсь убогій охотничій домикъ и соединивъ его съ капеллой и церковью, обнесъ галлереей и дворомъ.

Этотъ новый, какъ бы случайно возникшій замокъ, имѣлъ несравненно болѣе своебразный и романическій видъ, нежели въ позднѣйшее время. Кругомъ тянулся высокій, густой лѣсъ, какъ темнозеленое море; не смотря на многочисленныя порубки, онъ также льнулъ къ замку какъ къ прежнему охотничьему домику. Ни вѣтеръ, ни говоръ людской, не проникали въ него; солнце только нѣсколько часовъ спустя послѣ восхода могло освѣтить замокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ гигантскими деревьями. Въ ранніе утренніе часы какимъ-то волшебнымъ зеленоватымъ свѣтомъ освѣщалась дерновая терасса, устроенная Францискомъ передъ большой крытой галлереей; только весеннія птицы своимъ веселымъ щебетаньемъ прерывали тишину. По ночамъ прилетала кукушка. Король, услыхавъ ее въ первый разъ въ этомъ году и поддавшись невольному суевѣрію, принялся считать сколько разъ прокукуетъ она безъ остановки.

— Значитъ ты пророчишь мнѣ всего пятьдесятъ лѣтъ жизни! воскликнулъ со смѣхомъ король, когда кукушка замолкла. Не осо-

бенно много, но достаточно, если удастся сохранить до этихъ лѣтъ здоровье и силу!..

Четырехъугольное пространство, на которомъ Францискъ приказалъ вырубить лѣсъ для будущаго сада, должно было украситься на четырехъ углахъ изящными павильонами. Два павильона уже были почти окончены на дальнемъ концѣ сада; вблизи ихъ, за высокими буками, покрытыми весенними почками, виднѣлась зеркальная поверхность озера на темномъ фонѣ сосенъ и елей, подъ которыми былъ устроенъ гротъ. Но это были только зачатки широко задуманнаго имъ плана; онъ не зналъ насколько удастся ему выполнить его въ частностяхъ. Занятый этими мыслями, онъ обратился за совѣтомъ къ матери и сестрѣ, которыя въ это время входили въ галлерею, обращенную въ садъ. Онъ сдѣлалъ это скорѣе изъ вѣжливости, нежели изъ желанія узнать ихъ мнѣніе, потому что рѣдко принималъ чей либо совѣтъ или слѣдовалъ чужой иниціативѣ. Въ дѣлѣ вкуса онъ выказывалъ полную самостоятельность, что нельзя поставить ему въ упрекъ, потому что въ этомъ никто изъ окружающихъ не могъ сравниться съ нимъ. Маргарита имѣла больше склонности къ умственной жизни и далеко не обладала такимъ развитымъ вкусомъ въ пластикѣ, какъ ея мать и братъ. Что же касается герцогини Ангулемской, то она въ это время вовсе не была расположена поддерживать разговоръ объ искусствѣ. Она была разстроена неудачнымъ исходомъ своихъ переговоровъ съ коннетаблемъ и процессомъ Семблансэ, который въ свою защиту высказалъ объ ней много непріятныхъ вещей, что до нѣкоторой степени отразилось на ея отношеніяхъ къ сыну. Съ другой стороны огорчало ее легкомысліе ея возлюбленнаго Бонниве, который и прежде часто измѣнялъ ей, а со времени своего знакомства съ графиней Шатобріанъ со дня на день становился грубѣе и невнимательнѣе въ своемъ обращеніи.

Она нетерпѣливо выслушала вопросъ короля и отвѣтила ему недовольнымъ тономъ.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь насъ? Развѣ мы можемъ дать тебѣ какой нибудь совѣтъ! Ты ни на кого не обращаешь вниманія съ тѣхъ поръ, какъ эта упрямая Шатобріанъ удостоила насъ своимъ посѣщеніемъ. По твоему мнѣнію только она одна имѣетъ вкусъ!.

— Вы кстати напомнили мнѣ о графинѣ Шатобріанъ, сказалъ король поспѣшно поднимаясь съ своего мѣста. Какъ странно, что она не ѣдетъ сюда... Бріонъ также не привезъ до сихъ поръ никакого отвѣта.

— Я не понимаю тебя, Францискъ, замѣтила съ усмѣшкой герцогиня Ангулемская. Стоитъ ли тратить столько хлопотъ и времени на эту женщину, которая не смотря на свое замужество осталась совершеннымъ ребенкомъ?

— Что дѣлать! Въ послѣдніе мѣсяцы, проведенные мною въ Парижѣ, я мало думалъ о ней, но образъ ея сохранился въ моемъ

сердцѣ. Я живо почувствовалъ это, когда вы произнесли имя графини Шатобріанъ! Какъ это ни кажется страннымъ, но моя любовь нисколько не уменьшилась, хотя я повидимому забылъ ее.

Съ этими словами король неожиданно повернулся къ замку, оставивъ спѣшныя работы въ саду и дамъ, по своей привычкѣ предаваться всецѣло поглотившему его впечатлѣнію. Сестра и мать короля были хорошо знакомы съ этой стороной его характера; но ихъ удивило, что его могло такъ сильно взолновать воспоминаніе, потому что обыкновенно прошлое не имѣло для него никакого значенія.

— Какъ мнѣ надоѣла эта графиня, сказала герцогиня Ангулемская послѣ нѣкотораго молчанія; нужно свести ихъ, чтобы избавиться отъ нея; его страсть поддерживается неудовлетворенными желаніями!

Маргарита молчала.

---

Послѣ ссоры съ мужемъ въ Блуа, графиня опасно занемогла, такъ что долго боялись за ея жизнь и умственныя способности. Герцогиня Алансонская ухаживала за нею съ самою нѣжною заботливостью; король съ своей стороны выказалъ такое участіе, на которое никто не считалъ его способнымъ. Когда прошла опасность, онъ ежедневно посѣщалъ больную и относился къ ней самымъ дружескимъ и искреннимъ образомъ. При такихъ очевидныхъ доказательствахъ глубокой привязанности короля къ графинѣ Шатобріанъ, всѣ безусловно вѣрили распространившемуся тогда слуху, что весной Бюде будетъ отправленъ въ Римъ, чтобы выхлопотать расторженіе брака графини Шатобріанъ и благословеніе папы новой французской королевѣ. Только одна графиня ничего не знала объ этомъ; когда она настолько поправилась, что могла принимать участіе въ разговорахъ, то всегда впадала въ печальное настроеніе, когда рѣчь заходила о супружествѣ и съ видимою боязнью избѣгала оставаться наединѣ съ королемъ.

Наступила зима. Францискъ по своему обыкновенію рѣшилъ переѣхать съ дворомъ въ Парижъ; здоровье графини было уже въ такомъ удовлетворительномъ состоніи, что она могла смѣло предпринять это путешествіе. Всѣ были увѣрены, что она поѣдетъ въ Парижъ съ графиней Алансонской и устроится окончательно при дворѣ, тѣмъ болѣе, что со времени своей болѣзни, она не могла слышать имя графа Шатобріана безъ глубокаго страха и отвращенія.

Въ день назначенный для отъѣзда, король выѣхалъ изъ Блуа верхомъ съ своими приближенными нѣсколькими часами раньше своей сестры; вслѣдъ за нимъ отправилась герцогиня Ангулемская и только къ полудню поданы были мулы съ портшезами для герцогини Алансонской и графини, на которыхъ онѣ должны были доѣхать до перваго ночлега въ Орлеанѣ. Но по пріѣздѣ въ Орлеанъ, портшезъ, въ которомъ ѣхала графиня оказался пустымъ. Всѣ поиски и разспросы

кончились полной неудачей; и только по прошествіи нѣсколькихъ недѣль сдѣлалось извѣстнымъ, что молодая женщина достала себѣ лошадей, съ помощью слуги графа, оставленнаго имъ въ Блуа и дорогой незамѣтно удалилась отъ своихъ спутниковъ. Но куда она дѣлась, оставалось пока неразрѣшимой загадкой. Всѣ приходили въ ужасъ отъ мысли, что она вернулась къ своему мужу. Наконецъ Флоріо узналъ съ помощью своихъ лазутчиковъ, что графиня не пріѣзжала въ Шатобріанъ, и что Батистъ, слуга графа, котораго видѣли въ Блуа незадолго до отъѣзда двора, также исчезъ безслѣдно.

Между тѣмъ графиня, отставъ отъ своихъ спутниковъ, отправилась съ Батистомъ черезъ Лиможъ въ Пиринеи на свою родину Фуа. Это рѣшеніе было прямымъ слѣдствіемъ ея болѣзненнаго настроенія: принося себя въ жертву, она надѣялась найти успокоеніе отъ мучившихъ ея сомнѣній. Грубость мужа сдѣлала для нея невозможнымъ дальнѣйшее сожительство съ нимъ и положила конецъ рабской покорности, съ которой она переносила свою участь; тѣмъ болѣе, что долгое пребываніе въ Блуа пробудило въ ней дремлющую склонность ея сердца. Она любила короля и вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктивно понимала, что за бурными проявленіями страсти въ немъ скрывалось крайнее легкомысліе и ненасытная жажда новизны и перемѣны, которая казалась ей еще ужаснѣе, чѣмъ суровость ея мужа. Чѣмъ больше она думала, тѣмъ мучительнѣе становились ея мысли. Въ замкѣ Шатобріанъ у ней остался ребенокъ, о которомъ болѣзненно тосковало ея сердце; она знала, что послѣ ссоры съ мужемъ, вѣроятно, навсегда будетъ разлучена съ дочерью. Къ этому примѣшивалось тяжелое сознаніе, что окружавшій ее міръ никогда не проститъ ей насильственнаго развода съ мужемъ и увидитъ въ этомъ самыя недостойныя побужденія съ ея стороны. Въ себѣ самой она также не находила никакой поддержки. Воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, она считала чуть ли не преступленіемъ свое отреченіе отъ супружества, которое было заключено и освящено церковью на всю жизнь. Могла ли замѣнить все это любовь короля? Въ его любви она видѣла только временное увлеченіе и полное отсутствіе глубины и прочности. Сердце побуждало воспользоваться минутой, нашептывая ей, что искреннему чувству нѣтъ дѣла до будущности и что оно довольствуется настоящимъ. Но совѣсть удерживала ее и говорила, что при тѣхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она находится, нѣтъ иного исхода какъ отказаться отъ любви и обречь себя на страданіе. Графиня тѣмъ охотнѣе послѣдовала голосу своей совѣсти, что по своей природѣ, подобно большинству женщинъ, была болѣе склонна къ жертвамъ, нежели къ активному противодѣйствію и находила своего рода удовлетвореніе въ самоотреченіи. Въ виду грозившей ей опасности, она спаслась бѣгствомъ въ родныя горы, чтобы въ случаѣ крайности скрыться отъ свѣта за монастырскими стѣнами. Она хотѣла облегчить душу откровеннымъ разсказомъ передъ строгой ма-

терью которая жила въ одиночествѣ въ своемъ замкѣ Фуа, и во всемъ подчиниться ея волѣ. Но тѣмъ не менѣе ея сердце билось больше отъ боязни, чѣмъ отъ радости, когда поднявшись на послѣднія горы, она увидѣла передъ собой свою живописную родину, окрашенную въ суровыя краски наступающей зимы. Внизу подъ ея ногами слышалось завываніе вѣтра, который съ шумомъ проносился по оврагу, высоко поднимая сухіе листья и разбиваясь объ окружающія скалы и скалистый замокъ Фуа. Она остановила лошадь и, сбросивъ вуаль съ своего блѣднаго лица, печально взглянула на признаки начинающейся бури и прошептала: „ты счастливѣе меня вольный вѣтеръ; если я не найду пріюта на утесѣ St. Sauveur, гдѣ преклоню я свою голову!..

Тогда еще незначительное и убогое мѣстечко Фуа лежало въ долинѣ, покрытое сѣроватой мглой; окружающіе виноградники, лишенные листьевъ, представляли печальный видъ разрушенія и смерти. На западѣ возвышался замокъ Фуа, черный и грозный, съ двумя четырехъугольными и одной круглой башней, построенный на склонѣ горы St. Sauveur, вершина которой была уже убѣлена узкой полосой снѣга. За нею громоздились все выше и выше пирамидальныя массы Пиринеевъ, покрытыя снѣгами и ледниками, застилая собою горизонтъ до неприступной Maladetta.

Эта знакомая картина въ настоящую минуту наводила ужасъ на молодую женщину своей неподвижностью; даже рѣка Аріежъ, орошающая долину съ своимъ притокомъ Аржетъ, огибающимъ замокъ Фуа имѣла мрачный, несвойственный ей видъ, благодаря полноводію и покрывающимъ ее льдинамъ. Глаза графини остановились на большомъ монастырскомъ зданіи, стоявшемъ на самомъ днѣ долины, при сліяніи двухъ рѣкъ. Здѣсь, въ этомъ аббатствѣ, гдѣ чтилась память св. Женевьевы надѣялась она найти себѣ убѣжище въ случаѣ, если мать не захочетъ принять ее. Эта мысль настолько ободрила несчастную женщину, что она начала усиленно понукать свою измученную лошадь къ спуску съ горы.

Батистъ видѣлъ взглядъ своей молодой госпожи; ему показалось, что онъ понялъ ее. Не потому ли онъ покачалъ головой, что былъ озабоченъ своей будущностью, зная, что если графиня вздумаетъ удалиться въ монастырь, то ему нѣтъ возврата въ Шатобріанъ, владѣлецъ котораго никогда не проститъ ему его измѣны? Нѣтъ, Батистъ не безпокоился о своей участи; разставшись съ своей госпожей, онъ прямо отправился бы въ Женеву слушать знаменитаго проповѣдника и остался бы тамъ, потому что былъ сильно увлеченъ новымъ религіознымъ движеніемъ, о которомъ слышалъ столько разсказовъ. Но онъ вообще относился недовѣрчиво къ монастырямъ и больше всего боялся для молодой графини ея рѣшимости удалиться въ аббатство.

— Не смотрите туда, сударыня! сказалъ онъ вполголоса.—Господь давно уже оставилъ эти дома!

— Но тамъ я найду спокойствіе, а въ случаѣ надобности и защиту, Батистъ, отвѣчала графиня.

Она не была увѣрена, дадутъ ли ей пріютъ въ замкѣ, потому что знала неумолимую строгость своей матери и помнила ея рѣзкія слова по поводу сватовства графа Шатобріана, когда она пятнадцатилѣтняя дѣвочка, выразила нѣкоторое отвращеніе къ браку. Бѣдная Франциска въ настоящемъ случаѣ не могла даже возмутиться противъ суровости матери и объяснить ее недостаткомъ привязанности къ ней! Нѣтъ, старая мать искренно любила свое послѣднее дитя, хотя быть можетъ и не съ такою нѣжностью, какъ трехъ сыновей, съ которыми рано разлучила ее судьба. Но свѣтскія приличія были для старой графини настолько священны, что она не прощала ни малѣйшаго нарушенія ихъ. Подобное міросозерцаніе явилось у ней прямымъ слѣдствіемъ ея знатнаго происхожденія и ограниченнаго воспитанія; супружество и дальнѣйшая жизнь должны были еще больше укрѣпить ея аристократическія понятія. Ея мужъ, Фебъ графъ де-Фуа, происходилъ изъ древнѣйшаго рода, носившаго въ теченіи столѣтій корону Наварры; въ замкѣ Фуа на французскаго короля смотрѣли какъ на простого смертнаго и не считали нужнымъ что либо извинить ему, во имя его высокаго положенія. Такимъ образомъ для урожденной Фуа не могло служить оправданіемъ, что она ради короля отступила отъ супружеской добродѣтели. Чѣмъ могла она доказать, что осталась вѣрна своему мужу? Она знала, какъ строго и безпощадно осуждала старая графиня всякую женщину за кажущееся нарушеніе нравственности. Но развѣ она можетъ считать себя вполнѣ правой! Сколько разъ въ Бретани хотѣла она втайнѣ сбросить съ себя гнетъ тяжелаго супружества и переносилась всѣми своими помыслами и сердцемъ въ волшебный міръ, окружавшій Франциска, о которомъ она слышала столько разсказовъ! Совѣсть ея не была спокойна; она не знала будетъ ли въ состояніи вынести строгій взглядъ свѣтлосѣрыхъ глазъ ея матери, которая послѣ своего вдовства сдѣлалась еще безпощаднѣе въ своихъ мнѣніяхъ, получившихъ окраску мрачнаго піэтизма. Какого пріема могла ожидать отъ нея дочь, поставившая себя въ такое сомнительное общественное положеніе? Но тяжелѣе всѣхъ мучительныхъ заботъ и сомнѣній была для молодой графини неотвязчивая мысль, неожиданно возникшая въ глубинѣ ея души. Эта мысль, приводившая ее въ ужасъ, становилась все настойчивѣе и осязательнѣе и наконецъ настолько овладѣла ея фантазіей, что она невольно поддались ей. Какой то невѣдомый голосъ нашептывалъ ей, что мужъ ея графъ Шатобріанъ, который мѣшаетъ ея счастью, умеръ.

— Господи! подумала она съ испугомъ,—такимъ путемъ искуситель овладѣваетъ людьми и доводитъ ихъ до преступленія!..

Все, что она видѣла теперь, еще болѣе усиливало ея тяжелое настроеніе. Узкія улицы городка Фуа, круто поднимавшіяся вверхъ

къ замку, черезъ которыя ей приходилось проѣзжать, были почти пусты; немногіе прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на нее и были незнакомы ей. Она забыла, что не была въ Фуа со времени своего замужества, и что даже знакомымъ трудно было бы узнать ее подъ густымъ вуалемъ, которымъ она снова покрыла свое лицо. Ей также не пришло въ голову объяснить пустоту на улицахъ тѣмъ обстоятельствомъ, что наступившая зима въ этомъ суровомъ климатѣ загнала обитателей городка въ ихъ закоптѣлые дома. Печально поднималась она къ замку; но доѣхавъ до средины горы неожиданно остановила лошадь, и откинувъ вуаль протянула руки: ей показалось, что старая графиня Фуа стоитъ у окна восточной башни. Черезъ минуту руки ея опять опустились на сѣдло.

— Мать не узнала меня, года берутъ свое; въ былыя времена глаза ея были также зорки, какъ у горнаго сокола, проговорила Франциска съ печальной улыбкой.

Медленно въѣхала она на дворъ, окруженный башнями. Здѣсь все было пусто; однѣ только цѣпныя собаки встрѣтили ее громкимъ лаемъ. Графиня вошла въ обширную залу нижняго этажа, выложенную сѣрымъ мраморомъ, которая служила для пріема гостей и гдѣ нѣкогда ея братья устраивали веселые пиры и проводили часы досуга. Съ тѣхъ поръ давно замолкли здѣсь пѣсни и шумъ оружія; въ залѣ царила мертвая тишина; но едва графиня сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ на встрѣчу ей вылетѣлъ ручной воронъ, напугавъ ее своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Онъ кружился надъ ея головой пронзительно выкрикивая: Францискъ! Францискъ!

Сердце несчастной женщины замерло отъ ужаса при этомъ имени. Первою ея мыслью было, что мучительная тайна, которую она такъ тщательно скрывала, уже извѣстна въ домѣ ея матери. Однако, она скоро убѣдилась, что ея испугъ не имѣлъ никакого основанія. Жакъ, такъ звали ворона, былъ ея давнишнимъ пріятелемъ; онъ тотчасъ узналъ ее и началъ повторять ея имя, не договаривая по обыкновенію послѣдняго слога, который почему то не давался ему.

— Мой добрый Жакъ, ты все-таки не научился выговаривать имя бѣдной Франциски!.. Зачѣмъ встрѣтилъ ты меня, предвѣстникъ несчастія! сказала печально молодая графиня, гладя ворона, сѣвшаго на ея перчатку.

Она старалась пересилить себя и приписать случаю дурное предзнаменованіе, встрѣтившее ее въ домѣ матери.

— Они вѣроятно не замѣтили моего пріѣзда, прошептала она,— слуги заняты, а мать могла не узнать меня... Въ это время года они не ожидаютъ посѣтителей, а тѣмъ болѣе меня!..

Ободряя себя такимъ образомъ, она поднялась по каменной лѣстницѣ и такъ поспѣшно шла вдоль корридора въ угловую комнату матери, что Жакъ едва могъ держаться на ея рукѣ, ударялъ крыльями и безостановочно каркалъ: „Францискъ! Францискъ!“ Этотъ зовъ

опять лишилъ графиню мужества; ноги отказывались служить ей; она остановилась въ нерѣшимости передъ тяжелой дубовой дверью. Ей не долго пришлось ждать. Дверь неожиданно отворилась; она увидѣла свою мать, высокую женщину въ черномъ платьѣ, стоявшую среди комнаты; направо отъ нея священника въ лиловомъ одѣяніи; налѣво стройную дѣвушку. Дворецкій, стоя въ почтительномъ отдаленіи, раскланивался передъ старой графиней, которая отдавала ему какія то приказанія.

Молодая графиня, увидя свою мать, хотѣла подойти къ ней, но та остановила ее своимъ ледянымъ взглядомъ и приковала къ мѣсту. Немного погодя, дворецкій вышелъ въ корридоръ и заперъ за собою дверь. Но графиня Шатобріанъ не сдвинулась съ мѣста и молча смотрѣла на знакомое морщинистое лицо стараго слуги, который поклонился, не глядя ей въ глаза.

— Графиня Фуа, сказалъ онъ беззвучнымъ голосомъ,—поручила мнѣ спросить, какого рода услуги желаетъ отъ нея дама прибывшая въ замокъ?

— Что это значитъ Бернаръ? Развѣ вы не узнаете меня?..

— Графиня Фуа предполагаетъ, что вѣроятно произошло недоразумѣніе, вслѣдствіе случайнаго сходства... Ея сіятельство графиня Шатобріанъ, урожденная Фуа, не станетъ путешествовать одна по большимъ дорогамъ. Она живетъ въ Бретани, въ замкѣ своего мужа, графа Шатобріана...

Молодая графиня не нашлась, что отвѣтить на это и стояла неподвижно передъ дворецкимъ, который окончательно растерялся и добавилъ печальнымъ тономъ, что если пріѣзжей дамѣ будетъ угодно, то ей накроютъ столъ въ залѣ и позаботятся объ ея слугѣ и лошадяхъ для дальнѣйшаго путешествія.

— Для дальнѣйшаго путешествія, воскликнула графиня, опустившись въ изнеможеніи на каменную скамью у окна и закрывъ лицо руками.

Воронъ, испуганный этимъ движеніемъ, вскочилъ на оконный карнизъ, между тѣмъ какъ дворецкій отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ, выжидая, на что рѣшится молодая графиня. Крупныя слезы текли по его морщинистымъ щекамъ.

— Развѣ я заслужила это? спрашивала себя съ отчаяніемъ несчастная женщина, припоминая одно за другимъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ, которыя могли навлечь на нее гнѣвъ матери. Но чѣмъ больше думала она, тѣмъ мрачнѣе становилось у ней на душѣ; она горько упрекала себя за то, что, не заставъ мужа въ Блуа, тотчасъ же не вернулась домой. Въ этомъ заключалась ея главная ошибка, испортившая всю ея дальнѣйшую жизнь. Если бы она могла оправдать себя передъ судомъ собственной совѣсти, то у ней хватило бы мужества бороться съ судьбой. Но не встрѣчая ни въ себѣ, ни въ другихъ, поддержки, она рѣшила навсегда отказаться отъ счастья и

всего, что составляетъ прелесть жизни, съ тѣмъ чтобы обречь себя на безропотное и молчаливое страданіе.

Теперь у ней было одно желаніе—уѣхать скорѣе изъ негостепріимнаго дома ея матери. Она подняла голову. Передъ нею стоялъ священникъ въ лиловомъ одѣяніи. Изъ груди ея вырвалось радостное восклицаніе.

— Ты не отвернулся отъ меня, Флорентинъ, сказала она, протягивая ему руку,—и не оставишь меня!

— Церковь не покидаетъ заблудшей овцы.

— Значитъ, только церковь привела тебя ко мнѣ!

— Только церковь, Франциска! Развѣ можетъ быть что выше ея!

— Я не спорю противъ этого. Но сердце друга приноситъ еще большую отраду и ближе намъ.

— Не каждый человѣкъ можетъ имѣть друга, а церковь открыта для всѣхъ. Вспомни о нашей молодости, Франциска, вспомни о томъ, что такъ часто говорилъ тебѣ нашъ духовникъ! Сколько разъ предостерегалъ онъ тебя отъ грѣховной увѣренности въ собственныхъ силахъ! Люди не болѣе какъ тростникъ ростущій въ тинѣ; развѣ трудно уничтожить его! Но ты поддалась самообольщенію и, расчитывая на свои силы, вообразила, что ты выше мужа и семейныхъ обязанностей.

— Нѣтъ Флорентинъ, ты напрасно обвиняешь меня! Судьба распорядилась мной помимо моей воли!

— Судьба языческое слово и добрая христіанка не должна употреблять его! Ты стремилась къ необычайному и ты дорого заплатишь теперь за свое стремленіе! Ты покинула мужа для удовольствій придворной жизни, какъ гласитъ молва, которая съ быстротою бури уничтожила твое доброе имя съ конца въ конецъ нашей земли. Намъ передали между прочимъ, что ты изъ тщеславія позволила себѣ выразиться о нашей религіи, что она выдумана людьми.

— Я не говорила этого! робко возразила графиня.

— Развѣ Бюде, Маро, герцогиня Алансонская, и вся ихъ клика, не вели длинныхъ бесѣдъ о преступномъ ученіи нѣмецкаго еретика, какъ будто это былъ самый обыкновенный сюжетъ для разговора? Развѣ вы не унижали нашу святую вѣру, взвѣшивая ее мѣриломъ несовершеннаго человѣческаго ума? Никто изъ васъ не задалъ себѣ вопроса: можетъ ли божественное подлежать людскому суду? Ты спокойно слушала эти толки. Развѣ ты не находила грѣховное удовольствіе въ языческомъ искусствѣ, которое король проводитъ въ постройкѣ и живописи? Развѣ ты не забыла свои обязанности и честь, вступивъ на этотъ скользкій путь?

— Флорентинъ, я невинна...

— Невинна! Ты считаешь себя невинной душой и тѣломъ?

Франциска молчала.

— Ты можетъ быть предполагаешь, что тѣло важнѣе души! Спроси

себя, положа руку на сердце: осталась ли душа твоя вѣрна супругу, съ которымъ связало тебя таинство церкви?.. сохранила ли ты вѣрность католической вѣрѣ, въ которой воспитали тебя? Развѣ ты не видишь, что мать не признала собственное дитя! Не оттого-ли, что земныя связи ничего не значатъ передъ небесными узами? Гдѣ-же земныя связи, которыя поддерживали и охраняли тебя? Дуновеніе вѣтра порвало ихъ; точно дитя въ пустынѣ блуждаешь ты въ нашей прекрасной странѣ, терзаясь горемъ и раскаяніемъ. Ты сама не увѣрена: хватитъ ли у тебя силы устоять противъ грѣха, или ты обречешь себя на вѣчную гибель и поддашься ему въ надеждѣ найти въ немъ мимолетное удовольствіе и утѣшеніе. Вотъ положеніе, въ которое ты поставила себя, воображая въ своемъ высокомѣріи, что можешь безнаказанно нарушать законы, данные намъ Божественнымъ откровеніемъ!

— Чѣмъ могу я искупить свой грѣхъ? проговорила рыдая молодая женщина.

— Молитвой и раскаяніемъ!

— Я молюсь и каюсь...

— И при этомъ воображаешь себѣ, что страдаешь напрасно! Но ты вполнѣ заслужила то, что испытываешь теперь. Цѣлый міръ отдѣляетъ тебя отъ покаянія и отпущенія грѣховъ. Пойми, Франциска, что пропасти со всѣхъ сторонъ окружаютъ тебя и что свѣтъ не гладкая танцовальная зала. Ты утверждаешь, что ты невинна, тогда какъ ни одинъ человѣкъ не вѣритъ твоей невинности.

— Флорентинъ!..

— Повторяю тебѣ, что ни одинъ человѣкъ не вѣритъ этому! Даже твоя мать и я!

— Еще этого не доставало!.. Если вы такъ безжалостны, то и мнѣ нечего жалѣть, что я лишилась вашей привязанности! проговорила съ гнѣвомъ молодая графиня; и закрывъ вуалемъ свое заплаканное лицо, встала съ мѣста, чтобы навсегда оставить замокъ своихъ предковъ.

— Твое сердце, теряя мать, лишается самаго дорогого сокровища на землѣ! сказалъ священникъ.

— Я вижу изъ твоихъ словъ, что я лишилась ея привязанности, прежде чѣмъ пріѣхала сюда. Скажи ей, что съ сегодняшняго дня дочь на всегда прощается съ нею.

— Лучше вовсе не имѣть дѣтей, нежели тяготиться ихъ существованіемъ, продолжалъ священникъ; дѣвушка, которую ты видѣла сегодня у твоей матери, служитъ нагляднымъ доказательствомъ этого.

— Кто она такая?

— Она дочь твоего двоюроднаго брата, герцога Инфантадо. Ты видѣла въ дѣтствѣ этого человѣка, погруженнаго въ глубокую скорбь; онъ дошелъ до этой скорби вслѣдствіи того, что пренебрегалъ совѣтами благочестивыхъ людей. Когда ему было двадцать лѣтъ, живя въ Севильѣ, онъ отправился разъ съ своимъ пріятелемъ въ маскарадъ,

гдѣ они вдвоемъ преслѣдовали одну даму въ черномъ національномъ костюмѣ. Дама эта была высокаго роста, имѣла красивую ножку и соблазнительную шею, какъ выражаются легкомысленные молодые люди. Лицо и вся ея фигура были закрыты, такъ что она издали ничѣмъ не отличалась отъ другихъ дамъ, кромѣ яркаго малиноваго банта, пришпиленнаго къ ея груди. Толпа скоро разлучила герцога съ его пріятелемъ и ему удалось сговориться съ дамой относительно rendez-vous, но подъ условіемъ не говорить съ нею ни одного слова при свиданіи и не наводить никакихъ справокъ объ ея имени и званіи. Герцогъ, имѣя только въ виду удовлетворить свою похоть, торжественно обѣщалъ исполнить ея требованіе; и такъ какъ свиданіе было назначено черезъ часъ, то онъ поспѣшилъ отыскать своего пріятеля въ толпѣ, чтобы сообщить ему о своей побѣдѣ. Оказалось, что пріятель искалъ его съ тѣмъ же нескромнымъ побужденіемъ, потому что маска съ малиновымъ бантомъ равнымъ образомъ назначила ему свиданіе черезъ часъ.—Мы одурачены, воскликнули оба пріятеля въ одинъ голосъ и бросились отыскивать обманувшую ихъ маску, чтобы потребовать отъ нея объясненія. Но они не могли найти ее, и, потративъ почти часъ на поиски, рѣшили прямо отправиться на rendez-vous, которое было назначено въ разныхъ мѣстахъ. Предполагаемый обманъ не остановилъ ихъ, потому что у каждаго изъ нихъ было на умѣ: „она сдержитъ данное мнѣ обѣщаніе и вѣроятно одурачитъ моего довѣрчиваго друга".

Герцогъ Инфантадо не ошибся; онъ встрѣтилъ таинственную даму на rendez-vous, но, возвращаясь утромъ домой, наткнулся на трупъ своего пріятеля подъ заборомъ ближайшаго сада. Глубокій ударъ кинжала пронзилъ его въ самое сердце, около раны какъ будто въ насмѣшку красовался малиновый бантъ, кокетливо пришпиленный къ груди несчастнаго.—Какое странное совпаденіе! подумалъ герцогъ въ своей юношеской грѣховности, которая была на столько велика, что его менѣе занимала смерть друга, чѣмъ вопросъ; кто могъ украсить его малиновымъ бантомъ? и онъ старался припомнить, былъ ли приколотъ этотъ бантъ къ груди красавицы во время ихъ нѣжнаго свиданія.

Въ это же утро герцогъ получилъ приказаніе отъ своего отца немедленно ѣхать въ Мадридъ, чтобы быть представленнымъ при дворѣ. Подобная поѣздка разумѣется казалась ему важнѣе, чѣмъ неожиданная смерть друга и разъясненіе любовной исторіи, которая уже потеряла для него всякій интересъ. Онъ тотчасъ-же отправился въ Мадридъ и скоро забылъ о своемъ приключеніи въ Севильѣ, среди веселія и разнообразія столичной жизни. Дамы настолько баловали его своимъ вниманіемъ, что онъ не считалъ нужнымъ помышлять о бракѣ, пока ему были доступны радости не обязательной любви. Между тѣмъ здоровье его сильно разстроилось и онъ незамѣтно достигъ сорокалѣтняго возраста. Тогда онъ рѣшилъ, что пора подумать о закон-

номъ наслѣдникѣ и преемникѣ герцогской короны и сталъ искать себѣ невѣсту среди самыхъ красивыхъ и знатныхъ дѣвушекъ страны. Наше высшее общество въ своемъ легкомысліи оправдываетъ юношескій развратъ, и считаетъ подобныхъ господъ „заплатившихъ дань молодости“ наиболѣе годными для супружества, какъ людей опытныхъ и пресыщенныхъ. Такимъ образомъ герцогу Инфантадо не трудно было жениться на красивой и знатной андалузской дѣвушкѣ съ весьма значительнымъ состояніемъ, и при этомъ круглой сиротѣ, не имѣвшей близкихъ родственниковъ, что особенно прельщало его. Благодаря опытности въ любовныхъ дѣлахъ, герцогъ очень скоро расположилъ къ себѣ сердце своей девятнадцатилѣтней жены, которая еще больше привязалась къ нему послѣ рожденія дочери и мало по малу сообщила ему всѣ тайны своего семейства. Между прочимъ разсказала она мужу объ одномъ приключеніи, бывшемъ съ ея матерью и теткой въ Севильѣ. Обѣ онѣ были близнецы и очень несчастны въ супружествѣ, но это не мѣшало имъ наслаждаться жизнью. Разъ ночью — начала свои разсказы герцогиня, отправились онѣ вмѣстѣ въ маскарадъ въ одинаковыхъ костюмахъ...

— Въ одинаковыхъ костюмахъ? спросилъ герцогъ, у котораго пробудилось воспоминаніе о своемъ любовномъ похожденіи вмѣстѣ съ смутнымъ опасеніемъ, что одна изъ дамъ окажется его маской съ малиновымъ бантомъ.

— Да, онѣ нарядились въ черное андалузское платье, которое очень шло къ нимъ, потому что обѣ были высокаго роста и могли похвалиться своей красивой шеей и ножкой. Чтобы отличить другъ друга въ толпѣ, каждая изъ нихъ приколола себѣ къ груди малиновый бантъ.

— Къ груди?

— Точно такъ, мой дорогой супругъ! Почему вы переспрашиваете меня? Мой разсказъ повидимому очень интересуетъ васъ!

— Да, эта исторія очень интересуетъ меня! Продолжайте пожалуйста.

— По какому-то странному совпаденію, онѣ познакомились въ маскарадѣ съ двумя молодыми людьми однихъ лѣтъ, одного роста и которые были совершенно одинаково замаскированы.

— Не въ черныхъ ли домино?

— Какъ вы отлично угадываете! Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, вы были тогда въ Севильѣ и вѣроятно слышали объ этой исторіи.

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ!..

— Моя мать и тетка увлеклись молодыми кавалерами, и въ тотъ-же вечеръ, не задумываясь, назначили имъ свиданіе; моя мать одному черному домино, тетка — другому. Обѣ пары встрѣтились ночью, и какъ имъ казалось въ безопасныхъ мѣстахъ. Но мой отецъ, мужъ моей тетки или кто другой, потому что за обѣими красавицами ухажи-

вали многіе — подстерегъ одного изъ господъ замаскированныхъ въ черномъ домино и убилъ его, когда тотъ возвращался домой съ нѣжнаго свиданія.

— Который же изъ нихъ былъ убитъ—любовникъ твоей матери или тетки?

— Онѣ сами не знали чей! Этотъ вопросъ чрезвычайно мучилъ ихъ, но остался неразрѣшеннымъ.

— О, Боже!..

— Дома моего отца и дяди стоятъ рядомъ, а трупъ былъ найденъ въ ста шагахъ отъ нихъ. Когда мать и тетка узнали о смерти несчастнаго, то онъ уже былъ похороненъ, а его товарища вѣроятно оставшагося въ живыхъ, онѣ не могли найти, несмотря на всѣ свои поиски. Съ этого времени на обѣихъ женщинъ напала такая тоска, что онѣ удалились отъ свѣта.

— Были ли у нихъ дѣти?

— Вы вѣроятно хотите спросить: имѣла ли дѣтей моя тетка, потому что въ моемъ существованіи вы кажется не можете сомнѣваться. Да, у меня былъ двоюродный братъ, однихъ лѣтъ со мной, который былъ товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ, пока дядя въ припадкѣ непонятнаго бѣшенства не лишилъ насъ его присутствія. Вѣсть о смерти сына уложила въ гробъ тетку; моя мать не долго пережила ее; она все стремилась въ монастырь, но отецъ не соглашался на это; между тѣмъ здоровье ея становилось все хуже и наконецъ она окончательно слегла въ постель. Однажды вечеромъ, когда я должна была въ первый разъ выѣхать въ свѣтъ, мать подозвала меня и разсказала эту исторію. Къ несчастью отецъ пришелъ за мной неожиданно во время разсказа и такъ испугалъ ее своимъ появленіемъ, что вернувшись съ праздника мы застали ее мертвою... Но что съ вами! Вы такъ странно смотрите на меня, какъ будто разсказъ мой заключаетъ для васъ нѣчто ужасное!..

Ему было отъ чего прійти въ ужасъ! Жена, ребенокъ, счастье всей жизни, было разомъ отнято у него! Онъ имѣлъ полное основаніе предположить, что держитъ въ своихъ объятіяхъ собственное дитя. Онъ возненавидѣлъ свою новорожденную дочь и навсегда удалилъ ее отъ своихъ глазъ. Вы видѣли сегодня несчастную Химену; съ клеймомъ отцовскато грѣха на челѣ, она странствуетъ изъ замка въ замокъ, отъ родныхъ къ чужимъ. Ея мать зачахла отъ разлуки съ единственнымъ ребенкомъ и еще болѣе отъ таинственнаго поведенія мужа. Что же касается герцога, то послѣ смерти жены онъ сталъ еще больше походить на привидѣніе и нигдѣ не находилъ себѣ покоя...

— Вотъ Франциска, каковы свѣтскіе пути! продолжалъ священникъ торжественнымъ тономъ.—Сначала они манятъ насъ къ себѣ и кажутся привлекательными, а потомъ послѣдовательно ведутъ насъ къ неизбѣжной гибели. Никто прямо не начинаетъ съ проступковъ; сперва у человѣка являются затаенныя желанія, которыя кажутся

безвредными и невинными. Помни, Франциска, путь къ смерти, на лоно Господа, проложенъ мимо бездонныхъ пропастей! Кто знаетъ это, тому нечего ждать прощенія, если онъ совращается съ открытой и безопасной дороги для удовлетворенія мимолетной земной склонности.

— Не это совратило меня съ пути...

— Но фактъ все-таки совершился!

— Помоги мнѣ!

— Ты должна желать нашей помощи, чтобы не погибнуть навѣки.

— Я желаю ее всѣмъ сердцемъ!

— Ты должна отречься отъ той жизни, которую вела до сихъ поръ.

— Она кончена для меня съ этого момента. Помоги мнѣ!

— Домъ св. Женевьевы открытъ для тебя, если ты хочешь отречься отъ міра.

— Да, я хочу этого.

— Иди за мной!

Франциска, подъ вліяніемъ отчаянія, была въ такомъ напряженномъ состояніи, что въ эту минуту совершенно искренно желала, во что бы то ни стало, покончить со свѣтомъ. Такъ слабый человѣкъ въ виду опасности закрываетъ глаза, думая этимъ способомъ избѣжать ее.

Графиня молча послѣдовала за своимъ спутникомъ по корридору къ лѣстницѣ ведущей къ выходу. Въ это время на дворѣ послышались быстрые удары копытъ. Священникъ подошелъ къ окну; но молодая женщина была слишкомъ разстроена, чтобы интересоваться чѣмъ бы то ни было;—она остановилась среди корридора и пристально смотрѣла на каменныя плиты подъ ея ногами. Если бы она взглянула въ окно и узнала въ прибывшемъ всадникѣ Шабо де-Бріона, который съ инстинктомъ романической любви выслѣдилъ ее отъ Блуа до Пиринеевъ, то и это не имѣло бы никакого вліянія на ея рѣшеніе. Въ настоящую минуту она видѣла спасеніе только въ отреченіи отъ свѣта; разсказъ Флорентина привелъ ее въ такой ужасъ, что она съ отвращеніемъ относилась ко всякой любви. Полное одиночество на всю жизнь было теперь ея единственнымъ желаніемъ.

Такимъ образомъ Флорентинъ совершенно напрасно вывелъ ее изъ замка потаеннымъ ходомъ и выбралъ дальнюю дорогу въ аббатство черезъ густой сосновый лѣсъ. Еслибы Шабо де-Бріонъ, встрѣтилъ ее, то и тогда онъ не могъ бы остановить ее; но не легко было обмануть Батиста. Онъ выждалъ свою молодую госпожу у лѣстницы, слышалъ весь ея разговоръ съ Флорентиномъ и, прокравшись за ними вслѣдъ, загородилъ имъ дорогу у воротъ аббатства.

Но всѣ просьбы и увѣщанія вѣрнаго слуги оказались напрасными. Молодая женщина совершенно поддалась духовной власти Флорентина; она потребовала отъ озадаченнаго бретанца торжественнаго обѣщанія уѣхать изъ Фуа и никому не говорить, гдѣ она.

Тяжелыя ворота съ шумомъ затворились за нею. Старый Батистъ, со слезами на глазахъ, стоялъ, сложивъ руки передъ сѣрымъ монастырскимъ зданіемъ, скрытымъ въ тѣни лѣса, у сліянія рѣкъ: Аржета и Аріежъ, которыя грозно шумѣли въ своемъ полноводіи. Бретанецъ робко взглянулъ на бушующія волны и на темный лѣсъ, какъ будто предчувствуя, что также таинственна и мрачна будетъ судьба, ожидавшая его госпожу. Его понятія о церковной реформѣ были настолько элементарны, что онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета о непригодности монастырскихъ учрежденій, но сомнѣніе уже настолько закралось въ его душу, что онъ тихо произнесъ:

— Моя бѣдная госпожа, зачѣмъ обрекаешь ты себя на эту мертвящую жизнь! Кто знаетъ—можетъ быть судьба предназначила тебя къ великимъ дѣяніямъ; и ты напрасно хочешь похоронить себя!

Печально поднялся онъ на гору къ замку. Что оставалось ему дѣлать!

— Поѣду я въ Женеву! пробормоталъ онъ.—Когда мы нагрянемъ на Францію несмѣтной толпой, чтобы очистить церковь и вѣру, то я приведу сюда войско и освобожу мою бѣдную графиню. Разумѣется пройдетъ года два, пока все это устроится, а къ тому времени она опомнится отъ своего заблужденія!..

Войдя въ дворъ замка, Батистъ встрѣтилъ Шабо де-Бріона, который съ радостью бросился къ нему, такъ какъ увидя его не сомнѣвался больше въ близости любимой женщины. Старая графиня только что приказала передать молодому дворянину грозный приказъ немедленно удалиться изъ ея замка и притомъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ; Бріонъ надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, получитъ отъ Батиста точныя свѣдѣнія относительно его госпожи. Но, вѣрный слуга далъ слово никому не говорить гдѣ она и въ точности исполнилъ это обѣщаніе, хотя въ душѣ у него было сильное поползновеніе сообщить свое горе сеньёру, котораго онъ любилъ за рыцарское обращеніе и привязанность къ графинѣ. Онъ былъ даже настолько добросовѣстенъ, что молча вынесъ оскорбленія, которыми осыпалъ его Бріонъ, не сказавъ ни одного слова въ свою защиту. Между тѣмъ Бріонъ имѣлъ полное основаніе подозрѣвать Батиста, потому что уликой противъ него служила измученная лошадь графини, стоявшая на дворѣ рядомъ съ другой осѣдланной лошадью у башни. Кто могъ поручиться ему, что старый слуга намѣренно не сманилъ графиню, сговорившись съ нею въ Блуа, а затѣмъ неожиданно выдалъ ее Шатобріану.

— Я тебя привяжу къ этой башнѣ и заставлю подъ ударами ремня сознаться въ твоемъ преступленіи, воскликнулъ Бріонъ, выведенный изъ терпѣнія упорнымъ молчаніемъ бретанца.

Пока вся эта сцена происходила среди двора, въ залѣ замка собрались всѣ слуги и конюхи, поспѣшно созванные дворецкимъ, который, нарядившись въ парадную ливрею дома Фуа, съ большимъ

жезломъ въ рукѣ, торжественно вывелъ ихъ на дворъ. Здѣсь онъ велѣлъ имъ остановиться на нѣкоторомъ разстояніи отъ незнакомца и, выступивъ впередъ, спросилъ громкимъ голосомъ:

— Извѣстно ли пріѣзжему господину, что въ замкѣ не желаютъ его присутствія и намѣренъ ли онъ послѣдовать приказанію ея сіятельства?..

Сдѣлавъ этотъ запросъ, дворецкій запнулся. Ему было тяжело спровадить такимъ образомъ одного изъ друзей графини и онъ добавилъ отъ себя подъ страхомъ подвергнуться строгой отвѣтственности, что „если домъ Фуа по нѣкоторымъ причинамъ не можетъ принять молодого сеньёра, то богатое аббатство св. Женевьевы вѣроятно не откажетъ ему въ ночлегѣ“.

Но разгнѣванный Бріонъ не обратилъ никакого вниманія на слова дворецкаго, сѣлъ на лошадь и приказалъ своимъ слугамъ захватить съ собою Батиста и обѣихъ лошадей, поспѣшно спустился съ горы въ надеждѣ найти себѣ помѣщеніе въ городѣ.

---

Старая графиня де Фуа никогда не выказывала привязанности къ своей единственной дочери и постоянно относилась къ ней съ неумолимою суровостью. Она опасно заболѣла послѣ рожденія Франциски и принуждена была отдать ее на попеченіе кормилицы; но къ этому еще присоединилась и другая причина отчужденія. Проболѣвъ нѣсколько лѣтъ, она принуждена была по совѣту доктора навсегда отказаться отъ супружеской жизни. Графъ де Фуа, въ то время еще бодрый и полный силъ, не могъ помириться съ подобнымъ положеніемъ и старался найти себѣ утѣшеніе на сторонѣ, что служило источникомъ глубокихъ огорченій для его жены, которая безсознательно мстила за нихъ своей дочери. Она холодно относилась къ маленькой Францискѣ, хотя любила ее горячей своенравной любовью. Но тѣмъ нѣжнѣе и ласковѣе обращалась съ дѣвочкой кормилица Марго, у которой умеръ ребенокъ, родившійся одновременно съ Франциской. Марго принадлежала къ числу женщинъ, способныхъ быть только женами и матерями, которыя при своемъ непосредственномъ отношеніи къ жизни не задаются никакими вопросами и спокойно выносятъ величайшія несчастія, почти не сознавая ихъ. Условныя приличія не существуютъ для такихъ женщинъ; ихъ добродушіе и простота обезоруживаютъ самыхъ строгихъ моралистовъ. Марго еще будучи молодой дѣвушкой славилась своей красотой, напоминавшей изображенія Мадонны; но эта красота скоро послужила причиной ея гибели, такъ какъ одинъ изъ графовъ боковой линіи Фуа соблазнилъ ее. Марго не считала нужнымъ скрывать свое несчастіе, и родивъ сына, окрестила его подъ именемъ Флорентина. Когда кто либо изъ родныхъ или знакомыхъ настоятельно разспрашивалъ ее объ отцѣ Флорентина, то она отвѣчала улыбаясь, что это былъ вѣроятно какой-нибудь принцъ, по-

тому что онъ показался ей необыкновенно красивымъ, когда подошелъ къ стогу сѣна на лугу, у котораго она дремала и взялъ ее за руку. Вотъ все, что ей извѣстно о немъ, а что Флорентинъ также очень красивъ, это всякій можетъ видѣть.

Флорентинъ былъ на пять лѣтъ старше Франциски. „Онъ похожъ красотой на святого, говорила Марго, и долженъ быть священникомъ!“ Флорентинъ жилъ и учился въ аббатствѣ св. Женевьевы и, бывая часто въ замкѣ Фуа, въ качествѣ молочнаго брата молодой графини, очень подружился съ нею. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ и графъ Шатобіанъ увезъ ее съ собой въ Бретань, Флорентинъ былъ такъ огорченъ ея отъѣздомъ, что безпрекословно согласился на всѣ планы матери и окончательно поселившись въ аббатствѣ сдѣлался священникомъ. Такимъ образомъ молодая графиня при своемъ затруднительномъ положеніи имѣла полное основаніе разсчитывать на искреннее участіе друга дѣтства и беззаботно послѣдовала за нимъ, не подозрѣвая въ какомъ направленіи развились склонности и характеръ Флорентина.

Его нельзя было назвать злымъ человѣкомъ, но чувственность, проявлявшаяся у его матери такимъ наивнымъ и добродушнымъ способомъ, превратилась у него въ сознательное стремленіе къ наслажденію. Благодаря своему свѣтлому уму, чуждому предразсудковъ, онъ скоро поднялся выше уровня большинства своихъ товарищей и обратилъ на себя вниманіе начальства. Реформація въ тѣ времена еще мало производила впечатлѣнія на испанской границѣ, но цивилизованное папство послѣдняго десятилѣтія, получившее небывалый блескъ при Львѣ X, создало во многихъ христіанскихъ государствахъ новое поколѣніе образованныхъ священниковъ, отличавшихся своеобразнымъ направленіемъ. Это было своего рода іезуитство, предшествовавшее настоящему, но іезуитство чувственное и искуственное, также неразборчивое на средства, которое хотѣло побѣды не для церкви, а для себя и для кружка избранныхъ. Оно преимущественно льнуло къ великимъ и сильнымъ міра, не съ цѣлью дѣйствовать черезъ нихъ на массу, а съ тѣмъ чтобы наслаждаться вмѣстѣ съ ними прелестями жизни. Міръ вѣрованій для этихъ людей былъ міромъ формулъ, не имѣющихъ никакого значенія и просвѣщенный священникъ, по ихъ понятіямъ, долженъ былъ соблюдать ихъ только по наружности и поддерживать изворотливостью своего ума.

Дойдя мало-по-малу до такихъ убѣжденій, Флорентинъ уже нѣсколько лѣтъ мечталъ о томъ, какъ бы ему попасть въ Римъ или Парижъ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ свѣтѣ. Занимая должность секретаря аббатства, онъ ни минуты не терялъ изъ виду французскаго короля и узналъ раньше старой графини о пребываніи Франциски въ Блуа. Равнымъ образомъ ему было извѣстно настроеніе лицъ окружающихъ короля и онъ безошибочно взвѣсилъ то вліяніе, какое можетъ оказать на молодую женщину просвѣщенный умъ Маргариты и Бюде. Въ виду этого и очевидной привязанности

короля, Флорентину было чрезвычайно важно завладѣть молодой женщиной, которой по всѣмъ даннымъ суждено было рано или поздно играть видную роль при французскомъ дворѣ.

Но въ этомъ случаѣ Флорентинъ долженъ былъ убѣдиться, что настоящая минута можетъ разрушить всѣ старательно придуманные планы и что страсть краснорѣчивѣе разсудка. При первомъ своемъ свиданіи въ замкѣ, онъ не могъ замѣтить насколько похорошѣла Франциска со времени замужества, потому что видѣлъ ее въ запыленномъ платьѣ, съ лицомъ искаженнымъ отъ горя и слезъ, и самъ былъ слишкомъ занятъ мыслью о той выгодѣ, какую она можетъ доставить ему въ будущемъ. Въ этомъ-же настроеніи онъ назначилъ ей комнату, послалъ за ея чемоданомъ въ замокъ и сдѣлалъ докладъ аббату. Но теперь, когда онъ увидѣлъ при наступающихъ сумеркахъ красивую, изящно одѣтую молодую женщину, сидѣвшую у камина съ выраженіемъ безропотной покорности на благородномъ лицѣ, у него явилась преступная мысль, что онъ также красивъ, какъ король, и имѣетъ такія-же, если еще не большія права на нее.

---

## ГЛАВА II.

Батистъ не нарушилъ слова даннаго графинѣ, не смотря на ожидавшее его наказаніе плетьми, которому хотѣлъ его подвергнуть разгнѣванный Шабо де Бріонъ, но выждавъ удобную минуту напомнилъ молодому сеньеру о предложеніи дворецкаго остановиться въ аббатствѣ. Бріонъ, не довѣряя старому слугѣ, нанялъ себѣ помѣщеніе въ городкѣ Фуа, гдѣ думалъ провести остатокъ дня и слѣдующую ночь, такъ какъ былъ увѣренъ, что графиня Шатобріанъ въ замкѣ или гдѣ нибудь по близости его и надѣялся, что можетъ быть ему удастся отыскать ее. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ хозяина гостинницы и тотъ сообщилъ ему, что часъ тому назадъ какая-то дама проѣхала верхомъ въ замокъ въ сопровожденіи слуги. Бріонъ при этихъ словахъ бросилъ угрожающій взглядъ на Батиста и спросилъ хозяина: успѣетъ ли онъ до наступленія ночи побывать въ аббатствѣ св. Женевьевы?

— Аббатство отъ насъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла! отвѣтилъ хозяинъ. Если вы дойдете до лѣсу, то оно будетъ отъ васъ налѣво у рѣки. Привратникъ обходительный малый; вамъ будетъ не трудно вывѣдать у него: остановилась ли у нихъ сегодня пріѣзжая дама съ слугой?

Бріонъ тотчасъ же отправился въ путь и черезъ десять минутъ позвонилъ у воротъ аббатства. Дородный монахъ, исполнявшій должность привратника, отодвинулъ не много засовъ чтобы убѣдиться: стоитъ ли обращать вниманія на посѣтителя и впускать его въ мо-

настырь. Увидя статнаго сеньера въ шляпѣ съ перомъ, онъ поспѣшилъ отворить ворота и сдѣлался необыкновенно вѣжливымъ. Вѣроятно Бріонъ получилъ бы сразу удовлетворительный отвѣтъ на свой вопросъ, потому что Флорентинъ не счелъ нужнымъ наложить на привратника обѣтъ молчанія относительно прибытія графини въ аббатство. Но онъ началъ съ того, что всыпалъ цѣлую горсть серебрянныхъ монетъ въ протянутую руку улыбающагося привратника и черезъ это возбудилъ его подозрѣніе.

— Если требуемое свѣдѣніе такъ важно для этого господина— разсуждалъ про себя привратникъ, то мнѣ нечего торопиться съ отвѣтомъ и можетъ быть удастся выманить у него еще прибавку. Руководствуясь подобными соображеніями и желая протянуть время, онъ отвѣтилъ уклончиво и спросилъ имя пріѣзжей дамы. Бріонъ началъ терять терпѣніе, и этимъ еще болѣе убѣдилъ плутоватаго монаха въ его догадкѣ, такъ что не могъ ничего добиться отъ него кромѣ обѣщанія навести справки и на другое утро дать отвѣтъ сеньеру.

Между тѣмъ Бріонъ, возвращаясь въ городъ и припоминая неловкое обращеніе привратника, окончательно убѣдился, что графиня находится въ монастырѣ и что онъ долженъ дѣйствовать скоро и рѣшительно, если желаетъ добиться успѣха. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ повернулъ назадъ и громко позвонивъ у воротъ аббатства, повелительно крикнулъ озадаченному привратнику, чтобы тотъ впустилъ его въ монастырь.

Монахъ молча повиновался. Онъ отворилъ сначала дверь, ведущую въ его келью надъ воротами, потомъ въ первый дворъ аббатства, поглядывая съ недоумѣніемъ на сеньера.

— Доложи г-ну аббату, что сеньеръ Шабо де Бріонъ желаетъ видѣть его преосвященство! Поворачивайся!..

— Меня не пустятъ къ его преосвященству! Я простой привратникъ...

— Ну такъ позови, кого слѣдуетъ и прикажи доложить обо мнѣ.

Хотя привратникъ не зналъ, долженъ ли онъ что скрывать отъ пріѣзжаго господина и не пускать его въ аббатство, но старался задержать его насколько возможно, не столько въ надеждѣ получить отъ него деньги, сколько изъ инстинкта братскаго самосохраненія и желанія оградить монастырь отъ непріятной случайности.

— Я займу твое мѣсто у воротъ, пока ты не вернешься.

— Сдѣлайте одолженіе; но вы не знаете нашихъ монастырскихъ правилъ и можете нарушить ихъ...

— Ну, скорѣе, я не привыкъ ждать.

Если бы Бріонъ могъ знать насколько его помощь была необходима любимой имъ женщинѣ, то онъ не велѣлъ бы докладывать о себѣ, а прямо, безъ всякихъ разговоровъ, обнаживъ шпагу, принудилъ бы привратника немедленно проводить его въ комнату пріѣзжей дамы.

Въ это самое время, при наступающихъ сумеркахъ, Флорентинъ

изощрялъ свое краснорѣчіе діалектика и влюбленнаго. Взгляды, которые онъ высказывалъ теперь, были совершенно противоположны всему тому, что онъ говорилъ графинѣ нѣсколько часовъ тому назадъ въ замкѣ. Тамъ онъ хотѣлъ внушить ей страхъ и отвращеніе отъ мірскихъ радостей; здѣсь въ монастырѣ онъ рисовалъ передъ ней яркими красками наслажденія тайной незаконной любви. Странная перемѣна въ словахъ и обращеніи Флорентина пугала графиню, но она была такъ несчастна, что не довѣряла логичности собственнаго мышленія и всѣмъ сердцемъ желала услышать ласковое слово. Потребность ласки присуща женщинѣ даже тогда, когда она удалена отъ любимаго человѣка; и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Франциска такъ довѣрчиво относилась къ другу своего дѣтства. Его мужественная красота нравилась ей; священническій санъ служилъ ручательствомъ его безкорыстныхъ намѣреній; къ тому-же она вѣрила, что только онъ одинъ можетъ успокоить ея разбитое сердце.

Такимъ образомъ Флорентину скоро удалось согнать облако печали съ лица Франциски; онъ увѣрилъ ее своими льстивыми рѣчами, что причина того затруднительнаго положенія, въ которомъ она очутилась такъ неожиданно, заключается въ ея неотразимой красотѣ и что всѣ мученія происходятъ отъ ея болѣзненнаго настроенія и сомнѣній робкаго ума.

— Неужели ты позавидуешь сѣрому камню? продолжалъ Флорентинъ.—Если его оставляютъ въ покоѣ, то онъ обязанъ этимъ своему ничтожеству и отсутствію красоты! Развѣ наша жизнь въ полномъ значеніи этого слова не состоитъ изъ вѣчныхъ опасеній и постоянно возрастающихъ неудовлетворенныхъ желаній?

— Но ты самъ Флорентинъ совѣтовалъ мнѣ бѣжать отъ свѣта, считая его опаснымъ для меня...

— Да, это необходимо пока возстановится равновѣсіе въ твоей душѣ. Еслибы ты владѣла собою, то неужели ты рѣшилась бы пріѣхать въ Фуа, зная заранѣе, что тебя ожидаютъ въ замкѣ сухія и скучныя проповѣди о нравственности. Тебѣ слѣдуетъ сосредоточиться; и я считаю хорошимъ признакомъ, что ты сама чувствуешь потребность уединенія. Ты не хотѣла безсмысленно покориться чужой волѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ среди круговорота новой жизни не нашла въ себѣ достаточно спокойствія и самообладанія чтобы справиться съ собою. Тебѣ предстоитъ играть видную роль въ свѣтѣ; ты одновременно желаешь власти и спокойствія и при своемъ теперешнемъ душевномъ состояніи смѣшиваешь спокойствіе съ безжизненнымъ прозябаніемъ. Если ты пробудешь у насъ зиму и лѣто и пріидешь въ себя, то взглянешь совсѣмъ иными глазами на великолѣпіе двора и на обѣихъ герцогинь. Ты поймешь, что наслажденіе и власть могутъ идти рука объ руку и будешь властвовать и наслаждаться въ одно и тоже время.

Торопись Шабо-де-Бріонъ! Франциска настолько умна, что можетъ

увлечься опасными рѣчами своею собесѣдника и настолько взволнована, что врядъ ли у ней хватитъ силъ бороться съ опасностью. Спаси ее сегодня отъ Флорентина, завтра, быть можетъ, онъ уже не будетъ опасенъ для нея; она прійдетъ въ себя и почувствуетъ свою силу отъ сознанія твоей близости и твоего безкорыстнаго участія къ ней.

Къ сожалѣнію, это было крайне трудно. Хотя аббатъ былъ человѣкъ добродушный и врядъ ли считалъ нужнымъ не пускать посѣтителей къ молодой графинѣ, но все затрудненіе заключалось въ томъ, что онъ самъ не зналъ, какого мнѣнія ему слѣдуетъ держаться въ этомъ дѣлѣ.

Священникъ въ Блуа, зорко слѣдившій за тѣмъ, что дѣлалось при дворѣ, съ нѣкотораго времени часто писалъ настоятелю монастыря, извѣщая его о вѣроятномъ прибытіи графини Шатобріанъ на родину. Но тѣмъ не менѣе это событіе застало аббата врасплохъ. Флорентинъ, ежедневно посѣщавшій замокъ въ виду прибытія графини, такъ неожиданно привелъ ее въ монастырь, что аббатъ, который вообще отличался медленностью и осторожностью въ своихъ дѣйствіяхъ, не успѣлъ составить никакого опредѣленнаго плана поведенія въ настоящемъ случаѣ. Онъ зналъ, что Шабо-де-Бріонъ пользуется особенною милостью короля и хотѣлъ угодить молодому сеньеру, но боялся повредить дѣлу излишнею поспѣшностью.

Свиданіе молодого сеньера съ графиней Шатобріанъ представляло двоякую опасность. Бріонъ могъ искать расположенія прекрасной дамы лично для себя, или присвоить себѣ одному награду отъ короля, если ему удастся уговорить ее вернуться къ герцогинѣ Алансонской. Но священники сами желали получить эту награду, которая должна была сдѣлаться тѣмъ значительнѣе, чѣмъ долѣе они удержатъ у себя драгоцѣнный залогъ и, оградивъ графиню отъ постороннихъ вліяній, придадутъ ей мужества для борьбы съ свѣтскими искушеніями.

Въ виду этихъ соображеній, аббатъ употребилъ всѣ старанія чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ своего посѣтителя и завелъ длинную рѣчь о томъ, что настоящій случай представляется ему настолько затруднительнымъ, что онъ считаетъ не возможнымъ дать скорый отвѣтъ.

— Напротивъ, я не вижу тутъ ни малѣйшаго затрудненія, ни для васъ, ни для аббатства, возразилъ Бріонъ, потому что мое посѣщеніе касается лично графини; я желаю знать ея мнѣніе и прошу васъ доставить мнѣ возможность видѣться съ нею.

— Мнѣ кажется, что графиня достаточно ясно высказала свое мнѣніе, покинувъ дворъ по собственному желанію, или, говоря точнѣе, обратившись въ бѣгство отъ окружавшихъ ее соблазновъ.

— Однимъ словомъ вамъ угодно считать графиню своей узницей?

— Ничуть! мы смотримъ на нее какъ на беззащитное существо,

которое обратилось къ нашему покровительству, чтобы избавиться отъ назойливости нѣкоторыхъ людей.

— Вы обвиняёте въ назойливости короля Франциска?

— Избави меня Богъ отъ подобной мысли!

— Но вы тѣмъ не менѣе высказали ее и я клянусь вамъ моей шпагой, что вы подвергнетесь строгой отвѣтственности за эти слова!

— Вы напрасно обвиняете меня, сеньеръ Шабо-де-Бріонъ...

— Вы изъ первыхъ испытаете на себѣ, что конкордатъ не пустое слово, лишенное значенія, такъ какъ впредь король Франціи будетъ самъ набирать настоятелей, аббатовъ и епископовъ! Вамъ вѣроятно извѣстно, что предстоящіе выборы подлежатъ утвержденію короля! Позвольте васъ спросить давно ли вы получили званіе аббата?

Аббатъ не счелъ нужнымъ отвѣтить на этотъ прямой вопросъ, потому что былъ избранъ въ то самое время, когда былъ заключенъ знаменитый конкордатъ тогда еще не обнародованный. Онъ ловко перемѣнилъ тему разговора, разсыпаясь въ увѣреніяхъ, что король не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны аббатства св. Женевьевы, потому что имъ извѣстно серіозное намѣреніе его величества возвести на французскій престолъ графиню Шатобріанъ, какъ даму выдающуюся по своимъ достоинствамъ.

— Наше единственное желаніе, добавилъ аббатъ, заключается въ томъ, чтобы соблюдена была извѣстная форма. Это на всѣхъ произведетъ хорошее впечатлѣніе и скорѣе всего возвратитъ бодрость напуганной молодой женщинѣ.

Аббатъ настолько отклонился отъ разговора, что Бріонъ опять долженъ былъ повторить всѣ свои прежніе доводы, чтобы добиться свиданія съ графиней. Но эта потеря времени была очень кстати для Флорентина, который былъ знатокомъ женскаго сердца, тѣмъ болѣе, что уже нѣсколько лѣтъ сряду занимался обученіемъ послушницъ, разъясняя имъ обязанности ихъ будущаго призванія. Онъ прямо коснулся главнаго вопроса занимавшаго подругу его дѣтства.

— Докажите женщинѣ законность ея тайнаго желанія съ помощью успокоительной философіи, говорилъ обыкновенно молодой священникъ въ кругу своихъ друзей,—и, она сразу повеселѣетъ и вооружится мужествомъ. Женщины всѣ безхарактерны; страхъ и желаніе идутъ у нихъ рука объ руку; онѣ боятся отступить отъ нравственныхъ принциповъ и въ то же время чувствуютъ непреодолимое влеченіе къ удовольствіямъ. Если вы поможете имъ справиться съ принципами, то онѣ благодарны вамъ какъ дѣти, которыя цѣлуютъ учителя когда онъ позволитъ имъ бросить ученіе и приняться за игру. Онѣ не любятъ только, когда съ ними обходятся какъ съ безсмысленными существами; и имъ нельзя отказать въ умѣ;—мы превосходимъ женщинъ только послѣдовательностью нашего мышленія! У нихъ столько же мыслей, какъ у насъ, но женщину всегда легко сбить съ толку и мысли ея разлетятся въ стороны какъ табунъ ди-

кихъ лошадей; если же вы вслѣдъ затѣмъ сдѣлаете видъ, что умѣете ловить и обуздывать эти непокорныя мысли, то женщина съ благоговѣніемъ преклонится передъ вашимъ умомъ и характеромъ...

— Франциска, спросилъ молодой священникъ на мѣстномъ полуиспанскомъ нарѣчіи, которое графиня не слыхала со времени своего замужества—признайся, ты любишь французскаго короля?

— Какой странный вопросъ! воскликнула молодая женщина, вскочивъ съ своего кресла.

— Этого достаточно! Твое восклицаніе краснорѣчивѣе для меня всякаго отвѣта. Не возражай, оставайся спокойно на своемъ мѣстѣ и взгляни мнѣ въ глаза. Боязливое дитя, какъ дрожитъ твоя рука и бьется серце. Встрѣтившись съ тобой сегодня утромъ я думалъ, что имѣю дѣло съ сильной женщиной, которая чувствуетъ себя виновной передъ собственной совѣстью и обратился къ тебѣ съ рѣзкою рѣчью и рѣзкими упреками. Прости меня, Франциска; я вижу, что напрасно мучилъ тебя; ты осталась такой же наивной и неопытной дѣвушкой, какою уѣхала отъ насъ съ суровымъ графомъ, пять лѣтъ тому назадъ. Бѣдняжка ты приписываешь себѣ воображаемые грѣхи; твоя душа возмущена насильственнымъ супружествомъ, которое не могло ни удовлетворить, ни унизить тебя. Свѣтъ по своему обыкновенію подводитъ все подъ одну мѣрку; въ то время какъ другія женщины съ менѣе воспріимчивой душой дѣлаютъ тоже самое, чего ты ожидаешь для себя въ будущемъ и живутъ счастливо въ мирѣ съ своей совѣстью, ты мучишься при одной мысли объ опасности, которая можетъ угрожать тебѣ.

— Развѣ сознаніе близкой опасности не должно безпокоить меня? Если моя душа воспріимчивѣе, чѣмъ у многихъ другихъ женщинъ, то я должна тѣмъ строже и внимательнѣе относиться къ моимъ обязанностямъ.

— Ты повидимому достаточно упражнялась въ философствованіи Франциска и поэтому я легко могу себѣ представить какъ ты боролась и страдала. Бѣдный другъ мой! Ты потратишь такимъ образомъ лучшіе года твоей молодости въ напрасныхъ сомнѣніяхъ и слишкомъ поздно прійдешь къ сознанію, что эта неумѣстная совѣстливость лишила тебя возможности пользоваться счастьемъ, которое назначило тебѣ провидѣніе богато одаривъ всѣми преимуществами чтобы очаровать чувственнаго короля и осчастливить его, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлое государство.

— Что это значитъ Флорентинъ? Ты совѣтуешь мнѣ предаться грѣшной склонности? Ты хочешь испытать меня... Твоя рука дрожитъ въ моей рукѣ!..

— Да, я дѣйствительно взволнованъ потому что меня выводитъ изъ терпѣнія слабость нашего бреннаго міра для котораго нужны избитыя правила нравственности чтобы удержаться въ равновѣсіи. Эти правила годятся только для жалкой посредственности: они при-

водятъ богато одаренныя натуры къ лжи и обману или же къ разрушительному безплодному самоотреченію. Послѣднее представляетъ собою еще наилучшій исходъ. Если моя рука дрожитъ, то потому, что я золъ на самого себя, на мою неспособность выразить то, что мой умъ считаетъ несомнѣннымъ и не опровержимымъ. Я мало знакомъ со свѣтомъ и мой жизненный опытъ ограничивается стѣнами монастыря, но этого было достаточно для меня чтобы прійти къ убѣжденію, что истинная добродѣтель не подходитъ къ масштабу, по которому судитъ свѣтъ и вовсе не заключается въ насильственномъ удаленіи отъ мірскихъ соблазновъ. Твое бѣгство отъ міра показываетъ безсиліе и недостойно существа, богато одареннаго всѣми преимуществами чтобы жить съ пользою для себя и другихъ. Это своего рода неблагодарность, потому что Господь не для того далъ намъ плодовое дерево чтобы мы срубили его въ ту пору, когда оно покрыто плодами и употребили на заборъ.

— Флорентинъ, у меня кружится голова, потому что я не могу уловить нить твоихъ мыслей.

— У меня также... Развивая свои взгляды я не увѣренъ достаточно ли понятны тебѣ мои слова.

— Ты священникъ римско-католической церкви.

— Да, потому что меня предназначили къ духовному званію прежде нежели я могъ самъ рѣшать что либо. Я священникъ потому, что бѣденъ; это единственное положеніе которое открываетъ бѣднымъ путь къ могуществу, а власть надъ умомъ и совѣстью людей самая сильная какая существуетъ на землѣ.

— Можетъ быть ты склоняешься на сторону реформаціи, начало которой положено въ Германіи?

— Нѣтъ. Форма для меня безразлична и вообще я считаю опаснымъ мѣнять ее. Каждая форма имѣетъ значеніе въ свое время но рано или поздно становится слишкомъ узкой и никуда негодной. Пусть тотъ интересуется ею кто слишкомъ дешево цѣнитъ собственную жизнь и вѣритъ въ совершенство человѣческаго изобрѣтенія. Я не принадлежу къ счастливцамъ, способнымъ на подобное самообольщеніе и убѣжденъ, что все придуманное людьминоситъ въ себѣ зародышъ смерти. Я придаю значеніе только человѣческой личности и ея свободнымъ проявленіямъ, такъ какъ имъ нѣтъ предѣловъ.

— Развѣ личность не умираетъ еще быстрѣе и неизбѣжнѣе нежели форма?

— Да, но я знаю заранѣе, что съ моей смертью все кончено для меня и съ этой стороны я гарантированъ отъ самообольщенія.

— Но если твоей личности грозитъ нравственная гибель? спросила графиня.

— Развѣ объятія смерти не всегда открыты для меня?

— Я не могу помириться съ подобнымъ міросозерцаніемъ!

— Еще менѣе можно помириться съ формой, деспотически навязанной намъ!

— Внѣ формы варварство!

— Ты не совсѣмъ поняла меня Франциска. Она необходима для тѣхъ людей, которые не способны на самостоятельное мышленіе. Я самъ строго придерживаюсь существующей формы и нахожу своего рода наслажденіе въ томъ, что дѣлаю изъ нея то, что мнѣ вздумается. По моему убѣжденію господствующая форма установленная римско-католической церковью самое умное изобрѣтеніе прошлыхъ вѣковъ; она несравненно болѣе интересуетъ меня нежели жалкія попытки позднѣйшихъ реформаторовъ. Тебѣ нечего трепетать передъ нею: она не лишаетъ человѣка возможности пользоваться радостями жизни, но только требуетъ отъ него чтобы онъ искупилъ свои грѣхи исповѣдью и покаяніемъ. А ты моя бѣдная Франциска видишь все въ преувеличенномъ свѣтѣ; не совершивъ грѣха ты мучишься раскаяніемъ и поступаешь какъ слишкомъ заботливый хозяинъ, который боится прожить капиталъ, тогда какъ проценты его настолько велики что онъ можетъ спокойно просуществовать ими всю свою жизнь. Ты не увѣришь меня, что женщина съ твоимъ умомъ станетъ умерщвлять свою плоть изъ-за пустыхъ предразсудковъ или изъ боязни осужденія со стороны ограниченныхъ людей понимающихъ вещи съ своей узкой точки зрѣнія.

— Флорентинъ!..

— Не прерывай меня! Я удивляюсь, что у тебя хватило силы такъ долго противиться королю; но этимъ ты на столько усилила его любовь къ тебѣ, что можешь смѣло разсчитывать на видное положеніе въ свѣтѣ. Когда ты сдѣлаешься французской королевой, то скажешь съ гордостью, что ты этимъ обязана не только своей красотѣ, но и твоему умственному превосходству.

— Ты приводишь меня въ ужасъ Флорентинъ!

— Я знаю это! сказалъ онъ со смѣхомъ, цѣлуя руку, которую она хотѣла вырвать изъ его руки. Вы, женщины, дѣйствуете всегда не разсуждая; въ этомъ заключается ваше превосходство надъ мужчинами. Та мудрость, которую мы старательно приводимъ въ систему замѣняется у васъ инстинктомъ; отсюда и явилось поэтическое выраженіе, что „женщины думаютъ сердцемъ“ или другими словами не подчиняются никакимъ общимъ опредѣленнымъ правиламъ. Тѣмъ не менѣе моя дорогая Франциска прими дружескій совѣтъ: не предавайся слишкомъ самобичеванію налагаемому на тебя условной добродѣтелью! Не забывай, что ты этимъ приносишь вредъ своему прекрасному тѣлу и разрушаешь роскошный храмъ воздвигнутый природой. Перестань хмурить свои очаровательныя черныя брови! Зачѣмъ такъ болѣзненно сжимаются эти полныя губки созданныя для поцѣлуевъ...

Бѣдная, измученная женщина не сознавала опасности своего по-

ложенія. Невѣроятная наглость человѣка, къ которому она чувствовала сестринскую привязанность, на столько ошеломила ее, что она усиленно думала объ его словахъ, и была въ какомъ то безсознательномъ окаменѣломъ состояніи. Она не видѣла и не чувствовала, какъ Флорентинъ сдвинувъ платокъ съ ея плечъ покрывалъ поцѣлуями ея шею и грудь и сильными руками прижималъ къ себѣ. Душа ея не участвовала въ томъ чувственнемъ возбужденіи, которое мало по малу сообщалось ея нервамъ и крови и она едва не отдалась безъ сопротивленія человѣку, который въ эту минуту ничего не внушалъ ей кромѣ безсознательнаго страха. Но внезапный стукъ въ дверь заставилъ Флорентина выпустить несчастную жертву изъ своихъ объятій и вывелъ ее изъ состоянія неподвижности и невольной покорности. Она сразу поняла весь ужасъ своего положенія и съ громкимъ крикомъ вскочила съ своего кресла, закрывъ лицо руками. Въ дверяхъ она опять очутилась въ чьихъ то объятіяхъ; кто-то схвалилъ ее за руки и покрывалъ ихъ горячими поцѣлуями. Это была ея бывшая кормилица Марго, которая постучавъ въ дверь, вошла въ комнату съ какой то дамой и бросилась обнимать свою милую Франциску.

Но та съ испугомъ оттолкнула ее, и немного опомнилась, когда услыхала голосъ своей второй матери. Стоя среди комнаты, она не спускала глазъ съ Флорентина, который сначала смущался этимъ, а затѣмъ спокойно встрѣтилъ ея взглядъ иронической улыбкой, которая выводила ее изъ терпѣнія. Его раскраснѣвшееся красивое лицо казалось такимъ отвратительнымъ молодой женщинѣ, что она невольно сравнила его съ обманчивой поверхностью тихаго озера, скрывающею опасныя мели и чудовищныхъ гадовъ. Съ ней сдѣлалась лихорадочная дрожь отъ внутренняго леденящаго холода.

Добродушная Марго не могла прійти въ себя отъ удивленія, что ея дорогая Франциска такъ равнодушно относится къ ней послѣ пятилѣтней разлуки. Она съ смущеніемъ смотрѣла то на своего сына, то на молодую даму, которую привела съ собой чтобы познакомить съ графиней.

— Если не ошибаюсь, Флорентинъ, сказала наконецъ Марго, медленнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ, ты велъ себя не такъ какъ слѣдуетъ и обманулся въ разсчетѣ!..

— Позвольте мнѣ Франциска представить вамъ герцогиню Химену Инфантадо — сказалъ поспѣшно Флорентинъ, прерывая свою мать. Если графиня Фуа рѣшилась послать ее къ вамъ, то это несомнѣнный знакъ, что ея настроеніе относительно васъ измѣнилось къ лучшему!

— Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не случилось! воскликнула Марго. Я не могу понять откуда взялось у графини такое странное мнѣніе о своей дочери! Господь да проститъ ее! она и слышать не хочетъ о моей бѣдной Францискѣ! Знатные люди совсѣмъ не то,

# ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

# „НОВОЕ ВРЕМЯ“

## НА 1881 ГОДЪ.

## ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ ДЕНЬ.

Съ января 1881 года газета выходитъ **двумя изданіями**—утреннимъ и вечернимъ; **вечернее** назначается для тѣхъ нашихъ иногородныхъ подписчиковъ, для которыхъ исходнымъ пунктомъ служитъ почтовый поѣздъ Николаевской желѣзной дороги, отходящій изъ Петербурга въ 3 часа пополудни. Это вечернее изданіе, состоящее изъ тѣхъ же передовыхъ статей, того же фельетона, изъ тѣхъ же объявленій, однимъ словомъ повторяя утреннее изданіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно выходитъ теперь, вмѣстѣ съ тѣмъ **будетъ заключать въ себѣ всѣ новѣйшія извѣстія**, получаемыя нами ночью и утромъ и входящія, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, только въ слѣдующій нумеръ. Съ 6 часовъ утра, когда выходитъ утреннее изданіе, до 12-ти, когда будетъ выходить вечернее, мы дополнимъ нумеръ **извѣстіями того самаго числа**, какимъ помѣчается газета, и отправляемъ это изданіе по Николаевской дорогѣ и по всѣмъ трактамъ, которые отъ нея зависятъ, рязанскому, курскому, нижегородскому и т. д. Такимъ образомъ московскіе подписчики и за-московскіе будутъ получать всѣ **новости цѣлыми сутками раньше**. Цѣна газеты остается та же.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ:

| | Безъ доставки. Р. К. | Съ доставк. по городск. почтѣ. Р. К. | Съ перес. иногородн. Р. К. | | Безъ доставки. Р. К. | Съ достав. по городск. почтѣ. Р. К. | Со пересыл. иногор. Р. К. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| На годъ | **14 —** | **16 —** | **17 —** | На 6 мѣс. | **8 —** | **9 —** | **10 —** |
| „ 11 мѣс. | **13 —** | **15 —** | **15 50** | „ 5 „ | **6 80** | **7 50** | **8 50** |
| „ 10 „ | **12 —** | **13 50** | **14 50** | „ 4 „ | **5 50** | **5 80** | **7 —** |
| „ 9 „ | **10 50** | **12 —** | **13 50** | „ 3 „ | **4 —** | **4 50** | **5 50** |
| „ 8 „ | **9 80** | **11 —** | **12 50** | „ 2 „ | **2 80** | **3 30** | **4 —** |
| „ 7 „ | **9 —** | **10 —** | **11 30** | „ 1 „ | **1 50** | **1 80** | **2 —** |

**За границею:**

| | | | |
|---|---|---|---|
| На годъ | **26** р. | На 3 мѣсяца | **8** р. |
| „ 9 мѣсяцевъ | **21 —** | „ 2 „ | **6 —** |
| „ 6 „ | **14 —** | „ 1 „ | **3 —** |

## ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій, № 60, и въ Московскомъ отдѣленіи главной конторы **„Новаго Времени“**, Москва, Никольская, д. Ремесленной управы.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ на слѣдующихъ условіяхъ: **6** р. при подпискѣ, **6** р. въ концѣ марта и 1 августа **4** р. для городскихъ, и **7** р. при подпискѣ, **7** р. въ концѣ марта и 1 августа **3** р. для иногородныхъ подписчиковъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

# „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылко и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаг Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе глаг ной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго мага зина **„Новаго Времени",** Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника":** русскія и иностранны (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоми нанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣх поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія прои веденій русской и иностранной исторической литературы, некролог характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и доку менты, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты и ри сунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адрес главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубин скаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнал только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумм непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе с сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.



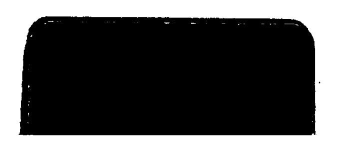

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.






3 2044 022 601 454




3 2044 022 601 454

